

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

11 КЛАСС

Москва
«ЛадКом»
2008

УДК 882 (073)
ББК 813-7

Коллектив авторов под рук. Т.Л. Федоровой

Все произведения школьной программы в кратком изложении: 11 класс. М.: — ЛадКом. — 2008. — 640 с.

Предлагаемая вниманию читателя книга содержит краткое изложение литературных произведений отечественных и зарубежных авторов, изучаемых в 11 классе. Издание будет полезно не только учащимся школ, но и абитуриентам, студентам высших учебных заведений, поскольку, помимо изложения содержания произведений, книга включает в себя биографические сведения об авторах и критический анализ текстов с опорой на известных исследователей.

ISBN 978-5-91336-057-1

© Издательство «ЛадКом», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание включает в себя краткое изложение произведений литературы, изучаемых в выпускных 11-х классах общеобразовательных школ, лицеев и гимназий. Изложение текстов произведений предваряется краткими биографиями авторов. Программа 11-го класса базируется преимущественно на литературе XX века. Предыдущий XIX век назван золотым веком русской литературы. Первые десятилетия XX столетия ознаменованы расцветом русской поэзии и названы по аналогии серебряным веком. Серебряный век русской литературы вошел в историю не только отечественной, но и мировой культуры как эпоха поиска новых поэтических форм, жанров, направлений. Поэзия серебряного века подарила миру таких выдающихся мастеров поэтического слова, как А. Ахматова, Н. Гумилев, С. Есенин, В. Маяковский, И. Бунин, А. Блок, М. Цветаева и др.

Этот сборник изложений отличается универсальностью. Он может быть использован в учебном заведении любой специализации вне зависимости от того, по какой программе проводятся уроки литературы. Произведения, включенные в сборник, охватывают все изучаемые в школе произведения как отечественной, так и зарубежной литературы. При составлении сборника авторы ориентировались на несколько базовых программ по литературе, одобренных Министерством просвещения РФ.

Перечень произведений основан на программах общеобразовательных учреждений В. Я. Коровиной, В. И. Коровина, В. П. Полухиной, И. С. Збарского, В. П. Журавлева; В. Г. Маранцмана, О. Д. Полонской; Т. Ф. Курдю-

мовой, Н. А. Демидовой, Е. Н. Колоколыцева, Т. А. Калгановой, и др.

Помимо краткого содержания произведений, в книге предлагается литературоведческий анализ, что позволит учащимся подготовиться к семинарским занятиям, написать сочинение, сделать доклад и т. д. Издание поможет в подготовке к урокам литературы, экзаменам, позволит быстро восстановить в памяти пройденный материал.

В критических статьях авторы опирались на изыскания известных исследователей. Например, говоря о произведениях Ф. Достоевского, мы использовали работы одного из виднейших исследователей творчества писателя — М. Бахтина. Критические статьи к произведениям Лескова были написаны с опорой на работы П. Громова и Б. Эйхенбаума.

Безусловным преимуществом предлагаемого издания является то, что включенные в него произведения изучаются не только в школе, но и в высших учебных заведениях. Таким образом, книга будет незаменимым помощником в течение многих лет.

Наша книга будет полезна студентам и преподавателям, она позволяет быстро ознакомиться с произведениями русской и зарубежной литературы, восстановить в памяти фабулу произведения, основные моменты биографии автора и воспользоваться критическими статьями.

Русская литература

И. А. Бунин

(1870—1953)

Иван Алексеевич Бунин — русский прозаик, поэт, переводчик, почетный академик Петербургской АН. Родился в Воронеже в семье обедневшего дворянина. Не смог окончить гимназию из-за бедности. В 16 лет появилась первая публикация стихов Бунина в печати. С 1889 г. он начал работать. В газете «Орловский вестник», с которой Бунин сотрудничал, он познакомился с корректором Варварой Пашенко, в 1891 г. женился на ней. Они переехали в Полтаву и стали статистиками в губернской управе. В 1891 г. вышел первый сборник стихов Бунина. Семья вскоре распалась. Бунин переехал в Москву. Там он завязал литературные знакомства с Толстым, Чеховым, Горьким.

В 1900 г. вышел рассказ Бунина «Антоновские яблоки», позднее — стихотворный сборник «Листопад» (1901). За перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (1896) Бунину присудили Пушкинскую премию. Вторым браком Бунин, с Анной Цакни, тоже был неудачен, в 1905 г. умер их сын Коля. В 1906 г. Бунин познакомился с Верой Муромцевой, женился, с ней он прожил до смерти.

Главной темой Бунина становится драматизм русской исторической судьбы — повести «Деревня» (1910), «Суходол» (1912).

В 1910 г. Бунины путешествовали по Европе, посетили Египет и Цейлон. Отголоски этого путешествия — в рассказе «Братья» (1914).

В 1915—1916 гг. выходят сборники рассказов «Чаша жизни», «Господин из Сан-Франциско». Февральскую революцию Бунин воспринял с болью, Октябрьский переворот принимал как приближение катастрофы. Отражением

событий стала его книга публицистики «Окаянные дни» (1918). Бунины уезжают в Одессу, а затем, в 1920 г., — во Францию. В эмиграции написаны «Митина любовь» (1925), «Солнечный удар» (1927), «Темные аллеи» (1943), автобиографический роман «Жизнь Арсеньева» (1927—1929, 1933). В 1933 г. Бунин стал первым русским писателем, удостоенным Нобелевской премии.

В 1939 г. Бунины поселились на юге Франции, в Грассе. В 1927—1942 гг. с семьей Буниных жила Галина Кузнецова, поздняя любовь писателя. Обладая литературными способностями, она создала мемуары «Грасский дневник», статью «Памяти Бунина». Последние годы Бунин болел и жил в бедности, работал над книгой «О Чехове», вышедшей после смерти Бунина (1955) в Нью-Йорке.

«Христос воскрес! Опять с зарею...»

Стихотворение начинается с таких строк:

Христос воскрес! Опять с зарею
Редает долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.

Наступление нового дня уже ощущается, хотя бореще темный:

Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной...

Плывут туманы, но уже появляется заря:

Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!

Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.

С каждым часом заря все приближается, разгораясь в мире, заливая алым светом леса и долины. И наконец лучи зари

...взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

Ночь

Стихотворение начинается такими словами:

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звездный свет над сумраком земли.

Звездные созвездия мерцают «в тверди синей», как «письмена», и лирическому герою нравится «их течение над пустыней» и «тайный смысл их царственных имен». Лирический герой размышляет: и до него «мириады глаз» смотрели на созвездия. И все они исчезли в глубине веков, подобно следу в песках. Лирический герой говорит о тех, кто был до него:

Их было много, нежных и любивших,
И девушек, и юношей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно-сереб্রивших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!

Снова наступает ночь, Юпитер «озаряет небеса», отражается в воде до самого горизонта:

Столпом стеклянным светит полоса.

Лирический герой говорит о том, что «Прибрежья, где бродили тавро-скифы, / Уже не те...», и только море осталось прежним: все так же «...сып-

лет ласково на рифы / Лазурно-фосфорическую
пыль».

И только одно связывает с «отжившим» «вечной
красотою». Это взаимоотношения людей:

...была

Такая ж ночь — и к тихому прибою
Со мной на берег девушка пришла.

Лирический герой признается, что не сможет за-
быть «этой ночи звездной», когда он любил весь мир
«для одной!», пусть даже живет лирический герой
«мечтою бесполезной», обманчивой и туманной. Не-
смотря на зыбкость мечтаний, лирический герой сти-
хотворения ищет сочетания «прекрасного и тайного,
как сон» и любит жизнь:

Люблю ее за счастье слиянья
В одной любви с любовью всех времен!

Одиночество

Стихотворение начинается тоскливыми стро-
ками:

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.

Лирический герой в одиночестве находится на да-
че, за мольбертом ему темно, «и дует в окно». Вчера
было иначе: она была рядом. Лирический герой заме-
чает: «тебе уж тоскливо со мной. / Под вечер нена-
стного дня / Ты мне стала казаться женой».

И лирический герой решает:

Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

В следующих строках стихотворения лирический герой вновь обращается к природе: бесконечные тучи идут «гряда за грядой». След возлюбленной под дождем «расплылся, налился водой», и лирическому герою тяжело оставаться в одиночестве:

И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Лирический герой стихотворения говорит, что хотел крикнуть вслед уходящей женщине:

«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.

Стихотворение заканчивается печальными строками, в которых ощущается обреченность лирического героя на одиночество:

Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Собака

Первые строки стихотворения призывают мечтать:

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На выюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Обращаясь к собаке, автор говорит:

Вдыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих — и думаешь...

Продолжают стихотворение строки о том, что люди сами себя «томят», мучают недостижимым:

...тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.

Собака же вспоминает то, что лирическому герою чуждо:

Седое небо, тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.

Собака не делится своими мыслями и мечтами с лирическим героем. Лирический герой стихотворения делит с ней думы. Поэт сравнивает себя с богом:

Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

Песня

Стихотворение начинается со слов лирической героини:

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на лимане,
Много видел он морей и рек.

Лирическая героиня описывает себя, сравнивает с гречанками на Босфоре.

Гречанки, по ее словам, «хороши», она же «черна, худа».

Лирическая героиня размышляет:

Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Но, несмотря на неопределенность, она намерена ждать рыбака, надеясь на его возвращение:

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баптана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

Последний шмель

Автор стихотворения в первых строках обращается к залетевшему в его дом шмелю:

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилие человечье
И как будто тоскуешь со мной?

Автор предлагает шмелю насладиться последними летними днями:

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,

после чего уснуть «в засохшей татарке». Шмелю не дано «знать человеческой думы» о скоротечности жизни:

...что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

Под вечер

Стихотворение пронизано умиротворенным созерцанием автором картин летней деревни.

Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...
В окно зарница глянула тревожно...
Притихший соловей в сирени на валу

Выводит трели осторожно.
Гром, проворчав в саду, скатился за гумно;
Но воздух меркнет, небо потухает...
А тополь тянется в открытое окно
И ладаном благоухает.

Пугало

Пугало в стихотворении Бунина олицетворяет
многовековой символ русской деревни.

На задворках, за ригами
Богатых мужиков,
Стоит оно, родимое,
Одиннадцать веков.
Под шапкою лохматою —
Дубинка-голова.
Крестом по ветру треплется
Пустые рукава.
Старновкой — чистым золотом! —
Набит его чекмень,
На зависть на великую
Соседних деревень...
Он, огород-то, выпахан,
Уж есть и лебеда.
И глина означается, —
Да это не беда!
Не много дел и пугалу...
Да разве огород
Такое уж сокровище? —
Пугался бы народ!

Цирцея

Стихотворение посвящено Цирцее — героине
«Илиады» Гомера, пленившей Одиссея (Улисса) и об-
ратившей в свиней всех его спутников.

На треножник богиня садится:
Бледно-рыжее золото кос,
Зелень глаз и аттический нос —

В медном зеркале все отразится.
Тонко бархатом риса покрыт
Нежный лик, розовато-телесный,
Каплей нектара, влагой небесной,
Блещут серьги, скользя вдоль ланит.
И Улисс говорит: «О, Цирцея!
Все прекрасно в тебе: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сияющий локоть, и шея!»
А богиня с улыбкой: «Улисс!
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушком апельсинным меж ними,
По спине убегающим вниз!»

 Тонкий лиризм пейзажной поэзии
И. Бунина

Поэзия Бунина отличается тонким лиризмом. Здесь нет возвышения авторского «я», не видим мы противопоставления поэта толпе.

Душа поэта и окружающая его действительность существуют в мире.

Бунин — поэт классической традиции. А. Т. Твардовский называл Бунина последним из классиков русской литературы и так отзывался о его творчестве: «Перо Бунина — ближайший к нам по времени пример подвижнической взыскательности художника, благородной сжатости русского литературного письма, ясности и высокой простоты, чуждой мелкотрывчатым ухищрениям формы ради самой формы». Поэзия Бунина сложилась под влиянием Пушкина, Тютчева, Фета, но обладала глубокой индивидуальностью певца природы и родной земли. Стихи Бунина удивительно лиричны, поэт тяготеет к чувственным образам. Картины природы в его стихах сотканы из запахов, красок, звуков. Природа и ее красота в стихах Бунина — великое достояние всех людей. Он удивительно тонко видел и ощущал природу. Сам Бунин говорил: «...я не ищу отрешения от видимого мира. Может быть, искажая ваше слово, я говорю, что ищу

“опьянения” в созерцании земли, в любви к ней и к свободе, к которой призываю и вас перед лицом бессмертного, великого в будущем общечеловеческого города. Будем служить людям земли и Богу вселенной, — Богу, которого я называю Красотой, Разумом, Любовью, Жизнью, и который проникает все сущее».

Пейзажная поэзия Бунина отличается удивительно тонкими, выразительными и чуткими описаниями. Его природа прозрачна до звона, прекрасна в любом своем обличье. У Бунина одинаково лиричны и притягательны все природные явления, все они наделены красотой и ценностью для людей. Пейзажная поэзия — основа бунинского поэтического творчества. Во всех его произведениях присутствует природа.

Господин из Сан-Франциско

Имя господина из Сан-Франциско ни в Неаполе, ни на Капри не запомнил никто. Он ехал с женой и дочерью на два года в Старый Свет, развлекаться. В свои пятьдесят восемь лет он твердо был уверен, что только-только приступает к жизни, что богатство дает ему право на отдых и удовольствия, на отличное путешествие. Раньше он не жил, а существовал, надеясь на будущее. Работал, не покладая рук, и увидел наконец, что достиг образца, к которому стремился. Решил передохнуть. Люди его круга обычно совершали путешествие в Европу, Индию и Египет. Он решил и тут не отступать от образца. Прежде всего эта поездка была вознаграждением за его труды, но господин рад и за жену с дочерью. Жена его не впечатлительная особа, но все пожилые американки, как думает он, любят путешествия. Дочь же, болезненная девушка на выданье, поправит здоровье и найдет себе мужа-миллиардера. Господин выработал обширный маршрут: зима — в Южной Италии, карнавал — в Ницце, в Монте-Карло, в марте — Флоренция, к страстям Господним — в Рим. Потом — Венеция, Париж, бой быков в Севилье, купанье на анг-

лийских островах, Афины, Константинополь, Палестина, Египет, на обратном пути — Япония.

Сначала все идет прекрасно. В конце ноября до Гибралтара пришлось плыть в ледяной мгле, в снежную бурю, но благополучно. На знаменитом пароходе «Атлантида», громадном отеле со всеми удобствами, жизнь текла размеренно. Весь день путешественники ели, пили и развлекались, к вечеру господин из Сан-Франциско одевался в смокинг и крахмальное белье, которые очень молодили его. По вечерам множество слуг работало на пароходе. Вокруг был страшный океан, но о нем не думали, полагаясь на командира корабля. Семья господина обедала, потом начинались танцы, все опять веселились, пили и курили. Пароход весь дрожал, преодолевая вьюжный океан, выла сирена, а утроба парохода была подобна девятому кругу ада. Там грохотали топки и работали красные от пламени потные люди, наверху же все сияло и кружилось в вальсе. Были среди толпы один богач, писатель, красавица, влюбленная пара, которая всех восхищала, и только капитан знал, что это нанятые актеры, играющие в любовь за хорошие деньги на разных кораблях. В Гибралтаре появилось солнце, на борту появился новый пассажир — наследный принц одного азиатского государства. Дочь господина из Сан-Франциско познакомили с ним, сам господин заглядывается на красавицу попутчицу. Он щедр в пути и принимает как должное заботу слуг. Пароход прибыл в Неаполь. Жизнь там тоже течет по заведенному порядку, с обедами и экскурсиями. В декабре выдалась неудачная погода, господин стал по утрам ссориться с женой, его дочь ходила бледная, с головной болью. Все уверяли, что на Капри теплее, семья решила отправиться туда. На маленьком пароходике была ужасная качка, семья страдала, господин чувствовал себя стариком. По прибытии в Италию господин всех сторонится, его сразу выделяют, помогают выйти, он чувствует, что сделал всем одолжение своим приездом. Хозяин отеля кажется ему уже виденным однажды, он говорит об этом семье,

и его дочери становится тоскливо и одиноко на острове. Семье предоставляют апартаменты только что отбывшей высокой особы, приставляют самых умелых слуг. Господин привычно одевается для вечера, пол еще шатается под ним после качки. Он идет ждать жену и дочь в читальню, садится в кресло, и вдруг с ним случается приступ удушья. Его относят в плохой, самый сырой и холодный номер, прибегают его жена и дочь, почти одевшиеся к ужину. Вечер в отеле непоправимо испорчен для хозяина. Господин умирает на железной кровати под грубыми одеялами. Жена, теперь вдова, просит разрешения перенести его тело в комнату, но хозяин говорит, что это невозможно: после такого туристы станут избегать его отель. Он говорит, что на рассвете тело нужно вывезти, но не в гробу, а в ящике из-под содовой. На рассвете, когда все еще спят, извозчик везет ящик с телом на пароход, машина подвозит его жену и дочь. Тело господина возвращается домой на том же корабле, но в черном трюме. В залах сверху, как обычно, людный бал. Океан гудит, как погребальная месса. Клокачут адские топки «Атлантиды», залы благоухают цветами, звучат оркестром. Опять изображает любовь наемная пара, но никто не знает ни того, что ей уже надоело притворствоваться, ни того, какой груз везут в трюме.

Социально-философские обобщения в рассказе «Господин из Сан-Франциско»

Рассказ был написан в то время, когда главной темой для Бунина стала воля случая, судьба, смерть. Он размышляет о трагизме жизни мира, обреченности и братоубийственном характере современной цивилизации. Конфликт в произведениях Бунина («Господин из Сан-Франциско», «Братья») обычно разрешается гибелью героя.

При несложном сюжете поражает богатство мыслей, образов и символики в рассказе. Бунин ищет от-

вет на вопрос: в чем счастье человека и его предназначение на земле? Главного героя — безымянного господина из Сан-Франциско — автор описывает со скрытой иронией. Имени он не дает ему просто потому, что ничем этот господин среди других таких же не выделяется, его имени не запомнил никто. Американский миллионер, всю жизнь потративший на погоню за прибылью, на склоне лет вместе с женой и дочерью едет в Европу на «Атлантиде», роскошном пароходе. Он самоуверен и заранее предвкушает те наслаждения, которые могут быть куплены за деньги. Господин из Сан-Франциско принадлежит к тем, кто приобрел миллионы ценой нищеты и гибели многих тысяч людей. Символ фальши их существования — влюбленная пара, которой любуются пассажиры, но только капитан корабля знает, что это «нанятые влюбленные», за деньги играющие для сытой публики. Жизнь господина пуста, в ней нет высокой цели. Самодовольный сноб, стремящийся только к богатству, решает, что пора пожить в свое удовольствие. Но оказалось невозможно купить счастье, благополучие, выторговать лишние дни у смерти. Господин разработал обширный маршрут отдыха, но погода нарушила его планы и подорвала здоровье. Он считал, что его богатство может сделать все, но исправить погоду нельзя. Также ничего не решили его деньги и после смерти, перед которой ничтожно все. Он умирает внезапно, в гостинице на Капри. Его труп отправляют обратно на пароход в старом ящике изпод содовой. Теперь он просто покойник, тело, которое везут в трюме, сравниваемом Буниным с девятым кругом ада.

Сотворив кумира из золотого тельца, человек наполняется иллюзией всемогущества, считает, что он — хозяин жизни и с такими деньгами имеет право на все. Перед смертью он даже не думает о том, чтобы обратиться к Богу, покаяться.

Власть денег призрачна, а такой путь приводит человека к гибели, которая не вызывает сожаления. В этом рассказе Бунин раскрывает свое отношение

к капиталистическому обществу. Пароход «Атлантида» — модель этого общества. Рассказ построен на обобщениях и противопоставлениях. Жизнь на трюме и верхней палубе различается. На трюме грязно, а на палубе — роскошная жизнь, все едят и пьют, забыв о страшном океане и о Боге. За своей лживой веселостью они не видят истинного смысла жизни. Мир таких господ — одно из проявлений зла для Бунина, он против фальшивой буржуазной морали.

Чистый понедельник

Московский серый зимний день переходит в вечер. Каждый вечер рассказчика везет кучер от Красных ворот к храму Христа Спасителя. Напротив храма живет дама, которую он возит обедать и в театры. Кем она будет для него, он не знает, она загадочна и непонятна, но он счастлив с ней. Она учится на курсах, живет одна, постоянно разучивает начало «Лунной сонаты».

Каждую субботу рассказчик присылает ей цветы, привозит шоколад, новые книги. Эту пару везде сопровождают взгляды. Он, болтлив и непоседлив, она молчалива и задумчива. Познакомились они на лекции Андрея Белого, рассказчик так вертелся и хохотал, что она тоже рассмеялась. Он говорит ей, что она не любит его, она отвечает, что, кроме отца и него, у нее никого нет. Они пьют чай, разговаривая обо всем, что придет в голову. Приезжая вечером, он долго целовал ее, потом она собиралась, не допуская полной близости, и они ехали, например, в «Метрополь», опять говоря о чем-то постороннем. Сразу после знакомства она сказала, что не годится в жены, он не заговаривал о браке, но ждал, что ее решение изменится. Однажды после поцелуев он схватился за голову и застонал: «Да, все-таки это не любовь, не любовь...» Она ответила, что никто не знает, что такое любовь. Он восклицает, что знает и будет ждать, когда и она узнает любовь и счастье. И опять они говорят

о другом. Ему достаточно быть рядом с ней каждый вечер. Прошел январь, февраль, прошла Масленица.

В Прощеное воскресенье она приказала приехать к ней в пятом часу вечера, встретила его вся в черном, говоря о том, что завтра Чистый понедельник, и пригласила поехать в Новодевичий монастырь. Рассказчик удивился, она сказала, что вчера была на Рогожском кладбище и ходит без него по утрам по городу. Но это не религиозность, а что-то другое. В Новодевичьем она говорит ему с тихим недоумением: «Правда, как вы меня любите!» Они смотрели могилы Эртеля и Чехова. Потом поехали искать дом Грибоедова, а также на последние блины в трактир к Егорову. Она говорит, что рядом Марфо-Мариинская обитель... В трактире, в комнате с иконой Богородицы Троеручицы, она говорит: «Вы — барин, вы не можете понимать так, как я, всю эту Москву». За обедом она упоминает, что ходила в Зачатьевский монастырь, где дивно поют стихиры, была в Чудовом монастыре: «Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь самый глухой». Он в отчаянии думает, что тогда и он уйдет или зарежет кого-нибудь, чтобы отправили на Сахалин, закурил, забыв, что здесь курить нельзя. С тихим светом в глазах она пересказывает русское сказание о том, как Бог испытывал княгиню. Рассказчик удивлен и встревожен.

Когда он отвез ее домой, она велела приехать завтра не раньше десяти, она хочет идти на капустник Художественного театра, хотя не любит капустники. Он приезжает в назначенное время и застаёт ее за исполнением начала «Лунной сонаты», в черном бархатном платье. Она благосклонно принимает внимание мужчин на капустнике, по дороге к дому месяц кажется ей святащимся черепом, бой курантов — древним, жестяным и чугунным. У подъезда она просит отпустить кучера, хотя до этого никогда не позволяла подниматься к себе ночью. Эта ночь была ночью любви.

На рассвете она сказала, что на неопределенный срок уезжает к отцу, напишет, как только придет.

Просит оставить ее, рассказчик уходит, идет до Иверской, становится на колени и молится. Какая-то старуха жалеет его: «Ох, не убивайся, не убивайся так! Грех, грех!»

Через две недели он получает письмо: она просит не ждать ее, намеревается пойти на послушание и потом, может быть, на постриг. Просит его не отвечать, потому что это только увеличит муку. Он долго пил, потом стал равнодушно приходить в себя. Прошло почти два года.

Под новый, 1914-й год он едет в Кремль, стоит, не молясь, в Архангельском соборе, потом едет туда, где катались они вместе, и плачет. Остановив извозчика у ворот Марфо-Мариинской обители, он испытывает непреодолимое желание зайти в храм. Но дворник у ворот загораживает дорогу, просит не ходить, потому что там сейчас «великая княгиня Елизавет Федоровна и великий князь Митрий Палыч». За рубль его пропускают, но, войдя во двор, он видит крестный ход, великую княгиню, и одна из сестер вдруг поднимает голову и смотрит в темноту. Он понимает, что это — его любимая.

Она каким-то образом почувствовала его присутствие и смотрела прямо на него, хотя он стоял в темноте. Рассказчик повернулся и вышел из ворот.

Тема любви в рассказе «Чистый понедельник»

Любовь для Бунина — чувство, которое поглощает влюбленных без остатка. В рассказе «Чистый понедельник» имя есть только у кучера, главные герои — он и она. Больше нет никаких подробностей, ни профессии, ни социального положения, но они искренни в своих чувствах и одухотворены любовью. Но любовь эта — огромное напряжение духовных и физических сил и поэтому вечно продолжаться не может. Такое напряжение просто невозможно выдержать. Если один из героев от этого не умирает, то воспоминание

о любви он хранит всю жизнь, даже если влюбленным приходится расстаться.

Героиня рассказа молчалива, необычна, погружена в себя. Она читает, посещает театральный капустник, обедает и ужинает в разных ресторанах, выезжает на прогулки, но это внешняя, материальная сторона ее жизни. Есть и внутренняя, куда до поры не допускается даже возлюбленный. Она часто ходит в церкви, посещает обители, старые кладбища. Ее тянет к вере, к Богу.

Она простила всех в Прощеное воскресенье и очистилась в Чистый понедельник. Героиня рассказа ушла в монастырь. С самого начала она знала, что не сможет быть женой, а станет христовой невестой. Она нашла свою любовь, она выбрала любовь к Богу и обрела такую духовную силу, которую не нашла в земной любви, ту силу, что позволяет ей видеть и в темноте. Возлюбленный не понял ее, но принял это решение. И, может быть, он сам после двух лет страданий без своей любимой становится ближе к Богу, его тянет в церковь.

А. И. Куприн

(1870—1938)

Александр Иванович Куприн — русский писатель-реалист. Родился в Пензенской губернии в семье мелкого чиновника, который умер, когда Александру не исполнилось и двух лет. Мать отдала его в сиротское училище, потом он окончил военную гимназию, Александровское военное училище.

Еще юнкером в 1889 г. Куприн напечатал свой первый рассказ «Последний дебют» в московском юмористическом журнале «Русский сатирический листок». Куприн го-

товился к военной карьере, но не поступил в Академию Генштаба и в 1894 г. вышел в отставку. Поселился Куприн в Киеве. Известные ранние произведения — «Чудесный доктор» (1897), «Allez!» (1897), «Дознание» (1894), «Ночная смена» (1899). Куприн протестует против физического и нравственного порабощения личности в повести «Молох» (1896), городской жизни он противопоставляет естественную жизнь в общении с природой: «Олеся» (1898), «Черный туман» (1905). В 1905—1907 гг. Куприн сотрудничает с издательством «Знание» и сближается с М. Горьким. Пишет повесть об армейском быте «Поединок» (1905), повести и рассказы «Река жизни» (1906), «Гамбриус» (1907), «Суламифь» (1908), «Яма» (1909—1915), «Гранатовый браслет» (1911), цикл очерков «Листригоны» (1907—1911).

За свою жизнь писатель перепробовал массу различных профессий — от грузчика до дантиста, журналиста. Многие жизненные впечатления Куприн описал потом в своих произведениях. Как и многие, был подвержен революционным настроениям, поддерживал Февральскую революцию. Но к Октябрьскому перевороту и большевикам отнесся негативно, перешел на сторону белогвардейцев и после поражения Белого движения уехал в Финляндию, а затем в Париж. Там он создал романы «Колесо времени» (1929), «Юнкера» (1928—1932), «Жанета» (1932—1933), статьи и рассказы. Бедствуя и скучая по родине, в мае 1937 г. Куприн решил вернуться в Россию. К этому времени он уже был серьезно болен. Умер Куприн 25 августа 1938 г.

Гранатовый браслет

В середине августа на северном побережье Черного моря портится погода: туман, дождь, ураган. Обитатели курорта переезжают в город. Но начало сентября радует ясными безоблачными днями, солнечными и теплыми. Княгиня Вера Николаевна Шенина, жена предводителя дворянства, живет на даче, потому что в их городском доме ремонт. Сегодня, 17 сентября, — день ее именин, любимый день с детства, она всегда ожидает от него чудес. Муж, уезжая

утром в город, подарил ей серьги. Она была одна дома, ее брат Николай, товарищ прокурора, живший вместе с ними, уехал в суд. Муж обещал привезти на праздник самых близких знакомых. Несмотря на видное положение в обществе, князь Шеин едва сводил концы с концами. Вера давно испытывала к нему не прежнюю страстную любовь, а верную дружбу, старалась экономить и удержаться от разорения. На даче отметить именины стоило дешевле, чем в городе. Срезав в саду цветы к обеденному столу, она встретила сестру, Анну Николаевну Фриессе. Между сестрами была нежная дружба. Анна замужем за очень богатым и очень глупым человеком, которого терпеть не может, но родила от него сына и дочь. У Веры детей не было, она очень их хотела. Анна флиртowała направо и налево, но никогда не изменяла мужу, которого презрительно высмеивала. Вера была строго проста, со всеми холодно любезна, независима и царственно спокойна.

Сестры разговаривают о красоте природы. Анна дарит Вере маленькую записную книжку в удивительном переплете от молитвенника. Они идут в дом, Анна спрашивает о приглашенных гостях. После пяти часов съезжаются гости: князь Василий Львович с сестрой Людмилой Львовной Дурасовой, светский молодой кутила Васючок, знаменитая пианистка и подруга Веры по Смольному институту Женни Рейтер, шурин Николай Николаевич. Муж Анны привозит профессора Спешникова и местного вице-губернатора фон Зекка. Позже других приехал дедушка сестер, генерал Аносов, в сопровождении штабного полковника Понамарева и гвардейского гусарского поручика Бахтинского. Аносов был боевым товарищем и преданным другом покойного отца сестер и знал их с младенчества. Генерал участвовал во всех кампаниях, кроме японской. За всю свою службу он не ударил ни одного солдата. Во время польского мятежа отказался расстреливать пленных, быстро дослужился до чина полковника, вернулся с войны почти оглохший, с больной ногой, с ревматизмом.

Его хотели отправить в отставку, но решили не огорчать и дали пожизненное место коменданта в городе К. Там он и сблизился с родителями сестер. Он очень любил девочек, своих детей у него не было. Жена сбежала с артистом, генерал посылал ей деньги, но обратно в дом не пустил.

За обедом всех потешал муж Веры, князь Василий Львович, великолепный рассказчик, любитель приукрасить реальные события. Вера Николаевна пересчитывает гостей: тринадцать. Суеверно думает, что это нехорошо. После обеда играют в покер, горничная подзывает хозяйку и отдает ей квадратный предмет, перевязанный лентой. Его принес посыльный и тут же ушел. Развернув бумагу, Вера видит ювелирный футляр, в нем — золотой браслет и записка. Сначала она рассматривает браслет, усыпанный красными гранатами, блеск которых напоминает ей кровь, и находящийся в центре зеленый гранат. В письме даритель отмечает, что браслет передавался в его роду по женской линии и, по семейному преданию, имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгонять от них тяжелые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти. Еще даритель просит не гневаться на него за его письма семилетней давности, говоря о своей рабской преданности Вере и благоговении перед ней. Письмо подписано «Г. С. Ж.». Вера решает показать письмо мужу позже. Кто-то играет в карты, Анна кокетничает с гусаром, Василий Львович показывает домашний юмористический альбом со своими рисунками — дополнение к его сатирическим рассказам. Там, например, есть «История любовных походов храброго генерала Аносова в Турции, Болгарии и других странах», «Приключение петиметра князя Николая Булат-Тугановского в Монте-Карло», краткое жизнеописание сестры Людмилы Львовны и новая повесть «Княгиня Вера и влюбленный телеграфист». Вера не хочет, чтобы муж рассказывал эту историю, но он ее не слышит, насмехается над бедным влюбленным телеграфистом. Вера предлагает чай.

Спешников, вице-губернатор и полковник Понамарев уехали, остальные гости сидели на террасе. Вера и Анна заботливо ухаживают за генералом. Анна спрашивает, боялся ли он сражений, генерал рассказывает, как после контузии в голову ему казалось, что он не Яков, а Николай, как влюбился в болгарочку, как они расстались навсегда, когда солдаты ушли из тех мест. Его спрашивают, любил ли он настоящей, вечной любовью. Генерал говорит, что не любил. Собирается уезжать, Вера говорит мужу о браслете и письме.

Когда провожают генерала, он замечает, что люди разучились любить, он никогда не видел настоящей любви. Жена его оказалась после свадьбы мотовкой, неряхой и жадиной. Вера говорит бабушке о своем браке: «Возьмите хоть нас с Васей. Разве можно назвать наш брак несчастливый?» Генерал молчит, потом предлагает считать этот брак исключением, но в большинстве случаев брак, по его мнению, совершается по другим причинам. За всю жизнь он видел два случая, похожих на истинную любовь: молодой прапорщик влюбился в старую жену полкового командира, из-за ее прихоти бросился под поезд и лишился рук. Второй случай еще более жалок: молодая женщина завела любовника, муж все видел и молчал.

Когда отправились на войну, жена велела мужу беречь любовника, он ходил за ним как нянька, выполнял за него саперные работы, потом этот любовник умер от тифа. Аносова спрашивают, встречал ли он такую любовь у женщин. Он говорит, что уверен в способности любящей к героизму, виноваты мужчины, неспособные к этому, а каждая женщина мечтает о любви единственной, всепрощающей. Генерал спрашивает у Верочки, что за историю рассказал ее муж про телеграфиста. Вера говорит о «безумце, который начал преследовать ее своею любовью еще за два года до ее замужества». Она не знает его, но он в курсе всех ее дел, письма его целомудренны, но он постоянно говорил о своей любви к Вере, пока она не

написала втайне от мужа письмо с просьбой не докучать любовными излияниями. С тех пор он молчит о любви и пишет только по праздникам. О сегодняшнем подарке Вера тоже рассказала. Генерал рассуждает, маньяк это или та самая истинная любовь, уезжает.

Вера, придя домой, застаёт спор брата с мужем. Николай говорит, что давно пора прекратить эти дурацкие письма, иначе семья может попасть в смешное положение, телеграфист начнет хвастать, что Вера принимает его подарки. Шеины решают отослать браслет обратно, Николай берет на себя поиски Г. С. Ж. Вместе с князем Василием он решает пойти к телеграфисту и прочитать ему строгую нотацию. Вера говорит, что ей почему-то жаль этого несчастного, но брат отвечает, что его нужно наказать.

Василий Львович и Николай приходят в дом, пропахший мышами и стиркой, и спрашивают господина Желткова. Поклоннику Веры 30—35 лет, он был высок и худощав. Гости представились ему, и Николай вернул ему браслет. Брат Веры разговаривает с Желтковым напористо, но ее муж готов выслушать его.

Желтков говорит, что любит и не разлюбит его жену, отъезд в другой город ничего не изменит, как и тюремное заключение. Остается только умереть. Он просит разрешения позвонить Вере, князь понимает его, видит, что этот человек не может лгать, ему жаль Желткова. Получив разрешение на звонок, Желтков звонит и приходит расстроенным. Говорит, что готов и можно считать, что он умер. Просит разрешения у князя написать Вере последнее письмо. Николай возражает, князь разрешает.

Желтков обещает, что они о нем больше не услышат и его не увидят, Вера Николаевна сказала ему, что ей надоела вся эта история, и просила прекратить ее. Вернувшись к жене, князь рассказал ей о визите, она подумала, что Желтков убьет себя. Никогда не читавшая газет, она случайно узнает из газеты о смерти Желткова.

В газете говорится, что мелкий чиновник совершил самоубийство из-за растраты казенных денег. Вера думает, почему она это предчувствовала, и рассуждает, любовь это была или сумасшествие. Вечером почтальон принес ей последнее письмо Желткова.

С неожиданной для себя нежностью Вера развернула его и прочла. Желтков писал, что вся жизнь для него заключается в ней, но он чувствует, что врезался в ее жизнь непонятым клином, поэтому уедет и не вернется. «Я проверял себя — это не болезнь, не маниакальная идея — это любовь, которую Богу было угодно за что-то меня вознаградить. Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: «Да святится имя Твое». От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью». В конце письма он просит, если Вера вспомнит о нем, послушать сонату Бетховена D-dur, № 2, op. 2. Вера плачет, идет к мужу, дает ему прочесть письмо.

Князь говорит, что не сомневается в искренности этого человека, он любил, а вовсе не был сумасшедшим. Он разрешает жене попрощаться с умершим. Вера отправилась к нему.

Хозяйка квартиры провела ее к гробу, говоря об умершем теплые слова. Вера попросила рассказать ей о последних минутах его жизни. Хозяйка рассказывает, что Желтков просил ее повесить браслет на икону Богоматери, написал письмо, опустил его в ящик, а потом все услышали звук, напоминающий выстрел из детского пистолета.

Нашли его в семь часов, когда он не отозвался на стук прислуги. Вера смотрит на умершего и видит умиротворенное выражение, которое она видела на масках великих страдальцев — Пушкина и Наполеона.

Она кладет под шею Желткова красную розу и понимает, что настоящая любовь прошла мимо нее. Вера

целует Желткова в лоб. Когда она уходит, хозяйка говорит, что покойный Желтков просил ее передать записку, если придет дама, и сказать, что это лучшее произведение Бетховена. Вера плачет и читает название той же сонаты.

Вера Николаевна вернулась домой поздно вечером, не застав ни мужа, ни брата. Ее дожидалась пианистка Женни Рейтер. Взволнованная Вера кинулась к ней и попросила сыграть ей что-нибудь, не сомневаясь, что женщина сыграет именно то, что надо.

Это произведение она узнала с первых аккордов, душа ее как будто раздвоилась. Вера думала о том, что мимо нее прошла большая любовь, которая повторяется только один раз в тысячу лет. В уме слагались фразы, совпадавшие с музыкой, которые кончались словами: «Да святится имя Твое». Вера плакала, музыка успокаивала ее. Она поняла, что Желтков простил ее.

Любовь как высшая ценность в рассказе А. И. Куприна. Пробуждение души Веры Шеиной

«Один из самых благоуханных и томительных рассказов о любви и самых печальных — это Купринский «Гранатовый браслет» — писал К. Г. Паустовский. Любовь в рассказе «Гранатовый браслет» — это бесценный дар, возвышающий человека. В основе этого произведения лежит реальное событие. В жизни все закончилось иначе: влюбленный принял браслет и перестал писать письма, больше о нем ничего неизвестно. История Желткова — ответ на вопрос, что такое истинная любовь.

Желтков, однажды встретив княгиню Веру Шеину, полюбил всем сердцем. Любовь маленького человека, небогатого чиновника, длится восемь лет. Он держится в стороне от Веры, не желая причинить ей страдания своей навязчивостью.

Княгиня живет совершенно иной жизнью, в которой нет места влюбленному Желткову. Более того, знаки внимания с его стороны сердят Веру Николаевну. И она не желает, чтобы поток этих писем продолжался. Княгиня не заинтересована в своем неизвестном поклоннике, ей хорошо и без него. В Вере Николаевне мы видим человека, достойного настоящей любви.

Жизнь ее течет размеренно, по заведенному сценарию. Но генерал Аносов вносит свою лепту в изменения в душе Веры. Генерал, представитель мудрого старшего поколения, подводит Веру к тому, чтобы она увидела свою жизнь с мужем с разных сторон. Аносов говорит об истинной, святой любви, в которую верит, хотя он и не встречал ее. Свою уверенность он передает Вере Николаевне. Желтков нарушает однообразное существование Веры, ее душа просыпается, с каждым письмом ее душевное напряжение растет.

Дар любви — единственное, во имя чего живет Желтков. Смерть — единственный способ выполнить просьбу Веры «прекратить эту историю». За один короткий миг счастья пожертвовать всем накопленным за такой большой срок — это под силу не каждому. Муж Веры, Василий Львович, — может быть, единственный, кто понял Желткова.

Прощание с умершим — поворотный момент: Вера понимает, что ее «жизненный путь пересекла настоящая, самоотверженная, истинная любовь» и эта любовь прошла мимо нее. В звуках бетховенской сонаты № 2 *Largo Appassionato*, которую завещал ей прослушать Желтков, Вера переживает его жизнь, слышит то, что перенес он, любя ее безответно и светло. В ней просыпаются духовные силы, наступает просветление. Под страстные звуки музыки героиня ощущает мучительное и прекрасное рождение в своей душе нового мира, испытывает чувство глубокой благодарности к человеку, который выше всего в своей жизни, даже выше самой жизни, поставил любовь к ней.

Поединок

Вечерние занятия в шестой роте подходят к концу. Молодые солдаты путаются и не понимают, чего хотят офицеры. В третьем взводе солдат Мухамеджинов, татарин, едва понимающий по-русски, сбит с толку, на все приказания отвечает: «З-заколу!» Младшие офицеры сошлись поболтать и покурить. Их трое: поручик Веткин, подпоручик Ромашов и подпрапорщик Лбов. Они не понимают, зачем выматывать солдат перед смотром.

Подъезжает поручик Бек-Агамалов, сообщает новость: командир требует, чтобы учили солдат рубке глиняных чучел. Офицеры рассказывают друг другу о случаях неожиданных кровавых расправ на месте и о том, что они проходили почти всегда безнаказанно. Бек говорит, что умение разрубить человека — это сложное искусство. Лбов предлагает всем попробовать на чучеле. Разрубить чучело получается только у Бека.

Едет командир полка, полковник Шульгович. Он обходит взводы, останавливается перед молодым солдатом Шарафутдиновым, татарин, который не может внятно ответить на его вопросы, не знает фамилию своего полкового командира. Ромашов заступается за своего солдата и получает четверо суток домашнего ареста за непонимание воинской дисциплины. Капитану Сливе за Ромашова тоже назначен выговор. Словами шаблонных романов Ромашов говорит по привычке о себе в третьем лице: «Его добрые, выразительные глаза подернулись облаком грусти....»

Солдаты разошлись на квартиры. Плац опустел. Ромашов хочет идти на вокзал, он любит ходить туда по вечерам. Но передумывает и просто гуляет вдоль шоссе, вспоминая сцену на плацу, свое чувство обиды. Но ему больно и из-за того, что на него кричали точно так же, как и он иногда кричал на солдат: в этом он видит что-то унижительное для себя. Рома-

шов мстительно мечтает, как он поступит в академию, сделает карьеру, блестяще проведет маневры в своем полку, поедет военным шпионом в Германию, а там его расстреляют, но он не скажет им ни своего имени, ни национальности, чтобы все обошлось заключением.

На мгновение он возвращается в действительность, но опять мечтает, теперь — о кровопролитной войне с Пруссией и Австрией, где он храбрее полковника Шульговича.

Ромашов ловит себя на том, что уже бежит, он добежал до дома, удивляется, какие глупости лезут в голову. Дома он лежит на кровати, глядя в потолок, ни о чем не думая. Потом спрашивает у денщика Гайнана, не приглашали ли его Николаевы. Гайнан дает отрицательный ответ.

Денщик-черемис в простых отношениях со своим хозяином. Ромашов разговаривает с Гайнаном о его богатствах, о том, как оригинально, съев кусок хлеба с острия пашки, он принимал присягу. Подпоручик решает не ходить сегодня к Николаевым, но это обещание он дает себе не первый раз. Он влюблен в жену Николаева, Шурочку.

Получив квартиру, Ромашов был полон планов, купил книги, но уже девять месяцев они лежат в пыли, а Ромашов пьет водку, имеет скучную связь с полковой дамой, тяготеет службой, товарищами и собственной жизнью. Денщик вспоминает, что любовница Ромашова прислала письмо. Она приглашает его к себе, но к приторному запаху надушенного письма и к его пошло-игривому тону подпоручик испытывает отвращение. Ромашов понимает, что сегодня он снова пойдет к Николаевым.

Гайнан просит подарить ему бюст Пушкина, который Ромашов собрался выкинуть. Подпоручик соглашается и идет к Николаевым, но там его не ждали. Владимир занят, готовится к последней попытке поступить в академию. Шурочка говорит Ромашову, что не может оставаться здесь, ей нужно общество, умные собеседники. Володя должен

пройти в генеральный штаб, тогда они вырвутся из «этой трущобы». Она плачет, потом спрашивает у подпоручика, хороша ли она, смеется над ним. Шурочка зовет Ромашова Ромочкой, спрашивает, не читал ли он в газетах об армейском поединке. Она считает, что поединки — разумная вещь, потому что офицеры — для войны, и свои главные качества в мирное время они могут показать только в дуэлях. Но условия в поединке — как на смертной казни: пятнадцать шагов дистанции, и драться до тяжелой раны. Она видит в них необходимость, иначе не выведутся шулера вроде Арчаковского или пьяницы вроде Назанского. Ромашов не согласен с ней, но сидит и слушает до тех пор, пока она не собирается спать. В этот вечер Ромашов понимает, что его у Николаевых только терпят.

В отместку он идет к Назанскому. Они долго разговаривают. Назанский говорит, что ненавидит военную службу, ему хочется думать о возвышенных материях, о любви. Он рассказывает, что любил одну девушку, но она разлюбила его за то, что он пьет. Он читает ее единственное письмо, и подпоручик узнает почерк Шурочки.

Назанский понимает, что Ромашов узнал почерк и тоже влюблен в Шурочку. Придя к себе, он читает новую записку от Петерсон. Она писала об обмане, о том, что ее сердце разбито и она будет мстить.

На ближайшем балу Ромашов говорит любовнице, что между ними все кончено. Петерсониха злится и клянется отомстить. Вскоре Николаеву стали приходить анонимки с намеком на то, что Ромашов заигрывает с его женой. Начальство тоже недовольно Ромашовым, он как никогда ощущает бессмысленность службы и одиночество.

Утром проспавший Ромашов опаздывает на занятия. Капитан Слива не упускает возможности оскорбить молодого офицера перед строем. Начинаются занятия повзводно. Унтер-офицер Шаповаленко, подчиненный Ромашова, кричит и замахивается на Хлебникова, малорослого, слабого, забитого, тупого

солдата. Ромашов одергивает Шаповаленко. Слива рассуждает в присутствии нескольких младших офицеров о воинской дисциплине, о прежних порядках, когда начальник мог беспрепятственно бить солдата. Ромашов возражает, что рукоприкладство бесчеловечно, и обещает подать рапорт на Сливу, если тот будет продолжать распускать руки.

В конце апреля Шурочка приглашает Ромашова на общие именины на пикник. Заняв денег у Рафальского, Ромашов купил в подарок духи. Он сидит на пикнике рядом с Шурочкой, их руки иногда соприкасаются. Николаев выглядит недовольным. После застолья Ромашов идет в рощу, Шурочка приходит за ним и говорит, что сегодня влюблена в него и видела его во сне. Он целует ее платье, признается в любви. Она отвечает, что тоже влюблена, но он жалкий, она должна отказаться от него, потому что думает, что он не добьется в жизни ничего. Она не любит мужа, не хочет ребенка, но уверяет, что не станет изменять супругу, пока окончательно не бросит его. По дороге обратно она просит Ромашова не приходить к ним больше: мужа осаждают анонимками. Николаев отводит жену в сторону и со злостью выговаривает ей. Та отвечает ему «с непередаваемым выражением негодования и презрения».

Корпусный командир недоволен смотром. Только пятая рота капитана Стельковского заслужила похвалу.

Во время церемониального марша Ромашов испытал публичный позор: он замечтался и смешал строй, сместившись от центра рядов к правому флангу. Ему казалось, что генерал заметит и похвалит «красавца-подпоручика» Ромашова. Подпоручик решает, что он опозорен навеки и ему остается только застрелиться. Капитан Слива требует от него рапорт о переводе в другую роту.

На обратном пути в лагерь Ромашов видит, как фельдфебель бьет Хлебникова, упавшего на плацу в пыль, и не находит в себе сил заступиться за солдата. Встреченный Николаев требует от него сделать

все, чтобы прекратить поток анонимок. Ромашов отправляется в собрание, но еще из-за двери слышит, как офицеры обсуждают его сегодняшний провал, а капитан Слива прямо заявляет, что из Ромашова никогда не получится офицер. Ромашов обращается к Богу с упреком, что он отвернулся от него. Думая обо всем этом, Ромашов дошел до железной дороги и в темноте увидел солдата Хлебникова, предмет насмешек и издевательств.

Ромашов понимает, что солдат тоже задумал свести счеты с жизнью. Хлебников плачет, уткнувшись Ромашову в колени, рассказывает, что его бьют и смеются над ним, взводный вымогает деньги, которые неоткуда взять. Учения для него тоже пытка: с детства он мается грыжей. По сравнению с горем Хлебникова собственное горе кажется Ромашову пустяком. Он обнимает солдата и говорит, что надо терпеть. Ромашов впервые задумывается о судьбах тысяч таких Хлебниковых, которых он никогда раньше не считал личностями.

С этой ночи в Ромашове произошел глубокий душевный надлом. Отдалившись от общества офицеров, он приглашает к себе Хлебникова, покровительствует ему, впервые задумывается о штатских профессиях. Ромашов видит, что есть только три достойных призвания — наука, искусство и свободный физический труд.

В конце мая в роте Осадчего повесился солдат, после началось беспробудное пьянство. Пили в собрании, потом был скандал у Шлейферши. Бек-Агамалов бросился с шашкой на присутствующих, потом на барышню, обозвавшую его дураком. Ромашов перехватил кисть его руки, сказав, что ему будет стыдно, что он ударил женщину. Бек благодарит его за это.

В собрании Ромашов застаёт Осадчего и Николаева. Последний демонстративно не замечает Ромашова. Осадчий поет панихиду по солдату-самоубийце, перемежая ее грязными ругательствами. Ромашова охватывает бешенство: «Не позволю! Молчите!» В ответ Николаев кричит, что Ромашов и На-

занский позорят полк. «А при чем же здесь Назанский? Или у вас есть причины быть им недовольным?» — спрашивает Ромашов. Николаев замахивается, Бек пытается его оттащить, но Ромашов выплескивает пиво в лицо Николаеву. Назначен офицерский суд чести. Николаев просит Ромашова не говорить о его жене и анонимных письмах. Суд определяет, что примирение невозможно.

Перед поединком Назанский убеждает Ромашова не стреляться, выйти в отставку, ведь жизнь неповторима и удивительна. Назанский недоумевает: неужели Ромашов верит в высший смысл армейского порядка настолько, что готов ради него распрощаться с жизнью? Вечером к Ромашову приходит Шурочка. Она рассказывает о годах, потраченных на создание карьеры мужа, и говорит: если Ромашов откажется от дуэли, Володю не допустят до экзамена. Они должны стреляться, но не так, чтобы ранить друг друга, пистолеты будут не заряжены. Муж ее согласен на это. Шурочка обнимает Ромашова, целует его и предлагает взять счастье, потому что они больше не увидятся. Она отдается любимому.

Штабс-капитан Диц сообщает в рапорте полковому командиру подробности поединка. Николаев ранил Ромашова в живот, и он через семь минут скончался от внутреннего кровоизлияния. К рапорту прилагаются показания младшего врача Знойко. Николаев понял, где была его жена, и зарядил пистолет.

Мотив самосознания личности в повести

В «Поединке» А. И. Куприн показал разложение царской армии. Но проблематика повести шире: взаимоотношения личности и общества, причины неравенства людей и возможные пути освобождения от этого.

Герой повести, молодой поручик Ромашов, задумывается о неправильных отношениях между людьми

ми. Постепенно рассеиваются его иллюзии, Ромашов прозревает. Сначала он делит всех на «людей черной и белой кости», но по мере духовного роста начинает думать о порочности армии и строя общественных отношений вообще. Ромашова мучит разврат офицерства, забитость солдат. Осмысление армейских порядков меняет его взгляд на жизнь. Начинается духовное пробуждение героя. Судьба солдат волнует правдоискателя Ромашова. Честолюбивые стремления занять высокое положение в обществе сменяются разочарованием, депрессией, но это угнетенное чувство заставляет героя познать самого себя. Анализируя происходящее, он не видит смысла в существовании армии: армия без войны — это абсурд, надо, чтобы люди поняли ненужность войны, и тогда армия не будет нужна. Ромашов осознает, что стал частью этой «машины», пытается отгородиться от офицеров, уединиться. Он «точно созрел, сделался старше и серьезнее».

Далось ему такое «взросление» нелегко: он прошел через общественный конфликт, борьбу с самим собой. В сцене ночного разговора с солдатом Хлебниковым на откосе железной дороги Ромашов проявляет сострадание, но уже в следующих строках «чувство нелепости, сумбурности, непонятности жизни» снова преследует поручика. Ощущение духовного падения преследует и Шурочку, но она приспособливается к мещанскому благополучию. Это ее высший идеал, и она вовсе не родственная Ромашову натура. Она жертвует любовью и жизнью Ромашова ради своего эгоизма. Ромашов же — «естественный человек», он инстинктивно сопротивляется несправедливости, но его протест слаб, наивен. Необходимость немедленного действия заставляет его активно сопротивляться.

После встречи с Хлебниковым в сознании Ромашова наступает перелом, его потрясает готовность человека пойти на самоубийство, поскольку в нем он видит избавление от мученической жизни. Сам Ромашов только что думал о самоубийстве лишь как

о способе что-то доказать окружающим. Ромашов впервые задумывается о судьбе простого народа.

В «Поединке» слышится и обличительный голос автора (монологи Назанского). Романтическое предчувствие «светозарной жизни», предвидение грядущих социальных потрясений, ненависть к образу жизни военной касты, способность Назанского оценить любовь противоречат его образу жизни. Но тех, кто пытается пойти против этой системы, ожидает не легкая судьба. Даже персонажи из военной среды вроде Ромашова обладают очень высоким болевым порогом и малым запасом душевной прочности, чтобы противостоять пошлости и цинизму окружающей их среды. Дуэль с Николаевым — следствие нарастающего конфликта героя с военно-офицерской кастой.

«Поединок» появился во время русско-японской войны, в дни разгрома русского флота при Цусиме, вызвав огромный общественный резонанс, поскольку произведение расшатывало один из главных устоев самодержавного государства — неприкосновенность военных. Проблематика «Поединка» выходит за рамки традиционной военной повести. Позорная реальность русско-японской войны подтверждала пафос повести Куприна. «Поединок» высоко оценили М. Горький, В. В. Стасов, И. Е. Репин, К. И. Чуковский, Ф. Д. Батюшков.

М. Горький

(1868—1936)

Максим Горький (настоящее имя — Алексей Максимович Пешков) — русский писатель, публицист, общественный деятель. Отец писателя Максим Пешков был столяром-краснодеревщиком, работал управляющим па-

роходной конторой, умер от холеры. Мать, Варвара Каширина, — из мещанской семьи, после смерти мужа вторично вышла замуж, умерла от чахотки. Детство писателя прошло в доме деда Василия Каширина, который обучал мальчика по церковным книгам. Бабушка Акулина Ивановна приобщила внука к народным песням и сказкам.

Горький окончил ремесленное училище, работал посудником на пароходе, «мальчиком» в магазине, учеником в иконописной мастерской. Молодой самоучка принимал участие в революционной пропаганде, странствовал по Руси.

Псевдоним М. Горький появился у Алексея в 1892 г. В тифлисской газете «Кавказ», был напечатан первый рассказ писателя «Макар Чудра», подписанный этим именем. В 1895 г. при помощи Короленко Горький опубликовал рассказ «Челкаш». В 1898 г. выходит книга «Очерки и рассказы», в 1899 г. — поэма в прозе «Двадцать шесть и одна» и первая большая повесть «Фома Гордеев». В 1901 г. Горький встал во главе издательства товарищества «Знание». Он и печатал произведения Бунина, Андреева, Куприна, Вересаева. Появились пьесы Горького «Мещане» (1901), «На дне» (1902), «Дачники» (1904), «Дети солнца», «Варвары» (1905), «Враги» (1906). Пьеса «На дне» считается вершиной раннего творчества Горького.

Увлеченный идеями социализма, он пишет повесть «Мать» (1906). После поражения революции 1905—1907 гг. Горький эмигрировал на остров Капри (Италия). Там созданы повести «Городок Окуров» (1909), «Детство» (1913—1914), «В людях» (1915—1916), цикл рассказов «По Руси» (1912—1917). В «Несвоевременных мыслях» (1918) он обвиняет Ленина в захвате власти и терроре. С 1921 по 1928 г. Горький живет в Сорренто (Италия), не прерывая связей с советской литературой, создает цикл «Рассказы 1922—1924 годов», «Заметки из дневника» (1924), роман «Дело Артамоновых» (1925), работает над романом-эпопеей «Жизнь Клима Самгина» (1925—1936). В 1928 г., после переговоров со Сталиным, Горький приезжает в Советский Союз, вскоре окончательно возвращается на Родину. Продолжает «Жизнь Клима Самгина», руководит созданием коллективной книги о строительстве заключенными Беломорско-Балтийского канала имени Сталина. В 1934 г. Горький возглавляет Союз писателей СССР, созданный по его инициативе. Смерть Горького была загадочна, но версия о насильственной смерти пока не подтвердилась.

На дне

Картины. Четыре акта Действующие лица

Михаил Иванов Костылев, 54 года, содержатель ночлежки.

Василиса Карповна, его жена, 26 лет.

Наташа, ее сестра, 20 лет.

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет.

Васька Пепел, 28 лет.

Клещ, Андрей Митрич, слесарь, 40 лет.

Анна, его жена, 30 лет.

Настя, девица, 24 года.

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.

Бубнов, картузник, 45 лет.

Барон, 33 года.

Сатин	}	приблизительно одного возраста, лет под 40.
Актер		

Лука, странник, 60 лет.

Алешка, сапожник, 20 лет.

Кривой Зоб	}	крючники
Татарин		

Несколько босяков без имен и речей.

Начало весны. Утро. В подвале, похожем на пещеру, — комната Пепла, русская печь, дверь в кухню. Везде по стенам — нары. Перед наковальной сидит Клещ, у самовара хозяйничает Квашня, Барон жует черный хлеб, Настя читает растрепанную книжку «Роковая любовь». На постели кашляет Анна. Бубнов кроит пляну. Сатин, избитый после вчерашней игры в карты, лежит на нарах, на печке возится и кашляет Актер.

Барон потешается над книгой. Квашня говорит, что под венец не пойдет никогда: не хочет отдавать себя в рабство мужчине. Барон смеется над ней. Клещ настаивает, что она выйдет замуж за Абрамку. Квашня говорит, что сам Клещ «заездил жену до полусмерти». Кричат.

Анна, высовывая голову из-за полога, пытается их утихомирить. Квашня оставляет ей пельмени, ин-

тересуется, не легче ли в груди. Затем Барон и Квашня уходят на базар. Оставшиеся спорят, чья очередь мести пол. Должен убираться Барон, но он просит подменить его. Уходят.

Больная Анна отдает свои пельмени мужу. Актер рассказывает Сатину, что врач сказал ему об отравленном алкоголем организме. Сатин невпопад говорит разные слова: органон, сикамбр, макробиотика, трансцендентальный. Говорит, что ему надоели все слова. Где-то далеко слышны глухой шум, крики, свисток полицейского.

Клещ садится за работу и скрипит подпилком. Сатин рассказывает, что был телеграфистом, образованным человеком. Бубнов вспоминает, что он раньше был скорняком. Актер говорит, что главное не образование, а талант. Анне душно, Бубнов предлагает открыть дверь в сени, но Клещ, муж Анны, возражает: ему на полу холодно. Бубнов уходит за нитками, Актер предлагает больной женщине помощь и выводит Анну в сени, оставляет ее там.

Появляется хозяин ночлежки, Костылев, прислушивается к чему-то в комнате Пепла. Спрашивает Клеща, не было ли здесь его жены Василисы. Распекает Клеща за злобу, Актера хвалит за доброту, но когда Актер просит за это награды в виде прощения половины долга, говорит, что доброту нельзя сравнить с деньгами. Актер уходит в кухню, Клещ — в сени. Костылев подходит к двери Пепла и стучит, просит открыть. Сатин шутит, что Васька сейчас откроет, а там — жена Костылева. Пепел открывает, Костылев заглядывает в комнату. Пепел спрашивает, принес ли он деньги за часы, которые Васька продал ему. Отправляет его за деньгами.

Сатин в шутку предлагает Пеплу убить Костылева и жениться на Василисе, стать хозяином ночлежки. Входит Клещ, Анну повела к себе в кухню Наташа. Сатин и Актер выпрашивают у Васьки на выпивку и уходят. Пепел разговаривает с Клещом. Тот мечтает вырваться отсюда, полгода жизни в подвале ему кажутся шестью годами. Все здесь, по его словам,

живут без чести, без совести. Пепел равнодушно отвечает, что вместо сапог совесть не наденешь. Спрашивает вошедшего Бубнова, есть ли у него совесть. Оба сходятся на том, что совесть только богатым нужна.

Входит Наташа, ведет нового постояльца, Луку, с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса. Лука здоровается, Пепел приглаживает усы перед Наташей. Лука говорит, что ему все равно, с кем жить, «ни одна блоха не плоха». Наташа ведет его в кухню. Просит Клеща прийти за женой и быть с ней поласковее, потому что она дожидает последние дни. Ваське говорят, чтобы он не приставал к Наташе, Василиса — баба лютая и своего не отдаст. Лука поет, Пепел просит прекратить пение. Входит Барон. Лука присматривается к новым соседям, иносказательно рассказывает о себе. Пепел и Барон уходят.

Входит выпивший Алешка с гармонью, свистит. Помощник пристава выгнал его из участка. Из кухни выходит Настя, качает головой, глядя на Алешку. Лука добродушно замечает: «Эх, парень, запутался ты...» Появляется Василиса и прогоняет Алешку на улицу, спрашивает, кто такой Лука и надолго ли пришел, называет его проходимцем. Идет к двери в комнату Пепла. Бубнов говорит Василисе, что Пепел ушел, она же говорит, что не Ваську смотрит, а порядок.

Велит, чтобы было чисто, и быстро уходит. Бубнов просит Настю подмести, Настя говорит, что напьется и будет плакать, она чувствует себя здесь лишней. Бубнов говорит, что все люди на земле лишние. Лука берет метлу. Настя тихо уходит в сени. Входит полицейский Медведев, обещает прийти играть в шашки с Бубновым.

Когда Лука выходит в сени, Медведев спрашивает о племяннице: правду ли говорят о Василисе с Пеплом. Бубнов отделяется общими фразами. Входит Квашня и говорит Бубнову, что Медведев опять сватался к ней сегодня, она зарекается от замужества

и говорит, что самым радостным событием для нее была смерть мужа.

Лука приводит Анну, спрашивает, зачем ее одну отпустили. В сенях шум, крики: Василиса бьет сестру Наташку. Квашня, Медведев, Бубнов бросаются в сени. Лука спрашивает у Анны, что делают сестры. Та отвечает: «Так они... сытые обе... здоровые...» Говорит, что Лука своей мягкостью напоминает ей отца. «Мяли много, оттого и мягок...» — смеется старик.

Вечером на нарах около печи Сатин, Барон, Кривой Зоб и Татарин играют в карты. Клещ и Актер наблюдают. Бубнов играет в пашки с Медведевым. Лука сидит на табурете у постели Анны. Она жалуется ему на голодную несчастную жизнь и спрашивает: неужели на том свете еще хуже? Лука успокаивает ее, обещая отдых на том свете, потом быстро уходит в кухню. Игроки расходятся. Актер хочет прочесть Луке стихи, но ничего не помнит, пропил память и душу. Лука говорит ему, что надо лечиться, сейчас бесплатно лечат от пьянства в специальной лечебнице, признали, что пьяница — тоже человек. Актер спрашивает, где эта лечебница. Лука говорит, что надо вспомнить название города, а пока можно готовиться, не пить, терпеть, а потом удастся вылечиться и начать жить снова, потому что человек все может, когда захочет. Анна просит Луку поговорить с ней, ей тошно. «Будет тебе спокойно... ничего больше не надо будет, и бояться — нечего! Тишина, покой... лежи себе! Смерть — она все успокаивает... она для нас ласковая... Ты — с радостью помирай, без тревоги...» Входит Пепел, растрепанный, мрачный. Садится у двери и сидит молча, неподвижно. Потом встает и обвиняет Луку во лжи. Спрашивает Медведева, сильно ли Василиса избивала Наташу, грозит, что больше они Наташку не увидят, он нажалуется, что Костылевы подбили его на воровство. Медведев сердится и уходит. Лука советует ехать ему в Сибирь, где он может найти себе путь. На вопрос Пепла, зачем он врёт, Лука советует проверить. Васька спра-

шивает у него, есть ли Бог. «Коли веришь, — есть; не веришь, — нет... Во что веришь, то и есть...» — отвечает тот. Пепел удивленно смотрит на старика. Бубнов уходит в трактир. Входит Василиса, подходит к двери в комнату Пепла и говорит, что у нее есть к нему дело.

Лука притворяется, что ушел, а сам залезает на печь. Василиса спрашивает, надоела ли она Ваське, он признается: да. Василиса благодарит за правду, говорит, что любила в Пепле надежду избавиться от мужа и готова отдать за него сестру, лишь бы Василий исполнил ее мечту и убил Костылева. Пепел отказывается, Василиса велит ему подумать. Костылев осторожно входит и крадется вперед, неожиданно появляясь перед собеседниками. Кричит на жену, Василиса уходит. Костылев с Пеплом ссорятся, Лука вспугивает их с печи, Костылев с криком убегает в сени. Лука признается, что все слышал и зашумел нарочно, чтобы Пепел не придушил хозяина. Советует Пеплу бросить Василису и бежать прочь с Наташей или одному. Внезапно они видят, что Анна умерла. Идут искать Клеца.

Входит Актер. Он зовет Луку: вспомнил, что хотел ему прочесть. Начинает декламировать. Появляется Наташа, смеется. Актер говорит ей, что едет лечиться. Наташа замечает, что Анна мертва. Для Бубнова эта новость означает лишь то, что она перестала кашлять. Все возвращаются, Клец идет сзади всех, съевшись. У постели Клец смотрит на жену через плечи других. Говорит, что у него сорок копеек, хоронить не на что. Наташа боится, что Анна теперь будет ей сниться. Лука советует ей опасаться не покойников, а живых, провожает ее. Клец в растерянности стоит посредине ночлежки и не знает, что ему делать. Кривой Зоб советует ему лечь спать. Входят Сатин и Актер. Актер ищет Луку, чтобы узнать название города. Сатин говорит, что старик наврал ему.

На дворовом пустыре у ночлежки Костылевых, на бревне, сидят рядом Наташа и Настя. На дровнях — Лука и Барон. Клец лежит на куче дерева,

в окне у земли — Бубнов. Настя рассказывает выдуманную историю про себя и возлюбленного Рауля, взяв сюжет из книжки «Роковая любовь». Бубнов с Бароном хохочут, Лука просит их не мешать, улыбаясь, гладит голову Насти, говорит, что верит в ее правду. Лука с Настей уходят за угол. Барон говорит, что она девушка добрая, но глупая. Наташа отвечает ему, что все мечтают и придумывают, потому что плохо жить всем. Тут взвизгивает прежде молчаливый Клепп: «Врешь! Не всем! Кабы — всем... пускай! Тогда — не обидно... да!» Снова ложится на свое место и ворчит. Барон собирается идти мириться, чтобы Настя не отказывала ему в деньгах на выпивку. Бубнов говорит: «Любят врать люди... Ну, Настька... дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать... вот и душу хочет подкрасить... румянец на душу наводит... А... другие — зачем?» Спрашивает, зачем врет Лука. Барон ему отвечает, что люди хотят подрумяннить свои серенькие души. Лука выходит из-за угла и стыдит Барона, просит не мешать Насте и приласкать ее. Наташа спрашивает, отчего Лука такой добрый. Тот отвечает, что людей надо жалеть. Рассказывает, как служил сторожем на даче, в лесу. Забрались туда два вора, напали на Луку с топором, он наставил на них ружье, велел наломать веток и высечь друг друга. Они высекли, а потом попросили хлеба. Лука приютил этих беглых каторжан на зиму, весной они ушли в Россию. «Хорошие мужики!.. Не пожалей я их — они бы, может, убили меня... али еще что... А потом — суд, да тюрьма, да Сибирь... что толку? Тюрьма — добру не научит, и Сибирь не научит... а человек — научит... да! Человек — может добру научить... очень просто!»

Бубнов говорит, что он не умеет врать и считает нужным говорить всю правду. Клепп снова вскакивает и кричит: «Вот — правда! Работы нет... силы нет! Вот — правда! Пристанища... пристанища нету! Издыхать надо... вот она, правда! Жить — дьявол — жить нельзя... вот она — правда!... Ты, старик, утешаешь всех... Я тебе скажу... ненавижу я всех! И эту

правду... будь она, окаянная, проклята!» Клещ убегает за угол, оглядываясь. Наташа опасается, что он сошел с ума. Медленно выходит из-за угла Пепел, спрашивает, что с Клещом, говорит, что не любит его из-за алобы и гордыни. Спрашивает Наташу, дома ли Костылевы. Наташа говорит, что они ушли на кладбище и к всеобщей.

Лука рассказывает о праведной земле, где живут особые люди, помогают друг другу. Жил в Сибири человек, и когда ему было нестерпимо трудно, он утешал себя тем, что есть праведная земля. А потом прислали ученого ссыльного, и тот человек спросил его, где эта земля. Узнав, что ее нет на картах, человек не поверил, рассердился на ссыльного, а потом удавился.

Бубнов говорит, что это сказки. Пепел и Наташа жалеют погибшего, Лука смотрит на них и улыбается. Говорит, что скоро уйдет, отправится посмотреть у хохлов новую веру. Пепел решает сказать Наташе, чтобы она ушла с ним, обещает не воровать, удержаться от этого с помощью Наташи. Но она не верит и не может понять, любит ли она его. Пепел говорит, что он ее полюбил.

В окне появляется Василиса, слушает. Пепел просит пожалеть его, говорит, что Василиса жадная до денег. Лука поддерживает просьбу Пепла. Наташа отвечает, что идти некуда и она не верит никому. Если Васька ее ударит хоть раз, она не захочет жить. Пепел говорит, что никогда не поднимет на нее руку. Тут появляется Василиса: «Вот и сосватались! Совет да любви!» Костылев отправляет Наташу за самоваром, Пепел говорит ему, что Наташа теперь его. Василиса подзадоривает Пепла, сталкивая его с мужем, однако Лука успокаивает Пепла. Костылев говорит Луке, что человек должен на одном месте жить, работать, чтобы от него была польза. Заподозрив в нем беглого, Костылевы прогоняют Луку. Он собирается в ночь уйти, Бубнов говорит, что он спасся один раз тем, что вовремя ушел. Его жена сошлась с мастером, Бубнов бил жену, а мастер — его. Пришла к нему

мысль убить жену, но вовремя он спохватился и ушел.

Входят Сатин и Актер, спорят. Актер хвалится Луке, что сегодня деньги есть, а он трезвый. Бубнов подзывает Актера к окошку, разговаривают. Сатин рассказывает Луке, что в молодости играл на сцене, потом убил подлеца из-за родной сестры, а после пяти лет в тюрьме в карты играть научился, все дороги после тюрьмы для него закрыты. Идет Клещ, низко опустив голову, думает, что теперь делать будет. Из окна Костылевых слышится крик Наташи, звон разбитой посуды и визгливый крик Костылева. Хозяева бьют Наташу, опрокинули на нее самовар и обварили ноги.

Прибегает Медведев. Костылев просит арестовать Ваську-вора. Из-за угла выходят Квашня и Настя — они ведут под руки Наташу. Сатин пятится, отталкивая Василису, которая пытается ударить сестру, грозя ее растерзать. Все сталкиваются в кучу около прохода, у красной стены. Наташу уводят направо и там усаживают на куче дерева.

Появляется Пепел, сильно размахнувшись, бьет Костылева и убивает его. Василиса кричит торжествующим голосом, что Пепел убил ее мужа, и зовет полицию. Пепел хочет убить и Василису, но его удерживают. Сатин вызывается быть свидетелем — защищать Пепла. Пепел говорит Сатину, что Василиса подговаривала его убить мужа. Неожиданно Наташа заявляет, что Пепел с Василисой сговорились и убрали мешавших им людей — ее и Костылева, проклинает сестру и Пепла.

Пепел бросается к Наташе, пытается ее успокоить. Появляется полиция. Василиса говорит, что убийца — Пепел, Наташа мечется почти в беспамятстве, говорит, что Пепла научила Василиса, просит, чтобы взяли в тюрьму и ее саму.

В конце — опять все сидят в подвале, но нет комнаты Пепла, нет наковальни Клещей. Сам Клещ чинит гармонь, Сатин, Барон и Настя сидят за столом с бутылкой водки, тремя бутылками пива и ломтем

черного хлеба. На печи капляет Актер. Говорят о том, как во время суматохи пропал Лука. Настя и Клещ говорят, что он был хорошим и жалостливым. Барон и Сатин смеются: «как мякиш для беззубых», «как пластырь для нарывов». Татарин говорит, что старик «закон в душе имел», не обижал людей.

Настя ударяет стаканом по столу и вслух мечтает уйти на край света, жизнь и люди ей опротивели. Сатин советует ей взять с собой Актера в «лечебницу для органовов», что в полуверсте от края света. Актер уверяет всех, что он уйдет туда. Сатин говорит Барону: «...это он, старые дрожжи, проквасил нам сожителей...»

Барон утверждает, что Лука — шарлатан, Настя защищает его. Сатин кричит: «Молчать о старике!» По его мнению, Лука знал правду, а врал из жалости к ближним. Сам Сатин считает, что «правда — бог свободного человека», но странник подействовал на него, «как кислота на старую и грязную монету», сказав ему, что люди живут для лучшего. Пьют за его здоровье. Все слушают Сатина. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары. Барон говорит о своем семействе, вспоминает о сотне крепостных, домах в Москве и Петербурге. Настя прерывает его, утверждая, что он врет, ничего не было, а потом спрашивает, понял ли он, каково человеку, если ему не верят.

Сатин спрашивает, ходит ли Настя в больницу к Наташе. Настя отвечает, что Наташа давно вышла и пропала, обсуждают, что будет Пеплу за убийство. Настя выходит из себя, говорит, что надо всех обитателей ночлежки сослать на каторгу, говорит, что Барон живет за ее счет, как червь в яблоке, хотя и кичится своим высоким происхождением, убегает. Актер мрачно произносит: «Амины!»

Татарин становится на колени и молится. Сатин говорит: «Человек может верить и не верить... это его дело! Человек — свободен... Человек — вот правда! Существует только человек, все же остальное —

дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо!

Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!»

Актер просит Татарина помолиться за него, тот отвечает: «Сам молись». Актер слезает с печи, выпивает водки и бежит в сени. Входят Медведев в кофте Квашни и Бубнов, потом Алешка, Кривой Зоб, еще несколько мужчин и женщин. Они раздеваются, укладываются на нары, ворчат.

Приходит за Медведевым Квашня, она взяла его в сожители. Медведев уходит в кухню спать. Алешка зубоскалит, все хохочут, собираются петь всю ночь. Вбегает Барон, кричит, что на пустыре повесился Актер. Все смотрят на Барона. Из-за его спины появляется Настя и медленно, широко раскрыв глаза, идет к столу. Сатин негромко говорит: «Эх... испортил песню... дур-рак!»

«Три правды» в пьесе

В основе пьесы — спор о возможностях человека, о смысле его жизни, о поисках правды. У каждого она своя. Действие происходит в ночлежке Костылевых — это и есть «дно», между этими людьми и миром оборваны все связи, они — случайно встретившиеся люди. Все дают свой ответ на вопрос: может ли что-то спасти человека? Особенно важны три «правды» — Бубнова, Луки и Сатина. Самый мрачный в ночлежке — Бубнов. Жизнь в его оценке лишена всякого смысла. Она однообразна и течет по законам, которые человек не может изменить.

Позиция Бубнова фаталистична. Его правда — правда факта. Человек, бессильный изменить свою судьбу, равнодушен к себе и людям. Бубнов считает, что все люди лишние, ими управляют внешние обстоятельства.

Среди ожесточенных жизнью людей появляется странник Лука. Этот персонаж пьесы долгое время

оценивался отрицательно: лжет из корыстных побуждений, равнодушен к людям, которых обманывает, в момент преступления он исчез из ночлежки. Но Лука не просто обманывает, он творит добро, утешает людей, пытается помочь.

Основной философский вопрос произведения — что лучше: истина или сострадание? Этот вопрос, как признавался писатель, остается без ответа. Рассказывая притчу о праведной земле, Лука показывает, насколько спасительна иногда для людей ложь и опасна правда.

Ложь может заменить правду, помогает человеку уйти от страшной реальности в мир прекрасных иллюзий.

Лука — носитель идеи сострадания в пьесе, он знает, что сильные духом сами найдут опору в жизни, а слабым нужна поддержка, уверенность, надежда. Он вселяет эту уверенность в обитателей ночлежки. Анну успокаивает разговорами об отдыхе после смерти, Пеплу описывает свободную жизнь в Сибири, Наташе говорит о близкой любви, Актеру — о лечении от алкоголизма. Именно Лука предотвращает убийство Пеплом Костылева (а Сатин прямо толкает Ваську на убийство). Сатин говорит о Луке: «Он врал... Но это только из жалости к вам». Странник советует Пеплу уйти в Сибирь, потому что чувствует, что добром это не кончится. Актера уговаривает: «Воздержись... возьми себя в руки и терпи...» Рассказ Луки о спасенных им двух беглых каторжниках учит: спасти человека может не насилие, не тюрьма, а только добро. Философия Луки складывается из христианского долготерпения, сострадания и трезвого реализма.

Правда утешительной лжи Луки помогает Анне облегчить предсмертные муки, дает надежду Актеру и Ваське Пеплу изменить жизнь в лучшую сторону. Но после исчезновения Луки обретенная надежда оказывается ложной. Актер повесился, Пепел попал в тюрьму, Наташа пропала, Анна умерла. Этим Горький показывает, что Лука неправ. На протяжении

всей пьесы. Лука лжет во благо других людей, но это губит их.

Против лжи выступает Сатин: «Ложь — религия рабов и хозяев. Правда — бог свободного человека!» Он считает, что необходимо не примирить человека с действительностью, а заставить эту действительность работать на человека: «Все в человеке, все для человека. Существует только человек, все остальное дело его рук и мозга».

В лице Сатина писатель утверждает, что человек способен изменить обстоятельства, а не подстраиваться под них. Сатина принято считать главным оппонентом Луки, но он воплощает в жизнь идеи странника.

Из философии Луки Сатин берет веру в человека, отвергая жалость. Его слова только на время подействовали на ночлежников, вселив в них иллюзию самоценности, в ночлежке начался пьяный разгул, который прервало известие о смерти Актера.

Автор показывает, что спасительная ложь никого не спасла, что избавление от иллюзий трагично, а человек, живущий в мире иллюзий, примиряется со своим убогим существованием и согласен терпеть сколько угодно ради надежды на лучшее. Автор против подобного примирения с действительностью.

З. Н. Гиппиус

(1869—1945)

Зинаида Николаевна Гиппиус — русская поэтесса, прозаик. Зинаида Николаевна родилась 8 ноября в г. Белев Тульской губернии в обрусевшей немецкой семье. В 1888 г. Гиппиус знакомится с поэтом Д. С. Мережковским. Вскоре поэтесса становится его женой. Гиппиус

и Мережковский прожили вместе «52 года, не разлучаясь... ни на один день». Именно супруг поэтессы ввел Зинаиду Николаевну в петербургскую литературную среду. На протяжении всей совместной жизни Гиппиус оставалась верным духовным спутником Мережковского.

Зинаида Гиппиус является идеологом символизма. Первые стихи поэтессы «Посвящение» («Но люблю я себя, как Бога...») и «Песня» («Мне нужно то, чего нет на свете...»), опубликованные в 1895 г. в «Северном вестнике», произвели широкий резонанс. Стихотворения Гиппиус активно печатались в периодических изданиях. В 1904 г. вышел в свет сборник «Собрание стихов. 1889—1903», а в 1910 г. поэтесса публикует сборник «Собрание стихов. 1903—1909».

Зинаида Николаевна создавала и прозаические произведения. Первые сборники рассказов Гиппиус — «Новые люди» (1896, 1907) и «Зеркала» (1898) — являли собой образцы декадентской прозы.

Гиппиус всегда была озабочена судьбой русской интеллигенции. В 1901 г. она вместе с мужем организует совместно с В. В. Розановым и Д. В. Filosoфoвым Религиозно-философские собрания, цель которых состояла в объединении интеллигенции, погибающей «в отчаянии без Бога», с церковью.

Хотя Февральская революция и была воспринята Зинаидой Николаевной с воодушевлением, дальнейшие социально-политические катаклизмы убедили поэтессу в невозможности оставаться в России. В 1919 г. Гиппиус с мужем эмигрирует.

И в эмиграции Зинаида Гиппиус не оставляет попыток объединения русской интеллигенции, не принимая большевистской России.

Поэтесса умерла во Франции в 1945 г.

Предел

Д. В. Filosoфoву

Поэтесса признается в том, что духовная жизнь человека пестра и многогранна. Сердце человеческое «исполнено счастьем желанья», «но и трепещет оно и боится»:

Сердце исполнено счастьем желанья,
Счастьем возможности и ожиданья,—
Но и трепещет оно и боится,
Что ожидание — может свершиться...

Вечно стремясь к счастью, постоянно ожидая его,
человек, по мнению поэтессы, тем не менее не спосо-
бен принять жизнь во всей ее полноте:

Полностью жизни принять мы не смеем,
Тяжести счастья поднять не умеем,
Звуков хотим,— но созвучий боимся,
Праздным желаньем пределов томимся,
Вечно их любим, вечно страдая,—
И умираем, не достигая...

Удел человека — вечное «желанье пределов» и не-
возможность их достичь.

Земля

В первой строфе стихотворения поэтесса говорит
о безумии, воплощенном в постоянно висящем в пус-
тыне пустынным шаре. Шар выступает как символе
дьявольских идей:

Пустынный шар в пустой пустыне,
Как Дьявола раздумие...
Висел всегда, висит поныне...
Безумие! Безумие!

Далее поэтесса говорит о раскаянье, длящемся
вечно, неизбывном и оттого приводящем в отчаянье:

Единый миг застыл — и длится,
Как вечное раскаянье...
Нельзя ни плакать, ни молиться...
Отчаянье! Отчаянье!

Поэтесса не желает верить ни в загробные му-
ки, ни в райское спасение, она требует лишь заб-
вения:

Пугает кто-то мукой ада,
Потом сулит спасение...
Ни лжи, ни истины не надо...

Забвение! Забвение!

Поэтесса утверждает, что после жизни человека не ждет ничего, кроме вечной ночи:

Сомкни плотней пустые очи
И тлей скорей, мертвец.
Нет утр, нет дней, есть только ночи.
Конец.

О вере

А. К.

Стихотворение пронизано призывом никогда не оглядываться на прошлое, сколь бы милым сердцу оно ни было:

Великий грех желать возврата
Неясной веры детских дней.
Нам не страшна ее утрата,
Не жаль пройденных ступеней.

Вместо повторения прошлого человек должен постоянно стремиться к новым высотам, к новым граням бытия:

Мечтать ли нам о повтореньях?
Иной мы жаждем высоты.
Для нас — в слияньях и сплетеньях
Есть откровенья простоты.

Смысл жизни, по убеждению автора, состоит именно в постоянном поиске истинной веры:

Отдайся новым созерцаньям,
О том, что было, — не грусти,
И к вере истинной — со знаньем —
Ищи бесстрашного пути.

14 декабря 1918 г.

Поэтесса обращается к теме подвига декабристов:

Ужель прошло — и нет возврата?
В морозный день, заветный час,
Они, на площади Сената,
Тогда сошлись в первый раз.

Идут навстречу упованью,
К ступеням Зимнего крыльца...
Под тонкою мундирной тканью
Трепещут жадные сердца.

Подвиг тех, кто впервые «сходил» на Сенатской площади, стал первой искоркой, от которой, по убеждению автора, загорелся «освободительный костер»:

Своею молодой любовью
Их подвиг режуще-остер,
Но был погашен их же кровью
Освободительный костер.

Минули годы, годы, годы...
А мы все там, где были вы.
Смотрите, первенцы свободы:
Мороз на берегах Невы!

Поэтесса обращается к «первенцам свободы» от имени их потомков:

Мы — ваши дети, ваши внуки...
У неоправданных могил
Мы корчимся все в той же муке,
И с каждым днем все меньше сил.

Потомки декабристов черпают силы в дыханье первых героев:

И в день декабрьской годовщины
Мы тени милые зовем.
Сойдите в смертные долины,
Дыханьем вашим — оживем.

В течение восьмидесяти лет потомки хранили заветы «первенцев свободы»:

Мы, слабые, — вас не забыли,
Мы восемьдесят страшных лет
Несли, лелеяли, хранили
Ваш ослепительный завет.

Поэтесса мечтает о том, чтобы ее поколение сумело воплотить в жизнь заветы декабристов:

И вашими пойдем стопами,
И ваше будем пить вино...
О, если б начатое вами
Свершить нам было суждено!

Все она

Стихотворение начинается с описания дымного грохота войны:

Медный грохот, дымный порох,
Рыжелипкие струи,
Тел ползущих влажный шорох...
Где чужие? где свои?

Поэтесса убеждена в бессмысленности войны, которая несет смерть всем — и чужим и своим:

Нет напрасных ожиданий,
Недостигнутых побед,
Но и сбывшихся мечтаний,
Одолений — тоже нет.

Все едины, все едино,
Мы ль, они ли... смерть — одна.
И работает машина,
И жует, жует война...

Молодому веку

Автор стихотворения обращается к молодому, только набирающему силу веку:

Но уже за такое недолгое время век показал себя
своенравным и дерзким:

Тринадцать лет! Мы так недавно
Его приветили, любя.
В тринадцать лет он своенравно
И дерзко показал себя.

Вновь наступает день рождения...
Мальчишка злой! На этот раз
Ни праздника, ни поздравленья
Не требуй и не жди от нас.

И если раньше землю смели
Огнем сражений зажигать —
Тебе ли, юному, тебе ли
Отцам и дедам подражать?

Автор упрекает молодой век в уподоблении прош-
лым эпохам, наполненным войнами и кровопролити-
ями:

Они — не ты. Ты больше знаешь.
Тебе иное суждено.
Но в старые мехи вливаешь
Ты наше новое вино!

Автор надеется, что молодой век раскается и сой-
дет с тропы кровопролития:

Ты плачешь, клянешься? Ну что же!
Мир говорит тебе: «Я жду».
Сойди с кровавых бездорожий
Хоть на пятнадцатом году!

Мудрость

Стихотворение начинается с описания встречи
злых ведьм:

Соплились чертовки на перекрестке,
На перекрестке трех дорог

Сошлись к полночи, и месяц жесткий
Висел вверху, кривя свой рог.

«Чертовки» сошлись на перекрестке трех дорог,
чтобы поведать друг другу о своих злодеяниях:

Ну, как добыча? Сюда, сестрицы!
Мешки тугие, — вот прорвет!
С единой бровью и с ликом птицы, —
Выходит старшая вперед.

Первая ведьма хвастается тем, что разлучила любящих друг друга людей.

И запищала, заговорила,
Разинув клюв и супя бровь:
«Да что ж, не плохо! Ведь я стащила
У двух любовников — любовь.

Сидят, целуясь.. А я, украдкой,
Как подкачусь, да сразу — хватай!
Небось, друг друга теперь не сладко
Им обнимать да целовать!»

Другая ведьма похитила веру у пророка, который
«тотчас сошел с ума».

Он этой верой махал, как флагом,
Кричал, кричал... Постой же, друг!
К нему подкралась я тихим шагом —
Да флаг и вышибла из рук!

Третья ведьма бахвалится тем, что обездолила ребенка, лишив его детства, а затем и жизни:

...и мой денечек не был плох:
Я у ребенка украла детство,
Он сразу сник. Потом издох.

Четвертая ведьма, «сама худая, без лица», с самыми тугими мешками, стыдится, что ее злодеяние недостаточно страшное в сравнении с делами ее товарищей.

Чертовка мнется, чертовке стыдно...
«Хоть я безлика, а все ж обидно:
Я обокрала — мудреца.

Жирна добыча, да в жире ль дело!
Я с мудрецом сошлась на грех.
Едва я мудрость стащить успела,—
Он тотчас стал счастливей всех!

Получив богатую добычу — мудрость, ведьма отнюдь не сделала несчастным свою жертву. Напротив, бывший мудрец.

Смеется, пляшет... Ну, словом, худо.
Назад давала — не берет.
«Спасибо, ладно! И вон отсюда!»
Пришлось уйти... Еще убьет!

Ведьма не в силах избавиться от бесполезной добычи:

Конца не вижу я испытанью!
Мешок тяжел, битком набит!
Куда деваться мне с этой дрянью?
Хотела выпустить — сидит.

Рассказ четвертой ведьмы поверг в ужас ее по-друг:

Чертовки взвыли: наворожила!
Не людям быть счастливей нас!
Вот угодила, хоть и без рыла!
Тащи назад! Тащи сейчас!

«Несите сами! Я понесла бы,
Да если люди не берут!»
И разодрались четыре бабы:
Сестру безликую дерут.

Смеялся месяц... И от соблазна
Сокрыл за тучи острый рог.
Дрались... А мудрость лежала праздно
На перекрестке трех дорог.

Поэтесса обращает свой взор к людям:

Мы судим, говорим порою так прекрасно,
И мнится — силы нам великие даны,
Мы проповедуем, собой упоены,
И всех зовем к себе решительно и властно.

По мнению поэтессы, мудрость нисколько не улучшает, не облегчает жизни:

Увы нам: мы идем дорогою опасной.
Пред скорбью чужой молчать обречены,—
Мы так беспомощны, так жалки и смешны,
Когда помочь другим пытаемся напрасно.

Истинный смысл жизни автор видит не в мудрости в общепринятом смысле этого понятия, но в легкости и простоте восприятия мира:

Утешит в горести, поможет только тот,
Кто радостен и прост и верит неизменно,
Что жизнь — веселие, что все — благословенно:
Кто любит без тоски и как дитя живет.
Пред силой истинной склоняюсь я смиренно:
Не мы спасаем мир: любовь его спасет.

Надпись на книге

Поэтесса признается в том, что иллюзорный мир для нее ближе и желаннее, чем реальность.

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Реальная жизнь недостаточно богата средствами, чтобы описать мир души:

Я — раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

Поэтическое творчество Зинаиды Гиппиус называют «поэзией пределов». В стихотворениях поэтессы сосредоточиваются высшие взлеты и падения. За исповедью одинокой души видится напряженное переживание миропознания, свойственное метафизическому восприятию действительности. Поэтесса стремится познать высшие истины, прийти к пониманию смысла жизни. Собственная душа со всеми ее противоречиями, переживаниями, светлыми и темными сторонами для поэтессы — объект изучения, модель духовного мира человека вообще. В стихотворении «Мысли без воли — нецарственный путь» Гиппиус анализирует свою душу, называя ее «косной», «оцепенелой», признает необходимость преодолевать душевную вялость «хотеньем» и верой.

В стихотворении «Мудрость» поэтесса утверждает истинный смысл жизни. Он не в накопленных знаниях, не в следовании традициям и правилам. Истинный смысл жизни для Гиппиус заключен в простом, светлом и радостном принятии действительности, в признании того, что любовь, а вовсе не мудрость способна спасти наш мир.

В. Я. Брюсов

(1873—1924)

Валерий Яковлевич Брюсов — русский поэт. Занимался редакторской, издательской и критической деятельностью.

Известен как автор исторической прозы — ему принадлежат романы «Огненный ангел» (1907—1908) и «Алтарь победы» (1911—1912), где он обращается к переломным историческим эпохам, пытаясь понять кризисное состояние мира путем исторических аналогий.

Но главная заслуга Брюсова в том, что он вошел в историю как основоположник русского символизма.

В 1894—1895 гг. Брюсов выпустил три сборника «Русские символисты», которые состояли из его собственных переводов из французских символистов и произведений начинающих поэтов. В этом издании, а также в первых поэтических сборниках Брюсов заявил о себе не только как о поэте символистской ориентации, но и как об организаторе-пропагандисте этого движения. Новая школа сразу стала заметной в литературной жизни благодаря скандалу, порожденному несколькими эпатазирующими стихотворениями.

Книги стихов 1900—1909 гг. — определили ориентацию поэтики Брюсова на традиции французского «Парнаса» с его твердыми жанровыми и стиховыми формами, склонностью к историко-мифологическим сюжетам и экзотике, словесной пластикой.

Творчество

В стихотворении описывается творческий процесс. «Несозданные создания» начинают свою жизнь в виде теней, «фиолетовых рук на эмалевой стене», чертящих звуки.

Неясные пока образы тревожат воображение автора: в «звонко-звучной тишине» при «лазоревой луне» вырастают прозрачные киоски.

Звуки будущих творений «ластятся» к поэту, «реют полусонно».

И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

Юному поэту

Юноше автор дает «три завета»: жить не настоящим, а будущим; никому не сочувствовать, а любить себя; поклоняться искусству.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты применишь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

К портрету М. Ю. Лермонтова

Лермонтов казался «сумрачным и властным», но он «мечтал об ангельски-прекрасном» и любил «демонски-мятежное». Поэт никогда не оставался безучастным, верил пустым мечтам, ждал ответа «от женщин и могил». Но «не было ответа», и он ушел в себя. Поэт остался непонятым, «неразгаданным». Осталась неясной его «младенческая печаль» в его «как будто кованных стихах».

Каменщик

Стихотворение представляет собой диалог. Автор спрашивает каменщика «в фартуке белом» о том, что он строит. Тот отвечает, что строит тюрьму. На вопрос, кто в тюрьме «будет рыдать», каменщик говорит: «Верно, не ты и не твой брат, богатый. / Незачем вам воровать». Автор спрашивает, кто проведет в тюрьме долгие ночи. Каменщик говорит, что это будет, возможно, его сын, «такой же рабочий».

Кинжал

Кинжал вырван из ножен, он отточен и остр, как в «былые дни». Поэт также всегда будет с людьми, «когда шумит гроза». В то время, когда поэт не видел «ни дерзости, ни сил», когда люди склонялись «под ярмом», он уходил в страну «молчанья и могил», в былые века.

Он ненавидел строй текущей жизни, не верил «робким призывам» к борьбе. Но услышав «заветный зов трубы», отзывался на призыв.

Киянжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт.
Затем, что молнии сверкали.

Грядущие гунны

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

Гунны «на нас рухнут», чтобы оживить «одряхлевшее тело» кровью. Поэт призывает их поставить «шалаша у дворцов», всколосить поле на месте тронного зала, разжечь костер из книг, творить «мерзость в храме».

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы,
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

Тех, кто все уничтожит, поэт встречает приветственным гимном.

К Медному Всаднику

«На глыбе оснеженной высится Петр», проходящие мимо люди будто выступают перед ним на смотр.

Пушкинский Евгений «тицетно грозил» Медному Всаднику — он так же гордо стоит, как и прежде. Стоял он и тогда, когда «покинутой рати ложились

тела». Сменялись поколения, строились дома, а Всадник «сквозь века, неизменный, венчанный» продолжал «лететь на коне».

В моей стране

Стихотворение говорит об осени в родной стране: «дни отлетевших журавлей», «безмолвно поле, лес безгласен», простор «отмыт холодом». Весна здесь пела, «как дева», затем «рожь цвела и зрела», «ночью жгучие зарницы / Порой влюбленных берегли», житницы склоняли в августе «свой стан». Теперь все изменилось — повсюду «торжественность пустыни», ветер, небо «глубоко синее». Опали цветы, скошен луг, собран хлеб.

Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,
Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством сил!

Осень должна принести мир и свободу, и этим следует насытиться. С «лицом ясным и суровым» нужно встретить зиму, чтобы весной воскреснуть или умереть «в неге сладкой».

Родной язык

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Именно язык дал «мечте безумной крылья», в то же время мечту «путами обвил». Язык спасал поэта в «часы бессилья», давал силы. Язык дает возможность «обрести напев». Но иногда отзвук души не на-

ходил созвучия с языком. Поэт просит язык «покорствовать» ему. Он требует богатства языка «по наследству» и готов за это богатство бороться. Поэт призывает язык быть готовым к этой борьбе. Но и победителем и побежденным поэт готов пасть перед родным языком.

Сын земли

Поэт объявляет себя сыном земли:

Я — сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ником.

На земле «дни и годы — кратки», здесь живут загадочные безумные души, на земле «сны любви баюкает луна». От сотворения земли до современных дней люди были «узниками на шаре скромном» и с тоской смотрели на движения планет в небе. Люди стремились к другим мирам, к существам, «живущим в мирах иных». Поэт не знает, будет ли услышан его голос жителями других планет, но если его услышат, то непременно поймут то, что он хочет им сказать. Он обращается к властелинам «Марса иль Венеры» со словами о том, что когда-нибудь они встретятся.

Поэту

Стихотворение «Поэту» — своего рода декларация поэтического творчества, обращение к поэту как к живописателю людских страстей.

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Поэт должен подмечать все хладнокровно и беспристрастно, не боясь пожертвовать собой во имя добра и правды:

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Все, что есть в жизни, должно стать средством выражения поэтических мыслей и образов. Поэту всегда необходимо искать «сочетания слов»:

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

Собственные переживания, все радости, горести, наслаждения и страдания должны быть запечатлены в памяти поэта, чтобы потом выразиться в его произведениях:

В минуту любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь
И в час беспощадных распятий
Прославь иступленную боль.

Стезя поэта, по мысли автора, — терновый венок:

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок!

Круги на воде

Поэт ассоциирует войны с кругами на воде:

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.

Народ передает народу
Проклятый лозунг: «Мы — враги!»

Нет числа враждующим народам, стремящимся
к истреблению себе подобных во всех частях света:

Племен враждующих не числи:
Круги бегут, им нет числа:
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела;

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Поэт признает, что враждой проникнуты не только человеческие сообщества, — вся живая природа пронизана духом вражды:

Везде — вражда! где райской птицы
Воздушный зыблется полет,
Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

Масштабы войн пугающи. Весь земной шар,
по мысли поэта, охвачен войнами:

Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шару
Бегут и ширятся круги!

 Сквозные темы поэзии В. Я. Брюсова:
урбанизм, история, смена культур.
Мотивы «научной» поэзии

Русский символизм был прочно связан в читательском представлении с неустойчивостью и туманностью чувств, мнений, красок, со стремлением уловить нечто запредельное, с мистицизмом.

У Брюсова можно встретить немало стихов, казалось бы, отвечающих таким представлениям, стихов, где поэтизируется одиночество человека в людском море, духовная опустошенность. Но даже в первые годы творческого пути у него нередки стихи о «молодой суете городов», ему свойственна четкая картинность, фламандская живописность в передаче жизненных впечатлений и исторических образов.

Если же говорить об образно-тематических комплексах поэзии Брюсова, то следует отметить, что для его лирики характерны следующие темы: урбанизм, «научная» поэзия, историзм, убежденность в множественности истин и самоцельности искусства. Стремясь возродить культуру стиха, поэт решил обратиться к мифологическим мотивам и историческим сюжетам, к образам, сохранившимся в преданиях и легендах. Отсюда в лирике Брюсова обилие персонажей греческих мифов. Появляются Зевс, Одиссей, Икар, Дедал и другие боги и герои. Это не являлось самоцелью, а было связано с идейно-эстетическими воззрениями поэта.

Исторические мотивы и сюжеты лирики Брюсова несли определенную смысловую нагрузку — с помощью их устанавливалась связь во времени.

Поэт утверждает непреходящую нравственную ценность не только героических подвигов предков, но и всегда живых древних художественных сокровищниц, которые составили арсенал национального искусства.

Любая тема в стихотворениях Брюсова рассматривалась им с точки зрения убежденности в неумираю-

щей ценности завоеваний человеческого духа, вере в силу человека, уверенности в его способности преодолеть все сложности жизни, разгадать все мировые загадки и построить новый мир, достойный человеческого гения. Поэт оставался верен этим представлениям всю свою жизнь.

К. Д. Бальмонт

(1867—1942)

Константин Дмитриевич Бальмонт — русский поэт-символист. Родился в 1867 г в городе Шуе Владимирской губернии в дворянской семье. Предки поэта являлись выходцами из Скандинавии. Дед Бальмонта был морским офицером, отец — председателем земской управы в Шué. Мать Константина Дмитриевича (в девичестве Лебедева) происходила из литературной семьи.

Будущий поэт был исключен из шуйской гимназии за принадлежность к нелегальному кружку. С этого периода начинается активное участие Бальмонта в революционном движении. Константин Дмитриевич был исключен также из Московского университета, на юридический факультет которого поступил в 1886 г.

Первая книга поэта — «Сборник стихотворений» — увидела свет в Ярославле в 1890 г.

Произведения Бальмонта завоевали широчайшую популярность. Поэт признавал собственную индивидуальность и глубину таланта: «Кто равен мне в моей певучей силе? Никто, никто». Отсюда культ «я» в стихотворениях поэта. Мимолетным хитросплетениям жизни Бальмонтом уделяется большее внимание, нежели важным, судьбоносным событиям.

Поэт стремится противопоставить «железному веку» так называемое солнечное начало в его целостном, первоизданном виде. В 1900 г. выходит в свет сборник «Горящие здания», в 1903 г. — «Будем как солнце».

Помимо создания стихотворений, Бальмонт занимался изучением искусства, писал исследовательские статьи, а также делал переводы произведений иностранных авторов.

В 1920 г. Константин Бальмонт эмигрировал из России. Поэт умер в 1945 г. во Франции.

«Я — изысканность русской медлительной речи...»

Поэт четко обозначает культ собственного «я»:

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей.

Поэт признает то, что принадлежит одновременно всем и никому.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Автор создает у читателя впечатление, что в стихотворении говорится не о личности его создателя, а о «изысканном стихе»:

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя, и в других,
Я — изысканный стих.

На разных языках

В стихотворении звучит убежденность поэта в одиночестве человека в этом мире, неспособности людей понимать друг друга, говорить на одном и том же языке.

Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мертвых берегах.

Разница в восприятии действительности, по убеждению поэта, влечет неизбежный разрыв.

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.
Но берег мертв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит, с гремучей влагой споря.

И тем не менее способность быть «златоцветом», «светом луны» позволяет автору жить в сказочном саду, исполненном аромата, обогащает душу:

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сад исполнен аромата.
Поет пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

Воздушный храм

Поэт обращает свой взор к небу, к облакам, способным воплощать в себе бесконечное многообразие образов.

Высоко над землею, вечерней и пленной,
Облака затаили огни.
Сколько образов, скованных жизнью
мгновенной,
Пред очами проводят они.

Кто-то светлый там молится, молит
кого-то,
Преклоняется, падает ниц.
И горящих небесных икон позолота
Оттеняет видения лиц.

Поэту вид облаков напоминает храм с богомольца-
ми, кадильницами.

Это храм, из воздушности светом
сплетенный,
В нем кадильницы молча горят.
И стоят богомольцы толпой преклоненной,
Вырастает их призрачный ряд.

Фантазия поэта увлекает его вслед за богомольца-
ми, которые после молитвы спускаются в мир, незри-
мо бродя среди людей.

И одни возникают, другие уходят,
Прошептавши молитву свою.
И ушедшие — в мире, незримые, бродят,
Созидавая покров бытию.

Уходя, они забирают с собой все лучшее и пре-
красное:

Из воздушного храма уносят далеко
Золотую возможность дождей,
Безотчетную веру живого потока
И молитвенность кротких страстей.

А горячее солнце, воззвавши их к жизни,
Наклонилось к последней черте —
И уходит к своей запредельной отчизне
В беспредельной своей красоте.

Солнце, породившее эти волшебные образы, лю-
буется созданной им красотой:

И блаженному сладко отдавшись бессилью,
Засмотрелось, как вечер красив,

И как будто обрызгало светлою пылью
Желтизну созревающих нив.

Прерывистый шелест

Поэтическая мысль уносит поэта к иным далеким мирам, существование которых не подлежит сомнению:

Есть другие планеты, где ветры певучие
тише,
Где небо бледнее, травы тоньше и выше,
Где прерывисто льются
Переменные свету,

Но своей переменной только ласкают,
смеются,
Есть иные планеты,
Где мы были когда-то,
Где мы будем потом,

Не теперь, а когда, потеряв —
Себя потеряв без возврата,
Мы будем любить истомленные стебли
седых шелестящих трав,
Без аромата,
Тонких, высоких, как звезды — печальных,
Любящих сонный покой мест погребальных,
Над нашей могилою спящих
И тихо, так тихо, так сумрачно-тихо,
под луной шелестящих.

Иные миры, по мнению поэта, более гармоничны, чем земной, исполнены большей красоты. Человек, потерявший себя в земном мире, обретет покой на иных планетах.

Безглагольность

Поэт описывает родную природу, пронизанную холодом, печалью, «усталой нежностью».

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность,
безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Вид русской природы способен причинить боль
сердцу поэта:

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Поэту видится в привычном безмолвном пейзаже
некая «безглагольность», как символ глухого, немо-
го утомления:

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

И вид деревенского сада с его сумрачно-безмолв-
ными деревьями заставляет поэта грустить:

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Сердце поэта смирилось с неизбывной тоской,
но, простив незаслуженно причиненную боль, засты-
ло, не в силах сбросить с себя путы печали.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

Тише, тише

Поэт предупреждает людей о том, что и поверженные кумиры требуют к себе почтения:

Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды,
Слишком долго вы молились, не забудьте
прошлый свет.

У развенчанных великих, как и прежде, горды вежды,
И слагатель веших песен был поэт и есть поэт.

Автор убежден, что истинное великодушие не допустит заносчивости победителя перед побежденным:

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток
один дикарь.

Будь в раскате бранных кликов ясновзoren,
кладнокровен,
И тогда тебе скажу я, что в тебе мудрец — и царь.

Любой расцвет неизбежно окончится, и поэт призывает людей с одинаковой мудростью и благородством переживать как первый, так и последний миг:

Дети солнца, не забудьте голос меркнувшего брата,
Я люблю вас в ваше утро, вашу смелость и мечты,
Но и к вам придет мгновенье охлажденья и заката, —
В первый миг и в миг последний будьте,
будьте как цветы.

Поэт убежден: все, что есть в мире, прекрасно и человек должен в полную меру оценивать это:

Расцветайте, отвечайте, многоцветно, полновластно
Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных сил,
Но в расцвете не забудьте, что и смерть,
как жизнь, прекрасна
И что царственно величье холодеющих могил.

Снежинка

Для поэта снежинка — символ человеческой души, смело стремящейся в неизведанные дали:

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Рожденная для того, чтобы лететь, пока не достигнет земли, снежинка не пытается изменить предначертанный ей путь:

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в неизвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взмечается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается,
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

Особенности поэзии К. Бальмонта

Описание природы в творчестве Бальмонта — это не столько отображение пейзажа в его конкретной наглядности, сколько олицетворение разнообразных стихий, абстрактных, оторванных от места и времени, помещенных в пространство абсолютной чистоты и вечности.

Именно Бальмонту принадлежит заслуга в создании в русской поэзии особенного жанра — жанра натурфилософского гимна, основной функцией которого является воспевание всевластия стихии во всем бесконечном многообразии ее проявлений.

А. Белый

(1880—1934)

Андрей Белый (настоящее имя — Борис Николаевич Бугаев) — русский писатель. Родился в семье видного ученого-математика и философа-лейбнишца Николая Васильевича Бугаева, декана физико-математического факультета Московского университета.

Будущий писатель рос и развивался в высококультурной атмосфере «профессорской» Москвы. Семейная обстановка была очень непростой.

Конфликты между родителями, оказав пагубное влияние на формирующуюся психику ребенка, обусловили трудности в общении писателя с окружающими на протяжении всей его жизни.

В 1899 г. А. Белый окончил лучшую в Москве частную гимназию Л. И. Поливанова, в 1903 г. — естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1904 г. поступил на историко-филологический факультет, однако в 1905 г. прекратил посещать занятия, а в 1906 г. подал прошение об отчислении в связи с поездкой за границу.

С 1901 по 1903 г. А. Белый входит в круг литераторов-символистов. Псевдоним Андрей Белый был придуман М. Соловьевым, когда увидела свет первая «Симфония (2-я драматическая)».

А. Белый по праву считается одним из ведущих деятелей символизма. Для ранней поэзии характерны мистические мотивы, гротескное восприятие действительности («симфонии»), формальное экспериментаторство (сборник «Золото в лазури», 1904). В сборнике «Пепел» (1909) запечатлена трагедия деревенской Руси.

С 1909—1910 гг. происходит перелом в мировосприятии А. Белого. Выходят в свет «Символизм» (1910), «Луг зеленый» (1910), «Арабески» (1911), где автор подводит итоги своего раннего творчества.

С 1914 по 1916 г. А. Белый живет в Швейцарии. В августе 1916 г. Белый возвращается в Россию. Первая мировая война воспринимается писателем как глобальная катастрофа. Революция 1917 г. дает А. Белому надежду на выход из нее.

Однако все попытки органично влиться в советскую культурную среду оказываются безуспешными.

8 января 1934 г. А. Белый умирает в Москве.

Родине

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия,—
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разлуки,
В глухие твои глубины,—
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия, —
Мессия грядущего дня!

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
опускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

Отчаянье

З. Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Из окна вагона

Эллису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают — вон там и вон здесь —
Пролетают — за селами села,
Пролетает — за весями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у грудей: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, —
О немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там — в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

Друзьям

Н. И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может,
проснусь —
Вернусь!

Ночь

Сергею Кречетов

Хотя бы вздох людских речей,
Хотя бы окрик петушиный:
Глухою тяжестью ночей
Раздавлены лежат равнины.

Разъята надо мною пасть
Небытием слепым, безгрозным.
Она свою немую власть
Низводит в душу током грозным.

Ее пророческое дно
Мой путь созвездьями означит
Сквозь вихрей бледное пятно.
И зверь испуганный проскачет

Щетинистым своим горбом:
И рвется тень между холмами
Пред ним на снеге голубом
Тревожно легкими скачками:

То опрокинется в откос,
То умалется под елкой.
Заплачет в зимних далях пес,
К саням прижмется, чуя волка.

Как властны суеверный страх,
И ночь, и грустное пространство,
И зычно вставший лдяный прах —
Небес суровое убранство.

Мой друг

Уж с год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши ее, игриво

На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... — метод.

Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой черный плащ,
Шагает темным силуэтом;

Тряхнет плащом, как нетопырь,
Взмахнувший черными крылами...
Новодевичий монастырь
Блится ясными крестами —

Здесь мы встречаемся... Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В поля зазеленевший дым,
Глядим на Воробьевы горы.

«Жизнь, — шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могил, —
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений...»
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.

Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий. —
И бьются на венках, звеня,
Фарфоровые забудки.

Как будто из зеленых трав
Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв,
Моргают желтыми очами.

Ты — тень теней

Ты — тень теней...
Тебя не назову.
Твое лицо —
Холодное и злое...

Плыву туда — за дымку дней — зову,
За дымкой дней, — нет, не Тебя: бывшее,
Которое я рву
(в который раз),
Которое, — в который
Раз восходит, —

Которое, — в который раз алмаз —
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.

Так в листья лип,
Провиснувшие, — Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;

Так, — в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем: парус.

Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;

Так над водой пустилась в ветерок
Летеница растерянных букашек...

Душа, Ты — свет.
Другие — (нет и нет!) —
В стихиях лет:
Поминовенья света...

Другие — нет... Потерянный поэт,
Найди Ее, потерянную где-то.

За призраками лет —
Непризрачна межа;
На ней — душа,
Потерянная где-то...

Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

Город

Выпали желтые пятна.
Охнуло, точно в бреду:
Загрохотало невинно:
Пригород-город... Иду.

Лето... Бензинные всхлипы.
Где-то трамвай тарахтит.
Площади, пыльные липы, —
Пыли пылающих плит, —

Рыщут: не люди, но звери;
Дом, точно каменный ком,—
Смотрится трещиной двери
И чернодырым окном.

Особенности творчества Андрея Белого

Андрей Белый по праву считается одним из наиболее видных представителей поэзии серебряного века. Стихи А. Белого поражают своей музыкальностью, сам автор был убежден, что музыка «идеально выражает символ».

Идущая из глубин сердца поэта музыка дает ему возможность более полно выразить впечатление об окружающей действительности. Для символизма характерно, что поэт отражает не конкретное, а скорее абстрактное восприятие мира, картины бытия субъективны, в них нет черт реального мира.

Ранний период творчества А. Белого отличается поиском новых поэтических форм. В начале творческого пути А. Белый пишет четыре поэтических симфонии. Первая — «Северная», или «Героическая». Поэт признавал, что называл произведения симфониями в силу своего стремления к законченности и музыкальности.

Первый поэтический сборник А. Белого «Золото в лазури» был опубликован в 1904 г. Основным лейтмотивом произведений этого сборника стало солнце — предмет языческого поклонения.

Солнцем сердце зажжено.
Солнце — к вечному стремительность.
Солнце — вечное окно
В золотую ослепительность

Новый период творческого расцвета А. Белого начинается в 1905 г., когда поэт увлекается женой Блока — Любовью Дмитриевной Менделеевой-Блок. Эта несчастная любовь изменила всю дальнейшую жизнь

Андрея Белого. В его поэзии этого периода явственно слышны крестьянские мотивы, чувствуется влияние творчества Н. А. Некрасова, которому поэт посвятил сборник стихотворений «Пепел». Вот как сформулировал концепцию сборника сам автор: «Пепел — книга самосожжения и смерти, но сама смерть есть только завеса, закрывающая горизонты дальнего, чтоб найти их в ближнем». Это самый трагический сборник А. Белого, созданный под влиянием тяжелых душевных переживаний.

В дальнейшем А. Белый издает сборник стихов «Урна» и «Путевые заметки» — самое светлое произведение из всего написанного. Душевная рана поэта зажила.

А. А. Блок

(1880—1921)

Александр Александрович Блок — поэт, драматург. Воспитывался в семье матери, принадлежавшей к кругу петербургских профессорских семей. После окончания петербургской гимназии, с 1898 по 1901 гг. Блок учился на юридическом факультете Петербургского университета. Писать стихи Блок начал рано. Как поэт он формировался под влиянием традиций русской классической литературы. Ранние стихи Блока составили первую книгу, вышедшую в 1904 г., — «Стихи о Прекрасной Даме». После выхода этой книги Блок сразу же занял едва ли не центральное место в рядах символистов. Вторая его книга, «Нечаянная радость», сделала популярным имя поэта уже в широких писательских кругах. 1906—1907 гг. стали переломными для Блока. Он обращается к драматургии. В 1906 г. им были написаны три лирические драмы — «Незнакомка», «Король на площади», «Балаганчик». После поездки в Италию в 1909 г. Блок написал цикл «Итальянские стихи», весной

1914 г. — цикл «Кармен». Октябрьская революция вызывает новый духовный взлет поэта и гражданскую активность. В январе 1918 г. создаются поэмы «Двенадцать» и «Скифы», а также публицистическая статья «Интеллигенция и революция». После января 1918 г. Блок почти не пишет лирических стихотворений. В 1920—1921 гг. Блок переживает глубокую депрессию, порожденную острым разладом с действительностью. В апреле 1921 г. Блок заболел, а 7 августа он скончался.

«Вхожу я в темные храмы...»

Лирический герой входит в «темные храмы», совершает там обряд, ждет Прекрасную Даму, но видит лишь ее образ, «лишь сон о ней».

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

Он не слышит ни вздохов, ни речей, но верит, что рядом с ним Она.

Скифы

Милльоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Скифы «держали щит» между двумя враждующими расами Европы и Монголии. Сотни лет враги ждали удобного момента для нападения. И вот это время наступило. Теперь «каждый день обиды множит». Звучит призыв к старому миру, который пока еще не погиб: «Остановись, премудрый как Эдип, /

Пред Сфинксом с древнею загадкой! Сфинкс — это Россия. Она, «ликуя и скорбя» глядит в тебя «и с ненавистью, и с любовью». Любить так, как любят скифы, давно уже не может никто, и помнят они тоже все. Они призывают прийти к ним от «ужасов войны» в «мирные объятья», пока еще не поздно, спрятать меч в ножны, стать братьями. В противном случае они также вероломно поступят — перестанут быть щитом от Европы.

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Двенадцать

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Ветер, снег, под которым лед, — прохожие передвигаются с трудом. От здания к зданию протянут плакат с надписью: «Вся власть Учредительному Собранию!»

Видя, какой огромный лоскут использовали на плакат, старушка «убивается — плачет»: эту ткань можно было использовать для одежды ребятишкам.

На перекрестке стоит буржуй, спрятав нос в воротник. Некто с длинными волосами говорит, что погибла Россия. Это, очевидно, писатель. Здесь же и «долгополый» — поп. Он невесел, хотя раньше «брюхом шел вперед».

Одна барыня в каракуле жалуется другой: «Уж мы плакали, плакали». Поскользнулась, упала. Ветер доносит слова проституток о том, что у них было собрание, что постановили: «На время — десять, на ночь — двадцать пять... / ... И меньше — ни с кого не брать...»

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба

Кипит в груди...

Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди

В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.

Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни

Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цигарка, примят картуз,

На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,

Эх, эх, без креста!

Идущие люди говорят о том, что «Ванька с Каткой в кабаке.../ — У ей керенки есть в чулке!», что Ванька теперь и сам богат, потому что солдат.

Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусы!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,

В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Ребята пошли служить в Красную Армию.

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Ванька с Катькой мчатся в пролетке. Ванька
«в шинелишке солдатской / С физиономией дурац-
кой», крутит ус, обнимает Катьку.

5

У Кати на шее не зажил ножевой шрам, под грудью
свежа царапина.

Раньше она ходила в кружевном белье, «с офице-
рами блудила».

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала.
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

6

Двенадцать нападают на Ваньку и Катьку. Стре-
ляют за то, что Ванька гуляет «с девочкой чужой».
Но «подлец» убежал, а Катька осталась лежать на
снегу с простреленной головой.

По-прежнему двенадцать идут дальше, только у убившего Катьку Петрухи «не видать совсем лица», он никак не оправится от случившегося. Он признается товарищам в том, что любил «эту девку».

Товарищи ругают Петруху, заставляют его взять себя в руки.

Он прислушивается к их словам.

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайти этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времянке
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Вынью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...

Скучно!

9

Уже не слышно «шуму городского», городского нет — «Гуляй, ребята, без вина!» Только на перекрестке стоит буржуй, а рядом с ним жметя паршивый пес:

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась вьюга так, что совсем ничего не стало видно. Петруха стал вспоминать о Боге, на что услышал от товарищей:

— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво ...

И как можно вспоминать о Боге, если руки в крови?

Шаг держи революционный!
Близок враг неутомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

... И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.

Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

12

... Двенадцать «идут державным шагом».

Впереди разыгрался ветер с красным флагом. Позади двенадцати ковыляет голодный нищий пес.

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

Идущим все время кажется, что кто-то прячется за домами. Они угрожают, что будут стрелять. Но никого нет — «только эхо / Откликается в домах....».

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах!
... Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес.
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой неведим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

 Многоплановость художественного мира
поэмы А. Блока «Двенадцать»

Поэма «Двенадцать» стала новой и высшей ступенью творческого пути Блока. Сам поэт писал: «... поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносающийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства». Блок понял и принял Октябрьскую революцию как стихийный, неудержимый «мировой пожар», в очистительном огне которого

должен сгореть без остатка весь старый мир. Перемены в жизни общества, которые принесла революция, «Двенадцать» передает многопланово. Во-первых, действие поэмы сопровождает разгул стихии в природе — ветер, дующий в начале поэмы, в конце действия превращается в пургу. Во-вторых, разгул стихии коснулся представителей старого мира: стихия сметает на своем пути старую цивилизацию, весь старый мир. Анархический характер поступков «двенадцати» и их идеология также определены разгулавшейся стихией революции на протяжении всей поэмы. Другая сторона поэмы — это ее антихристианская направленность. «Двенадцать» идут без креста, без святого имени, совершая преступления (с точки зрения морали старого мира).

И, наконец, о «буре» в «море искусства», т. е. о художественном новаторстве «Двенадцати». Отдав-шись до конца «стихии», поэт сумел отразить в поэме ту «музыку», которая звучала и вокруг него, и в нем самом. Это отразилось в ритмическом, лексическом и жанровом многоголосии поэмы. В произведении звучат интонации марша, городского романса, частушки, революционной и народной песни, лозунговых призывов. И все это настолько органично слилось в единое целое, что Блок в день завершения поэмы, 29 января 1918 г., дерзнул пометить в своей записной книжке: «Сегодня я — гений».

Н. С. Гумилев

(1886—1921)

Николай Степанович Гумилев — русский поэт.

Свой первый сборник «Путь конквистадоров» он издал в 1905 г.

Эту книгу он сам считал пробой пера.

А уже в 1910-х гг. Гумилев — в числе ведущих представителей акмеизма. Его лирику отличают декоративность, изысканность поэтического языка (сборники «Романтические цветы», 1908; «Костер», 1918; «Огненный столп», 1921). В первых поэтических сборниках поэта нашло отражение его чувство к Анне Ахматовой, с которой он заключил брак в 1903 г. Гумилев был арестован по ложному доносу, затем расстрелян как участник контрреволюционного заговора. Только в 1991 г. дело в отношении Гумилева было прекращено за отсутствием состава преступления.

Жираф

Герой раннего стихотворения обращается к своей любимой, отмечает, что она сегодня особенно грустна.

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.

Он рассказывает ей о жирафе, живущем на озере Чад. Жираф прекрасен — грациозный и нежный, он украшен «волшебным узором». Издали он напоминает цветные паруса корабля. Бег его плавен. Герой знает «веселые сказки таинственных стран / Про черную деву, про страсть молодого вождя», но героиня не хочет верить ни во что, кроме реальности — идущего дождя. Однако герой настойчив в своем намерении заставить ее поверить в чудо:

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Озеро Чад

Действие происходит на «таинственном озере Чад». Лирическая героиня рассказывает о себе:

Я была женой могучего вождя,
Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили — на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук,
И яantarь всегда висел на шее.

Она встречает «белого воина», который «был так строен, / Губы красны, взор спокоен, / Он был истинным вождем». Они полюбили друг друга. Он сказал ей, что увезет ее ночью на коне. Они убежали. Вслед за беглецами гнался муж женщины, но погоня закончилась для него плачевно: он погиб. Героиня же «на быстром и сильном верблюде» удалялась на север. Она чувствовала себя счастливой: «И, смеясь, наклонялась в оконце, / Я смотрела, как прыгает солнце / В голубых глазах европейца». Но все изменилось. Теперь героиня — «ненужно-сучная любовница», брошенная в Марселе своим любовником. Она сравнивает себя с мертвой смоковницей.

Чтобы жить, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами,
И они, смеясь, владеют мною.
Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает...
Умереть? Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.

Старый конквистадор

Старый конквистадор заблудился в «неведомых горах». «Восемь дней скитался он без пищи», его

конь издох. Конквистадор вместе с трупом коня расположился под уступом скалы.

Он вспоминал свою прошлую жизнь — сражения, женщин, которых любил.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

Цикл «Капитаны»

1

На морях — южных и полярных — «шелестят паруса кораблей», которые ведут открыватели «новых земель» — капитаны. Им не страшны ураганы, они отмечают на карте «дерзостный путь», а обнаружив бунт на корабле, стреляют из пистолета. Не испугает их гроза.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат...

2

О подвигах великих капитанов — Колумба, де Гамы, Кука, Лаперуза и других — известно всем.

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостыли страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Капитаны стремятся и открыть неизведанное, и завладеть сокровищами.

Когда корабль подходит к форту, матросы спешат на берег. Они идут в таверну, где по ночам затевают драки с солдатами форта, или «клянчат» у знатных иностранок «два су», или продают обезьянок. А потом все деньги проигрывают в кости. Но хмель слетает сразу, как только слышен зов капитана.

Но существуют и «иные области», другие цели. Автор говорит о Летучем Голландце.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но железною,
В штурвал вцепляется — другою.
Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума,
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

Если Летучего Голландца встречали пловцы в морях, то их мучило «предвестие печали».

О капитанах «так много сложено историй», но самой страшной и таинственной является та, которая говорит

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

Волшебная скрипка (Из книги «Жемчуга»)

Автор обращается к мальчику: «Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка». Он говорит

мальчику, что ему не следует просить научиться играть на скрипке, так как «начинателя игры» ждет «темный ужас». Тот, кто взял скрипку в руки, навсегда лишится безмятежности. Звуки скрипки любят духи ада. Скрипка должна «вечно петь и плакать». Мальчик устанет, захочет прервать игру, но не сможет «крикнуть, шевельнуться и вздохнуть». Он не встретит сокровищ и веселья. Но мальчик не хочет верить словам автора. Автор отдает ему скрипку со словами:

На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

В библиотеке

Лирический герой в библиотеке. Сегодняшнее занятие нелегкое: разыгравшаяся фантазия не дает заниматься. Герой нашел в книге засушенный цветок. Он предполагает, что цветок мог положить «какой-нибудь влюбленный». Но, скорее всего, чувства этого человека начали уже увядать, раз он мог «дар любви» бросить засыхать в «книге преступления». Лирический герой размышляет о том, сколько тайн хранит любовь. Его мысли идут дальше — он думает о жизни в целом:

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Рабочий

Рабочий — «невысокий старый человек» — стоит перед горном. Его товарищи уже спят, а он все занят отливанием пули, которая должна убить лирического героя. После окончания работы рабочий возвращается домой, где ждет его жена. А им отлитая пуля

ищет героя и находит. Перед смертью он видит свое прошлое.

И господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век,
Это сделал, в блузе светло-серой,
Невысокий старый человек.

Заблудившийся трамвай

Лирический герой шел по незнакомой улице. Перед ним пролетел трамвай, и он чудом успел вскочить на подножку. Трамвай заблудился «в бездне времен». Лирический герой просит остановить трамвай, но уже поздно — «мы проскочили сквозь рощу палм, / Через Неву, через Нил и Сену». Герой увидел нищего старика, умершего три года назад в Бейруте. Ему страшно — он видит ужасные картины: на базаре вместо брюквы продают мертвые головы. Палач срезал голову и герою, положил ее в ящик вместе с другими. Герой видит дом в переулке, в котором жила Машенька. «Где же теперь твой голос и тело, / Может ли быть, что ты умерла?» Он не увиделся с ней тогда, когда она «стонала в светлице». Герой понимает, что «наша свобода — только оттуда бьющий свет». Он видит Исаакневский собор, где служат по нему панихиду, а по Машеньке — молебен о здравье.

И все ж навеки сердце утрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

Маркиз де Карабас

С. Ауслендеру

В этом стихотворении поэт делится своей способностью находить утешение и радость в мельчайших частичках окружающего мира.

Весенний лес певуч и светел,
Черны и радостны поля.
Сегодня я впервые встретил
За старой ригой журавля.
Смотрю на тающую глыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.
Он знает след хорька и зайца,
Лазейки сквозь камыш к реке,
И так вкусны сорочки яйца,
Им испеченные в песке.
Когда же роща тьму призовет,
Туман уронит капли рос,
И задремлю я, он мурлычет,
Уткнув мне в руку влажный нос:
«Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличенный маркизов.
И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежит вам по наследью.
Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?»
Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох
И лапкой белой и точеной,
Сердясь, вычесывает блох.
Наутро снова я под ивой
(В ее корнях такой уют)
Рукой рассеянно-ленивой
Бросаю камни в дымный пруд.
Как тяжелы они, как метки,
Как по воде они скользят!
...И в каждой травке, в каждой ветке
Я мой встречаю маркизат.

«У меня не живут цветы...»

В стихотворении автор признается, что радости реального мира, такие как цветы и птицы, стали ему недоступны.

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой, и завянут,
У меня не живут цветы,
Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А наутро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут...

Одни лишь книги, подобно безмолвным стражам, окружают лирического героя стихотворения:

...Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истома,
Словно зубы в восемь рядов.
Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

Дон-Жуан

Лирический герой стихотворения Дон-Жуан — дерзкий повеса, нарушитель моральных и религиозных норм — раскрывает свое жизненное кредо:

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста,
А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

Однако, несмотря на кажущуюся полноту жизни, Дон-Жуан не может не осознавать своей бесполезности:

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный
Испуганный в тиши своих путей,
Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

«Я не прожил, я протомился...»

Лирический герой стихотворения приходит к осознанию безрадостности, бесполезности своего существования:

Я не прожил, я протомился .
Половину жизни земной,
И, Господь, вот ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Однако мучения героя будут вознаграждены подаренной Богом мечтой:

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что влюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия.
Что моя молодая сила
Не смирилась перед твоей,
Что так больно сердце томила
Красота твоих дочерей.

Лирический герой задается вопросом о том, что же есть любовь:

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

Герой просит подумать о будущей жизни, поскольку не чувствует в себе сил и способностей к этому:

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
И о будущей ты подумай,
Я и так погубил одну.

Я и Вы

Лирический герой обращается к любимой женщине:

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Поэт заставляет своего героя признать, что его образ мыслей, душевный склад, тип восприятия действительности неприемлем для светского общества:

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет,

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

Романтический герой лирики Н. Гумилева. Праздничность восприятия мира

Д. Святополк-Мирский писал, что Гумилев ввел в русскую поэзию «элемент мужественного романтизма». Романтизм Гумилева возникает на почве расхождений «конквистадорских», воинственных устремлений с реальным социальным окружением, в котором поэт не находит интересных персонажей, ситуаций, сюжетов. Он найдет их позднее, в период войны, в ранней же лирике он уходит в фантастический мир великих героев и великих подвигов. Для поэзии Гумилева определяющим стал образ одинокого завоевателя, противопоставляющего свой мир тусклой действительности. Его илюбленные персонажи — конквистадоры, воины, императоры, рыцари, герои: римский император Каракалла, Люцифер, Вечный Жид, Людоед, Фея Меб. Его романтический герой совершает величественные дела и подвиги. Мы видим образ бесстрашного воина и охотника, тонкого знатока первобытных культур. При этом романтический герой изображен автором в экзотических условиях. Именно желание уйти от серых будней, стремление к праздничности приводит к тому, что лирический герой Гумилева оказывается в экзотических Африке, Нигерии, на Суэцком канале. В лирике Гумилева появляются мраморные гроты, жирафы и слоны, персидские миниатюры и Парфенон. Экзотические темы оставили в творчестве Николая Степановича яркие страницы.

Уже начиная с ранних стихотворений каждый поэт выстраивает свой особый путь в поэзии, и каждое лирическое творение становится определенной вехой на поэтическом пути. У Гумилева этот путь стал дорогой от «чужого» к «родному», т. е. через экзотические страны в Россию.

А. А. Ахматова

(1889—1966)

Анна Андреевна Ахматова (настоящая фамилия — Горенко) — русская поэтесса. В 1906—1907 гг. училась в Фундуклеевской гимназии в Киеве, в 1908—1910 гг. — на юридическом отделении Киевских высших женских курсов. Затем посещала женские историко-литературные курсы Н. П. Раева в Петербурге (нач. 1910-х гг.). В 1910 г. Ахматова вышла замуж за Н. Гумилева. Примыкала к акмеизму. Первые ее сборники — «Вечер», (1912), «Четки», (1914) — лирика исключительно любовная. Начиная с «Белой стаи» (1917) нарастает «ощущение личной жизни как жизни национальной, исторической» (Б. М. Эйхенбаум). Рамки поэзии расширяются: происходит осмысление общенародных трагедий XX в., сопряженных с личными переживаниями, тяготение к классическому стилю поэтического языка в сборнике «Бег времени. Стихотворения. 1909—1965». Автобиографическая поэма «Реквием» (1935—40; опубликована 1987) — о жертвах сталинских репрессий 1930-х гг. В «Поэме без героя» (1940—1965, полностью опубликована в 1976) — воссоздание эпохи серебряного века. Анна Ахматова — автор статей об А. С. Пушкине.

«Сжала руки под темной вуалью...» (Из сборника «Вечер»)

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Стихотворение передает любовную драму. Слова героини настолько ранили героя, что из дома «Он вышел патаясь, // искривился мучительно рот...». Она бежит за ним вслед, но исправить уже ничего нельзя.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Песня последней встречи (Из сборника «Вечер»)

Лирическая героиня показана в минуту глубокого душевного волнения, связанного с любовными переживаниями, — ее грудь «беспомощно холодела», но при этом внешне она старается сохранять спокойствие — ее шаги легки.

Глубокое замешательство передает движение героини — она надевает на правую руку «перчатку с левой руки». Состояние природы созвучно душевным переживаниям героини — в шелесте клена ей слышатся жалоба на судьбу и просьба умереть вместе с ним.

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

«Перед весной бывают дни такие...» (Из сборника «Белая стая»)

Лирическая героиня говорит о том, что бывают такие дни перед началом весны, что ощущаешь подъем и в природе, и в собственной душе. Мировосприятие человека меняется, на все вокруг он смотрит по-новому:

И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

«Мне голос был. Он звал утешно...» (Из сборника «Белая стая»)

Лирическая героиня говорит о том, что ей «голос был». Он призывал ее покинуть свою родину, свой «край глухой и грешный» навсегда. Он обещает ей новую жизнь:

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид.

Но у нее свои собственные непоколебимые убеждения:

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

«Заплаканная осень, как вдова...» (Из книги «Anno domini»)

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все слова туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.

Так будет до тех пор, пока не переменится жизнь, пока «тишайший снег» не покроет ее, «скорбную и усталую». Автор говорит о том, что отдать можно и жизнь за «забвенье боли и забвенье нег».

«Не с теми я, кто бросил землю...» (Из книги «Anno domini»)

С негодованием и презрением лирическая героиня Ахматовой говорит о тех, «кто бросил землю», т. е. эмигрировал после революции.

Эти люди — добровольные изгнанники — жалки, они лишили себя самого дорогого — родной страны.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знает, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

«Мне ни к чему одические рати...» (Из книги «Тайны ремесла»)

Автор говорит о том, как создаются стихи, о своем отношении к поэтическому творчеству.

Она утверждает, что ей не нужны «одические рати», что в стихах все должно быть «некстати», не «так, как у людей».

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

На рождение стихотворения может повлиять любая мелочь — «сердитый окрик, дегтя запах свежий», «таинственная плесень на стене», и неожиданно рождаются лирические строки.

Муза (Из «Седьмой книги»)

Для поэта явление Музы иногда становится мучительным. Она иной раз становится «обузой». Автор не согласна с утверждением, что Муза — «божественный лепет»:

Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

Мужество (Из «Седьмой книги»)

Стихотворение проникнуто духом патриотизма. Лирическая героиня говорит о том, что каждый человек сейчас знает, что «лежит на весах».

Она утверждает, что наступил тот самый час — «час мужества».

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

«Приморский сонет» (Из «Седьмой книги»)

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

Лирическая героиня говорит о том, что чувствует приближение конца жизни, и эта зовущая дорога в небытие кажется ей «нетрудной».

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царскосельского пруда.

«Родная земля» (Из «Седьмой книги»)

Родную землю не носят в «заветных ладанках», о ней не сочиняют «стихи навзрыд», она не кажется «обетованным раем».

В собственной душе не делают из родной земли предмет «купли-продажи».

Даже когда трудно в жизни, о родной земле не вспоминают.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Реквием

Во вступлении к поэме поэтесса говорит о своей общности с соотечественниками.

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Автор предваряет стихотворный текст прозаическими строками.

Это придает произведению еще большую достоверность.

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слышала моего имени, очнувшись от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957, Ленинград

Посвящение

Ахматова начинает поэму посвящением, описывающим страшное горе, постигшее ее Отечество:

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река...

Однако тот режим, который царит в ее стране, невозможно сокрушить даже ценой таких страданий:

Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.

Поэтесса вспоминает, как женщины теряли надежду на спасение своих любимых и близких:

Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханной,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...

Ахматова вспоминает тех, кто разделял ее тяжелую долю, тех, кому она посвящает свою поэму:

Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской выюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март 1940

Вступление

Для поэтессы время, которое она описывает, было самой страшной эпохой:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

Лирическая героиня с щемящей тоской описывает, как уводили на рассвете ее любимого. Читателю пока неясно, о ком именно идет речь — о муже, сыне, отце или ком-то другом:

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыты!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

[Ноябрь] 1935, Москва

Читатель понимает, что у героини отняли самого родного, близкого человека, жизнь без которого для нее невыносима.

Женщина, у которой отняли мужа и сына — двух единственных любимых людей, осталась совершенно одна:

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Страдания героини настолько велики, что кажутся ей нереальными:

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

1939

4

Далее лирическая героиня вспоминает себя юной безмятежной девушкой, всегда веселой и жизнерадостной:

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей...

То, какая роль отведена героине сейчас, ввергает ее в отчаянье:

Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...

1938

5

Горе и отчаяние помutilo героине разум:

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,

Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пыльные цветы,
И звон кадилый, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

6

Героиня обращается к своему сыну, находящемуся в застенках:

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

Весна 1939

7

Приговор

Казалось, что лирическая героиня выстрадала уже все, что только возможно. Но это не так. Приговор — «каменное слово» — стал последней каплей в чаше ее страданий:

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

Героиня вынесла уже столько боли, что теперь душа ее словно окаменела.

[22 июня] 1939, Фонтанный дом

8

К смерти

Жизнь становится настолько невыносимой, что лирическая героиня все чаще обращается мыслями к смерти, которая кажется ей избавлением:

Ты все равно придешь — зачем же не теперь?
Я жду тебя — мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.

Героиня ждет смерти, призывает ее в каком угодно обличье:

Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, —
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.

19 августа 1939, Фонтанный дом

Но вместо смерти героиню постепенно обволакивает безумие.

Уже безумие крылом
 Души накрыло половину,
 И поит огненным вином
 И манит в черную долину.

Страдающая женщина чувствует, что неспособна противостоять ему:

И поняла я, что ему
 Должна я уступить победу,
 Прислушиваясь к своему
 Уже как бы чужому бреду.

Накрывающее героиню безумие равносильно смерти. Оно также не даст возможности унести с собой хоть что-то, дорогое сердцу героини:

И не позволит ничего
 Оно мне унести с собою
 (Как ни упрашивай его
 И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза —
 Окаменелое страданье,
 Ни день, когда пришла гроза,
 Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
 Ни лип взволнованные тени,
 Ни отдаленный легкий звук —
 Слова последних утешений.

4 мая 1940, Фонтанный дом

Распятие

Читатель понимает, что единственный выход для обезумевшей от горя женщины — обращение к религии. Лишь в ней она еще способна черпать силы для существования.

Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящия.

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»

1938

Героиня обращается к образу Христа, подобно которому страдает ее безвинный сын. Она обращает читательский взор к матери Христа, которая также была свидетельницей его страданий:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Горе матери настолько свято, что никто не смеет осквернить ее даже взглядом.

1940, Фонтанный дом

Эпилог

I

Автор поэмы снова обращается к другим женщинам-мученицам, которые несли один с ней крест. Сколь ни велико ее горе, она ни на минуту не забывает, что не одна принимает страдание.

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.

Автор признается в том, что молится не только о себе, не только о своем личном избавлении:

И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

II

Автор поэмы разворачивает перед читателем вереницу женщин, которым досталась в жизни та же доля, что и ей.

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что, красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Она не хочет забыть ни одной из своих подруг по несчастью:

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

Страдания разрушали жизнь поэтессы, ее душу, однако больше всего она боится забыть о них, поскольку именно эти страдания очистили ее, «осветили», дали ей право на подобную щемящую исповедь.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Героиня стремится не забывать о долгих мучительных часах, проведенных в тягостном ожидании, о «черных марусях» — символах страшного режима, о горе и отчаянье других людей:

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть гроыхание черных марусь,

Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Уже первый лирический сборник Ахматовой «Вечер» определил принадлежность автора к определенной школе — к акмеизму. «Четки» — следующая книга Ахматовой, она принесла Ахматовой популярность. «Четки» продолжали лирический «сюжет» «Вечера».

Вокруг стихов обоих сборников создавался автобиографический ореол, что позволяло видеть в них лирический дневник. Новый сборник показывал, что развитие Ахматовой как поэта идет в постижении нюансов психологических мотивировок, в чуткости к движениям души. Это качество ее поэзии с годами усиливалось. В следующем сборнике — «Белой стае» — появились новые интонации скорбной торжественности, молитвенности.

После Октябрьской революции Ахматова не покинула родину, она осталась в «своем краю глухом и грешном». В стихотворениях этих лет (сборники «Подорожник» и «Anno Domini MCMXXI») скорбь о судьбе родной страны сливается с темой отрешенности от суетности мира, мотивы «великой земной любви» окрашиваются настроениями мистического ожидания «жениха».

В трагические годы сталинских репрессий Ахматова разделила судьбу многих своих соотечественников, пережив арест сына, мужа, гибель друзей, свое отлучение от литературы партийным постановлением.

Произведения Ахматовой этого периода — поэма «Реквием» и произведения последующих военных лет — свидетельствовали о способности поэта не отделять переживание личной трагедии от понимания катастрофичности самой истории. Ахматова застала блокаду, она видела первые страшные в своей жестокости удары, нанесенные ее любимому городу. Уже в июле появляется знаменитая «Клятва»:

И та, что сегодня прощается с милым —
Пусть боль свою в силу она переплавит.

Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Характерно, что в военной лирике Ахматовой главенствует широкое «мы». «Мы сохраним тебя, русская речь», «мужество нас не покинет» — таких строк, свидетельствующих о новом мироощущении Ахматовой, у нее немало.

Жестокий дисгармоничный мир врывается в поэзию Ахматовой и диктует новые темы и новую поэтику: память истории и память культуры, судьба поколения, рассмотренная в исторической ретроспективе. Скрещиваются разновременные повествовательные планы: «чужое слово» уходит в глубины подтекста, история рассматривается посредством вечных мотивов мировой культуры — библейских и евангельских. Многозначительная недосказанность становится одним из основных художественных принципов позднего творчества Ахматовой. На нем строилась поэтика итогового произведения — «Поэмы без героя», в которой Ахматова прощалась с Петербургом своей юности и с тем временем, которое сделало ее поэтом.

О. Э. Мандельштам

(1891—1938)

Осип Эмильевич Мандельштам — русский поэт. Учился в Тенишевском училище, увлекался эсеровским движением. В 1907—1908 гг. слушал лекции в Париже, в 1909—1910 гг. — в Гейдельберге, в 1911—1917 гг. изучал в Петербургском университете романскую филологию, но курса не окончил. В 1911 г. Мандельштам сближается с Н. Гумилевым и А. Ахматовой, в 1913 г. стихи Мандель-

штама «Notre Dame», «Айя-София» печатаются в программной подборке акмеистов. К нему приходит известность. Мандельштаму принадлежат сборники «Камень» (1913), «Tristia» (1922), цикл «Воронежские тетради» (опубликован в 1966), книга «Разговор о Данте» (опубликована в 1967), автобиографическая проза, статьи о поэзии. Умер Мандельштам в пересыльном лагере, в состоянии, близком к сумасшествию, по официальному заключению — от паралича сердца. Имя его было под запретом около 20 лет.

«Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит...»

Автор рисует яркую картину:

«Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит.
Прозрачный стакан с ледяною водою.
И в мир шоколада с румяной зарею,
В молочные Альпы, мечтанье летит.

Автор говорит, что ему «умильно глядеть», «принять благосклонно» снедь в «затейливой чашечке».

Подруга шарманки, появится вдруг
Бродячего ледника пестрая крышка —
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.

Неизвестно, что выберет мальчишка: «алмазные сливки иль вафлю с начинкой», а лед тает на солнце очень быстро.

Старый Крым

Безрадостная картина холодной весны в голодном старом Крыму, в точно таком же, каким он был при Врангеле, — «овчарки на дворе, на рубищах заплаты».

Такой же серенький, кусающийся дым.
Все так же хороша рассеянная даль —
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят, как припшлые, и возбуждают жалость

Автор говорит о страшных тенях Кубани и Украины, о голодных крестьянах «в туфлях войлочных», стерегущих калитку, не решающихся тронуть кольцо.

«Мы живем, под собою не чуя страны...»

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.

Автор дает портрет «кремлевского горца»:

Его толстые пальцы как черви жирны,
А слова как пудовые гири верны —
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

Вокруг него — «сброд тонкошеих вождей», полулюди, оказывающие ему услуги, ведущие себя подобно шутам:

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Вождь же ведет себя как настоящий тиран:

Как подкову, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз,—
Что ни казнь у него, то малина.
И широкая грудь осетина.

«Золотистого меда струя из бутылки текла...»

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде,
куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.
Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса —
не поймешь, не ответишь.
После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн
мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.
Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.
Ну, а в комнате белой, как прятка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской
и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме:
любимая всеми жена, —
Не Елена — другая, — как долго она выпивала?
Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший
в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством
и временем полный.

«Жил Александр Герцевич...»

Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант, —
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант.
И власть, с утра до вечера,
Заученную вхруст,
Одну сонату вечную

Играл он наизусть...
Что, Александр Герцевич,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич,—
Чего там! Все равно!
Пускай там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит:
Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
А там вороньей шубою
На вешалке висеть...
Все, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцевич,
Чего там! Все равно!

«Квартира тиха, как бумага...»

Квартира тиха, как бумага —
Пустая, без всяких затей, —
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.
Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.
А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.
Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.
Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Колхозному баю пою.
Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,

Достоин такого рожна.
Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель,
Такую ухлопает моль.
И столько мучительной злости
Таит в себе каждый наем,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.
Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать,
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.
И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

«За гремучую доблесть грядущих веков...»

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.
Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

Особенности лирики О. Мандельштама

Главные приметы поэзии Мандельштама — туманность, размытость содержания. Это роднит его

лирику с импрессионизмом. Поэтому не случайно то, что Мандельштам нашел свое временное пристанище в акмеизме.

Можно сказать, что именно Мандельштаму в большей степени, чем Гумилеву, принадлежит теория акмеизма. При всей зыбкости, туманности образы в поэзии Мандельштама настолько прочно сцеплены между собой, что их невозможно разъединить, а частая повторяемость необходима поэту для создания целостного впечатления:

«Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит.
Прозрачный стакан с ледяною водою.
И в мир шоколада с румяной зарею,
В молочные Альпы, мечтанье летит.

Поэзия Мандельштама глубоко индивидуалистична, резко противопоставлена «толпе». Мандельштам создал образы, выражающие капризную, причудливую игру воображения.

Субъективное восприятие явлений жизни приводит его к своеобразному поэтическому солипсизму — крайней форме субъективного идеализма, признающей несомненной реальностью только сознание субъекта.

Не только окружающая действительность сомнительна, — столь же сомнительно и существование самого поэта.

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот.
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

У Мандельштама было необыкновенно развито чувство историзма, ему свойственно переживание истории в себе и себя в истории. По Мандельштаму, все эпохи сосуществуют, прошлое предстоит открыть в будущем. Например, в «Разговоре о Данте» поэт говорит: «Сколько радостных предчувствий: Пушкин,

Овидий, Гомер...». По Мандельштаму, достижения поэзии предыдущих веков должны соединиться с новыми открытиями.

Мандельштаму принадлежит самое точное поэтическое определение рубежа веков — времени разрыва между старой и новой Россией:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

Мандельштам вначале отнесся к революции достаточно спокойно, как к чему-то неизбежному. Затем последовало принятие поэтом революционных перемен и попытка осознать, что все-таки совершает революция. Но поэт никогда не шел на сделку со временем, не пытался угодить. В итоге он остался в творческом одиночестве, сосланный в Воронеж за дерзкие стихи о Сталине. Пожалуй, следующее заявление поэта, как никакое другое, точно свидетельствует о его жизненной позиции: «Нет, никогда, ничей я не был современник...»

И. Северянин

(1887—1941)

Игорь Северянин (настоящее имя — Игорь Васильевич Лотарев) — русский поэт. Он стал знаменит в одночасье после выхода сборника стихотворений «Громокипящий кубок». Его поэзии свойственны эстетизация городских мотивов, игра в романтический индивидуализм (сборники «Громокипящий кубок» (1913), «Ананасы в шампанском» (1915)). С 1918 г. Северянин жил в Эстонии. Автобиографический роман в стихах «Колокола собора чувств» (1925)

и сборник сонетов «Медальоны» проникнуты любовью к родине, чувством ностальгии.

Кензель (Из сборника «Громокипящий кубок»)

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуенной Вы проходите морево...

На даме изысканное платье, лазоревая тальма.
Она идет по песочной дорожке. Ей предназначено
судьбой «упоенье любовное». Поэт называет даму
«эстетной», но сомневается, найдется ли ей пара. По-
эт советует ей закутать ноги в плед, комфортабельно
устроиться в «ландовете бензиновом», довериться
«мальчику в макинтоше резиновом».

Увертюра (Из сборника «Ананасы в шампанском»)

Ананасы в шампанском — это «вкусно, искристо и о-
стро». Поэт вдохновляется, берется за перо. Автор рисует
жизнь города: бегут автомобили, стрекочут аэропланы,
кто-то «зацелован», а кто-то побит. Поэт — в обществе
«девушек нервных», в «остром обществе дамском».

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!

Ахматова (Из сборника «Медальоны»)

Ахматову автор называет «послушницей обители
любви», чувства которой четки «осенней ясностью».

Ее избранник не будет вместе с ней «в своей гордыни кроткий». Автор обыгрывает названия поэтических сборников Ахматовой: «Уж вечер. Белая взлетает стая».

Уже осталось крови в ней немного,
Но ей не жаль ее во имя Бога.
Ведь розы крови — розы для креста.

Поиски новых поэтических форм. Поэтические неологизмы. Грезы поэта

Игорь Северянин — поэт открытой, искренней натуры. В своих стихах он не стеснялся воспевать роковые страсти, жгучие объятия, ночные улицы, номера гостиниц, в которых происходили тайные свидания, нереальные эпохи, страны с замками возле моря, кипарисами, луной — все то, о чем мечтали начитавшиеся западных романов гимназистки. Стихи Северянина переворачивали обыденность, погружали читателя в юношеские фантазии. При внешней гладкости звучания и простоты содержания поэзия Северянина отражает достаточно сложное внутреннее ощущение окружающей действительности. В его лирике сталкиваются две абсолютно разные позиции: высоко эстетическая и сентиментально-мещанская.

Для Игоря Северянина было важно создание собственной поэтической традиции. Поэтому новое направление, провозглашенное Северяниным в русской поэзии, называлось эгофутуризмом.

Футуризм поэзии Северянина как таковой вызывает сомнение. Единственными элементами футуризма в его поэзии были образы города (автомобили, улицы, рестораны и проч.) и знаменитые неологизмы.

Игорь Северянин не был просто собирателем новых слов и понятий. Неологизмы у Северянина даются в красивых, картинных сочетаниях, они «эстетичны», искусно включены в стихотворение.

В. В. Маяковский

(1893—1930)

Владимир Владимирович Маяковский — русский поэт, один из ярчайших представителей авангардного искусства 1910—1920-х гг. Родился в дворянской семье. Отец Маяковского служил лесничим на Кавказе, после его смерти (1906) семья жила в Москве. Будущий поэт учился в московской гимназии. Общался со студентами-большевиками, вступил в партию (1908). Стихи начал писать в Бутырской тюрьме. В 1911 г. Маяковский поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. К 1912 г. относятся первые поэтические опыты, связанные с теорией и практикой группы кубофутуристов. Поэзия Маяковского — бунтами против мироустройства. Она наполнена социальными контрастами современной урбанистической цивилизации, традиционные взгляды на прекрасное и поэзию, представления о вселенной, рае и Боге. За участие в публичных литературных выступлениях футуристов Маяковский был исключен из училища (1914).

В разные годы Маяковским были написаны: сборник «Простое, как мычание» (1916), поэмы «Флейта-позвоночник» (1916), «Облако в штанах» (1920-е гг.), «Хорошо» (1927), «Во весь голос» (1930), стихотворения «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», «Сергею Есенину» (оба — 1926), «Стихи о советском паспорте» (1929), пьесы «Клоп» (1928) и «Ваня» (1929) и многие другие произведения.

Нате!

Автор обращается к обывателям. Он, «бесценных слов мот и транжира, обвинительно бросает в лицо толпе:

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковины вещей.

Он, «грубый гунн», если не захочет сегодня кривляться перед толпой, захохочет и плюнет ей в лицо.

Дешевая распродажа

Автора забавляют нищие люди, «опасливо» придерживающие карман в страхе, что их ограбят. О себе поэт говорит, что он очень богат. Его через «сколько-то лет» изучат профессора. О нем будут говорить с кафедры так, что истинное лицо поэта не будет ясно.

Богатство, которым владеет поэт, — это богатство души. Он украсит собою вечность, но все это он готов отдать «за одно только слово ласковое, человеческое». Но это слово — казалось, дешевую плату за славу — не найти.

Флейта-позвоночник

Пролог

Поэт задается вопросом: не поставить ли «точку пули в своем конце»? Поэтому «на всякий случай» решает «дать прощальный концерт».

Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике.

1

«Праздник нарядных». Повсюду веселье. Поэту «празднично» то, что на праздник «выйти не с кем».

Он говорил, что нет Бога. Но Бог есть, и он выдумал «дать тебе настоящего мужа», чтобы поэт мучился. Боль, «ежедневно множимая», настолько сильна, что поэт обещает Богу свой скорый визит. И тогда пусть Всевышний судит его так, как считает нужным. Но просит поэт лишь об одном: «Убери проклятую ту, которую сделал моей любимой!»

2

Автор говорит, что слова любви сопровождают людей всегда, даже когда «от крови качающийся, как Бахус, пьяный бой идет». Вот и он, поэт, поет «накрашенную, рыжую». Он живет для любимой и ради любимой:

Быть царем назначено мне —
Твое личико
На солнечном золоте моих монет
Велю народу:
Вычекань!

Он говорит, что его любовь, возможно, «последняя в мире любовь».

3

Поэт забудет «год, день, число», запрется «одиноким с листом бумаги». Он ходил в дом любимой и почувствовал, что там что-то неладно. Она сказала ему «очень рада» холодно. Поэт в смятенье, в отчаянье. Он чувствует — любовь умерла:

Скуку угадываю по стольким признакам.
Вымолодили себя в моей душе.
Празднику тела сердце вызнакомь.

Поэт говорит, что не вырвет ее и себя из сердца. Обращается к любимой: «Радуйся, радуйся, ты доконала!» Вошел ее муж. Поэт говорит ему:

«Хорошо!
Уйду!
Хорошо!
Твоя останется.
Тряпок нашей ей,
Робкие крылья в шелках зажирили б.
Смотри, не уплыла б.
Камнем на шее
Навесь жене жемчуга ожерелий!»

Ночью от плача и хохота героя «морда комнаты выносилась ужасом». Он хочет теперь «одной отравы — пить и пить стихи».

Сергею Есенину

Автор стихотворения высоко оценивает Сергея Есенина как поэта:

Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом не смешок.

Маяковский недоумевает, почему Есенин решил покончить жизнь самоубийством:

Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.
Почему?
Зачем?

Возмущает то, как общественность отреагировала на смерть поэта. Маяковский протестует против разговоров критиков и обывателей, которые говорили о том, что в жизни поэта было «много пива и вина»,

что ему следовало заменить «богему классом», чтобы класс влиял на него, что нужно было приставить к Есенину «кого из напостов», чтобы содержание его лирики приобрело политически «правильное» звучание, и писал бы он тогда по сто строк в день.

Маяковский говорит, что если бы все это осуществилось, то лучше было бы «от водки умереть», поэт тогда бы еще раньше «наложил на себя руки». Автор не может понять причин, толкнувших Есенина на этот шаг. Смерть поэта повлекла за собой череду подражаний:

Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.

Есенин ушел из жизни, и эта утрата — народное горе:

У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забуддыга подмастерье.

Но не так следовало чтить память поэта, как это делали. Не нужны пошлые надгробные речи, «стихов заупокойный лом, с прошлых с похорон не переделавши почти». Сразу же после смерти поэта возникли дрянные посвящения и воспоминания, а имя Есенина «в платочки рассоплено». Автор намерен бороться против обывательской реакции на случившееся:

— Не позволю
мямлить стих
и мять! —
Оглушить бы
их
трехпалым свистом
в бабушку
и в бога душу мать!

Чтобы разнеслась
бездарнейшая погань...

Маяковский говорит, что пока жизнь мало изменилась,

Дрянь
пока что
мало поредела...

Нужно переделывать жизнь, а потом воспевать ее. Это нелегко, но «протопанной и легшее» не было никогда.

Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только
путаницу волос.

Юбилейное

Автор обращается к великому поэту:

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.

Он предлагает ему поговорить «часок-другой». Маяковский говорит, что теперь он стал свободен от «любви и от плакатов» и не собирается навязываться к нему «в меланхолишке черной». Однако с великим поэтом ему хочется поговорить, потому что иной раз «большое понимаешь через ерунду». Он говорит, что между ними есть много общего: оба они искали «речи точной и нагой», новые способы поэтической речи. Обращаясь к Пушкину, Маяковский говорит:

Муза это
ловко
язык вас тянет.

Но любовные переживания в поэзии — не самые сильные. Маяковский говорит, когда «и горевать не в состоянии», это намного тяжелее. Труднее быть индивидуальным в поэзии, искать новые темы.

Маяковский говорит, что жалеет о том, что сейчас Пушкина нет в живых:

Мне
при жизни
с вами
сговориться б надо.
Скоро вот
и я
умру
и буду нем.

После смерти они оба будут стоять рядом — Пушкин «на Пе», а он «на эМ», а вот те, кто будет стоять между ними, — это вопрос, так как «страна моя поэтами нища». Маяковский называет некоторых, с его точки зрения, достойных поэтов — Некрасова, например. О Есенине говорит так:

Ну Есенин.
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!

Остальные — однообразный «пейзаж». Правда,

есть
у нас
Асеев
Колька.

Этот может.
Хватка у него
моя.

Пушкина автор ценит высоко, ему доверил бы он и «агитки», и «рекламу», так как тот бы «смог». Маяковский даже бы в угоду великому поэту «ямбом подсюсюкнул», но все-таки ямб пришлось бы бросить Пушкину, живи он в настоящее время. Маяковский говорит, что в родной стране можно жить и работать, только вот мало хороших поэтов. Маяковский протестует против хрестоматийности образа Пушкина:

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.

Потому и ненавидит он всякое подведение под правила, штампы. А собственный памятник Маяковский бы взорвал:

Мне бы
памятник при жизни
полагается по
чину.
Заложил бы
динамиту
— ну-ка,
дрызны!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизни!

Облако в штанах

Тетраптих (Вступление)

Обращаясь к читателю, поэт говорит, что намерен «дразнить об окровавленный сердца лоскут» «вашу

мысль». Он молод душой, в нем нет «старческой нежности»:

Мир огромив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.

Маяковский призывает приходить учить «из гостиниц батистовых» новому мировосприятию. Обывательское мировоззрение должно быть искоренено. Он намерен «славословить» «мужчин, залежанных, как больница, / и женщин, истрепанных, как пословица».

1

Это было,
было в Одессе.

Мария сказала, что придет в четыре. Но ее нет. Он переживает:

Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!

Неважно то, что его «сердце — холодной железкою», — человеческое тепло и ему необходимо. Он стоит у окна, думает о том, «будет любовь или нет», а если будет, то какая — «большая или крошечная». Двенадцатый час — ее все нет.

Проклятая!
Что же, и этого не хватит?
Скоро криком издерется рот.

Он страдает, ждет, нервничает:

Нервы большие,
маленькие,
многие! скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!

Наконец она пришла, «резкая, как “нате!”», сообщила, что выходит замуж.

Он пытается быть равнодушным к ее словам.
Кажется, что он предвидел такой финал:

а я одно видел:
вы — Джококонда,
которую надо украсть!
И украли.

Он будет пытаться продолжать жить:

И в доме, который выгорел,
иногда живут бездомные бродяги!

Она говорит, что у него много «безумий». Переживания героя передаются так:

а самое страшное
видели —
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоен?

Герой болен, у него «пожар сердца». Его глаза — «наслезенные бочки», из сердца своего «выскочить» ему не удастся.

2

Поэт говорит, что он не чета великим. Раньше он думал, что книги делаются легко: «пришел поэт, легко разжал уста, и сразу запел вдохновенный простак». Но оказалось, что прежде, чем начнет «петься», нужно долго ходить, «разомлев от брожения», пока не воз-

никнет рифма, а окружающая обстановка мешает «слову». Город поэту «дорогу мраком запер». Уличная давка, суeta, обыденность жизни мешают поэтам воспевать любовь. Маяковский говорит, что так не должно быть. Поэту не должен мешать окружающий мир, поэт должен петь в унисон с этим самым миром:

Мы сами творцы в горящем гимне,
шуме фабрики и лаборатории.

Самому ему это удастся:

Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело,
говорю вам:
мельчайшая пылинка живого
ценнее всего, что я сделаю и сделал!

И пусть люди в копоты и «в оспе», но «солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи!». Люди не должны ждать милостей свыше — они сами себе хозяева:

Мы —
каждый —
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!

Автор говорит, что сегодня он не понят людьми, осмеян, но он — предтеча нового. Ради этого он «выжег души, где нежность растили».

И когда новый Бог придет, поэт сделает следующее:

душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! и окровавленную дам,
как знамя.

Ах, зачем это,
откуда это
в светлое весело
грязных кулачищ замахи!

Пришла
и голову отчаянием занавесила
мысль о сумасшедших домах.

Поэт рассуждает о людях. Приводит в пример
Бурлюка, когда он, «почти окровавив исслезенные
веки», все-таки

вылез,
встал,
пошел
и с нежностью, неожиданной в жирном человеке,
взял и сказал:
«Хорошо!»
Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!

Маяковский осуждает такой подход к жизни.
Для него хорошо перед эшафотом крикнуть: «Пейте
какао Ван-Гутена!», и такую «громкую секунду» он
не променял бы ни на что.

Маяковский говорит о Северянине:

Как вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кронься миру в черепе!

Автор утверждает, что уйдет от тех поэтов, кото-
рые «влюбленностью мокнут»:

Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,

чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса.
Вся земля поляжет женщиной,
заерзает мясами, хотя отдаться;
вещи оживут? губы вещицы
засюсюкают:
«цаца, цаца, цаца!»

Маяковский уверен: появится на земле новое поколение людей, которые назовут своих детей именами его стихов, т. е. будут думать так, как он сам. Поэт, «воспевающий машину и Англию», станет, возможно, тринадцатым апостолом.

4

Он просит Марию впустить его. Прохожие с любопытством смотрят на него. Поэт говорит, что он простой человек, «выхарканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни». Он просит Марию открыть ему. Онапустила его. Он говорит ей:

Не бойся,
что снова,
в измены ненастье,
прильну я к тысячам хорошеньких лиц, —
«любящие Маяковского!» —
да ведь это ж династия
на сердце сумасшедшего восшедших цариц.

Поэт обещает Марии любить ее:

Тело твое
я буду беречь и любить,
как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.

Мария отказывается от любви поэта. Он «темно и понуро» берет сердце, «слезами окапав», несет его к Богу. Обращаясь к Богу, он говорит:

— Послушайте, господин Бог!
Как вам не скушно
в облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?
Давайте — знаете —
устроимте карусель
на дереве изучения добра и зла!

Он спрашивает Бога, почему тот не сумел сделать так, чтобы любовь была без мук:

Я думал — ты всеильный божиче,
а ты недоучка, крохотный божик.

Поэт достает «из-за голенища сапожный ножик», собирает «пропахшего ладаном» «раскрыть отсюда до Аляски».

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Разговор с фининспектором о поэзии

Поэт обращается к фининспектору с вопросом «о месте поэта в рабочем строю». Он говорит, что труд поэта родствен любому другому труду. Поэту тоже непросто — ему нужно найти такие рифмы, «чтоб враз убивали, нацелясь».

— Поэзия
— вся! —
езда в незнаемое.

Поэзия —
Та же добыча радия.
В грамм добыча,

в годы труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.

Конечно, говорит автор, поэты бывают разными, есть те, которые «вставят чужую строчку — и рады». Это сродни воровству и растрате на производстве. Настоящий же поэт съест пуд соли, выкурит сотни папирос, прежде чем добудет «драгоценное слово» из «артезианских людских глубин». У поэта со временем изнашивается «машина души», происходит «амортизация сердца и души». Автор утверждает, что рифма поэта имеет огромное значение — это и «ласка, и кнут, и штык». Он по праву требует «пасть в ряду беднейших рабочих и крестьян».

Письмо Татьяне Яковлевой

Автор пишет, что не любит парижскую любовь, каким, бы шелками она ни была украшена. Обращаясь к адресату, он говорит, что лишь она одна ему «ростом вровень». Он рассказывает про «важный вечер». Пять часов вечера, город словно вымер. Слышен гром, но это не гроза, а «просто ревность». Коростой сойдет «страсти корь», останется радость. Автору близко чувство ревности, но не к женщине, а к «Советской России». Он переживает за то, что «ста миллионам» людей плохо — они больны, «на плечах заплаты». Он обвиняет адресата в том, что ее нет в России. Поэт говорит, что это «оскорбление», которое будет «нанизано на общий счет». Он говорит, что все равно вернет ее:

Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

Раннее творчество.

В. Маяковский-кубофутурист

Истоки поэзии Маяковского — в кубизме, футуризме, а также в русской и западной поэтической культуре конца XIX — начала XX в. Маяковскому были близки эпатажность, антиэстетизм, изображение пороков современной буржуазной цивилизации.

Первые стихотворения Маяковского привлекли внимание читателей исключительно своей скандальностью. Кубофутуристические сборники «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей П», «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас» и др., в которых печатался поэт, удивили не только обычных читателей, но и критиков.

Первый скандал вокруг имени Маяковского разразился после постановки его трагедии «Владимир Маяковский» (1913). Уже само название поэмы привело в шок зрителей. Между тем Б. Пастернак писал о том, что именно название поэмы скрывало «гениально простое открытие» Маяковского: автор становился предметом лирики, обращался к миру от первого лица. Таким образом, поэт отказался от дистанции между лириком и лирическим героем. Они слились в едином образе — Владимир Маяковский. Этот романтический образ Поэта и стал главной темой лирики Маяковского.

Б. Л. Пастернак

(1890—1960)

Борис Леонидович Пастернак родился в Москве 10 февраля 1890 г. Его родители были людьми искусства: отец — художник Леонид Осипович Пастернак, а мать —

пианистка Розалия Исидоровна (девичья фамилия — Кауфман).

В августе 1901 г. Борис поступает во второй класс гимназии. Его с детства интересует поэзия и в 1907 г. он знакомится с творчеством знаменитого поэта Р. М. Рильке. Через год Пастернак оканчивает гимназию с золотой медалью и поступает на юридический факультет Московского университета. В этот жизненный период он увлекается творчеством А. Белого, К. Гамсуна, С. Шишыхинского и др. В мае 1909 г. студент переводится на философское отделение историко-филологического факультета университета. Годом позже молодой поэт выносит на публику свои первые сохранившиеся стихотворения, хотя долгое время скрывал свой поэтический дар. 10 января 1911 г. в кружке поэтов-младосимволистов при издательстве «Мусагет» прозвучал доклад поэта «Символизм и бессмертие».

В мае 1912 г. Борис уезжает в Германию для обучения во время летнего семестра у профессора Г. Когена на философском факультете Марбургского университета. За этим последовало путешествие поэта в Италию, где он проводит две недели. Через год, в апреле, стихи Пастернака впервые публикуются в коллективном сборнике «Лирика». В 1913 г. поэт оканчивает университет и получает звание кандидата философии Московского университета, а чуть позже начинает заниматься созданием сборника, получившего название «Близнец в тучах». Основными событиями 1914 г. для Пастернака были первый выпуск сборника «Центрифуги» — «Руконог» (в котором были напечатаны стихи и статья Пастернака), а также первая встреча с В. Маяковским.

Начиная с 1916 г. Пастернак активно пишет стихи. Он выпускает сборник «Поверх барьеров», также полным ходом идет работа над книгой «Сестра моя — жизнь». В 1917—1918 гг. была написана повесть «Детство Люверс», главной героиней которой стала девочка Женя, изучающая большой мир. В 1921 г. родители поэта переезжают в Берлин, а в 1922 г. Борис женится на знаменитой художнице Евгении Лурье. В это же время он начинает переписываться с поэтессой М. Цветаевой, которая на тот момент проживала во Франции.

Следующие два года Пастернак с женой проводит в Германии, где издается его следующий сборник — «Темы и вариации». Октябрьская революция не могла пройти

мимо поэта, поэтому он пишет поэму «Высокая болезнь», где высказывает свое мнение по поводу революционных событий (эта поэма впервые печатается в журнале «ЛЕФ» в 1924 г.). Борис Пастернак в своем творчестве склонен к экспериментам. Так, роман в стихах «Спекторский» — это попытка соединить в одном литературном произведении прозу и поэзию.

В 1925—1926 гг. под влиянием времени Пастернак пишет поэму «Девятьсот пятый год». В это же время поэт подробно изучает творчество других литераторов, но больше всего его привлекает поэзия Цветаевой, например ее произведение «Поэма конца», послужившая началом переписки Пастернака, Цветаевой и Рильке. Активное общение поэтов оказало огромное влияние на развитие их творческих взглядов. Через некоторое время Борис Леонидович пишет поэму «Лейтенант Шмидт», порывает всякую связь с левыми, считая их творения «полуискусством».

В 1931 г. издается книга «Охранная грамота», посвященная памяти друга Пастернака Р. М. Рильке. В этом же году Пастернак уезжает в Грузию, где женится на Зинаиде Нейгауз и находит новых друзей Тициана Табидзе и Павло Яшвили. Любовь очень благотворно влияет на поэта, уже в 1932 г. выходит его книга «Второе рождение». Этот и следующий год Борис посвящает путешествию по родной стране. Он побывал в Свердловске, объездил всю Грузию. Голодные годы и бедственное положение людей очень сильно повлияли на поэта. Под влиянием увиденного он заболевает.

С 1934 г. жизнь Пастернака переплетается с политическими событиями. В это время арестовывают О. Мандельштама, но Борис ходатайствует о его освобождении (он разговаривает со Сталиным). П. Яшвили кончает жизнь самоубийством, Т. Табидзе расстреливают по приговору «тройки» НКВД. Пастернак лишается своих единственных друзей.

Но, несмотря на все потери и лишения, поэт продолжает творить, в 1940 г. выходит сборник «Избранные переводы» (переводы западноевропейских поэтов). Особенно близко Пастернаку было творчество Верлена. Но Пастернак хочет создать что-то новое, свое. Так появляются первые стихи из цикла «Переделкино». Но Пастернак не останавливается на достигнутом в области переводов. В 1941 г. он публикует «русскоязычного» «Гамлета», а затем начинает

перевод «Ромео и Джульетты». В этом же году начинается Великая Отечественная война, и семья Пастернака была вынуждена перебраться в Чистополь. Военная обстановка в стране вызвала у поэта бурный всплеск эмоций, и, естественно, в этот период было написано множество стихотворений.

В 1943 г. писатель отправляется на Брянский фронт. В конце войны был издан последний сборник Бориса Пастернака — «Избранные стихи и поэмы». Послевоенное время вдохновило Пастернака на новое произведение — роман «Доктор Живаго» (1945—1955). Но, кроме работы над романом, этот человек принимает участие во многих литературных вечерах. К сожалению, в СССР читающая публика не признавала поэта, зато за рубежом он пользовался огромной популярностью. Английские литераторы даже настаивали на присуждении ему Нобелевской премии за лирические произведения, к тому же «Заметки к переводам шекспировских драм» были оценены по достоинству. В этот период жизни поэт не был обделен и любовью. Он знакомится с Ольгой Ивинской. Но 6 октября 1949 г. его счастьем приходит конец. Ольгу Ивинскую арестовывают. Это дает большой материал для творчества, но очень ранит душу поэта.

20 октября 1952 г. с Пастернаком случилось несчастье. У него был инфаркт миокарда, и долгое время писатель провел в Боткинской больнице. В 1953 г. отдельной книгой издается перевод «Фауста» Гете, а в 1954 г. Пастернака выдвигают на Нобелевскую премию, но его кандидатура была отклонена советским правительством (взамен был предложен М. Шолохов, но комиссия предпочла выдвинуть Э. Хемингуэя).

Через два года роман Пастернака «Доктор Живаго» должны были напечатать сразу в двух издательствах — «Новый мир» и «Знамя». Совершенно случайно это произведение попадает в руки к миланскому издателю-коммунисту Дж. Фельтринелли. Роман издают в зарубежном издательстве, поэтому издательства СССР отказываются от прежней идеи. Но писатель не унывает и пишет автобиографический очерк «Люди и положения», а также цикл стихотворений «Когда разгуляется». В 1957 г. должен был выйти сборник избранных стихов, но произошла путаница, и книга так и не была издана. Советские власти потребовали от Пастернака остановку печати романа в Италии,

но в ноябре роман все же вышел на итальянском языке, а затем и на многих других языках мира.

23 октября 1958 г. Пастернаку присуждают Нобелевскую премию за роман «Доктор Живаго». В «Литературной газете» печатается письмо редколлегии «Нового мира», где сообщается, что произведение Пастернака «убогое, злобное, исполненное ненависти к социализму» и не заслуживает столь почетной премии. Постановлением президиума правления Союза писателей СССР был принят указ об исключении Бориса Пастернака из этой организации. Из-за ненависти советских литераторов и правительства к его творчеству писатель вынужден отказаться от Нобелевской премии. Также он печатает в газете «Правда» обращение к читателям, написанное О. В. Ивинской и Д. А. Поликарповым.

В 1959 г. в иностранной газете печатается стихотворение поэта «Нобелевская премия», за что его вызывают к генеральному прокурору Р. А. Руденко. Пастернака обвиняют в измене Родине и запрещают встречаться с иностранцами.

10 февраля 1960 г. писатель отмечал свое семидесятилетие. К нему слетелись поздравления со всего света. Он начинает писать пьесу «Слепая красавица», но, не закончив ее, умирает (30 мая) на своей даче в Переделкине.

«Февраль. Достать чернил и плакать!..»

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Лирический герой говорит о том, чтобы за «шесть гривен» достать «пролетку» и на ней перенестись туда, где «ливень / Еще шумней чернил и слез», туда, где с деревьев слетают «тысячи грачей», срываются в лужи.

Проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,

И чем случайней; тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Марбург

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложение, —
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль ее слез! Я святого блаженной.

Лирический герой выходит на площадь. Он чувствует себя рожденным вторично — любая деталь окружающей обстановки, ранее незначительная, несла колоссальную нагрузку для его восприятия.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смутл, и на небо глядел исподлобья
Булыжник, и ветер, как лодочник, греб
По липам. И все это были подобья.

Но он избегал взглядов, не замечал приветствий,
не хотел никаких богатств.

Инстинкт прирожденный, старик-подхалим,
Был невыносим мне. Он крался бок о бок
И думал: «Ребятня зазноба. За ним,
К несчастью, придется присматривать в оба».

Инстинкт ведет его мудро, советует, как поступать.

«Научишься шагом, а после хоть в бег», —
Твердил он, и новое солнце с зенита
Смотрело, как сызнава учат ходьбе
Туземца планеты на новой планиде.

Одних людей «это все ослепляло», другим казалось тьмою. А в Марбурге жизнь шла своим чередом: «Кто, громко свиста, мастерил самострел, / Кто молча готовился к Троицкой ярмарке».

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.
Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты...
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнуто.

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На лирического героя, исполнителя роли Гамлета, наставлены «тысячи биноклей». Ему нравится эта роль, замысел «упрямый». Но сегодня у него «другая драма», и играть эту роль он не будет.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

«Во всем мне хочется дойти...»

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

Герой хочет дойти «до сущности протекших дней», до их причины, так, чтобы все время «схватывать нить» событий и судеб. Ему хочется «жить, думать, чувствовать, любить, /Свершать открытия», понимая их причины и следствия. Тогда, возможно, ему бы удалось вывести некую закономерность происходящего.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Лука, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Лирический герой приводит в пример Шопена,
который сумел вложить в свои этюды жизнь «фоль-
варков, парков, роц, могил».

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На пламя слетались хлопья снега и прилипали
к оконной раме, а метель рисовала на стекле окна
«кружки и стрелы».

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

Весь мир терялся в «снежной мгле».

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Поэзия — мир, понятый по-новому

Д. С. Лихачев писал: «Хорошо известны слова Пастернака: “Быть знаменитым некрасиво”. Это означало, что поэзия, творчество поэта были у него отделены от поэта-человека. Известными и “знаменитыми” должны быть только стихи. Так же точно и рукописи стихов отделены от самих стихов. Над рукописями не надо трястись, хранить их. Пастернак существует в поэзии, и только в поэзии: в поэзии стихотворной или в поэзии прозаической. Поэзия Пастернака — это... тот мир, который снова и снова возвращает его к настоящей действительности, по-новому понятой и возросшей для него в своем значении».

Пастернак — поэт ассоциаций. Уже в ранних стихотворениях 1910-х гг. появляются основные черты, присущие поэтическому видению мира Пастернака — мира, где все настолько переплетено и взаимосвязано, что любой предмет может вбирать признаки другого, а события и чувства передаются с помощью будто бы случайного набора неожиданных ассоциаций, пронизанных эмоциональным напряжением. С помощью этих ассоциаций события и чувства сливаются:

И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Открытие Пастернака в том, что он запечатлевает мир, в котором воплощена красота Божьего замысла, мир, который дан ему «в вечную зависть», мир, который нужно каким-то образом охватить и воплотить.

Образ окружающего мира и способ его передачи находят наиболее полное воплощение на страницах третьей книги стихов «Сестра моя — жизнь» (1922), посвященной лету 1917 г., между двумя революциями. Книга эта — своеобразный лирический дневник,

где за стихотворениями на темы любви, природы и творчества почти не видно конкретных примет исторической эпохи. Но сам поэт утверждал, что в этой книге «выразил все, что можно узнать о революции самого небывалого и неуволимого». Поэт считал, что революцию должна описывать не историческая хроника в стихотворной форме, — она должна быть передана в лирике путем воспроизведения жизни людей и природы, охваченных событиями вселенского масштаба.

По Пастернаку, задача поэта состоит в том, чтобы запечатлеть мгновение, которое сопоставимо с вечностью, в которое проецируется вечность. Поэт должен изобразить неисчерпаемость мгновения:

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.

Доктор Живаго

Первая книга

Юрий Живаго — наследник богатой фамилии русских промышленников. Лариса Гишар была простой девочкой, далекой от высшего общества. Но роман построен на переплетении судеб этих двух героев, а композиция произведения очень необычна: одна глава — о Юрии, другая — о Ларе и т. д.

Лара и Юрий похожи, но вместе с этим они очень разные. Живаго живет в мире тесных родственных связей. По всей стране — от Урала до Москвы —

проживают его многочисленные родственники. Мать Живаго умерла, когда ему было всего десять лет, а через два года отец покончил жизнь самоубийством. Но мальчик не остался один. Опеку над ним взял Николай Николаевич Веденяпин — поп-расстрига, ставший журналистом. Этот человек и повлиял на раскрытие в Юрии писательского таланта. Другой человек — старик Федька, который поначалу присматривал за мальчиком, — дурно влиял на Юрия.

Он проживал со своей воспитанницей и растрачивал часть денег, которые ему доверяли на воспитание ребенка. Семья Громеко, в которой вырос Живаго, окружила его благоприятной атмосферой заботы и благополучия.

У Лары жизнь сложилась менее успешно. Она была дочерью инженера-бельгийца и француженки Амалии Карловны Гишар, которая приехала в Москву с Урала. О родственниках Лары автор почти ничего не сообщает, кроме того, что мать девочки в Москве стала хозяйкой швейной мастерской и нарочно толкнула собственную дочь в руки своего ухажера. Лариса была не единственным ребенком в семье Гишар. Автор упоминает о ее эгоистичном и наглом брате Родионе.

Но Лара недолго будет связывать жизнь со своими истинными родственниками. Ее новой семьей стали Кологривовы, у которых она работала гувернанткой младшей дочери Липы, а старшая дочь Кологривовых Надя стала для Лары лучшей подругой. Еще одной подругой Гишар была Ольга Демина, которая училась в мастерской матери Лары. Благодаря Ольге Лара знакомится с множеством людей. Наиболее значимыми для нее были Папа Антипов (будущий муж героини) и бунтовщик Ника Дудоров. Но в ее окружении был человек из прошлой жизни — Комаровский.

Комаровский — очень сильная и влиятельная личность, известный адвокат, который повлиял на самоубийство своего клиента (отца Юрия Живаго)

и совратил дочь Амалии Карловны Гишар. Беззащитная Лара долго находилась в его власти.

На скором поезде, направлявшемся в Москву, ехал Юрий Живаго со своим отцом и дядей Веденяпиным. Это были последние часы жизни разорившегося миллионера Андрея Живаго (он сбросился с площадки поезда, и пассажирский состав вынужден был сделать остановку). На этом же поезде ехали Миша Гордон (друг Юрия Живаго), вдова Тиверзина и Комаровский. Скорый поезд явился неким связующим звеном в судьбах всех этих людей.

В Москве жизненные пути героев все больше переплетаются. Мать Лары покончила жизнь самоубийством (отравилась), и девушка остается одна, без поддержки родственников. Единственными для нее близкими людьми были друзья — Комаровский и сосед Фадей Каземирович. Фадей выступает на музыкальном вечере в доме Громеко, и именно там Юрий Живаго впервые видит Лару (она не замечает юношу, поскольку увлечена своей тайной связью с Комаровским). Вторая их встреча состоялась на елке у родственников Юрия — Свентицких. К тому времени в жизни Лары произошли перемены. Она хотела навеки попрощаться со своим прошлым. Девушка решила, что непременно нужно убить Комаровского. Юрий Живаго в то время уже начал свой творческий путь.

Праздник у Свентицких оказался решающим событием в жизни главных героев. Умирает Анна Ивановна Громеко, благословив перед смертью свою дочь Тоню и Юрия. В жизни Лары и Юрия наступают времена вынужденных событий. Лара выходит замуж за Павла Антипова и, окончательно разорвав все связи с прошлым, уезжает с мужем в город Юрятин. Там она начинает работать учительницей. Юрий Живаго в это время женится на Тоне Громеко, а вскоре у этой пары рождается сын. Началась Первая мировая война. Живаго, всего один раз видевшего своего ребенка, забирают на фронт военврачом.

Юрий Живаго и Лариса Антипова совершенно поразному относятся к жизни, чувствам, судьбе. Юра

как будто плывет по течению жизни, никогда не отклоняясь в сторону. У Лары же более беспокойный характер. Их взаимоотношения с Павлом не складывались. Каждый из них пытался быть лучше другого, никогда не задумываясь, что тем самым приносит любимому человеку боль. Павел, не выдержав тупиковой ситуации, сложившейся в их семейной жизни с Ларой, просто убегает от проблем. Он уходит добровольцем на фронт и пропадает без вести. Лариса отправляется на поиски своего мужа и попадает на фронт.

Война — грандиозное событие, губящее множество жизней и сближающее множество людей. Так, на фронте оказываются Михаил Гордон, Гимазетдин Галиуллин (дворник дома, где живут Тиверзины) и его сын Юсупка (на фронте он был подпоручиком полка, в котором служил Павел Антипов). Лара и Юрий наконец знакомятся. Их встреча происходит в госпитале, где Живаго лежит с ранением, а Лара работает медсестрой. В том же госпитале в это время пребывал Осип Гимазетдинович. Он рассказал Ларе о том, что ее мужа взяли в плен, хотя на самом деле Павел погиб.

В госпитале Лара и Юра все больше времени проводят вместе. Их неизбежное сближение заметно даже жене Юрия Тоне, которая пишет мужу ревностные письма. Для Юрия расставание с Ларой было невыносимой потерей, но все же его мысли были заняты женой и сыном, которого он никогда не видел. Также и Лара заботилась о своей дочери Катеньке.

Февральская революция. Юрий Живаго возвращается домой и застаёт смерть молодого комиссара Гинца. Живаго и во времена Первой мировой войны, и во время революции были чужды высокопарные, пафосные речи, боевой революционный дух. Тем страшнее показалась ему смерть этого молодого человека. Гинц, убегая от разозленных им солдат, не желавших больше воевать, в последний момент взбирается на бочку, чтобы произнести речь, но проваливается внутрь, и его со смехом убивают.

С другим революционером судьба сталкивает Живаго в поезде по дороге с фронта. Его попутчик оказался не способным к общению, потому что был глухонемым. Только свеча, горевшая в ту ночь, помогла людям понять друг друга (революционер смотрел на губы Живаго и мог понять, что тот говорит).

Возвращение домой не приносит герою ожидаемого успокоения. Здесь, в кругу друзей и родных, он оказывается еще более одиноким, чем на фронте. Первым разочарованием была для Юрия встреча с сыном Сашей, который заплакал, увидев незнакомого мужчину. Встречи с некогда близкими друзьями тоже не приносят радости. Их постоянное веселье было неуместно в голодные времена.

Но вскоре доктор Живаго возвращается к своей обычной жизни, некогда насильно прерванной. Он оказывается в больнице, в которой раньше работал. Юрий очень загружен на работе, занимается лечением своего сына, и у него не хватает времени думать о переменах, произошедших в его близких друзьях. В Москве у него осталось всего три близких человека — Тоня, сын Саша и тесть.

Началась Октябрьская революция. Перед народом опять встала проблема выживания. Доктор Живаго был настолько потрясен новостью о Петроградском перевороте, что забыл о своей цели выхода в город и о странном юноше, встреченном в подъезде. Он все-таки не смог пройти мимо аккуратно сложенных бревен и вернулся домой с ошеломляющей новостью и бревном для растопки печи.

Все события — общественные и личные — скатываются в один большой ком. Но Юрий Живаго все-таки вспоминает о медсестре Антиповой. В одном из московских домов он встречается с Ольгой Деминой и матерью подпоручика Галиуллины, которые рассказывают Юрию о Ларе. Но это воспоминание отходит на второй план, потому что доктор заболевает тифом.

Даже Тоня, оказавшаяся прекрасной хозяйкой, не могла бы сотворить такого чуда: Юрий, не совсем

еще пришедший в себя, почувствовал запах булочки с маслом — непривычной роскоши в голодное время. Тут-то он вспомнил о человеке, которого встретил в подъезде. Тот юноша оказался братом героя (ребенком от второго брака отца). Граня Живаго знал своего брата и восхищался им. Появившись с неожиданной помощью в трудное время, он посоветовал брату уехать из города на какое-то время.

Живаго начал собираться на Урал к родственникам. Для Юрия, живущего в Москве, это был путь в никуда, но жена и тесть Александр Александрович все же настаивали на отъезде. Антонина Александровна сама упаковала вещи Юрия Андреевича, а ему оставалось проверить, в порядке ли все документы.

Вагоны, следовавшие в восточном направлении, перевозили в основном военных и мобилизованных. Семья Живаго пребывала в четырнадцатом вагоне, который тоже был наполнен мобилизованными. Пассажиры были все очень разные, с разными судьбами, но среди общей массы выделялись три человека: Прохор Харитонович Притульев, который раньше работал кассиром винной лавки, Вася Брыкин, которому на тот момент было шестнадцать лет, и революционер-кооператор Костоед-Амурский, побывавший на всех каторгах старого времени.

Вася Брыкин вызывал всеобщее сочувствие. Он попал в трудармию случайно: его дядя попросил у охранника разрешение попрощаться с провожающей женой, а в залог оставил мальчика. Естественно, назад за племянником он не вернулся.

Во время поездки о Васе особенно заботилась любовница Притульева — Пелагея Ниловна Тягунова, которая последовала за любимым добровольно. Но с Притулевым поехала не только она. Ее соперницей была близкая знакомая Прохора Харитоновича девица Огрызкова. Но о Притульеве заботилась еще и его законная жена, которая пыталась доказать, что с ее мужем поступили несправедливо. На самом деле Прохора просто поймали без документов и отправили рыть окопы.

Прохор Харитонович и Вася оказались земляками и всю дорогу посвятили воспоминаниям о родной стороне. На одной из станций охранник Воронюк не досчитался четверых людей. Это были Вася, Притульев и недавно поругавшиеся Тягунова и Огрызкова. Испугавшись наказания, Воронюк сбежал.

Поезд тронулся, а Вася и Пелагея Ниловна в это время уже пробирались к деревне Васи, ничего не зная о судьбах Притульева и Огрызковой.

Пассажиры четырнадцатого вагона продолжали свой путь. Командиры эшелона обвинили Костоеда-Амурского в том, что он позволил убежать одному из солдат. Но вскоре тема побегов была закрыта, и люди начали думать о проблемах насущных: что можно выменять на еду, как уберечься от заболевания тифом и т. д. Семья Живаго с удовольствием помогала во всех трудовых работах. Но на одной из остановок случилась путаница, и Юрия Живаго арестовали, приняв за разыскиваемого шпиона. Так Юрий познакомился с известнейшим в то время человеком — со Стрельниковым.

Живаго при первом взгляде на столь великого человека проникся к нему уважением и восхищением. Ему очень нравились уверенные в себе люди, ставящие перед собой цель и непременно ее достигающие. Как поэт Юрий разглядел в этом человеке некую одаренность, только было непонятно, какого рода.

Стрельников отпускает на свободу Юрия, но тем не менее берет себе на заметку наследника крюгеровских фабрик. Новый знакомый показался Живаго загадкой, которую ему еще предстояло разгадать. Стрельников, прозванный в народе Расстрельниковым, следовал своей идее, и то, что нарушало эту идею, он уничтожал.

Вторая книга

Во время вынужденного отсутствия Юрия в теплушке появился новый пассажир, который впослед-

ствии очень сильно повлияет на жизнь семьи главного героя. Его звали Анфим Ефимович Самдевятов. В ту пору в России было очень много людей, которые являлись революционерами с загадочным и странным прошлым и неизвестным настоящим. Разговаривая со своим новым попутчиком, Живаго узнает всю правду об Октябрьской революции, а заодно и свою дальнейшую судьбу. Самдевятов рассказывает Живаго о Юрятине, о людях, живущих там, называет некоторые фамилии, имена, улицы. Из разговора с Анфимом Ефимовичем Юрий узнает о партизанской войне и «лесных братьях». Самдевятов произносит имя Лары, учительницы, преподающей в гимназии, но его собеседник не придает этому имени никакого значения. Странный пассажир еще много расскажет доктору о его будущей жизни.

Но семья Живаго пока следует намеченному пути — в Варыкино. Здесь их все узнавали благодаря очень большому внешнему сходству Антонины Александровны с ее дедом Крюгером. В Варыкине семья знакомится с Микулицыными, которых так подробно и точно описал до этого Самдевятов. Несмотря на то что хозяева оказались не очень-то дружелюбными, Живаго все-таки поселяют в задней части дома, некогда предназначенной для избранной челяди. Они очень быстро обустраиваются, начинают вести хозяйство, активно работать. Благодаря знаниям Александра Александровича, который раньше был профессором сельскохозяйственной академии, семья смогла безбедно прожить всю зиму. Долгими зимними вечерами все устраивались в уютной гостиной. Женщины занимались рукоделием, а мужчины читали русских классиков. В это время Юрий Живаго снова начал писать, только уже не стихи, а личный дневник. Его очень заинтересовала история сибирского края, и, решив побольше узнать об этом, он направился в юрятинскую библиотеку, где и встретил Лару, школьную учительницу, вдову знаменитого учителя Павла Павловича Антипова (про ее мужа в то время ходили слухи, что он вовсе не умер, а стал

командиром Стрельниковым и теперь издевается над людьми).

Наконец их долгожданная встреча состоялась. Первая молчаливая встреча была в библиотеке, а вторая — во дворе дома Антиповой. Так начались отношения между вдовой и женатым человеком. Все это продолжалось два месяца. Живаго очень любил свою жену Тоню, с которой был знаком с детства, но от Лары он тоже не мог отказаться. Однажды по дороге из Юрятина домой он задумывает рассказать все Тоне и порвать тайную связь с бывшей медсестрой, тем более что его жена была в это время беременна вторым ребенком. Но Юрия все же одолевали сомнения, он никак не хотел расставаться с Ларой. Судьба сама решает, какой выбор сделать герою: по дороге домой его похищают партизаны.

Два года Юрий Андреевич кочует вместе с «лесными братьями». Волею судьбы он сходитя с командиром этого отряда Ливерием, сыном Микулицына, который был хозяином нового жилья семьи Живаго. Главный герой все больше соглашается с тем, что против судьбы нельзя идти.

Партизанская война — страшная, братоубийственная. В партизанское движение входили люди разнообразных чинов и социальных положений. Это были и крестьяне-середняки, и бедняки, идейные анархисты, пленные и люди, непонятно по каким причинам нужные партизанам. Каждый из этих людей рисковал своей жизнью и подвергал великой опасности своих родных и близких.

В партизанском лазарете Живаго сталкивается с давним знакомым. Это был солдат-дезертир Памфил Палых, который лишил жизни молоденького комиссара Гинца, тем самым ускорив возвращение Юрия Андреевича из Мелюзеева в Москву. Но история, случившаяся в партизанском лагере, совершенно вывела из себя доктора. Палых очень долго рассказывался в своем преступлении. Тогда он совершенно случайно застрелил бедного мальчишку, и из-за его глупой ошибки могли пострадать его любимые жена

и двое детей. Но хладнокровный убийца и прекрасный семьянин — две несовместимых роли. Памфил сам убил свою жену и детей хорошо наточенным топором, которым еще недавно делал игрушки для своих ребятишек. После этого Палых больше никто не видел.

Этот ужасающий эпизод заставил Юрия всерьез задуматься о судьбе своей жены и детей. Он слышал, что на Варыкино было совершено нападение и что почти вся деревня разграблена. Живаго решает бежать из партизанского отряда. Вот позади его навязанная дружба с Ливерием, какие-то неизвестные люди, попавшие в лагерь так же, как и он сам, случайно раненный, но спасенный мальчик-белогвардеец и много всего другого. Он отправляется в Юрятин к своей Ларе.

Очень много повидал и пережил за эти годы доктор Живаго. Он узнал, что такое голод и людские страдания, смерть, указы, декреты, приказы. Именно на них он хотел посмотреть первым делом по возвращении домой. Но как раз рядом со стеной, где находились указы, герой упал в обморок. Очнувшись, Живаго пошел в дом к Ларе, но ни ее, ни Катеньки дома не было. Они уехали в Варыкино, чтобы устроить Юрию сюрприз в честь возвращения. Предусмотрительная Лара оставила в доме еду. Немного придя в себя, Юрий вышел из дома и направился в парикмахерскую (за время пребывания в лагере он сильно оброс). Волей судьбы он оказался в швейной мастерской, которой заведовала Глафира Севериновна Тунцева, тетка Ливерия и, соответственно, свояченица Микулицына. Она узнала Юрия, но, так же как и он, не показала этого. Женщина рассказала Юрию Андреевичу о судьбе его семьи. Тоня с детьми и отцом вернулись в Москву еще до нападения на Варыкино, а Лара ведет жизнь одинокой школьной учительницы, помогающей всем, кто нуждается в ее помощи.

Приведя себя в порядок, Юрий Андреевич вернулся домой к Ларе. Он сильно заболел и погрузился в длительное бредовое состояние. Иногда Юрий ви-

дел то, что происходило в реальной жизни, но свидетелем чего он не являлся (отъезд Лары и Павла в Юртин). Реальные события и видения смешались. Теперь доктору Живаго казалось, что видения — это явь, а реальный мир — вымысел. Но Лара помогла ему выйти из оцепенения, и, очнувшись от прикосновения ее нежных рук, он потерял сознание от счастья.

Впервые в жизни эти люди были по-настоящему счастливы. Эта пора длилась примерно два-три месяца. Лара и Юрий мечтали о еще большем счастье, о соединении с семьей Живаго. Во время отсутствия Юрия Андреевича Лара и Тоня очень подружились, и бывшая медсестра Антипова даже принимала роды у Тони. Лара мечтала о том, чтобы вернулся ее пропавший муж, и тогда семья Живаго смогла бы дружить с Антиповыми. Но надежды на лучшую жизнь постепенно терялись, а оставалась лишь привязанность и близость Лары и Юрия. Наступили очень тяжелые времена. Юрию Андреевичу пришлось уйти с работы, Ларе грозила та же участь. К тому же Тоня написала, что семью Громеко выселяют из России, а Стрельникова собираются арестовать. Получилось так, что судьба опять отправила доктора Живаго и Лару в Варыкино.

Такое светлое прошлое, семейная жизнь с Тоней, московский дом — все исчезло. Теперь оставалось только настоящее вместе с милой и родной Ларой. Она очень сильно отличалась от Тони: Лара — земная, прекрасная женщина, не склонная к философскому мировосприятию, но интуитивно чувствующая все на каком-то подсознательном уровне. Таким же был и Юрий Андреевич. Иногда поставить точный диагноз он мог просто, без всяких обследований, потому что он на подсознательном уровне уже знал, чем болен человек. Юрию Андреевичу были близки рассуждения Симы Тунцевой (самой младшей сестры из четырех) о христианской истории человечества. Ларе тоже была близка эта теория, хотя она и отвергала философию как науку. Лару очень привлекало, что

рассуждения Симушки соответствовали мыслям Юрия Андреевича, и поэтому она очень хотела, чтобы, если ее и Юрия арестуют, Катенька осталась в семье Тунцевых.

Вскоре отъезд из Юрятина стал для Лары и Юрия неизбежным. Положение усугубил приезд Комаровского, с которым Лара была связана в юности. Он привез с собой еще более плохие вести, но предложил паре уехать вместе с ним на Дальний Восток, где большевики задумали создать Дальневосточную республику, а его (Комаровского) назначить министром юстиции. Предложение Комаровского было тут же отклонено доктором Живаго, а Ларе лишь оставалось согласиться с этим решением. Лара и Юра, попрощавшись только с Симушкой, вынуждены были уехать обратно в Варыкино.

Дом в деревне показался влюбленным очень уютным, как будто кем-то обжитым, но им было не до этого. Оставалось очень мало времени до их окончательного и неизбежного расставания. Прошлое куда-то ушло, исчезло, испарилось, настоящее скоро должно было разрушиться, а семьи уже никак нельзя было вернуть. Почти через две недели жизни в Варыкино снова приехал Комаровский. Он забрал с собой Лару, насильно разлучив влюбленных. Лара знала, что этот человек обманывает ее, но сделала такой ответственный шаг ради спасения Катеньки и Павла.

Попрощавшись со своим прошлым, с Ларой, Тоней, Юрий понял, что значит быть по-настоящему одиноким, и этот период стал для него творческим этапом. Он писал о Ларе, но получался портрет не той земной женщины, которую он любит, а какой-то нереальной. Однако вскоре Живаго был выведен из такого состояния появлением Павла Павловича Антипова (Стрельникова). Он находился в бегах, а его розыском занимались политкаторжанин Антипов (отец Павла) и его друг Тиверзин (в доме которого Антипов-младший воспитывался). Люди больше не подчинялись чувствам и эмоциям, они действовали как

роботы, по приказу. Стрельников мечтал теперь только об одном — в последний раз увидеть жену и ребенка, а потом спокойно умереть. Но его надежды не оправдались. Он погибает, выстрелив сам в себя. Его смерть заставила доктора Живаго наконец прийти в себя и отправиться в Москву.

Остается рассказать только о последних годах жизни Юрия Андреевича Живаго. Его жизнь после первого отъезда из Москвы была настолько переполнена событиями, что поэт начал творить без остановки.

Живаго возвратился домой не один. По дороге он встретил своего давнего попутчика из четырнадцатой теплушки — Васю Брыкина. Последние девять лет жизни Юрий Андреевич потратил на воспитание Васи и на семейную жизнь.

Он женился в третий раз, при этом не разведясь с Тоней и все еще думая о Ларе. Его третьей и последней любовью была дочь бывшего дворника Маркела. Последний этап жизни доктора Живаго был мрачным и скучным, Юрия уже ничего не интересовало. Брат Юрия Евграф пытался пробудить ото сна творческий талант бывшего поэта, предоставив ему полное уединение, но, к сожалению, было уже слишком поздно. Юрий Андреевич Живаго умирает на пути к новой жизни. Видимо, судьба снова распорядилась жизнью этого человека. Все случилось так, как должно было быть. Автор проводит параллели между покойным Живаго и французенкой мадам Флери, которая, в отличие от доктора, добивается выезда за границу и смотрит только вперед, в будущее, не оглядываясь. Лариса Федоровна Антипова приезжает в Москву на похороны доктора Живаго, чтобы в последний раз увидеть лицо своего возлюбленного и попрощаться с ним навсегда.

Ее вторая дочь, случайно потерянная матерью, будет найдена много лет спустя во время Великой Отечественной войны генералом Евграфом Живаго.

Михаил Гордон и Ника Дудоров проживут очень долгую жизнь, побывав в заключении, в тюрьмах

и на каторге. Они всегда осуждали своего общего друга Юрия Живаго, не понимали его творчества. Но, несмотря на это, много лет спустя, пережив все войны и лишения, они все же вспоминают о Юрии и наконец понимают смысл его стихов.

Концепция произведения

Главным событием, с которым прямо или косвенно связаны все события романа, является революция. Она изменила и погубила жизни многих людей. Естественно, мнения по поводу революционных событий различны. Кто-то считает, что кровопролитие и убийство необходимы ради создания светлого и свободного будущего, но в большинстве случаев люди не принимают революцию.

Главный герой романа — Юрий Андреевич Живаго — не выступает ни «за», ни «против». Он плывет по течению времени, не препятствуя никакому повороту событий. Два года, проведенных в плену, воспринимаются главным героем как судьба, которой нельзя противиться. Доктор Живаго также не старается воссоединиться со своей семьей, думая, что так и должно быть.

Судьба Юрия и его семьи — это история людей, чья жизнь на долгое время была выбита из колеи, разрушена революцией. На протяжении всего романа семья Громеко вынуждена бежать то из Москвы на Урал, то снова в Москву, а в итоге выехать из страны за границу.

Под влиянием политических изменений доктор Живаго начинает постепенно погибать как личность. Революция не оставляет ему возможности быть счастливым.

Сцена смерти Юрия Живаго глубоко символична. В трамвае у него начинается сердечный приступ, но надежды на спасение уже не остается, потому что он попал «в неисправный вагон, на который все время сыпались несчастья». Отказавшись от прошлого,

герой потерял надежду на счастливое будущее, поэтому такой финал был неизбежен.

Н. А. Клюев

(1887—1937)

Николай Алексеевич Клюев — русский поэт. Родился в деревне Коштуги Олонецкой области. Большое влияние на будущего поэта оказала мать Прасковья Дмитриевна. Ей он посвятил один из лучших своих стихотворных циклов — «Избяные песни».

Поэзия Клюева — поэзия крестьянской патриархальности, которая противостоит индустриальному Западу. Поэт стремился открыть в «избяной Руси» древнюю духовную культуру. Клюеву принадлежат сборники «Сосен перезвон» (1912), «Песнослов» (кн. 1—2, 1919), «Изба и поле» (1928), поэма «Погорельщина» (опубликована в 1987), «Песнь о Великой Матери» (опубликована в 1991). Поэт был репрессирован в 1934 г., реабилитирован посмертно.

«Вы обещали нам сады...»

Поэт обращается к тем, кто «обещал сады»:

Вы обещали нам сады
В краю улычиво-далеком,
Где снедь — волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали, что укроют от горестей, омоют тела про-
каженных в целительных ручьях. На этот зов при-
шли «Чума, Увечье, Убийство, Голод и Разврат». Следом пришли Страх, «дырявая Бедность». Облетел сад, потекли ручьи отравы.

После всех пришельцев появились «неведомые
Мы»:

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы — валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.

Рожество избы

В стихотворении описан процесс «рождения» крестьянской избы. Вот «белый сруб» избы, рядом молчаливый «крепкогрудый плотник», отесывающий колья. После того как изба будет построена, будут «рябью писаны подзоры / И лудянкой выпестрен конек». На стене будут зарубки: «сукрест, лапки, крапица, рядки». Строителя избы автор называет «тайновидцем», щепя перед ним — письма, а изба — «пава». Когда окончится работа, о «красном древоделе» будут говорить люди.

«Я — посвященный от народа...»

Я — посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать.

Все племена людей едины:

Китай за чайником мурлычет,
Чикаго смотрит чугуном...

А дух поэта парит над родиной, одетой «в громовый плащ». Он видит «снежную Печору», где к жителю ее — помору — «стучится дед — пурговый сон».

Пусть кладенечные изломы
Врагов, как молния, разят, —

Есть на Руси живые дремы,
Невозмутимый, светлый сад.

«Обозвал тишину глухоманью...»

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
И плевком незабудку обжег.
Зарябило слезинками плесо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай.
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

«Есть горькая супесь, глухой чернозем...»

Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь
И пегая охра, жилища пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть Мать-земля, бытия колыбель.
Ей пестун Судьба, вертоградарь же Бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог.

Лишь дочь ее, Нива, в часы бороньбы,
Как свиток, являет глаголы Судьбы, —

Читает их пахарь, с ним некто Другой,
Кто правит огнем и мужицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота, —
И в памяти нашей лишь радуг цвета.

В кручине по крыльям пригожих лицом
Мы «соколом ясным» и «павой» зовем.
Узнайте же ныне: на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

Изба — колесница, колеса — углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутия взывающих гроз...

Смятутся народы, иссякнут моря,
Но будет шелками распита заря, —
То девушки наши, в поминоков векам,
Расстелют ширинки по райским лугам.

От иконы Бориса и Глеба...»

От иконы Бориса и Глеба,
От стригольничьего Шестокрыла
Моя песенная потреба,
Стихов валунная сила.

Кости мои от Маргарита,
Кровь — от костра Аввакума.
Узорнее аксамита
Моя золотая дума:

Чтобы Русь, как серьга, повисла
В моем цареградском ухе...
Притекают отары-числа
К пастуху — дырявой разрухе.

И разруха пасет отары
Татарским лихим кнутом,

Оттого на Руси пожары
И заплакан родимый дом.

На задворках, в пустом чулане
Бродит оторопь, скреб и скок,
И не слышно песенки няни
На крылечке, где солнopak.

Неспроста и у рябки личко
Просквозило кровавым белком...
Громыхает чумазый отмычкой
Над узорчатым тульским замком.

Неподатлива чарая скрыня,
В ней златница — России душа,
Да уснул под курганом Добрыня,
Бородою ковыльной шурша.

Да сокрыл Пересвета с Ослябей
Голубой Богородицын плат!..
Жемчугами из ладожской хляби
Не скудеет мужицкий ушат.

И желанна великая треба,
Чтоб во прахе бериллы и шелк
Пред иконой Бориса и Глеба
Окаянный поверг Святополк!

«Когда осыпаются липы...»

Когда осыпаются липы
В раскосый и рыжий закат
И кличет хозяйка — цып, цыпы!
Осенних зобастых курят,
На грядках лысато и пусто,
Вдовее в полях борозда,
Лишь пузом упругим капуста,
Как баба обновой, горда.

Ненастна воронья губернья,
Ущербные листья — гроши,

Тогда предстают непомерней
Глухие проселки души.
Мерещится странником голос
Под вьюгой, без верной кюки,
И сердце в слезах раскололось
Дуплистой ветлой у реки.

Ненастье и косит и губит
На кляче ребрастой верхом,
И в дедовском кондовом срубе
Беда покумилась с котом.
Кошачье «мяу» в половицах,
Простужена старая печь, —
В былое ли внуку укрыться
Иль в новое мышкой утечь?!

Там лета грозовые кони,
Тучны золотые овсы...
Согреть бы, как душу, ладони
Пожаром девичьей косы.

 Николай Клюев — ново-крестьянский поэт

На рубеже XIX—XX вв. благодаря расширившимся после образовательной реформы 60-х гг. возможностям обучения многие выходцы из крестьянских семей начали сочинять стихи, создавать собственные художественные кружки и группы. Рубеж XIX—XX вв. породил великого поэта Сергея Есенина. Рядом с ним стоит Николай Клюев. Клюев стал поэтом «элитарным», поскольку его поэтическая эстетика, связанная с древним народным творчеством, была достаточно сложной и закрытой для восприятия простого читателя.

Появление в начале XX в. в столице крестьянина Николая Клюева оказалось ожидаемым — русская интеллигенция, осознав ущербность городской культуры, недостаточность ее по сравнению с народной, начала говорить о «хождении в народ». Но хождение

должно было иметь целью не учить крестьян, а учиться у них целостному взгляду на мир, вере, природному характеру. Так что появление самого крестьянина в интеллигентской среде было воспринято как появление вестника из народа. К тому же народный вестник заговорил о проблемах интеллигенции на своем, народном, языке.

В ранних стихах Клюева чувствовалось влияние Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, И. З. Сурикова. Зрелая его поэзия «рационалистична, ее невозможно понять вне общего стиля проповеднической литературы и старообрядческих песнопений» (В. Г. Базанов). Поэзия Клюева родилась на стыке двух культур — устного народного творчества и модернистской поэзии. Это и определило успех его книг. В. Я. Брюсов писал: «Клюев — поэт подлинный... Поэзия Клюева жива внутренним огнем...».

С. А. Есенин

(1895—1925)

Сергей Александрович Есенин — русский поэт.

Родился в крестьянской семье.

С 1904 по 1912 г. учился в Константиновском земском училище и в Спас-Клепиковской школе. Осенью 1912 г. приехал в Москву. В 1915 г. Есенин едет в Петербург, где знакомится с Н. А. Клюевым, А. А. Блоком. Сборник «Голубень» вобрал в себя стихи 1916—1917 гг. Затем поэт выпускает сборники стихотворений «Преображение» (1918), «Сельский часослов» (1918). Поэт выступает как тонкий лирик, певец крестьянской Руси, знаток народного языка.

В 1919 г. вышла книга «Ключи Марии». В 1919—1923 гг. Есенин входил в группу имажинистов. Трагическое мироощущение, душевное смятение выражены в циклах «Кобыльи корабли» (1920), «Москва кабацкая» (1924),

поэме «Черный человек» (1925). Есенин — автор поэмы «Баллада о 26» (1924), посвященной бакинским комиссарам, сборнике «Русь советская» (1924), поэмы «Анна Снегина» (1925). «Анна Снегина» стала во многом итоговым произведением, в котором личная судьба поэта осмыслена в единстве с судьбой народной. В 1925 г. Есенин покончил жизнь самоубийством (официальная версия, неоднократно оспариваемая).

«О красном вечере задумалась дорога...»

Поэт рисует «красный вечер» осени. Все в окружающем мире находится в состоянии задумчивости: дорога «задумалась», «изба-старуха» погрузилась в тишину. Холод осени «крадется мглой» «ласково и кротко».

Сквозь стекло избы «желтоволосый отрок» смотрит на то, как играют галки. Поэт говорит о том, что вместе с тишиной и задумчивостью возникает ощущение, что кого-то нет:

Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, стигнувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленный лист и золото травы...

«Хмарь» сгущается, покой во всем и везде — наступает зима. Скорый приход зимы предвещают «дорога белая» и скотина, поставленная в стойло, — «и нежно охает ячменная солома, / Свисая с губ кивающих коров».

«Запели тесанные дроги...»

Автор едет в дрогах. Он наблюдает равнины, кусты, часовни, кресты. Увиденная картина навевает

теплую грусть. А «на известку колоколен / Невольно крестится рука».

Автор признается в любви «до радости и боли» «озерной тоске» Руси. Русь ассоциируется у поэта с «малиновым полем» и «синью, упавшей в реку».

Он говорит, что не может научиться не любить родину, не верить в нее. И хотя «холодной скорби» на родине много, хотя Русь и находится «на туманном берегу», все-таки поэт говорит:

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

Пушкину

Лирический герой стоит на Тверском бульваре. Он признается в том, что мечтает «о могучем даре» великого поэта, который «русской стал судьбой».

Герой говорит, что Александр «был повеса», таким же, как сам он. Но «милые забавы» образ великого поэта не смогли «затемнить», его славу выковали в бронзе.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Герой говорит о себе: он обречен на гонение, но будет «петь», для того чтобы и его «степное пенье / Сумело бронзой прозвенеть».

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

Автор рисует картину летней ночи: спящий ковыль, равнина, запах свежей полыни.

В душе поэта возникает чувство любви к родине.

**Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?**

**Он говорит о том, что никто не разлюбит родину
«под окрик журавлиный».**

**Теперь, когда жизнь поэта так изменилась, в душе
все равно он остался прежним «поэтом // Золотой
бревенчатой избы».**

**Поэт признается, что ночами его терзают думы
о том, что его родина изменилась, что «чужая юность
брызжет новью». Эта «новь» теснит поэта, он мечта-
ет об одном: «на родине любимой, / Все любя, спо-
койно умереть!»**

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

**Лирический герой Есенина, обращаясь к «ней»,
говорит о том, что любовная история безвозвратно за-
кончилась: «Со снопом волос твоих овсяных / Ото-
снилась ты мне навсегда». Он дает описание своей
возлюбленной:**

**С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.**

**Лирический герой говорит об остывшем чувстве
так: «Зерна глаз твоих осыпались, завяли, / Имя
тонкое растаяло, как звук». Но остались воспомина-
ния о былом — «запах меда от невинных рук»
в складках шали.**

**Напоминает о любимой и звук «водяных поющих
с ветром сот» на заре.**

Иногда герой слышит в шепоте вечера, что возлюбленная была «песней и мечтой». Лирический герой с тоской повторяет о том, что назад возврата нет:

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

«Мы теперь уходим понемногу...»

Стихотворение проникнуто чувством безвозвратности: лирический герой говорит о том, что понемногу все уходит «в ту страну, где тишь и благодать», и, возможно, скоро и ему придет время отправляться в последний путь. Лирический герой обращается к родной земле как к собеседнику. Он признается ей в том, что перед «сонмом уходящих» не может скрыть тоску, потому что слишком любил в этой жизни «все, что душу облекает в плоть».

Лирический герой говорит о том, что им было много передумано, много сложено песен, но счастлив он уже тем, что на «этой на земле угрюмой» он жил, дышал, любил, наслаждался красотой природы «и зверье, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове». Он говорит о том, что «всегда испытывает дрожь» «пред сонмом уходящих», потому что в другом мире нет цветущих чащ, не «звенит лебяжьей шеей рожь», нет нив, «златящихся во мгле». Потому дороги герою люди, живущие на земле.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (Из цикла «Персидские мотивы»)

Поэт обращается к восточной девушке по имени Шаганэ. Он мечтает рассказать ей о красоте своей родной земли. И потому, что он «с севера, что ли»,

ему великолепный Шираз кажется «не лучше рязанских раздолей».

Лирический герой говорит о том, что его внешность может рассказать о природе родного края: «эти волосы взял я у ржи», «про волнистую рожь при луне / По кудрям ты моим догадайся». Он скучает по родным местам — обращаясь к девушке, просит:

Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Но тоскует герой не только по родным местам:

Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...

«Поет зима — аукает...»

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

«Нивы сжаты, рощи голы...»

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

«Я последний поэт деревни...»

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадащих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

«Устал я жить в родном краю...»

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклад в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

«Да! Теперь решено.
Без возврата...»

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
«Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Русь

1

Поэт рисует картину русской деревни: она потонула в ухабинах, заслонена лесами. В зимние сумерки округа оглашается воем волков «с тощих полей». Огоньки деревни ночами похожи на «совиные глазки». Окружающий деревню лес — место полусказоч-

ное: пеньки — «словно нечисть лесная», «что ни прорубь — везде колдуны».

2

Поэт восклицает: «Но люблю тебя, родина кроткая! / А за что — разгадать не могу». Гул комаров, песни ребят под тальянку, пляски девушек у костра, громкая песня весной на лугу, глаза, «как черна смородина», — эти образы сливаются у поэта в единый образ Руси, «милой родины».

3

Но приходит «грозная беда», которую «понакаркали черные вороны», — началась война.

Повестили под окнами сотские:
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

Провожал мужиков на войну весь народ «до высокой околицы». Автор обращается к Руси:

Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Вся деревня переживает за своих близких, ушедших на войну. В воздухе витает предчувствие беды. «Нежданно-негаданно» приходят вести из дальней волости — бывшие пахари написали родным по письму. Четница Луша читала послания с фронта. Родные «на корточках плакали, слушая, / На успехи родных силачей».

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижинки хилые
С поджиданьем седых матерей.

Автор сопереживает ждущим родных. Он мечтает о скором завершении войны, хочет верить в лучшее вместе с бабами, ждущими мужей и отцов. Он говорит, что бабы верили в то, что им писали мужья с фронта: «И от счастья и радости плакали, / Как в засуху над первым дождем». Думающим о разлуке ждущим мерещится «веселый покос».

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Анна Снегина

А. Воронскому

1

Лирический герой едет в родные места, где прошла его молодость. Он уже давно не был там. Рассказчика везет возница, который всю дорогу занимает своего пассажира беседой. Он рассказывает о селе Радове: в селе «два ста» дворов, места богаты «лесом и водью». Люди живут хорошо: «Дворы у нас крыты железом, / У каждого сад и гумно. / У каждого крашены ставни, / По праздникам мясо и квас». Но неожиданно все изменилось. Жителям соседней деревни Криуши приходилось туго — они жили крайне бедно, вся деревня землю пахала одной парой «заезженных кляч». Криушане дрова добывали воровством леса из радовских уделов. Однажды радовцы поймали воров. Завязалась драка, в которой кто-то из радовцев убил старшину.

За убийством последовал суд, и десять человек сосла-
ли в Сибирь. Возница говорит:

С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья возжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар.

Лирический герой повествует о своей прежней жизни: он был на войне, где ему приходилось стрелять в «близкое тело» «за чей-то чужой интерес». Но он понял, что является марионеткой, и решил «в стихах во-евать». Он купил себе поддельный документ. «С такою-то подготовкой» он встретил 1917 год. И снова началась война, на которую «ту же сермяжную рать / Прохвосты и дармоеды / Сгоняли на фронт умирать». Рассказчик говорит о себе: «Другую явил я отвагу — / Был первый в стране дезертир».

Герой прибывает в Радово. Возница требует за проезд гораздо больше, чем ему предлагает пассажир, объясняя свои требования неурожаем.

Лирический герой на мельнице. Мельник очень рад гостю. Он расспрашивает его, откуда он, надолго ли. Лирический герой сообщает, что прибыл на год. После ужина гость отправляется спать на сеновал, захватив с собой овчинный полушубок, как когда-то раньше. Он вспоминает годы юности

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

Утром мельник сообщает, что собирается отвезти подстреленную дичь к помещице Снегиной. Лириче-

ский герой ощущает душевный подъем — весна, цветение яблонь создают прекрасное настроение. Но отравляет радость война, которая погубила много жизней. Рассказчик приветствует жену мельника. Она за эти годы постарела. Женщина жалуется на то, что жизнь стала беспокойной из-за мужичьих войн, которые происходят, по ее мнению, из-за безвластья:

А все это, значит, безвластье.

Прогнали царя...

Так вот...

Посыпались все напасти

На наш неразумный народ.

Открыли зачем-то остроги,

Злодеев пустили лихих.

Теперь на большой дороге

Покою не знай от них.

Она рассказывает о жителе Криуш Проне Оглоблине, которого тоже выпустили из тюрьмы. Прон — «булдыжник, драчун, грубиян. / Он вечно на всех озлоблен, / С утра по неделям пьян». Он при всем «честном народе» убил старшину, а теперь на свободе. И таких, как Оглоблин, сейчас в России тысячи. Старуха сокрушается:

Пропала Расея, пропала...

Погибла кормилица Русь...

Герой идет поприветствовать знакомых мужиков. Встречает мельника, который возвращается от Снегиной. Тот спешит доложить, что утром в поместье Снегиной рассказал о том, что у него гость. Замужняя дочь Снегиной Анна стала расспрашивать, кто именно у мельника гостит. Она говорит матери:

— Ах, мамочка, это он!

Ты знаешь,

Он был забавно

Когда-то в меня влюблен.

Был скромный такой мальчишка,

А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет.

Главный герой идет в Криушу, где не был три года. В деревне не слышно собачьего лая — стеречь нечего, повсюду лишь «гнилые хаты». На крыльце Оглоблина Прона собрались мужики и спорят по поводу новых законов. Герой здоровается с мужиками, они расспрашивают его о жизни в Питере. Они задают ему вопрос:

Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?

Мужики спрашивает поэта, кто такой Ленин, поэт отвечает: «Он — вы».

3

Главный герой заболевает. Четыре дня его трясет лихорадка. В бреду он видит, что мельник привез кого-то. Рассказчик помнит лишь «белое платье / Да чей-то привздернутый нос». На пятые сутки ему стало легче, он услышал веселый голос Анны Снегиной. Она говорит, что они оба изменились: теперь она — замужняя дама, он — известный поэт. Когда-то в юности они вечерами вместе сидели у калитки и мечтали о славе. У него мечтания юности сбылись. Анна упрекает его за дебоши, о которых известно всей стране. Встреча с Анной всколыхнула что-то в душе лирического героя:

И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

Мельник носит записки своему гостю. Одно из посланий — следующего содержания:

«Придите.
Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон»

Герой приходит в Криушу. Мужики собираются идти к Снегиным отбирать угодья. Оглоблин зовет его с собой. Подъехав к дому Снегиных, они услышали женский плач и слова утешения: «Рыдай — не рыдай, — не помога... / Теперь он холодный труп...»

Дверь открыла мать Анны, и Прон сразу стал говорить о земле. Рассказчик же прошел к Анне, у которой горе — убит на войне муж. Она, словно обезумев от горя, обижает гостя:

«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы — жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»

Поэт уходит.

4

Все лето герой проводит на охоте. Однажды вечером к нему пришел Прон.

Он поздравляет всех с новой властью:

Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.

Прон собирается устроить на селе коммуны. У Прона есть брат Лабутя, хвастун и трус: «Такие всегда на примете. / Живут, не мозоля рук».

Он, напившись в кабаке, любит похвалиться своей отвагой. Лабутя в первых рядах приехал описывать дом Снегиных.

Мельник привез Снегиных к себе. Лирический герой и Анна снова встретились. Она просила прощения за то, что обидела его в последнюю их встречу. Под вечер женщины уехали. Вскоре уехал и рассказчик в Питер «развеять тоску и сон».

5

Лирический герой рассказывает о революционных и послереволюционных годах — суровом времени для России.

Мельник присылает письмо, в котором сообщает, что Прон Оглоблин в 1920 г. был расстрелян отрядом Деникина. Лабутя, спрятавшись в соломе, спасся. Мельник зовет героя в гости, говорит о том, что не видел его уже шесть лет.

Лирический герой снова в дороге. Он видит знакомые места. «И сердце по-старому бьется, / Как билось в далекие дни».

Мельник встречает автора сообщением, что для него есть подарок — письмо от Анны Снегиной, которое пришло уже более двух месяцев назад. Анна пишет из Лондона. Она тоскует по родине, часто ходит на пристань смотреть на советские суда. Она говорит, что рассказчик ей по-прежнему дорог.

Лирический герой оценивает так письмо:

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.

Как и прежде, поэт идет садом ночевать на сеновал с овчинным полушубком. Все вокруг напоминает ему годы юности, когда он был влюблен в Анну.

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Источники творчества Сергея Есенина

Особенность поэтической судьбы Есенина в том, что он явился в столицу будто бы только для того, чтобы напомнить об источниках поэтического искусства — народной поэзии.

Источник поэтических средств Есенина — устное народное поэтическое творчество. Особенность поэтических взглядов народа — одушевление самых простых явлений природы, очеловечивание ее. Поэзия Есенина возникла на основе поэтических форм, веками складывающихся в народе, а целью стихотворений Есенина стало создание образа.

Одновременно в поэзии Есенина прослеживаются литературные традиции — влияние таких поэтов, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, Н. А. Некрасов, А. А. Блок. Органическое сочетание традиций устной народной поэзии с достижениями русского классического стихотворения обусловило появление в поэзии Есенина новой образности.

В есенинской метафористической сгущенности ощущалась особенность нового времени, времени поиска разнообразных поэтических приемов и поисков в области стилистики. Есенин смело использует в своей лирике нестандартные слова и выражения, создает подчеркнуто живописный образ. Жажда новых поэтических открытий (опять же, имеющих в основе своей народное творчество) привела поэта к тому, что он использовал новые возможности для создания поэтического образа.

М. И. Цветаева

(1892—1941)

Марина Ивановна Цветаева — русская поэтесса. Она родилась в семье университетского профессора, основателя Музея изящных искусств. Стихи Марина начала писать с шести лет (не только по-русски, но и по-французски, по-немецки), печататься — с шестнадцати. В 1910 г. тайком от семьи выпускает довольно объемный сборник «Вечерний альбом». Его заметили и одобрили такие влиятельные и взыскательные критики, как В. Брюсов, Н. Гумилев, М. Волошин. Среди созданного Цветаевой, кроме лирики, — семнадцать поэм, восемь стихотворных драм, автобиографическая, мемуарная, историко-литературная и философско-критическая проза. В 1922—1939 гг. Цветаева находилась в эмиграции. В августе 1941 г. поэтесса покончила жизнь самоубийством.

«Идешь, на меня похожий...»

Автор обращается к прохожему:

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Поэт говорит, что они очень похожи: она тоже любила «смеяться, когда нельзя». Она тоже жила так,

что «кровь прилиwała к коже», вились кудри, т. е. она жила в полную силу.

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Марина просит не печалиться, просит подумать о ней легко и так же легко забыть.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

«Мне нравится,
что вы больны не мной...»

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.

Лирическая героиня говорит о том, что ей нравится быть смешной, не играть словами, «не краснеть удушливой волной», едва соприкоснувшись с «ним». «Он» спокойно в ее присутствии обнимает другую, а ей «не прочит» гореть в аду за то, что она целует другого.

Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Она благодарит лирического героя за то, что он любит ее, сам не зная об этом, за «ночной покой», за редкие встречи, за «не-гулянья под луной»,

За солнце не у нас над головами,—
За то, что вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не вами!

Стихи к Блоку

Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Имя поэта автор сравнивает с брошенным в пруд камнем, с щелканьем копыт, с щелчком курка оружия.

Имя Блока — «поцелуй в глаза», «поцелуй в снег». С именем Блок — «сон глубокий».

«У меня в Москве — купола горят...» (Из цикла «Стихи о Москве»)

У меня в Москве — купола горят,
У меня в Москве — колокола звонят,
И гробницы, в ряд, у меня стоят,—
В них царицы спят и цари.

Легче, чем в любом другом месте земли, именно «зарей в Кремле» дышится. Лирическая героиня молится до зари о любимом. Он проходит «над своей Невой», а она «над рекой-Москвой» стоит «с опущенной головой».

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари.
Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит зоря — зари.

«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке вереницы соломенных чучел
Под перекладами в человеческий рост.

Лирическая героиня, «перевесившись через заборные колья», видит дорогу и идущих по ней солдат. Они идут на войну. У калитки стоит «старая баба» и жует ломоть черного хлеба, посыпанный солью.

Героиня обращается к Богу с вопросом: чем прогневали его «эти серые хаты»? Поезд, на который шли солдаты, тронулся, завыл, «и завыли солдаты».

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О Господи Боже ты мой!

«Вскрыла жилы: неостановимо...»

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.

Поэт передает ощущение жизни: «неостановимо», «невозвратно» вскрыты жилы, «невосстановимо» хлещет из них жизнь. По этим жилам бежит не только кровь (жизнь), но и «хлещет» стих.

Через край — и мимо
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

Творческая судьба М. Цветаевой

Стихотворения Марины Цветаевой можно без труда узнать — по особому распеву, «непобедимым» (А. Белый) ритмам, особой интонации. С юношеских лет уже начала сказываться ее особая хватка в обращении со стихотворным словом, стремление к афористической четкости и завершенности.

Уже первая книга Цветаевой «Вечерний альбом» заявила о ней как о настоящем поэте, хотя многие из этих стихотворений и незрелые, инфантильные. Но некоторые стихи не могли не привлечь внимание. В первую очередь — безудержная и страстная «Молитва», написанная поэтессой в день семнадцатилетия:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Вслед за «Вечерним альбомом» появились еще два стихотворных сборника Цветаевой — «Волшебный фонарь» и «Из двух книг», где Цветаева заговорила уже в полную силу. В поэзии Цветаевой появляется герой, который пройдет сквозь годы ее творчества, изменяясь в незначительных деталях и оставаясь неизменным в главном: в своей слабости, нежности, зыбкости в чувствах.

Лирическая героиня же наделяется чертами кроткой богомольной женщины:

Пойду и встану в церкви
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

Лирика Цветаевой — отражение мироощущения жизнелюбивого человека, человека, влюбленного в свой город — Москву. Любимому городу Цветаева посвятила немало стихотворений. Многие из своих стихов Цветаева посвящает поэтам-современникам: А. Ахматовой, А. Блоку, В. Маяковскому, С. Эфро-

ну. Но только Блок в жизни Цветаевой был единственным поэтом, которого она чтила не как собрата по «старинному ремеслу», а как божество от поэзии, и которому, как божеству, поклонялась:

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое — пять букв.

Октябрьскую революцию Марина Цветаева не приняла и не поняла. Она эмигрировала. За рубежом Марина Ивановна, пожалуй, впервые увидела мир без каких бы то ни было романтических покровов. Самое ценное в зрелом творчестве Цветаевой — ее ненависть к сытости и всякой пошлости. В дальнейшем творчестве Цветаевой все более крепнут сатирические ноты.

В то же время в Цветаевой растет живой интерес к тому, что происходит на покинутой родине. Тоска по России сказывается в таких лирических стихотворениях, как «Рассвет на рельсах», «Лучина», «Русской ржи от меня поклон», «О неподатливый язык...», переплетается с размышлениями о новой родине. Важное значение для понимания позиции Цветаевой, которую она заняла к 1930-м гг., имеет цикл «Стихи к сыну». Здесь она во весь голос говорит о Советском Союзе как о стране совершенно особого склада и судьбы. После семнадцати лет эмиграции Цветаева возвращается на родину. Но жизнь сложилась далеко не так, как представлялось, — репрессированы были близкие, поэтесса осталась одна. Потерявшая веру Цветаева покончила жизнь самоубийством.

Наследие Цветаевой велико и труднообозримо. Его не впишешь в определенные рамки литературного течения, границы исторического отрезка. «Цветаева — звезда первой величины. Кошунство кошунств относиться к звезде как к источнику света, энергии или источнику полезных ископаемых. Звезды — это всколыхающая духовный мир человека тревога, им-

пульс и очищение раздумий о бесконечности, которая нам непостижима...» — писал о Цветаевой латышский поэт О. Вициетис.

И. Э. Бабель

(1894—1940)

Исаак Эммануилович Бабель родился в состоятельной еврейской семье в Одессе. В 1903 г. его отдали в коммерческое училище имени графа С. Ю. Витте в Николаеве, потом — в Одесское коммерческое училище имени императора Николая I. Училище он окончил в 1911 г. Бабель изучал иврит, Библию, Талмуд, учился играть на скрипке. В возрасте 13—14 лет прочел 11 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, произведения Расина, Корнеля, Мольера. Увлекался французским языком, на французском были написаны первые его рассказы. В 1911—1916 гг. Бабель учился в Киевском коммерческом институте на экономическом отделении.

Первые серьезные публикации появились в журнале «Летопись» в 1916 г. («Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла»).

Революцию Бабель встретил с надеждой. В 1917 г. начал работать в иностранном отделе Петроградского ЧК. Писал о Петербурге первых дней революции, надеялся на ее справедливость. Весной 1920 г. ушел на фронт в Первую Конную армию в качестве корреспондента газеты «Красный кавалерист», взял псевдоним Кирилл Васильевич Лютов. Писал агитационные статьи, вел дневник военных действий и свой личный дневник. 5 мая 1939 г. Бабель был арестован на даче в Переделкине под Москвой. Писатель обвинялся в «антисоветской заговорщической террористической деятельности в подготовке террористических актов... в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства». Бабель под пытками дал ложные показания, но впоследствии от них отказался.

В январе 1940 г. он был расстрелян. Наиболее известны такие произведения писателя, как сборник новелл «Конармия» (1926), «Одесские рассказы» (1931); пьесы «Закат» (1928), «Мария» (1935).

Конармия

«Конармия» — это сборник новелл. Повествование в них ведется от первого лица: автор под псевдонимом Лютый, он же герой-повествователь, рассказывает о пережитом в казачьих частях, о событиях и характерах.

Переход через Збруч

«Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынский взят сегодня на рассвете», — так начинается эта новелла. Обоз выступил по шоссе от Бреста до Варшавы. Кругом — изумительная природа, контрастом ей «запах вчерашней крови и убитых лошадей капает в вечернюю прохладу». Поздней ночью обоз пришел в Новоград. Автор в отведенной ему квартире увидел беременную женщину и «двух рыжих евреев», в квартире был погром: развороченные шкафы и проч. По просьбе автора в квартире убираются. Автор ложится спать: «Пугливая ницета смыкается над моим ложем. Все убито тишиной, и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блещущую, беспечную голову, бродяжит под окном».

Ночью его будит беременная женщина: он кричит во сне. Автор видит мертвого старика, отца женщины. Женщина говорит, что «поляки резали его», а он просил, чтобы убивали во дворе, подальше от дочери.

Костел в Новограде

В костеле ревели колокола. Автор остановился в доме бежавшего ксендза. Ксендз бежал, но оставил

помощника — пана Ромуальда. «Он стал бы епископом — пан Ромуальд, если бы он не был шпионом», — говорит автор. «Вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой! Насильственный пришелец, я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову флианты, в которых напечатана осанна ясновельможному и пресветлому Начальнику Панства, Иозефу Пилсудскому», — говорит автор.

Письмо

Курдюков, мальчик экспедиции, продиктовал автору письмо на родину. «Оно не заслуживает забвения». Курдюков пишет матери, что находится «в красной Конной армии товарища Буденного». Он рассказывает, что живет «очень великолепно». Но просит прислать кабанчика, потому как «каждые сутки я ложусь отдыхать не евши и безо всякой одежды, так что дюже холодно».

Начальник конзапаса

Конница в деревне «травит хлеб и меняет лошадей», забирая рабочую скотину у крестьян. Крестьяне осаждают здание штаба. Начальник штаба встречает крестьян, слушает их жалобы, но не обращает на них внимания.

Пан Аполек

Автора поразили картины «юродивого» художника пана Аполека. Аполек пришел лет тридцать назад вдвоем со слепым гармонистом Готфридом. «Святые пана Аполека, весь этот набор ликующих и простоватых старцев, седобородых, краснолицых, был втиснут в потоки шелка и могучих вечеров». Аполек расписывал новый костел. Но художник тяготел к изображению знакомых лиц.

В Марии Магдалине прихожане узнали еврейскую девушку Эльку, в апостоле Павле — хромого Янека, и так «началась неслыханная война между могущественным телом католической церкви, с одной стороны, и беспечным богомазом — с другой».

Солнце Италии

В этой новелле автор рассказывает о содержании письма своего соседа, Сидорова. «Я проделал трехмесячный махновский поход — утомительное жульничество, и ничего более...» — пишет Сидоров. Ему скучно в армии, и он мечтает попасть в Италию, даже изучает язык. В Италии «нужно отправить короля к праотцам».

Гедали

Автор беседует о революции с лавочником Гедали. Гедали считает, что революции невозможно сказать «нет», как нельзя отрицать пришествие субботы. Но видит в революции стрельбу, а не освобождение.

Мой первый гусь

Автора отправили на постой к казакам, хозяйка дома отказалась его кормить, сказала только, что хочет умереть, казаки приняли «пострадавшего по ученой части» не слишком приветливо. Автор зарубил гуся, и казаки приняли его за своего. Только вот «сердце мое, обогренное убийством, скрипело и текло».

Рабби

Гедали сказал, что все смертно. Гедали повел автора к рабби Моталэ, «к последнему рабби из Чернобыльской династии».

Путь в Броды

Пчелы «истерзаны враждующими армиями», их больше нет, и автор скорбит о пчелах.

Автора тревожит «летопись будничных злодеяний».

В этой новелле звучит история про Христа. Христос скучает на кресте, мошки тиранят его. Пчела же отказалась кусать. «Не умею, — говорит пчела, поднимая крылья над Христом, — не умею, он плотнического классу...».

Учение о тачанке

Кучер, или повозочный, Грищук пробыл в германском плену, бежал, в Белеве его мобилизовали на военную службу, до родных он не доехал пятьдесят верст. Автор теперь — «обладатель тачанки и кучера в ней»:

Смерть Долгушова

Бой продвигался к городу, коммуникации были прорваны. Бойцы засомневались в начдиве. Поляки пошли к лесу. Казаки уехали, остались только автор и Грищук с тачанкой. Штаб дивизии исчез. Поляки были выбиты контратакой.

На городском кладбище они встретились польскому разъезду и попали под обстрел.

На дороге сидел телефонист Долгушов, смертельно раненный, попросил добить его. Добивать автор отказался. Добил Долгушова друг автора Афонька Вида.

Комбриг два

Буденный стоял у дерева. Убили комбрига два, на его место был назначен Колесников, бывший командир полка. Буденный сказал новому комбригу:

«...побежишь — расстреляю». Колесников не подвел. Поляки в тот же вечер были уничтожены.

Сашка Христос

Сашку, пастуха в станице, прозвали Христом «за кротость». В пастухах он прожил до призыва. На войне пробыл четыре года и вернулся в станицу, когда там были белые. Сашка пошел к Буденному, там и служил. В польскую кампанию был обозным.

Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча

Красный генерал Матвей Павличенко был когда-то пастухом у барина, женился. Но когда барин стал домогаться жены Матвея, Павличенко захотел получить расчет. Но барин не отпускал его еще пять лет, вплоть до 1918 г. Потом примкнул к революции, барина своего встретил и «топтал», желая докопаться до души.

Кладбище в Козине

На кладбище «стоит склеп рабби Азриила, убитого казаками Богдана Хмельницкого». «Четыре поколения лежат в этой усыпальнице, нищей, как жилище водоноса, и скрижали, зазеленевшие скрижали, поют о них молитвой бедуина: «Азриил, сын Анания, уста Еговы. Илия, сын Азриила, мозг, вступивший в единоборство с забвением. Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне. Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский.

О смерть, о корыстолюбец, о жадный вор, отчего ты не пожалел нас, хотя бы однажды?»

Прищепа

Автор пробирался в Лешнюв, в штаб дивизии, с попутчиком Прищепой. По дороге Прищепа рас-

сказывал о себе: бежал от белых, в отместку те убили его родителей. Соседи растащили имущество. Вернувшись в станицу, Прищепа стал мстить: «кровавая печать его подошв тянулась за ним следом. В тех хатах, где казак находил вещи матери или чубук отца, он оставлял подколотых старух, собак, повешенных над колодезем, иконы, загаженные пометом». После этого вернулся в родительский дом, двое суток пил, «пел, плакал и рубил шашкой столы».

История одной лошади

Начдив Савицкий забрал у командира эскадрона Хлебникова белого жеребца, взамен дав Хлебникову «вороную кобыленку неплохих кровей». Но Хлебников «жаждал мести». Савицкого сместили после июльских неудачных боев. Хлебников написал прошение о возвращении лошади, получил согласие. Хлебников отыскал Савицкого в Радзивилове. Савицкий «жил в опале, с казачкой Павлой». Савицкий ознакомился с прошением Хлебникова, но отказался возвращать лошадь и вынул револьвер. Хлебников ушел. Вернувшись в отряд, он подал заявление о выходе из компартии большевиков. «И вот партия, — писал он в заявлении, — не может мне возворотить, согласно резолюции, мое кровное, то я не имею выхода как писать это заявление со слезами, которые не подобают бойцу, но текут бесперечь и секут сердце, засекая сердце в кровь...»

Неделю спустя Хлебникова комиссовали по инвалидности. Автора это опечалило: «Нас потрясали одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

Конкин

Отряд крушил шляхту за Белой Церковью. Автор говорит: «Я с утра отметину получил, но выкомари-

вал ничего себе, подходяще». Вместе со Спирькой Забутым они отошли от леска и натолкнулись на польский штаб, двое против восьми. Двоих подстрелили, третьего Спирька повел в штаб. Одного, генерала, автор просил сдаться. Тот заявил, что саблю только Буденному отдаст. Коммунисту так и не сдался. «— Облегчили, значит, старика?

— Был грех».

Берестечко

В Берестечке автор увидел, как казаки убили старого еврея за шпионаж. В Берестечке жили в основном евреи, на окраинах — русские мещане-кожевники. «Евреи связывали здесь нитями наживы русского мужика с польским паном, чешского колониста с лодзинской фабрикой».

Вечером собрался митинг. «Внизу не умолкает голос военкомдива. Он страстно убеждает озадаченных мещан и обворованных евреев:

— Вы — власть. Все, что здесь, — ваше. Нет панов. Приступаю к выборам
Ревкома...»

Соль

Никита Балмашев обращается с письмом к редактору, описывая «за несознательность женщин, которые нам вредные». Неделю назад поезд Конармии остановился на станции. Поезд стоял долго и дальше не ехал, потому что мешочники, среди которых были женщины, «нахальным образом поступали с железнодорожной властью. Безбоязненно ухватились они за поручни, эти злые враги, на рысях пробегали по железным крышам, коловоротили, мутили, и в каждой руке фигурировала небезызвестная соль, доходя до пяти пудов в мешке». Бойцы разогнали мешочников, остались только женщины. Бойцы, «имея сожаление», некоторых женщин посадили в теплуш-

ки. Перед отходом поезда к вагону, в котором сидел Никита, подошла женщина с ребенком: она просила взять ее с собой, давно не видела мужа. Женщину пустили: Балмашев за нее попросил.

Наутро Балмашев увидел, что вместо ребенка у женщины — пуд соли в пеленках. Балмашев обратился к ней: «Но оборотись к казакам, женщина, которые тебя возвысили как трудящуюся мать в республике». Балмашев спустил женщину с поезда. «...Увидев эту невредимую женщину, и несказанную Расею вокруг нее, и крестьянские поля без колоса, и поруганных девиц, и товарищей, которые много ездят на фронт, но мало возвращаются, я захотел прыгнуть с вагона и себе кончить или ее кончить».

Вечер

Устав РКП «обратил в сотрудников «Красного кавалериста» «три холостые сердца со страстями рязанских Иисусов». Эти сотрудники — Галин «с бельмом», «чахоточный» Слинкин, Сычев «с объединенными кишками» — «бредут в бесплодной пыли тыла и продирают бунт и огонь своих листовок».

Галин безответно любил поездную прачку Ирину, рассказывал ей о деяниях тиранов, умерших «собачьей смертью».

Автор, «пораженный жалостью и одиночеством», признался Галину, что «устал жить в нашей Конармии», на что получил резкую характеристику слюня. Галин говорил о Конармии: «Кривая революции бросила в первый ряд казачью вольницу, пропитанную многими предрассудками, но ЦК, маневрируя, прoderет их железною щеткой...»

Афонька Бида

В битве под Лешнювом у Афоньки Биды пал конь. «...Афонька, согбенный под тяжестью седла, с лицом сырым и красным, как рассеченное мясо, брел к сво-

ему эскадрону, беспредельно одинокий в пыльной, пылающей пустыне полей».

С утра Афонька исчез. Говорили, что он добывает коня. Его видели в десятке верст от стоянки: «он сидел в засаде на отставших польских кавалеристов или рыскал по лесам, отыскивая схороненные крестьянские табуны. Он поджигал деревни и расстреливал польских старост за укрывательство».

Еще неделю спустя Афонька появился верхом.

У святого Валента

Хороший ксендз Тузинкевич, переодевшись бабой, бежал из Берестечка перед вступлением казачьих войск. В Берестечке автор увидел костел, услышал звуки органной музыки. В храме хозяйничали казаки. Рака святого Валента была сломана. Пан Людомирский, звонарь костела, пришел в ярость от вида разрушений и попытался убить казака, но ему это не удалось, и тогда звонарь проклял захватчиков: «громовым голосом звонарь церкви святого Валента предал нас анафеме на чистейшей латыни».

Эскадронный Трунов

Эскадронный командир Трунов был убит в бою. На похоронах командир полка Пугачев «прокричал речь о мертвых бойцах из Первой Конной, о гордой этой фаланге, бьющей молотом истории по наковальне будущих веков».

Автора обвинили в том, что он покалечил Трунова. А ссора произошла потому, что автор отказался убить одного из пленных поляков.

Иваны

Иван Анкифиев — конармеец, повозочный Ревтрибунала — получил приказ отвезти в Ровно дьякона Ивана Агеева, симулирующего глухоту. Анкифиев пе-

риодически стреляет у дьякона над ухом из револьвера, чтобы изобличить симулянта и получить возможность убить его. От выстрелов дьякон действительно начинает плохо слышать; он понимает, что вряд ли доедет живым до Ровно, о чем и говорит автору.

Продолжение истории одной лошади

Бывший начдив Савицкий четыре месяца назад забрал у командира первого эскадрона Хлебникова белого жеребца, после чего Хлебников ушел из армии. Савицкий получил от него письмо. Хлебников писал, что «никакой злобы на Буденную армию» больше не имеет. «А вам, товарищ Савицкий, как всемирному герою, трудящаяся масса Витебщины, где нахожусь председателем уревкома, шлет пролетарский клич — “Даешь мировую революцию!” — и желает, чтобы тот белый жеребец ходил под вами долгие годы по мягким тропкам для пользы всеми любимой свободы и братских республик...» — писал Хлебников. Савицкий ответил, что письмо Хлебникова поддержало их общее дело: «Коммунистическая наша партия есть ... железная шеренга бойцов, отдающих кровь в первом ряду, и когда из железа вытекает кровь, то это вам, товарищ, не шутки, а победа или смерть».

Вдова

Полковой командир Шевелев умирал на санитарной линейке, с ним сидела Сашка. Шевелев сказал, кому что оставляет после смерти.

Шевелев умер. Сашка «легла на мертвеца боком, прикрыв его своим непомерным телом».

Замостье

Отряд заночевал недалеко от Замостья. Лютов, привязав повод коня к ноге, «лег в яму, полную во-

ды». Уснул, и ему приснился сон: женщина подготавливает его к смерти. Проснувшись, выяснил, что лошадь протащила его полверсты.

Измена

Никита Балмашев пишет следователю Бурденко про измену. Раненые Балмашев, боец Головицын и боец Кустов отправились в госпиталь. Они просили взять их на излечение, но «доктор Язейн ... только надсмехался разными улыбками». В палате Балмашев увидел раненых, играющих в шашки, и кокетничающих с ними сестер.

Позднее сестры, по словам Никиты, подмешивали им снотворное, дабы лишить одежды. И Балмашев делает вывод: «Измена, говорю я вам, товарищ следователь Бурденко, смеется нам из окошка, измена ходит, разувшись, в нашем доме, измена закинула за спину штiblеты, чтобы не скрипели половицы в обворываемом дому...».

Чесники

Дивизия стояла у деревни Чесники и ждала сигнала к атаке. Сигнала не давали, тогда Воропилов и Буденный решили исправить положение. Воропилов воскликнул: «Вот он стоит на холмике, поляк, стоит, как картинка, и смеется над тобой...». Буденный сказал напутственное слово: «...у нас плохая положения, веселей надо, ребята...».

После боя

В этой новелле повествуется о распре Лютова и Акинфиева. После атаки при Чесниках уставший Лютов присел на лавочку с Акинфиевым. Акинфиев обвинил Лютова в том, что тот поляков не стрелял, значит, он «молокан», а «про молокан есть закон писан: их в расход пускать можно, они Бога почитают».

Парни подрались. Сестра Сашка увела Акинфьева, а Лютов «изнемог и, согбенный под могильной короной, пошел вперед, вымаливая у судьбы простейшее из умений — умение убить человека».

Песня

В селе Будятичи Лютому «пала на долю злая хозяйка», бедная вдова. Живности у нее не водилось, а есть автору хотелось. Однажды, вернувшись в дом, он учуял запах щей. Хозяйка отпиралась, и Лютов застрелил бы ее, только вмешался Сашка Христос. Он пришел с гармоникой и начал играть и петь.

Сын рабби

Лютов встретил сына рабби Моталэ. Тот умирал. «Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом».

Аргамак

Лютов решил перейти в строй, в шестую боевую дивизию. Командир эскадрона, в котором был Лютов, Баулин, «был тверд, немногословен, упрям. Путь его жизни был решен. Сомнений в правильности этого пути он не знал».

В эскадроне Баулина автору дали лошадь по кличке Аргамак. «Мука, которую я вынес с Аргамаком, едва ли не превосходила меру человеческих сил», — писал Лютов.

Верхом он ездить не слишком любил, а Аргамак оказался истинно казацкой лошадью: «Я трясся, как мешок, на длинной сухой спине жеребца». Лютов сбил коню спину. За это, а также за неумение скакать верхом его невзлюбил Пашка Тихомолов, чей отец был большим ценителем лошадей.

Лютов выяснил, по какой причине его невзлюбили: считали, что он «норовит без врагов жить». Автор перевелся в другой эскадрон.

Поцелуй

Эскадрон Лютова остановился в Будятичах, в доме школьного учителя, жившего с дочерью Елизаветой и внуком Мишкой. «Страх и неведение, в котором жила семья учителя, семья добрых и слабых людей, были безграничны. Польские чиновники внушили им, что в дыму и варварстве кончилась Россия, как когда-то кончился Рим», — писал Лютов. Он рассказал им о Ленине, о Москве и художественном театре, чем завоевал сердца людей. И в семье постановили, что после победы над поляками Томилины переедут в Москву. Елизавета Томилина испытывала симпатию к Лютову, она провожала его с надеждой на его скорое возвращение.

Польская граница была взята.

Грищук

Грищук рассказал «одну главу из его немой повести». Русские пленные оказались в глуби Германии, Грищука к себе взял «одиноким и умалишенный офицер», безумие которого заключалось в молчании. После германской революции Грищук отправился в Россию; хозяин проводил его к краю деревни. «Немец показал на церковь, на свое сердце, на безграничную и пустую синеву горизонта».

Их было девять

«Девяти пленным нет в живых. Я знаю это сердцем», — писал Лютов. Казак Андрей снял с живого пленного мундир, взводный Голов воспринял это как измену и попытался его застрелить. Андрей заявил: «...как бы я не стукнул тебя, взводный, к такой-то свет матери. Тебе десяток шляхты прибрать — ты вон каку суету поднял. По сотне прибирали, тебя в подмогу не звали... Рабочий ты если — так сполняй свое дело...»

«Девяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Сегодня утром я решил отслужить панихиду по убитым. В Конармии некому это сделать, кроме меня», — писал Лютов. И подвел итоги: «Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне».

Тема революции и гражданской войны

В 1920 г., на исходе борьбы Красной Армии с Польшей, Бабель вернулся в Одессу. Опыт, приобретенный во время конармейского похода, отразился в его творчестве: Бабель стал писать о революции. В «Конармии» Бабель отвечал на вопрос, который во время польского похода записал в дневнике: «Что такое наш казак?» Казаки у него предстали как художественные характеры с внутренне противоречивыми свойствами.

Бабель воспринимал революцию как «пересечение миллионной первобытности» и «могучего, мощного потока жизни». Но он остро осознавал невозможность отождествиться с новой силой, для которой нужны новые люди, и этот мотив звучит в «Конармии».

В «Конармии» Бабель увидел и показал читателю революционный настрой и гражданскую войну с поляками «изнутри». Это оказалось вовсе не победоносное, восторженно воспринятое шествие красавцев героев. В новеллах Бабеля звучат мотивы трагичности, отринутости от казачьего войска, в «Конармии» встречаются быт и грязь военного времени, измены и слабости человеческие.

А. А. Фадеев

(1901—1956)

Александр Александрович Фадеев родился в Тверской губернии в семье сельского учителя. Рано лишился отца, воспитывал его отчим. Семья постоянно переезжала. В 1910 г. во Владивостокском коммерческом училище Фадеев сошелся с революционерами. В следующем году испытал тяготение к литературной деятельности, начал писать стихи.

В партию большевиков Фадеев вступил в 1918 г. Участвовал в партизанском движении на Дальнем Востоке, в подавлении Кронштадтского мятежа. Под влиянием этих событий написал одно из наиболее известных своих произведений — роман «Разгром» (1924—1927), в котором попытался показать превращение стихийных бунтарей в сознательных борцов за дело революции.

В период с 1943 по 1946 г. Фадеев написал роман «Молодая гвардия».

В 1956 г. Фадеев покончил с собой — застрелился.

Разгром

И. Морозка

Командир партизанского отряда Левинсон передал пакет своему ординарцу Морозке и приказ отвезти пакет командиру другого отряда Шалдыбе. Морозка ехать не хочет. Левинсон забрал письмо и приказал Морозке «катиться на все четыре стороны. Мне баламутов не надо». Морозка передумал, взял письмо и уехал. Морозка — шахтер во втором

поколении, родился в шахтерском бараке, с двенадцати лет «катал вагонетки». Еще до революции он был уволен из армии, женился. «Он все делал необдуманно: жизнь казалась ему простой, немудрящей, как кругленький муромский огурец с сучанских баштанов».

В 1918 г. ушел защищать Советы, но власть отстоять не удалось, и Морозка подался в партизаны.

Услышав выстрелы, Морозка заполз на вершину сопки и увидел, что белые атакуют бойцов Шалдыбы, а те бегут. «Разъяренный Шалдыба хлестал плеткой во все стороны и не мог удержать людей. Видно было, как некоторые срывали украдкой красные бантики». Среди отступающих Морозка увидел хромящего парня. Тот упал, а бойцы побежали дальше. Морозка положил раненого на лошадь и поскакал в отряд Левинсона.

II. Мечик

Спасенный парнишка Морозке не понравился. «Морозка не любил чистеньких людей. В его практике это были непостоянные, никчемные люди, которым нельзя было верить». Левинсон приказал отвезти парня в лазарет. Парень был без сознания, в кармане его лежали документы на имя Павла Мечика. Очнувшись, Мечик увидел врача Сташинского и сестру Варю с золотисто-русыми пушистыми косами и серыми глазами.

Три недели назад Мечик шагал по тайге, направляясь в партизанский отряд. Люди, неожиданно появившиеся из кустов, поначалу подозрительно к нему отнеслись, избили, затем приняли в отряд. «Окружавшие люди нисколько не походили на созданных его пылким воображением. Эти были грязнее, вшивее, жестче и непосредственней...»

Раненых в госпитале было немного, тяжелых только двое: Фролов и Мечик. «Миловидная сестра» Варя ухаживала за всеми в госпитале, но к Мечику

относилась особенно «нежно и заботливо». Старик Пика сказал, что она «блудливая»: «Морозка, муж ее, в отряде, а она блудит».

III. Шестое чувство

Морозка думал о Мечике: зачем подобные ему идут к партизанам «на все готовое»? Проезжая мимо баштана, Морозка слез с коня и стал набирать дыни, пока его не застал хозяин. Хома Егорович Рябец погрозился найти на Морозку управу.

Вернувшийся разведчик доложил Левинсону, что отряд Шалдыбы потрепали японцы и сейчас партизаны отсиживаются в корейском зимовье. Левинсон чувствовал, что творится неладное.

Заместитель Левинсона, Бакланов, привел Рябца, тот возмущенно рассказывал о краже у него дынь Морозкой. Морозка, вызванный на разговор, ничего не отрицал, только не захотел сдать оружие: считал, что это слишком строгое наказание за кражу дынь. Левинсон созвал сельский сход.

Левинсон попросил Рябца насушить пудов десять сухарей, не объясняя, для кого. Бакланову он приказал: с завтрашнего дня лошадям увеличить порцию овса.

IV. Один

Морозка приехал в госпиталь, что нарушило душевное состояние Мечика. Мечик не понимал пренебрежения Морозки по отношению к нему: спасение жизни Мечика вовсе не давало Морозке права не уважать его. Мечик вспомнил события прошедшего месяца и разрыдался, укрывшись одеялом с головой.

V. Мужики и «угольное племя»

Левинсон что-то подозревал и на собрание отправился заранее, надеясь услышать разговоры мужи-

ков. Мужики удивились, что сход собрали в будний день, да еще в горячую пору на покосе. На Левинсона они внимания не обращали, говорили о своем. «Он был такой маленький, неказистый на вид — весь состоял из шапки, рыжей бороды да ичихов выше колен». Левинсон же, слушая мужиков, понимал, что надо уйти в тайгу и затаиться, пока же необходимо выставить посты.

Постепенно подошли шахтеры, народа собралось достаточно. Левинсон приветствовал забойщика Дубова.

Рябец попросил Левинсона начинать сход. Самому ему история с кражей дынь казалась теперь мелкой и хлопотной. Левинсон считал, что дело это касается всех. Народ недоумевал, зачем воровать, ведь если бы Морозка попросил, ему бы не отказали. Дубов предложил прогнать Морозку из отряда. Гончаренко за него заступился: «Свой парень — не выдаст, не продаст...»

Морозка сказал, что воровал по привычке, и дал шахтерское слово не повторять проступка. Левинсон предложил в свободное время помогать крестьянам, те были довольны.

VI. Левинсон

Пятую неделю отряд Левинсона стоял на отдыхе. Появлялись дезертиры из других отрядов. Отряд оброс и вещами, и людьми, и Левинсон боялся сдвинуться с места. Для подчиненных Левинсон всегда был опорой: он скрывал свои сомнения и страхи, вселял в людей уверенность. Левинсон же знал и свои и чужие слабости, понимал: «вести за собой других людей можно, только указывая им на их слабости и подавляя, пряча от них свои».

Начальник штаба Суховой-Ковтун прислал Левинсону «страшную эстафету»: написал о нападении японцев и разгроме основных партизанских сил. Левинсон начал собирать сведения, оставаясь при этом

уверенным и знающим внешне: главной задачей было «сохранить хотя бы небольшие, но крепкие и дисциплинированные единицы».

Левинсон предупредил Бакланова и начхоза о готовности к выступлению отряда «в любой момент». В ту же ночь решил сниматься с места.

VII. Враги

Левинсон отправил письмо Сташинскому: необходимо постепенно разгружать лазарет. Люди стали расходиться по деревням. Остались в лазарете Фролов, Мечик и Пика. Пика прижился у госпиталя. Мечик сказали, что скоро он уйдет в отряд Левинсона. Мечик мечтал показать себя уверенным и дельным бойцом, измениться.

VIII. Первый ход

Дезертиры посеяли панику во всей округе, сказав, что идут большие силы японцев. Но разведка не нашла японцев. Морозка отпросился во взвод, вместо себя ординарцем Левинсону рекомендовал Ефимку.

Перебравшись во взвод, Морозка был счастлив. Ночью поднялись по ложной тревоге — за рекой слышались выстрелы, Левинсон решил проверить боеготовность отряда. Потом Левинсон объявил о выступлении.

IX. Мечик в отряде

Начхоз появился в госпитале с целью заготовки продовольствия. Мечик уже встал на ноги, он был счастлив. Вскоре он вместе с Пикой ушел в отряд, встретили их доброжелательно, определили во взвод к Кубраку. Мечика почти оскорбил вид клячи, которую ему выдали. Он хотел высказать свое недовольство, но Левинсону ничего не сказал, оробев. Решил уморить кобылу, не следя за ней. Тем самым он сни-

скал всеобщую нелюбовь как «лодырь и задавала». Сошелся только с никчемным человеком Чижом и с Пикой. Чиж называл Левинсона «на чужом горбу делающим себе капиталец». Мечик Чижу не верил, но грамотную речь слушал с удовольствием.

Вскоре Чиж стал неприятен Мечику, но избавиться от него не получилось. Мечик начал учиться отстаивать свою точку зрения, тем временем жизнь отряда шла мимо него.

Х. Начало разгрома

Левинсон забрался в глушь и почти потерял связь с другими отрядами. Он узнал, что скоро придет эшелон с оружием и обмундированием. «Зная, что рано или поздно отряд все равно откроют, а зимовать в тайге без патронов и теплой одежды невозможно, Левинсон решил сделать первую вылазку». Отряд Дубова напал на товарняк и вернулся на стоянку, не потеряв ни одного бойца. Партизанам раздали шинели, оружие, сухари. Бакланов решил проверить Мечика в деле и взял его с собой в разведку. Мечику Бакланов нравился, но разговора не получилось: Бакланов не понял заумных рассуждений Мечика. В селе разведчики наткнулись на четырех японских солдат, Бакланов убил двоих, Мечик — одного, и один убежал. Отъезжая от хутора, разведчики увидели главные силы японцев.

Наутро отряд был атакован японцами. Силы были неравны, и партизаны отступали в тайгу. Мечику было страшно, Пика, не поднимая головы; стрелял в дерево. Только в тайге Мечик пришел в себя.

XI. Страда

После боя отряд Левинсона укрылся в лесу. За голову Левинсона назначили награду, пришлось отступать. Провизии не хватало, воровали на полях и огородах. Чтобы не таскать за собой раненого Фролова,

Левинсон решил отравить его. Но Мечик подслушал этот замысел и рассказал Фролову. Тот понял Левинсона, выпил яд.

XII. Пути-дороги

Морозка чувствовал, что подобные Мечiku люди свои простые маленькие чувства прикрывают красивыми словами.

Фролова похоронили, и отряд двинулся на север. Пика сбежал. Морозка вспоминает свою жизнь и грустит о Варе. Варя в это время думает о Мечике, она видит в нем свое спасение, она впервые в жизни полюбила кого-то по-настоящему. Мечик отнесся к ней равнодушно.

XIII. Груз

Партизаны рассуждали о мужиках и мужицком характере. Морозка мужиков не любит. Дубов тоже. Гончаренко считает, что мужицкие корни есть в каждом. Мечик стоит в дозоре. Левинсон отправляется на осмотр дозоров и натывается на Мечика. Мечик рассказывает ему о своих переживаниях, думах, о своей нелюбви к отряду, о непонимании всего происходящего вокруг. Левинсон убеждает Мечика в том, что идти некуда: убьют, и «не считай своих товарищей хуже себя». Левинсон с сожалением думает о таких, как Мечик.

XIV. Разведка Метелицы

Левинсон отправил Метелицу в разведку и приказал ему вернуться в ночь. Но деревня оказалась значительно дальше. Только ночью Метелица выбрался из тайги, в поле он увидел костер пастуха. У костра сидел мальчик. Мальчик рассказал, что казаки убили его родителей и брата, сожгли дом. И сейчас в селе стоят казаки, в соседнем селе — казачий полк. Ме-

телица оставил коня пастуху, сам отправился в село. Село уже спало. Метелица от мальчишки знал, что начальник эскадрона разместился в доме попа. Подкравшись к дому командира белых, Метелица подслушивал, но интересного ничего не услышал. Его заметил часовой, и Метелицу поймали. В это время в отряде все переживают за него и ждут его возвращения. К утру все в отряде всполошились, Левинсон догадался, что Метелица попал в руки к врагам.

XV. Три смерти

Очнувшись в сарае, Метелица попытался убежать, но это было невозможно. Он стал готовиться к достойной смерти, намереваясь продемонстрировать убийцам, что «не боится и презирает их».

На следующий день Метелицу повели на допрос, но он ничего не сказал. Устраивают публичный суд. Мальчик-пастух, у которого Метелица оставлял коня, не выдал Метелицу. Но хозяин рассказал, что мальчик вернулся из ночного с чужим конем, к седлу которого была прикреплена кобура. Офицер разозлился и стал трясти паренька. Метелица попытался убить офицера, но тот извернулся и несколько раз выстрелил в Метелицу, после чего казаки отправились по той дороге, по которой приехал Метелица. Бакланов все больше беспокоился о задержке Метелицы. Отряд отправился к нему на выручку. Не успев выехать из тайги, отряд натолкнулся на казаков. Левинсон приказал атаковать их. Человека, сдавшего Метелицу партизанам, расстреляли. У Морозки убили коня, что стало для него потрясением: конь был его другом.

XVI. Трясина

Варя, шедшая в село после атаки, увидела убитого коня Морозки. Отыскав Морозку пьяным, увела с собой. На отряд наступают белые. Левинсон принимает решение отступать в тайгу, в болота. Отряд быстро

устраивает переправу через болота и, переправившись, подрывает ее. Отряд оторвался от преследования белых, потеряв при этом почти всех людей. «Последними прошли через гать Левинсон и Гончаренко, а потом ее взорвали. Наступило утро».

XVII. Девятнадцать

Впереди, на мосту, казаки устроили засаду. Левинсон понял, что люди автоматически идут за ним, как стадо за пастухом. Бакланов предложил выслать дозор вперед. Левинсон увидел ехавшего впереди Мечика, вслед за Мечиком ехал Морозка. Мечик наткнулся на казаков, молча скатился с лошади и бросился под откос. Казаки гнались за ним. Морозка думал только о предстоящем отдыхе. Когда перед ним появились казаки, он понял, что Мечик сбежал. Морозка ощутил жалость к ехавшим за ним людям, выхватил пистолет и выстрелами предупредил отряд. Бакланов крикнул: «На прорыв!» Мечик понял, что погони за ним нет, и забился в истерике от совершенного по малодушию предательства. «И мучился он не столько потому, что из-за этого его поступка погибли десятки доверившихся ему людей, сколько потому, что несмылаемо-грязное, отвратительное пятно этого поступка противоречило всему тому хорошему и чистому, что он находил в себе». Мечик достал пистолет, но понял, что себя не сможет убить. И решил: «Теперь я уйду в город, мне ничего не остается, как только уйти туда». Из отряда Левинсона в живых осталось восемнадцать бойцов. Бакланов был убит. Левинсон впервые заплакал, потом «перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности».

Тема революции и гражданской войны

Октябрьская революция — важнейший этап в истории русского народа, она не могла не отразиться

в творчестве писателей. Фадеев относился к революции восторженно, он со всей страстью революционера и коммуниста стремился приблизить светлое будущее. Эта вера в прекрасного человека пронизывала все его произведения.

Революционер для Фадеева невозможен без устремленности в светлое будущее, без веры в нового, прекрасного, доброго и чистого человека. Если не заглядывать глубоко, роман Фадеева — это история разгрома партизанского отряда Левинсона. Но в своем романе писатель рассмотрел один из самых драматических моментов в истории партизанского движения на Дальнем Востоке, когда объединенными усилиями белогвардейских и японских войск были нанесены тяжелые удары по партизанам Приморья.

Сам Фадеев так определял основную тему своего романа: «В гражданской войне происходит отбор человеческого материала, все враждебное сметается революцией, все не способное к настоящей революционной борьбе, случайно попавшее в лагерь революции отсеивается, а все поднявшееся из подлинных корней революции, из миллионных масс народа, закаляется, растет, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка людей».

Непобедимость революции — в ее жизненной силе, в глубине проникновения в сознание зачастую самых отсталых в прошлом людей. Подобно Морозке, эти люди поднимались к осознанному действию ради самых высоких исторических целей. В этом и была главная оптимистическая идея трагического романа «Разгром».

И. С. Шмелев

(1873—1950)

Иван Сергеевич Шмелев родился в Москве, в Кадашевской слободе, 21 сентября 1873 г., в семье подрядчика. Семья его отличалась патриархальностью, истовой религиозностью. Неотъемлемой чертой патриархальности было патриотическое чувство, любовь к родной истории, героическому прошлому. Литературой Шмелев увлекся в гимназии, начал писать. Но ранние рассказы его опубликованы не были. Творческий дебют Шмелева состоялся в июле 1895 г. В журнале «Русское обозрение» был напечатан его рассказ «У мельницы».

Наиболее известны следующие произведения Шмелева: «Гражданин Уклейкин» (1908), «Человек из ресторана» (1911), автобиографическая повесть «Лето Господне; праздники — радости — скорби» (1933).

Солнце мертвых

Утро

Крым, у моря, начало августа. Утро началось с шума сквозь сон: «Это опять Тамарка напирает на мой забор, красавица симменталка, белая, в рыжих пятнах, — опора семьи, что живет повыше меня, на горке. Каждый день бутылки три молока — пенного, теплого, пахнущего живой коровой!» Повествователя мучат странные сны, исполненные роскоши, пышности и мучительных поисков неизвестно кого или чего. Сны тем более странны, что вокруг царит

голод. Просыпаться не хочется. «А все-таки подыматься надо. Какой же сегодня день? Месяц — август. А день... Дни теперь ни к чему, и календаря не надо. Бессрочнику все едино! Вчера доносило благовест в городке... Я сорвал зеленый “кальвиль” — и вспомнил: Претворение!»

Пришлось подняться, одеться: «Я надеваю тряпье... Старьевщик посмеется над ним, в мешок запхает. Что понимают старьевщики! Они и живую душу крючком зацепят, чтобы выменять на гроши».

Вокруг — приморские виды, виноградники. Вдали — бывшая дачка учительницы, Ясная горка. «Где-то теперь заботливая хозяйка? Где-то. Разрослись у слепой веранды вонючие уксусные деревья.

Дачка свободна и бесхозна, — и ее захватил павлин».

Птицы

«Бродяга-павлин» ночует на перилах забора, там собаки не достанут его. «Мой когда-то. Теперь — ничей, как и эта дачка. Есть же ничьи собаки, есть и люди — ничьи. Так и павлин — ничей.

Я не могу содержать его, роскошь эту». И павлин, поняв это, ушел. Но сумел выжить.

Порой захаживает к повествователю. Обирает ягоды винограда, рассказчик гоняет птицу, ведь виноград станет пищей, которой мало. Все повыжгло солнце.

Помимо изгнанного павлина, у героя есть и индюшка с индюшатами. Он держит их, потому что «они связывают нас с прошлым. До последнего зернышка мы будем делиться с ними».

И павлин, и индюшка ходили в котловину, где греки посадили пшеницу. Но греки пшеницу убрали, и птицы — и домашние, и дикие, голуби, — доклевали оставшееся. «Ни зернышка не осталось — и котловина затихла».

Пустыня

Корова Тамарка попыталась проникнуть в жалкий огород повествователя и нарвалась на окрик: «На-ззад!!..» «Вот он, наш огородик... жалкий! А сколько неистового труда бросил я в этот сыпучий шифер! Тысячи камня выбрал, носил из балок мешками землю, ноги избил о камни, выпарапываясь по кручам...

А для чего все это?! Это убивает мысли».

А вдали — иллюзия спокойствия и красоты. Море, горы, городок. Вот только... «Не благостная тишина эта: это мертвая тишина погоста. Под каждой кровлей одна и одна дума — хлеба!

И не дом пастыря у церкви, а подвал тюремный... Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, выкает-сторожит подвалы: — Эй!.. отходи подале!..

И на штыке солнышко играет».

Кровь залила все вокруг. Дачники уехали или были убиты. Корабли не заходят в гавани, и нельзя купить товары. «Кому продавать, покупать, кататься, крутить лениво золотистый табак ламбатский? Кому купаться?.. Все — иссякло. В землю ушло — или туда, за море».

И единственное, что увидеть можно на приморской дороге, — «ковыляет босая, замызганная баба с драной травяной сумкой, — пустая бутылка да три картошки, — с напряженным лицом без мысли, одуревшая от невзгоды:

— А сказывали — все будет!..»

В виноградной балке

Виноградная балка — «это отныне мой храм, кабинет и подвал запасов. Сюда прихожу я думать». В виноградной балке — яблоки, виноград, груша. «Грецкий орех, красавец... Он входит в силу. Впер-

вые зачавший, он подарил нам в прошлом году три орешка — поровну всем... Спасибо за ласку, милый. Нас теперь только двое... а ты сегодня щедрее, принес семнадцать. Я сяду под твоей тенью, стану думать....»

А вокруг доносятся голоса оставшихся у моря редких людей. Ребенок, просящий «хле-а-ба-аааа... самый-са-ааа в пуговичку-ууу... са-а-мый-са-аааа...», старая барыня, «попавшая вместе с другими в петлю», воспитывает чужих детей и говорит о Париже. «Париж... — а здесь отнимают соль, повертывают к стенкам, ловят кошек на западни, гноят и расстреливают в подвалах, колючей проволокой окружили дома и создали “человечьи бойни”! На каком это свете деется? Париж... — а здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей своих, и животные постигают ужас!...» — размышляет повествователь. Безрукий, слесарь из Сухой балки, не так давно съел собаку.

А солнце сияет ярко, словно насмехается.

Хлеб насущный

Повествователь встречается с восьмилетней Лялей, девочкой, живущей у старой барыни. Девочка рассказала, что автомобили на Ялту ловят зеленых — тех, кто «в лесах по горам хоронятся»; у Минца корову угнали; Рыбачиха корову продала; у Вербы украли гуся.

«Есть еще детские голоски, есть ласка. Теперь люди говорят срыву, нетвердо глядят в глаза. Начинают рычать иные», — вздыхает повествователь. Рассказчик выпускает птиц, боится, что их могут отнять. Летает ястреб: «Ястребам простится: это ИХ хлеб насущный.

Едим лист и дрожим перед ястребами! Крылатых стервятников пугает голосок Ляли, а тех, что убивать ходят, не испугают и глаза ребенка».

Что убивать ходят

Появился верховой. «Музыкант Шура. Как он себя именует — “Шура-Сокол”. Какая фамилия-то лихая! А я знаю, что мелкий стервятник это», — характеризует человека повествователь и задумывается о том, кто сотворил стервятника.

Повествователь рассказывает об одной из встреч с таким человеком: «Как-то, тоже в горячий полдень, нес я мешок с землею. И вот, когда я плелся по камню, и голова моя была камнем — счастье! — вырос, как из земли, на коньке стервятник и показал свои мелкие, как у змеи, зубы — беленькие, в черненькой головке. Крикнул весело, потряхивая локтями:

— Бог труды любит!

Порой и стервятники говорят о Боге!

Вот почему я кроюсь: я слышу, как от стервятника пахнет кровью».

И объясняет, что ему не нравится в «стервятнике»: вокруг все в лохмотьях, голодные, а он — в новой чистой одежде, с округлившимся розовым лицом. Это один из тех, кто убивать ходит. Когда тысячи людей прятались по подвалам, власть обрели «те, кто убивает». Рассказчик вспоминает, как во время появления «тех, кто убивает», к нему зашел «человек мирный, хромой архитектор. Он сам боялся. А потому услуживал тем, что убивать ходят». Он описал и отобрал книги, потому как приказали.

Умерла курочка Торпедка — ушла тихо, на руках повествователя, и он даже порадовался этому: ведь она уходит в добрых руках, а сколько людей умирают, не услышав ни слова утешения...

Нянины сказки

Вечером повествователь встретился с соседкой нянкой, которая возвращалась из города. Он знал,

что она будет жаловаться, но не мог не слушать, ведь «она — от народа, и ее слово — от народа». Няня рассказала о том, что убили комиссара на перевале, о детях, которые глодали копыта павшей лошади. А еще совсем недавно няня верила в светлое будущее, обещанное на митинге матросом: «Теперь, товарищи и трудящие, всех буржуев прикончили мы... которые убегли — в море потопили! И теперь наша советская власть, которая коммунизм называется! Так что до-жили! И у всех будут даже автомобили, и все будем жить... в ваннах! Так что не жись, а едрена мать. Так что... все будем сидеть на пятом этаже и розы нюхаты!...».

Встречалась она в городе с Иваном Михайловичем, бывшим соседом, который совершенно обнищал. Нянька ушла, а повествователь погрузился в воспоминания. Он рассказывает сказку курочке Жаднухе. Иван Михайлыч писал про Ломоносова, за что получил золотую медаль в Академии наук. Золотую медаль эту пришлось продать за пуд муки. Стал он учить людей, за каждый урок получал полфунта хлеба и полено. «А скоро и поленья перестали давать: некому и учиться стало, голод. И вот на прошенные Ивана Михайлыча — прислали ему бумагу, пенсик! По три золотника хлеба на день!» Такого количества хлеба хватит разве что курочке...

Про Бабу Ягу

Опустели профессорские дачи, растащили все ценное профессорские дворники и садовники. Застрелили одного профессора, тихого старика. «За дело взяли: не ходи за помидорчиками в шинели!»

Катят автомобили в Ялту. Сказка творится в мире, только страшная сказка. «Я знаю: из-за тысячи верст, по радио, долетело приказ-слово, на синее море пало: «Помести Крым железной метлой! в море!»

Метут.

Катит-валит Баба Яга по горам, по лесам, по долам — железной метлой метет. Мчится автомобиль за Ялгу.

Дела, конечно. Без дела кто же теперь кататься будет?»

С ВИЗИТОМ

«Чучело-доктор» Михайло Васильич зашел «с визитом». У доктора изъяли все, вплоть до обуви и пайка из врачебного союза: «Говорят коллеги, что теперь “жизнь — борьба”, а практикой я не занимаюсь! А “нетрудящийся да не ест”!».

Доктор печально высказывает мысль, царящую под южным солнцем: «Лучше теперь в земле, чем на земле».

Доктор вздыхает: часы теперь нельзя держать, у него все отобрали.

«Мemento мори»

Доктор просит рассказчика опубликовать его историю о часах «луковице»: «Так и опубликуйте: “Мemento мори”, или “Луковица” бывшего доктора, нечеловеческого раба Михаила». Это очень удачно будет: “нечеловеческого”! Или лучше: нечеловечьего!»

Они с женой путешествовали по Европе как раз в то время, когда революция была романтизирована. Часы доктор купил в какой-то грязной лавчонке, продавая их, ему сказали: «Революционер, ирландец, но виду не подавайте, что знаете».

И отобрали у него эти часы революционеры. В этой истории доктор видит параллель.

Почти прощаясь, он говорит, что хотел бы издать книгу со своими размышлениями и выводами, которую озаглавил бы «Сады миндальные».

«Сады миндальные»

Едва приехав в Крым, доктор выбрал себе пустырь и засадил его миндальными деревьями. «...Были миндальные сады, каждую весну цвели, давали радость. А теперь у меня — “сады миндальные”, в кавычках, — итоги и опыт жизни!..»

«Нет, теперь в школу-то не заманишь. “Отче-то наш” и забыли. И учиться не будут», — говорит доктор. А миндаль у него оборвали весь, деревья рубят. События революционные доктор сравнивает с экспериментами Сеченова, людей — с лягушками: «Два миллиончика “лягушечек” искромсали: и груди вырезали, и на плечи “звездочки” сажали, и над ретирадами затылки из наганов дробили, и стенки в подвалах мозгами мазали...». Доктор говорит, что все уже почти мертвы, и все это — голод, темные точки перед глазами от слабости — преддверие смерти.

Доктор подводит итоги своим рассуждениям: «...раз уже наступила сказка, жизнь уже кончилась, и теперь ничего не страшно. Мы — последние атомы прозаической, трезвой мысли. Все — в прошлом, и мы уже лишние. А это, — показал он на горы, — это только так кажется», — после чего уходит к соседям. Повествователь смотрит вдаль и понимает: «Теперь ничего не страшно. Теперь все — сказка. Баба-Яга в горах...»

Волчье логово

Повествователь вечером ходил по саду и слышал: что-то происходит в «профессорском уголке». «Внизу голоса режут — там еще обитает кто-то! Берлоги еще остались.

— Ой, люди добры-и-и...

Нет ни людей, ни добрых».

Зарезали корову, и Коряк душил короворежа. Пока рассказчик всматривался и вслушивался, ястреб

зарезал его курочку Жаднюху. «Индюшка стоит под кедром, поблескивает зрачком — к небу. Жмутся к ней курочки — теперь их четыре только, последние. Подрагивают на своем погосте. Жалкие вы мои... и вам, как и всем кругом, — голод и страх, и смерть. Какой же погост огромный! И сколько солнца! Жарки от света горы, море в синем текущем блеске...»

А повествователь ходит по саду, коря себя за то, что еще может думать и искать Солнце Правды.

Дядя Андрей с исправничьей дачи, проходя мимо, советует обменять павлина на что-нибудь — на хлеб или табак. Рассказчик задумывается над этим вопросом (на табак и впрямь можно бы), но понимает, что не сделает этого.

Чудесное ожерелье

Повествователь с нетерпением ждет ночи: «...когда же накроет ночь это ликующее кладбище?!» Ночь пришла. Подошла соседка и под села к рассказчику, говорит: «Голова стала мутная, ничего не соображаю. Детишки тают, я совсем перестала спать. Хожу и хожу, как маятник». Пришла девочка Аняота «из мазеровской дачи», попросила «крупки на кашку», потому что «маленький у нас помирает, обкричался». Рассказчик дал немного крупы — все, что было у него самого...

Соседка, старая барыня, рассказала, что обменяла на хлеб золотую цепочку, теперь у нее остались только бусы из горного хрусталя: «Я понимаю: на этих хрустальных шариках кусочки ее души, — говорит повествователь. — Но теперь нет души, и нет ничего святого. Содраны с человеческих душ покровы. Сорваны — пропиты кресты нательные. На клочки изорваны родимые глаза-лица, последние улыбки-благословения, нашаренные у сердца... последние слова-ласки втоптаны сапогами в ночную грязь, по-

следний призыв из ямы треплется по дорогам... — носит его ветрами». Барыне предложили обменять ожерелье работы итальянского мастера на три фунта хлеба, та недоумевает: такая роскошь, драгоценность, «столько... граней» — и всего за три фунта! Повествователь же думает: «А сколько граней в человеческой душе! Какие ожерелья растерты в прах... и мастера побиты...»

А ночью начинают грабить. Могут появиться люди из Отдела...

В глубокой балке

Рассвет. «Время идти в Глубокую балку, по холоду, — рубить». В глубокой балке сумрачно, склоны поросли кустарником, в котором чудятся всевозможные фигуры: канделябр, крест, вопросительный знак... «Живут вещи в Глубокой балке, живут — кричат». Три года назад здесь «стояли станом оголтелые матросские орды, грянувшие брать власть», а теперь один из немногих выживших рубит в балке дрова.

Повествователь мысленно обращается к европейцам, «восторженным ценителям «дерзаний»», предлагая им не воспевать «мировую перекройку жизни», а понаблюдать: «увидите затекшие кровью живые души, брошенные, как сор».

Игра со смертью

Повествователь задремал под деревом-Крестом, его разбудили. Это был «оборванный человек, чернявый, с опухшим желтым лицом, давно не бритым, не мытым, в дырявой широкополой соломке, в постелях татарских, показывающих пальцы-когти. Белая ситцевая рубаша подтянута ремешком, и через дырья ее виднеются желтые пятна тела. По виду — с при-

стани оборванец». Это молодой писатель Борис Шишкин. Повествователю с ним тяжело, чудится: что-то случится с Шишкиным. У молодого писателя одна мечта: уйти куда угодно, хоть под землю, и отдаться писательству. Борис Шишкин «талантлив, душа у него нежна и чутка, а в его очень недлинной жизни было такое страшное и большое, что хватит и на сто жизней.

Он был на великой войне солдатом, в пехоте, и на самом опасном — германском фронте». Он побывал в плену, его едва не расстреляли как шпиона, морили голодом и заставляли работать в шахтах. Уже при советской власти Шишкин вернулся в Россию, его захватили казаки, чудом отпустили. Предлагали стать коммунистом, «но он подал заявление о болезни и, наконец, получил свободу. Теперь он мог ходить по садам — работать за полфунта хлеба и писать рассказы». Теперь он собирается жить в скалах и писать повесть «Радость жизни». «Его опухшее желтое лицо — лицо округи — говорит ясно, что голодают. И все-таки он счастлив», — отмечает повествователь.

Шмелев рассказывает, что сбежали пленные советской власти, и теперь всем приморским жителям грозят обыски и облавы. Но рассказчик радуется: «Хоть шестеро жизнь отбили!»

Голос из-под горы

Повествователь сидит на пороге своей мазанки, к нему подходит бывший почтальон Дрозд. Это «праведник в окайненной жизни. Таких в городке немного. Есть они по всей растлевающейся России». Раньше Дрозд мечтал дать своим детям «постороннее» образование, гордился своей почтальонской миссией, «с благоговением относился к европейской политике и европейской жизни». Теперь же он говорит о жизни по-другому. «Вся ци-ви-ли-зация приходит в кризис! И даже... ин-ти-ли-генция! — шипит он

в хворосте, глядит пугливо по сторонам. — А ведь как господин Некрасов говорил: “Сейте разумное, доброе, вечное! Скажут спасибо вам бесконечное! Русский народ!” А они у стару-хи крадут! Все позиции сдали — и культуры, и морали».

Дрозд уходит, а рассказчик подводит итоги его визиту: «Праведники... В этой умирающей щели, у засыпающего моря, еще остались праведники. Я знаю их. Их немного. Их совсем мало. Они не поклонились соблазну, не тронули чужой нитки, — и быются в петле. Животворящий дух в них, и не поддаются они всесокрушающему камню. Гибнет дух? Нет — жив. Гибнет, гибнет... Я же так ясно вижу!»

На пустой дороге

Сентябрь «отходит», виноградники и леса подсыхают, гора Куш-Каи словно наблюдает за всем происходящим у моря. «Кругом так тихо... Но знаю я, что во всех этих камнях, по виноградникам, по лощинам, прижались, зажались в щели и затаились букашки-люди, живут — не дышат», — говорит повествователь. Рассказчик вспоминает, как недавно бродил по берегу, по дороге, надеялся обменять рубашку на что-то съестное, и встретил троих детей. Дети, две девочки и мальчик, разложили на дороге пищу — лепешки, бараньи кости, овечий сыр. При появлении рассказчика они попытались все это спрятать, но тот их успокоил и услышал историю. Отца детей арестовали, обвинив в убийстве чужой коровы. Дети пошли искать пищу в горы, наткнулись на татарские кошары. Старшая девочка понравилась парням-татарам, детей накормили и с собой еды дали.

Расставшись с детьми, повествователь встретил на дороге Федора Лягуна. Лягун вовремя сообразил, что несет с собой появление коммунистов, и переметнулся к ним, получив некоторую власть. «У коммунистов свой закон... даже на мать обязан донести по

партии!» — говорил Федор Лягун. И он доносил — если не удавалось договориться с «буржуями». Повествователь говорит: «Он сечет пальцем по рябой ладони и втягивается в мои глаза. Мне душно от гнилого перегара...

Я больше не хожу по дорогам, не разговариваю ни с кем. Жизнь стореда. Теперь чадит. Смотрю в глаза животных. Но и их немного».

Миндаль поспел

Повествователь сидит на миндальном дереве — миндаль поспел. И разглядывает город с высоты. Умер жестянщик Кулеш, который поначалу работал за деньги, потом — за хлеб, крыл крыши, клепал печки и резал флюгера. «Не миновать — всем гулять... с камиссарами! Уу-у... сон страшный... Борщика-то бы хоть довелось напоследок вдосталь... а там!...» — говорил Кулеш перед смертью.

Попытался обратиться в больницу, надеясь, что хоть там накормят — обещали же все для народа сделать, — но в больнице и сами голодали. И Кулеш умер. «Пятый день лежит Кулеш в человеческой теплице. Все ждет отправки: не может добиться ямы. Не один лежит, а с Гвоздиковым, портным, приятелем; живого, третьего, поджидают. Оба настаивали — шумели на митингах, требовали себе именья. Под народное право все забрали: забрали и винные подвалы — хоть купайся, забрали сады и табаки, и дачи». Старик сторож говорит, что хоронить ему не на что, да и взять с покойников нечего. Придется им ждать кого-то побогаче... Повествователь говорит, что никто из пострадавших, обманутых революцией, не останется на страницах истории. И подводит итог: «Спи же с миром, глупый, успокоившийся Кулеш! Не одного тебя обманули громкие слова лжи и лести. Миллионы таких обмануты, и миллионы еще обманут...»

«Жил-был у бабушки серенький козлик»

«Я хочу отойти от кружащей меня тоски пустыни. Я хочу перенестись в прошлое, когда люди ладили с солнцем, творили сады в пустыне...» — говорит рассказчик. На Тихой пристани раньше был пустырь, приехал отставной исправник и создал «чудесное “розовое царство”». Теперь же «розовое царство» погибает.

У учительницы Прибытко двое детей, и она не может сдаться тяжелому времени. У них есть коза Прелесть и козел — зависть соседей.

Учительница рассказывает о своем козле, о том, что в округе коров режут, собак и кошек отлавливают. А повествователь думает: «Я слушаю, сидя на миндале, смотрю, как резвятся орлята над Кастелью. Вдруг набегает мысль: что мы делаем? почему я в лохмотьях, залез на дерево? учительница гимназии — босая, с мешком, оборванка в пенсне, ползает по садам за падалкой... Кто смеется над нашей жизнью? Почему у ней такие запутанные глаза?»

Конец павлина

Конец октября. Голод подступает все ближе. Пропал павлин Павка: «Я вспоминаю с укором тот тихий вечер, когда заголодавший Павка доверчиво пришел к пустой чашке, стукнул носом... Стучал долго. С голоду ручнеют... Теперь это всякий знает. И затихают». Повествователь тогда попытался придушить павлина, но не смог.

Соседский мальчишка предполагает, что павлина съел доктор, и приносит рассказчику несколько перьев. «Я беру остатки моего — не моего — павлина и с тихим чувством, как нежный цветок, кладу на веранде — к усыхающему “кальвилю”. Последнее из отпешдших. Пустоты все больше. Дотепливается последнее. А-а, пустяки какие!»

Круг адский

Рассказчик говорит: «...есть ад! Вот он и обманчивый круг его... — море, горы... — экран чудесный. Ходят по кругу дни — беспцельной, бессменной смелой. Путаются в днях люди, мечутся, ищут... выхода себе ищут». И размышляет: может быть, ему уйти? Но не уйдет, хотя кончился табак и приходится курить цикорий; нет книг, да и зачем они...

Размышляет рассказчик о жизни и смерти. Пришедшие к власти убивают всех. Убили молодого мужчину за то, что лейтенант; старуху — держала на столике портрет мужа-генерала. А кого не убивают, те умирают сами.

На тихой пристани

Тихая пристань успокаивает, там еще теплится жизнь: старушка доит козу, пытается еще держать хозяйство.

Марина Семеновна и дядя Андрей общаются. Марина Семеновна говорит, что ее собеседник «испоганился»: раньше работал, теперь же ворует и вино пьет. А больше ему ничего и не осталось: корову у него забрал матрос-революционер. «На глазах погибает человек... — говорит с сердцем Марина Семеновна. — Говорю ему: налаживайте хозяйство! <...> Говорит, порядку нет, не сообразишься! Вот где развал всего! <...> А все кричали — наше!» Повествователь замечает о ней: «Не может она поверить, что жизнь хочет покоя, смерти: хочет покрыться камнем; что на наших глазах плывет, как снег на солнце».

Чатырдаг дышит

«Прощай, Рыбачихино семейство!» — восклицает повествователь. Дочки Рыбачихи отправились за пе-

ревал, сама она плачет над единственным сыном, умершим. Вспоминает рассказчик о разговоре с Николаем, старым рыбаком, мужем Рыбачихи. Тот побывал у представителей своей власти и недоумевал: как же так? Народу обещали благополучие, но сами живут замечательно, а люди умирают от голода.

Ругается рыбак Пашка, «лихой парень»: «Придешь с моря — все забирают, на всю артель десять процентов оставляют! Ловко придумали — коммуна называется».

Праведница-подвижница

Жена сапожника Прокофия, Таня, живет в глиняной лачуге. Сам Прокофий «вышел на набережную, пошел к военному пункту и запел: “Боже, царя храни!” Его тяжело избили на берегу, посадили в подвал и увезли за горы. Он скоро помер».

Таня собирается за горы, «вино менять»: «За полсотни верст, через перевал, где уже снег выпал, она понесет трудовое свое вино... <...> Там останавливают проезжих. Там — зеленые, красные, кто еще?.. Там висят над железным мостом, на сучьях, — семеро. Кто они — неизвестно. Кто их повесил — никто не знает. <...> Там волчья грызня и свалка. Незатихающий бой людей железного века — в камнях».

Под ветром

Повествователь отправился к миндальным садам доктора — проститься. Он со всем прощается, проходя последний круг ада. Доктор проводит свой эксперимент: живет на миндале и опиуме. Он отмечает, что хуже стало глазам. Доктор делает выводы: «Чего-то мы не учитываем! Не все умирают! Значит, жизнь будет идти... она идет, идет уже тем, что есть, которые убивают! и только! в этом и жизнь — в уни-

вании!» Надежда — функция, расплата — укрепление функции. Доктор замечает, что люди боятся говорить, а «скоро и думать будут бояться».

Там, внизу

Иван Михайлович, писавший про Ломоносова, дописывает последний свой труд. Мечтает попасть на родину, в Вологодскую губернию. И жалеет об одном: умрет — и его труды пропадут. «Лучше бы меня тогда матросики утопили...»

Встречает рассказчик старого татарина, надеется выменять у него муки, но у того и самого нет.

Конец бубика

У Марины Семеновны пропал козел — увели из сарайчика. «Это не кража, а детоубийство!..» — говорит она.

Жива душа!

Ноябрь. Начались дожди. Корова Тамарка радуется: ветви намокли, и их можно обглодать.

Ночью в дверь повествователя постучались, пришел татарин, принес долг за рубашку: «Яблоки, грушка-сушка... мука? и бутылка бекмеса!..» И рассказчик восклицает: «Нет, не это. Не табак, не мука, не грушки... — Небо! Небо пришло из тьмы! Небо, о Господи!.. Старый татарин послал... татарин...»

Земля стонет

В миндальных садах — пожар. Сгорел доктор. «Матрос говорит... снутри горело», — говорит сосед

Яшка. А повествователь отмечает: «Доктор сгорел, как сучок в печурке».

Конец доктора

Не успел доктор сгореть, как его старый дом грабят: «По Михал Василичу поминки правят, старый дом растаскивают другой день. Волокут, кто — что».

Конец Тамарки

Пошли зимние дожди. Люди голодают. Рыбаки остались без улова: на море бури. Просят в городе хлеба, но им не дают: «Все в свое время будет! Славные рыбаки! Вы с честью держали дисциплину пролетариата... держите кр-репко!.. Призываю на митинг... ударная задача!.. помочь нашим героям Донбасса!..»

Увели корову Тамарку. Взяли за это Андрея Кривого и Одарюка. «Шумит горка: нашли у Григория Одарюка под полом коровью требушину и сало. Взяли. Помер у Одарюка мальчик, промучился, — требушиной объелся будто. Кожу коровью нашел матрос: в земле зарыта была».

Хлеб с кровью

К повествователю пришла маленькая дочка Одарюка, Анюта. «Она трясется и плачет в руки, маленькая. А что я могу?! Я только могу сжать руки, сдавить сердце, чтобы не закричать».

На перевале убили нянькина сына и зятя Коряка, которые наменяли вино на зерно. «Пришло худо: прислал Алеша пшеницы с кровью. Есть-то надо, промоют и отмоют. Только всего не вымоешь...»

Тысячи лет тому...

«Тысячи лет тому... — многие тысячи лет — здесь та же была пустыня, и ночь, и снег, и море, черная пустота, погромыхивало так же глухо. И человек вошел в пустыню, не знал огня.

Руками душил зверье, подшибал камнем, глушил дубиной, прятался по пещерам...» — говорит рассказчик. И вновь вернулось это время: ходят люди с камнями. Ему рассказывали: «По дорогам горным хоронятся, за камни... подстерегают ребят... и — камнем! И волокут...»

Три конца

Умерли Андрей Кривой и Одарюк. А в краже козла и коровы сознался дядя Андрей. Его тоже выпустили. И он умер. «Так отошли все трое, один за одним, — истаяли. Ожидающие своей смерти, голодные, говорили:

— Налопались чужой короватины... вот и сдохли».

Конец концов

«Да какой же месяц теперь — декабрь? Начало или конец? Спутались все концы, все начала», — говорит повествователь. Он сидел на бугре и смотрел на кладбище. «Когда солнце идет к закату, кладбищенская часовня пышно пылает золотом. Солнце смеется Мертвым. Смотрел и решал загадку — о жизни-смерти».

Зашел к повествователю отец Бориса Шишкина и сказал, что обоих его сыновей расстреляли «за разбой».

Цветет миндаль. Пришла весна...

Первую революцию Шмелев воспринял восторженно, основные его произведения того времени — «Вахмистр» (1906), «Распад» (1906), «Иван Кузьмич» (1907), «Гражданин Уклеикин» — прошли под знаком первой русской революции. Революционный подъем он считал очистительной силой, способной поднять забитых и униженных, разбудить человечность. Но борцов с самодержавием Шмелев знал плохо, поэтому революция в его произведениях передана глазами других героев, пассивных и малосознательных людей.

В 1922 г. Шмелев эмигрировал, показав тем самым свое отношение ко второй революции.

Его эпопея «Солнце мертвых» — яростный протест против несправедливости новой власти. В ней показан жестокий контраст между обещаниями светлого будущего и мрачной реальностью. Этот контраст отмечается даже в противопоставлении приморских красот и нищих, голодных, обреченных на мучительную гибель людей.

А. Т. Аверченко (1881—1925)

Аркадий Тимофеевич Аверченко родился в Севастополе. Отец будущего писателя был купцом. У мальчика с детства было слабое здоровье и плохое зрение, поэтому он получил домашнее образование. С детства Аркадий отличался любовью к чтению. Когда юноше исполнилось пятнадцать лет, он стал работать в транспортной компании младшим писцом.

Через год юноша покинул родной Севастополь и стал работать конторщиком на Брянском угольном руднике. Здесь Аркадий Аверченко работал три года. В 1900 г. он переехал в Харьков, а через три года в газете «Южный край» появился первый рассказ Аверченко — «Как мне пришлось застраховать жизнь».

В 1906 г. Аверченко стал редактором сатирического журнала «Штык», затем был редактором журнала «Меч».

В 1907 г. писатель переехал в Петербург, сотрудничал с сатирическим журналом «Стрекоза», который затем был преобразован в «Сатирикон».

В это время стали выходить книги Аверченко, которые сделали его известным.

Октябрьскую революцию Аверченко не принял. В 1920 г. он эмигрировал за рубеж. Здесь продолжал писать.

В 1925 г. Аверченко умер.

Дюжина ножей в спину революции

«Может быть, прочтя заглавие этой книги, какой-нибудь сердобольный читатель, не разобрав дела, сразу и раскудахчется, как курица: «Ах, ах! Какой бессердечный, жестоковыйный молодой человек — этот Аркадий Аверченко!»

Взял да и воткнул в спину революции ножик, да и не один, а целых двенадцать!»

Поступок — что и говорить — жестокий, но давайте любовно и вдумчиво разберемся в нем.

Прежде всего, спросим себя, положив руку на сердце:

— Да есть ли у нас сейчас революция?..

Разве та гниль, глупость, дрянь, копоть и мрак, что происходит сейчас, — разве это революция?

Революция — сверкающая прекрасная молния, революция — божественно красивое лицо, озаренное гневом Рока, революция — ослепительно яркая ракета, взлетевшая радугой среди сырого мрака!..

Похоже на эти сверкающие образы то, что сейчас происходит?.. Скажу в защиту революции более то-

го — рождение революции прекрасно, как появление на свет ребенка, его первая бессмысленная улыбка, его первые невнятные слова, трогательно умильные, когда они произносятся с трудом лепечущим, неуверенным в себе розовым язычком...

Но когда ребенку уже четвертый год, а он торчит в той же колыбельке, когда он четвертый год сосет свою всунутую с самого начала в рот ножку, превратившуюся уже в лапу довольно порядочного размера, когда он четвертый год лепечет те же невнятные, невразумительные слова, вроде: “совнархоз”, “уезземельком”, “совбур” и “реввоенком” — так это уже не умильный, ласкающий глаз младенец, а, простите меня, довольно порядочный детина, впавший в тихий идиотизм.

Очень часто, впрочем, этот тихий идиотизм переходит в буйный, и тогда с детиной никакого сладу нет!»

«Не будем обманывать и себя и других; революция уже кончилась, и кончилась она давно!

Начало ее — светлое, очищающее пламя, середина — зловонный дым и копоть, конец — холодные обгорелые головешки.

Разве мы сейчас не бродим среди давно потухших головешек — без крова и пищи, с глухой досадой и пустотой в душе.

Нужна была России революция?

Конечно, нужна.

Что такое революция? Это — переворот и избавление.

Но когда избавитель перевернуть — перевернул, избавить — избавил, а потом и сам так плотно уселся на ваш загорбок, что снова и еще хуже задыхаетесь вы в предсмертной тоске и судороге голода и собачьего существования, когда и конца-краю не видно этому сиденью на вашем загорбке, то тогда черт с ним и с избавителем этим!

Я сам, да, думаю, и вы тоже, если вы не дураки, — готовы ему не только дюжину, а даже целый гросс “ножей в спину”».

Автор предлагает читателям помечтать, вспомнить о кинематографе. Как известно, пленку всегда можно пустить обратно. Но как было бы хорошо, если бы реальными событиями, случившимися в жизни, можно было управлять точно так же. «Ах, если бы наша жизнь была похожа на послушную кинематографическую ленту!.. Повернул ручку назад — и пошло-поехало...» «Шуршит лента, разматываясь в обратную сторону.

Вот сентябрь позапрошлого года. Я сажусь в вагон, поезд дает задний ход и мчится в Петербург.

В Петербурге чудеса: с Невского уходят, забирая свои товары, — селедочницы, огуречницы, яблочницы и невоюющие солдаты, торгующие папиросами... Большевистские декреты, как шелуха, облетают со стен, и снова стены домов чисты и нарядны. Вот во весь опор примчался на автомобиле задним ходом Александр Федорович Керенский». «Въехал он в Зимний дворец, а там, глядишь, все новое и новое мелькание ленты: Ленин и Троцкий с компанией вышли, пятясь, из особняка Кшесинской, поехали задом наперед на вокзал, сели в распломбированный вагон, тут же его запломбировали и — укатила вся компания задним ходом в Германию.

А вот совсем приятное зрелище: Керенский задом наперед вылетает из Зимнего дворца — давно пора, — вскакивает на стол и напыщенно говорит рабочим: «Товарищи! Если я вас покину — вы можете убить меня своими руками! До самой смерти я с вами»».

Писатель вспоминает о событиях недавнего прошлого, говорит, как было бы «полезно пустить ленту в обратную сторону!».

Быстро промелькнула Февральская революция. «Забавно видеть, как пулеметные пули вылетали из тел лежащих людей, как влетали они обратно в дуло пулеметов, как вскакивали мертвые и бежали задом наперед, размахивая руками».

«Вылетел из царского дворца Распутин и покати к себе в Тюмень. Лента-то ведь обратная».

«А вот и ужасная война тает, как кусок снега на раскаленной плите; мертвые встают из земли и мирно уносятся на носилках обратно в свои части. Мобилизация быстро превращается в демобилизацию, и вот уже Вильгельм Гогенцоллерн стоит на балконе перед своим народом, но его ужасные слова, слова паука-кровопийцы об объявлении войны, не вылетают из уст, а, наоборот, глотает он их, ловя губами в воздухе. Ах, чтоб ты ими подавился!...»

«Быстро мелькают поочередно четвертая дума, третья, вторая, первая, и вот уже на экране четко вырисовываются жуткие подробности октябрьских погромов.

Но, однако, тут это не страшно. Громилы выдерживают свои ножи из груди убитых, те шевелятся, встают и убегают, летающий в воздухе пух аккуратно сам слетается в еврейские перины, и все принимает прежний вид.

А что это за ликующая толпа, что за тысячи шапок, летящих кверху, что это за счастливые лица, по которым текут слезы умиления?!

Почему незнакомые люди целуются, черт возьми!

Ах, это Манифест 17 октября, данный Николаем II свободной России...

Да ведь это, кажется, был самый счастливый момент во всей нашей жизни!»

Писатель сетует на то, что, к сожалению, невозможно повернуть время вспять. А значит, все трагические события уже не изменишь. И остается только сожалеть о собственной судьбе и о судьбе своих соотечественников.

Поэма о голодном человеке

Писатель говорит, насколько жалеет, что мама в свое время не отдала его в композиторы. Это связано с тем, что ему очень трудно выразить словами то,

о чем он собирается рассказать. Мир звуков был бы более подходящим. Наступает вечер. Голодное и «одичавшее население» расползается «по утрюмым берлогам коротать еще одну из тысячи и одной голодной ночи, когда все стихнет, кроме комиссарских автомобилей, бодро шныряющих, проворно, как острое шило, вонзающихся в темные безглазые русла улиц». В одной из квартир собираются люди. Здесь неуютно, темно, холодно. Окно разбито, дует. Но нет ни сил, ни желания приводить дом в порядок. Люди рассказывают друг другу об изумительно вкусных яствах, которые еще совсем недавно были чем-то само собой разумеющимся. Вот рассказывает один из присутствующих: «Пять лет тому назад — как сейчас помню — заказал я у “Альбера” навагу фрит и бифштекс по-гамбургски. Наваги было 4 штуки, — крупная, зажаренная в сухариках, на масле, господ! Понимаете, на сливочном масле, господ. На масле! С одной стороны лежал пышный ворох поджаренной на фритюре петрушки, с другой — половина лимона. Знаете, этакий лимон ярко-желтого цвета и в разрезе посветлее, кисленький такой разрез... Только взять его в руку и подавить над рыбиной... Но я делал так: сначала брал вилку, кусочек хлеба (был черный, был белый, честное слово) и ловко отделял мясистые бока наваги от косточки...

— У наваги только одна косточка, посредине, треугольная, — перебил, еле дыша, сосед.

— Тсс! Не мешайте. Ну, ну?

— Отделив куски наваги, причем, знаете ли, кожа была поджарена, хрупкая этакая и вся в сухарях... в сухарях, — я наливал рюмку водки и только тогда выдавливал тонкую струю лимонного сока на кусок рыбы... И я сверху прикладывал немного петрушки — о, для аромата только, исключительно для аромата, — выпивал рюмку и сразу кусок этой рыбки — гам! А булка-то, знаете, мягкая, французская этакая, и ешь ее, ешь, пышную, с этой рыбкой. А четвертую рыбку я даже не доел, хе-хе!

— Не доели?!!

— Не смотрите на меня так, господа. Ведь впереди был бифштекс по-гамбургски — не забывайте этого. Знаете, что такое — по-гамбургски?»

Рассказы очень подробны. Все присутствующие с особым удовольствием смакуют «вкусные» подробности.

Немудрено, ведь в настоящем их окружает страшный, беспросветный голод. И поэтому остается лишь тешить себя воспоминаниями. Кто в этом виноват? Революция.

«Бешеный удар кулаком прервал сразу весь этот плывший над столом сладострастный шепот.

— Господа! Во что мы превратились — позор! Как мы низко пали! Вы! Разве вы мужчины? Вы сладострастные старики Карамазовы! Источая слюну, вы смакуете целыми ночами то, что у вас отняла кучка убийц и мерзавцев! У нас отнято то, на что самый последний человек имеет право — право еды, право набить желудок пищей по своему неприхотливому выбору — почему же вы терпите? Вы имеете в день хвост ржавой селедки и 2 лота хлеба, похожего на грязь, — вас таких много, сотни тысяч! Идите же все, все идите на улицу, высыпайте голодными отчаянными толпами, ползите, как миллионы саранчи, которая поезд останавливает своим количеством, идите, навалитесь на эту кучку творцов голода и смерти, перегрызите им горло, затопчите их в землю, и у вас будет хлеб, мясо и жареный картофель!!

— Да! Поджаренный в масле! Пахнувший! Ура! Пойдем! Затопчем! Перегрызем горло! Нас много! Ха-ха-ха! Я поймаю Троцкого, повалю его на землю и проткну пальцем глаз! Я буду моими истоптанными каблуками ходить по его лицу! Ножичком отрежу ему ухо и засуну ему в рот — пусть ест!!»

Голодные люди собираются бежать на улицу. Однако их сил хватает лишь на то, чтобы пробежать несколько шагов. Только самый сильный добежал до коридора. Другие упали здесь же, в комнате. И снова в их мечтах — удивительно вкусные блюда, которые занимают их помыслы.

«Тысяча первая голодная ночь уходила... Ковыляя, шествовало на смену тысяча первое голодное утро».

Трава, примятая сапогом

В этой миниатюре автор рассказывает о своем диалоге с восьмилетней девочкой. Малышка, как и взрослые, страдает от социальных катаклизмов. Но вместе с тем ребенок с присущим жизнелюбием продолжает радоваться жизни. С недетской серьезностью девочка рассказывает обо всем, с чем пришлось столкнуться ей и ее семье.

«Она <девочка> потерлась порозовевшей от ходьбы щечкой о шершавую материю моего пиджака и, глядя остановившимися глазами на невозмутимую гладь реки, спросила:

— Скажи, неужели Ватикан никак не реагирует на эксцессы большевиков?..

Я испуганно отодвинулся от нее и поглядел на этот розовый ротик с будто чуть-чуть припухшей верхней губкой, посмотрел на этот ротик, откуда только что спокойно вылетела эта чудовищная по своей деловитости фраза, и переспросил:

— Чего, чего?

Она повторила.

Я тихо обнял ее за плечи, поцеловал в голову и прошептал на ухо:

— Не надо, голубчик, об этом говорить, хорошо? Скажи лучше стихи, что обещала».

Автор пытается отвлечь девочку от тягостных серьезных разговоров, говорить только о том, что касается непосредственно ребенка. Однако это невозможно. Разве может девочка забыть о том, что болеет ее мама? Маму теперь уже не радуют веселье дочери и ее нехитрые развлечения. Малышка говорит о маме:

«—Ну, знаешь, маме не до того. Прихварывает все.

— Что ж с ней такое?

— Малокровие. Ты знаешь, она целый год при большевиках в Петербурге прожила. Вот и получила. Жиров не было, потом эти... азотистые вещества тоже в организм не... этого... не входили. Ну, одним словом, — коммунистический рай.

— Бедный ты ребенок, — уныло прошептал я, приглаживая ей волосы.

— Еще бы же не бедный. Когда бежали из Петербурга, я в вагоне кроватку куклиную потеряла, да медведь пищать перестал».

Девочка привыкла к выстрелам, различает орудия. «С противоположного берега дунуло ветерком, и стрельба сразу сделалась слышной.

— Вишь ты, как пулеметы работают, — сказал я, прислушиваясь.

— Что ты, братец, — какой же это пулемет? Пулемет чаще тарыхтит. Знаешь, совсем как швейная машина щелкает. А это просто пачками стреляют. Вишь ты: очередями жарят».

Писатель с горечью сравнивает ребенка с зеленой молодой травкой. «По зеленой молодой травке ходят хамы в огромных тяжелых сапожищах, подбитых гвоздями. Пройдут по ней, примнут ее.

Прошли — полежал, полежал примятый, полураздавленный стебелек, пригрел его луч солнца, и опять он приподнялся и под теплым дыханием дружеского ветерка шелестит о своем, о малом, о вечном».

Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина

В этой миниатюре писатель говорит, как «ровно десять лет тому назад рабочий Пантелей Грымзин получил от своего подлого, гнусного хозяина-кровопийцы поденную плату за 9 часов работы — всего два с полтиной!!!

— Ну, что я с этой дрянью сделаю?.. — горько подумал Пантелей, разглядывая на ладони два серебряных рубля и полтину медью... — И жрать хочется,

и выпить охота, и подметки к сапогам нужно подбросить, старые — одна, вишь, дыра... Эх ты, жизнь наша распрокаторжная!!»

Пантелей пошел к знакомому сапожнику. Тот взял за пару подметок полтора рубля. Пантелей был очень раздосадован, но деваться было некуда. У него остался только рупь-целковый.

«Пошел и купил на целковый этот полфунта ветчины, коробочку шпрот, булку французскую, полбутылки водки, бутылку пива и десяток папирос — так разошелся, что от всех капиталов только четыре копейки и осталось. И когда уселся бедняга Пантелей за свой убогий ужин — так ему тяжело сделалось, так обидно, что чуть не заплакал.

— За что же, за что?.. — шептали его дрожащие губы. — Почему богачи и эксплуататоры пьют шампанское, ликеры, едят рябчиков и ананасы, а я, кроме простой очищенной, да консервов, да ветчины — света Божьего не вижу... О, если бы только мы, рабочий класс, завоевали себе свободу!.. То-то бы мы жили по-человечески!»

И вот настал 1920 год. Рабочий Пантелей Грымзин «получил свою поденную плату за вторник: всего 2700 рублей». Пошел он к сапожнику. И тот взял за работу две тысячи триста рублей. Осталось у Пантелея всего четыре сторублевки.

«Купил фунт полубелого хлеба, бутылку сидро, осталось 14 целковых. Приценился к десятку папирос, плюнул и отошел.

Дома нарезал хлеба, откупорил сидро, уселся за стол ужинать... и так горько ему сделалось, что чуть не заплакал.

— Почему же, — шептали его дрожащие губы, — почему богачам все, а нам ничего... Почему богач ест нежную розовую ветчину, объедается шпротами и белыми булками, заливает себе горло настоящей водкой, пенистым пивом, курит папиросы, а я, как пес какой, должен жевать черствый хлеб и тянуть тошнотворное пойло на сахарине!.. Почему одним все, другим — ничего?..

Эх, Пантелей, Пантелей... Здорового ты дурака сваял, братец ты мой!»

Усадьба и городская квартира

В этой миниатюре писатель вспоминает о дореволюционной России и говорит: «Когда я начинаю думать о старой, канувшей в вечность России, то меня больше всего умиляет одна вещь: до чего это была богатая, изобильная, роскошная страна, если последних три года повального, всеобщего, равного, тайного и явного грабежа — все-таки не могут истощить всех накопленных старой Россией богатств.

Только теперь начинаешь удивляться и разводить руками:

— Да что ж это за хозяин такой был, у которого даже после смерти его — сколько ни тащат, все растащить не могут...

Большевики считали все это «награбленным» и даже клич такой во главу угла поставили:

— Грабь награбленное.

Ой, не награбленное это было. Потому что все, что награблено, никогда впрок не идет: тут же на месте пропивается, проигрывается в карты, раздаривается дамам сердца грабителей — «марухам» и «шмарам».

А старая Россия не грабила; она накапливала».

Писатель говорит о помещичьих усадьбах старой России. Были удивительно красивые и уютные дома. Радужные хозяева всегда приветливо встречали гостей, щедро их угощали. «Все стояло на своем месте, и во всем был так необходимый простому русскому сердцу уют». Теперь все изменилось. Теперешнюю Россию писатель сравнивает с квартирой, которую в спешном порядке покинули прежние жильцы. В квартире неуютно. Голые стены, выбитые окна. Здесь грязно, и никому дела нет до того, что творится вокруг. «Новая власть» не интересуется ничем — не нужны ей ни уют, ни красота, ни комфорт. «Переехали — даже комнат не подмели...

На окнах появились десятки опорожненных бутылок, огрызков засохшей колбасы, в угол поставили утащенный откуда-то роскошный шелковый диван с ободранным боком и около него примостили опрокинутый пивной бочонок, в виде ночного столика.

На стене на огромных крюках — ружья, в углу обрывок израсходованной пулеметной ленты и старые полуистлевшие обмотки.

Сор на полу так и не подметают, и нога все время наталкивается то на пустую консервную коробку, то на расплюсченную голову селедки...

Приходит новый хозяин. В мокрой, пахнущей кислым шинели, отяжелевший от спирта-сырца, валится прямо на диван». «Так и живут. Зайдет этакий в квартиру, наследит сапогами, плюнет, бросит окурок, размажет для собственного развлечения на стене клопа и пойдет по своим делам: расстреливать контрреволюционера и пить спирт-сырец. Неприютно живет, по-собачьему. Таков новый хозяин новой России».

Хлебушко

«У главного подъезда монументального здания было большое скопление карет и автомобилей». Вдруг появилась «худая деревенская баба в штопанных лаптях и белом платке, низко надвинутом на загорелый лоб».

Она робко подошла к швейцару, который презрительно спросил, что ей нужно. Женщина спросила, что здесь собрались за господ. Швейцар ответил, что здесь проходит «Междусоюзная конференция дружественных держав по вопросам мировой политики».

Швейцар спросил бабу, кто она такая. И она ответила: «Россия я, благодетель, Россеюшка. Мне бы тут за колонкой постоять да хоть одним глазком поглядеть: каки-таки бывают конференции. Может,

и на меня, сироту, кто-нибудь глазком зиркнет да обратит свое такое внимание».

Деревенская баба смотрела на всех с испугом и надеждой.

Английский дипломат встал, спросил дипломата французского: «Вы не знаете, что это там за оборванная баба около швейцара в вестибюле стоит?»

Французский дипломат ответил, что это Россия. Англичанин рассердился:

«— Ох уж эти мне бедные родственники! И чего ходит, спрашивается? Сказано ведь: будет время — разберем и ее дело. Стоит с узелком в руке и всем кланяется... По-моему, это шокинг.

— Да... Воображаю, что у нее там в узле... Наверное, полкаравая деревенского хлеба, и больше ничего».

Когда англичанин узнал, что у деревенской бабы есть хлеб, то задумался: «Гм... да. А впрочем, надо бы с ней поговорить, расспросить ее. Все-таки мы должны быть деликатными. Она нам в войну здорово помогла. Я — сейчас!»

И англичанин выпел, вернулся через несколько минут. Француз заметил у него на подбородке крошки. Он воспользовался доверчивостью деревенской бабы, обманом отобрал у нее хлеб.

«Увязывая свой похудевший узелок, баба тут же быстро и благодарно крестилась и шептала швейцару:

— Ну, слава Богу... Сам-то обещал спомочь. Теперь, поди, недолго и ждать.

И побрела восвояси, сгорбившись и тяжело ступая усталыми ногами в стоптанных лапотках».

Осколки разбитого вдребезги

В этой миниатюре писатель говорит о том, что перед закатом у ротонды севастопольского Приморского бульвара встречаются двое. Один когда-то был сенатором, «на всех торжествах появлялся в шитом

золотом мундире и белых панталонах; был богат, щедр, со связями. Теперь на артиллерийском складе поденно разгружает и сортирует снаряды». Другой «был директором огромного металлургического завода, считавшегося первым на Выборгской стороне. Теперь он — приказчик комиссионного магазина и в последнее время приобрёл даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов и плюшевых детских медведей, приносимых на комиссию». Когда эти двое встречаются, то начинают вспоминать все, что касается прошлой жизни, — и театральные постановки, и посещение ресторанов, и чтение газет и журналов, а также многое, многое другое.

Старики сетуют, подразумевая большевиков: «Чем им мешало все это...»

Вдруг «подходит билетер с книжечкой билетов и девица с огромным денежным ящиком.

— Возьмите билеты, господа...

— Мы... это... нам не надо. Почем билеты?

— По пятьсот...

— Только за то, чтобы посидеть на бульваре?! Пятьсот?..

— Помилуйте, у нас музыка...»

Грустные старики уходят. Незаметно они снова погружаются в свои воспоминания, столь же прекрасные, какой была их родная страна совсем недавно. Но все изменилось из-за большевиков.

И писатель с горечью вопрошает: «За что они Россию так?...»

Восприятие революции А. Аверченко

Аверченко создал «Дюжину ножей в спину революции» в эмиграции. Известно, что эту книгу похвалил даже Ленин. Вождь мирового пролетариата назвал ее «талантливой книжкой озлобленного белогвардейца». На самом деле произведение Аверченко заставля-

ет задуматься о том, что сделала революция с великой страной. С писателем невозможно не согласиться. В его словах нет ни капли озлобленности, а есть только горькое сожаление о судьбе родной страны. Удивителен язык Аверченко. Он использует сатиру, чтобы наиболее ярко подчеркнуть всю абсурдность и чудовищность революции.

Интерес к этому произведению обусловлен тем, что люди всегда хотят знать историю своей страны. Еще совсем недавно революция воспринималась как великое благо. Только в конце XX века стали понимать, что революция принесла больше отрицательного, чем положительного.

Тэффи

(1872—1952)

Тэффи (настоящее имя — Надежда Александровна Лохвицкая) родилась в 1872 г. в Петербурге. Отец будущей писательницы был известным адвокатом. Девушка получила блестящее образование, с детства увлекалась чтением, сама пробовала писать. С 1904 г. произведения Тэффи публиковались в литературных журналах. В 1910 г. вышла первая книга юмористических рассказов.

После революции Тэффи уехала в Париж. В столице Франции она работала в газетах. Писательница прожила долгую жизнь, создала более тридцати книг с фельетонами, рассказами, стихами, песнями, либретто, рецензиями.

Тэффи умерла в 1952 г.

Ностальгия

«Вчера друг мой был какой-то тихий, все думал о чем-то, а потом усмехнулся и сказал:

— Боюсь, что к довершению всего у меня еще начнется ностальгия.

Я знаю, что значит, когда люди, смеясь, говорят о большом горе. Это значит, что они плачут.

— Не надо бояться. То, чего вы боитесь, уже прошло».

Писательница говорит, что все чаще и чаще видит признаки этой болезни. За границу приезжают беженцы из России. Они измучены, измождены. Проходит немного времени. Они успокаиваются, начинают строить новую жизнь.

Но вдруг словно теряют силы. «Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа, душа, обращенная на восток. Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской и умерли — смертью здесь. Вот мы — смертью смерть поправшие!

Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда. А ведь здесь столько дела. Спасаться нужно и спасать других. Но так мало осталось и воли и силы...»

Теперь все разговоры и помыслы касаются исключительно России. Эмигранты спрашивают о лесах, вспоминают, казалось бы, несущественные подробности. Но для них теперь эти подробности намного важнее, чем все, что их окружает. И даже русская трава, деревья кажутся лучше, ближе, роднее, чем трава, деревья за границей. «И деревья у них, может быть, очень даже хороши, да чужие, по-русски не понимают.

У нас каждая баба знает, — если горе большое и надо попричитать — иди в лес, обними березыньку крепко двумя руками, грудью прижмись и качайся вместе с нею и голоси голосом, словами, слезами, изойди вся вместе с нею, с белою, с русскою березынькой».

У знакомых писательницы есть старая нянька, которую привезли из Москвы. Она постоянно задает вопросы французской кухарке. Та, разумеется, ее не понимает.

Старушка-няня спрашивает: «А вот, скажи ты мне, отчего у вас благовесту не слышно. Церкви есть, а благовесту не слышно. Небось, молчишь! Молчать всякий может. Молчать даже очень легко. А за свою веру, милая моя, каждый обязан вину нести и ответ держать. Вот что!».

«Нянька долго стоит у дверей у притолки. Долго рассказывает о лесах, полях, о монашенках, о соленых груздях, о черных тараканах, о крестном ходе с водосвятием, чтобы дождик был, зерно напоил. Наговорится, напечалится, съезжится, будто меньше станет и пойдет в детскую к ночным думкам, к старушкиным снам — все о том же».

Все слушают тех, кто приезжает из России. Все надеются, что скоро придет конец большевизму. Никто не верит, что власть большевиков в России установилась навсегда. Кажется, что пройдет два месяца, и все вернется на круги своя. Чудовищная абсурдность ситуации, сложившейся в родной стране, кажется кратковременной. Но, увы, людям остается только вспоминать. Потому что ничего не меняется.

Тоска по родине в рассказе Тэффи «Ностальгия»

Невозможно не прочувствовать истинную тоску и боль писательницы. В своем рассказе «Ностальгия» она говорит о том, как эмигранты, вынужденные покинуть большевистскую Россию, тосковали по ней. Все стало терять свой смысл. Благополучие и комфорт уже не были столь важны, ведь душа томилась по родине. Бытовые мелочи не могли успокоить исстрадавшихся людей, лишенных родной страны.

А. Н. Толстой

(1882/83—1945)

Алексей Николаевич Толстой родился и вырос на хуторе Сосновка под Самарой, в семье своего отца, земского служащего А. А. Бострома. Учился в Петербургском технологическом институте, окончил его без защиты диплома в 1907 г. Пробовал заниматься живописью. Печатал стихи с 1905 г. и прозу с 1908 г. Известность обрел как автор рассказов и повестей «заволжского» цикла (1909—1911) и примыкающих к нему небольших романов «Чудаки» (первоначально «Две жизни», 1911), «Хромой барин» (1912). В Первую мировую войну Толстой был военным корреспондентом. Февральскую революцию встретил с энтузиазмом, был назначен «комиссаром по регистрации печати». Дневник, публицистика и рассказы 1917—1918 гг. отражают беспокойство и подавленность аполитичного писателя событиями, последовавшими за Октябрем. В июле 1918 г. Толстой с семьей выехал в литературное турне в Украину, а в апреле 1919 г. эвакуировался из Одессы в Стамбул.

В период нэпа он вернулся в Россию (1923). За рубежом были написаны «Детство Никиты» (1920—1922) и первая редакция романа «Хождение по мукам» (1921).

В 1922—1923 гг. в Москве был опубликован первый советский научно-фантастический роман — «Аэлита». Во втором фантастическом романе Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1925—1926) и рассказе «Союз пяти» (1925) властолюбцы пытаются с помощью небывалых технических средств покорить весь мир и истребить большинство людей, но безуспешно.

В 1930-х гг. Толстой написал первое произведение о Сталине — повесть «Хлеб» (вышла в 1937).

После Октябрьской революции написаны рассказы и повести «Наваждение» (1918), «День Петра» (1918),

«Граф Калиостро» (1921), «Повесть смутного времени» (1922) и др. В 1930 и 1934 гг. вышли две книги большого повествования о Петре Первом и его эпохе.

Петр Первый

Книга первая

Глава I

Санька слезла с печи, а за ней меньшие братья: Яшка, Гаврилка, Артамошка. Всем захотелось пить. Изба топилась по-черному, было дымно.

Семья была крепкой — конь, корова, четыре курицы. Про Ивашку Бровкина говорили: «Крепкий».

Василию Волкову пожаловали 450 десятин земли. Он поставил усадьбу, половину земли заложил в монастыре.

Бровкин ехал и горевал: как прожить, когда все выбивают из мужика? По пути встретил крепостного Волкова, старого Цыгана, который рассказал, что в Москве помирает старый царь. Иван Артемьевич уверен: «Жди теперь боярского царства. Все распадем.». Потому как, кроме маленького Петра, на царствие вступить некому.

Ивашка и Цыган приехали на подворье Волкова. Их вызывали везти в Москву ратников. Дворовая девка сказала, чтобы они заночевали здесь. Бровкин в людской увидел сына Алешку, которого прошлой осенью отдал боярину в вечную кабалу. Бровкин попросил сына съездить в Москву вместо отца, у которого дел и без того много. Сын согласился.

У Василия Волкова остался ночевать гость — сосед, Михайло Тыртов. Тыртов жаловался: в семье четырнадцать детей, и получит он «погорелую деревеньку, болото с лягушками... Как жить?» Тыртов жаловался, что без взятки никуда. Волков мечтал о заграничной службе в Венеции, Риме или Вене.

Алешка поехал отвозить ратников. Он шел рядом с саними, на которых сидели трое холопов в военной справе — ратники Василия Волкова. Василий и Михаил едут в саних Цыгана, сзади холопы ведут их коней. Все направляются на Лубянскую площадь, на верстку и переверстку. Пока въехали в Мясницкие ворота, Алешку до крови исхлестали кнутами окружающие, там была давка. Едва добрались до Лубянской площади, протолкались к столу, где сидят бояре и дьяки. «Так, по стародавнему обычаю, каждый год перед весенними походами происходил смотр государевых служилых людей — дворянского ополчения».

Пока Алешка бегал за пирогами, у него украли из саней дугу, вожжи, кнут. Василий обругал Алешку. Шел Алешка и плакал: ни шапки, ни сбруи. Но тут его окликнул Михайло Тыртов и послал бить челом к Даниле Меншикову, пусть даст на день коня. «Скажи — я отслужу, а если придешь без коня, — пригрозил Михайле, — в землю по плечи вгону...»

В низкой, жарко натопленной горнице умирает царь Федор Алексеевич. У стены стоит царица Марфа Матвеевна, ей всего семнадцать, взята она во дворец из бедной семьи Апраксиных за красоту. В другом углу шепчется большая царская семья. Среди них выделяется Василий Васильевич Голицын. Час наступил решительный: «надо сказывать нового царя». Петра или Ивана? Петр горяч, крепок. Иван слабоумный, больной. Голицыну советуют назвать Петра, ибо Иван хил. «Нам сила нужна».

После смерти царя патриарх вышел на крыльцо, благословил тысячную толпу и спросил, кого хотят видеть царем. Большинство назвали Петра.

Алешка пришел к Даниле Меншикову в тот момент, когда тот бил своего сына. Досталось и Алешке: его приняли за конокрада. Данила отвлекся на Алешку, и сын его сбежал, а потом и Алешку вышвырнули из избы.

Скатившись с крыльца, Алешка оказался около паренька, которого бил Данила. Ребята познакомились, разговорились. Алексашка Меншиков пожало-

вался, что его отец порет два-три раза на день: «У меня на заднице одни кости остались, мясо все содранное». Алешка сказал, что его отец продал в кабалу, а когда жил дома, его тоже драли.

Алексашка уговаривает Алешку убежать, он наметает план: «Сейчас мы щей похлебаем, меня позовут наверх молитвы читать, потом пороть. Потом я вернусь. Лягем спать. А чуть свет побежим в Китай-город, за Москву-реку сбегает, обсмотримся... Я бы давно убежал, товарища не находилось...» Алешка мечтает наняться к купцу пироги продавать.

На Варварке низкая изба в шесть окон — «царев кабак». Людно у кабака. Стрельцы, не поместившиеся в кабак, заглядывают в окна. Стрельцы привели полуживого человека. Слышатся крики: «За что немцы бьют наших?» При покойном царе такого безобразия не было. Овсей Ржов предрекает еще худшие времена. Из ссылки боярин Матвеев возвращается. «У него сердце одебелело злобой. Он всю Москву проглотит...»

Стрельцы стговариваются: «Нам — дай срок — с полковниками расправиться... А тогда и до бояр доберемся... Ударим набат по Москве. Все посады за нас. Вы только нас, купцы, поддержите...»

После вечерней порки Алексашка едва дополз до подклети. Он ругает отца. «Этакого отца на колесе изломать...» С утра он собирается бежать из дома. Рано утром парнишки ушли со двора. Они шли вдоль кремлевской стены, и Алешка робел, но Алексашка успокоил приятеля: «Со мной ничего не бойся, дурень».

На площади остались только парнишки да избитый посадский. Алексашка предложил избитому довести его домой: «Нам тебя жалко». По дороге узнали, что зовут его Федька Заяц. Придя домой, он сказал ребятам: «Выручили вы меня, ребята. Теперь — что хотите, просите...» Алексашка ответил: награды не надо, пусть Федька позволит переночевать у себя. Позже он сказал Алешке, что завтра они пойдут торговать пирогами вместо больного Федьки.

Тыртов третью неделю шатался по Москве: ни службы, ни денег. На Лубянской площади его ос-

рамили и приказали приходить «на другой год, но уже без воровства — на добром коне».

Михайло неделю патался по кабакам, заложил пояс и саблю. Он вспомнил про Степку Одоевского, пошел к нему во двор. Степка встретил Михайлу снисходительно, а тот просил научить его уму-разуму. Степан посоветовал отобрать приглянувшуюся деревеньку у соседа: «Присмотри деревеньку, да и оговори того поменщика. Все так делают...» На вопрос Михаила, как оговорить, Степан посоветовал написать донос. Но Мишка не согласился: «Не опытен я по судам-то...» Степан взял Михайлу к себе на службу.

Софья вернулась от обедни усталая. «Обречена девка, царская дочь, на вечное девство, черную скуфью... Из светлицы одна дверь — в монастырь». В светлицу вошел Голицын. Он сообщил, что к ней пришли Иван Михайлович Милославский и Иван Андреевич Хованский с неотложными вестями. Милославский сообщил царевне, что Матвеев уже в Троице, монахи встречают его как царя. Милославский поведал: грозят смертью Голицыну. Софья решилась вести смертельную войну против царицы: «...если Наталья Кирилловна крови захотела — будет ей кровь... Либо всем вам головы прочь, а я в колодезь кинусь...» Голицыну приятны такие речи. Он рассказал, что все стрелецкие полки, кроме Стремяного, за царевну.

Алексашка с Алешкой за весну отъелись на пирогах. Заяц однажды избил их. Алексашка сказал приятелю, что от отцовского битья ушел, а от Зайца и подавно. В этот день на улице былолюдно. Кругом возникали стихийные толпы. Москву пугали боярином Матвеевым. «Бунтовать надо нынче, завтра будет поздно». Неожиданно прискакал Петр Андреевич Толстой с известием, что бояре и Нарышкины задушили царевича Ивана; не поспеете, они и Петра задушат.

Стрельцы кинулись к Грановитой палате, хотели ворваться вовнутрь, чтобы предотвратить убийство Петра.

Царица испугалась этого бунта, боялась, что ее и сына Петра убьют. Вошел патриарх Иоаким. Матвеев предложил: стрельцов, главное, из Кремля удалить, а там уж с ними расправимся. В палату быстро вошли Софья, Голицын, Хованский. Софья сказала: народ требует, чтобы царица с братьями вышла на крыльцо, стрельцы-де уверены, будто детей убили. Патриарх прекратил спор, приказав показать детей стрельцам.

На Красном крыльце открылись медные двери и показалась царица во вдовьей траурной одежде. На перила крыльца она поставила сына. Матвеев сказал, что стрельцов обманули, царь и царевич «живы божьей милостью». Но стрельцы не расходятся, требуя выдать им Нарышкина. Стали выкрикивать, что хотят царицей Софью. «Столб хотим на Красной площади, памятный столб, — чтоб воля наша была вечная...»

Глава II

«Пошумели стрельцы. Истребили бояр: братьев царицы Ивана и Афанасия Нарышкиных, князей Юрия и Михайлу Долгоруких, Григория и Андрея Ромодановских, Михайлу Черкасского, Матвеева, Петра и Федора Салтыковых, Языкова и других — похуже родом».

В Москве стало два царя — Иван и Петр, а выше их — царевна Софья.

Стрельцов опять баламутили, что не скинули патриарха-никонианца. Опять двинулись стрельцы в Кремль, требуя возврата старой веры. Софья пригрозила бунтарям, что природные цари покинут Москву. Стрельцы испугались, что двинут против них ополчение. Решили стрельцы бить раскольников. «Великие в те дни бывали побоища». Софья укрылась в Коломенском, послав за ополчением.

Степан Одоевский со своим отрядом напал на стрельцов. Хованского Тыртов скрутил и привязал

к седлу. Позже Хованского казнили. Стрельцы испугались и заперлись в Кремле, приготовившись к осаде, но потом послали в Троицу челобитчиков. «Народ стал тише воды ниже травы».

Алексашка и Алепка жили хоть и впроголодь, но весело. В слободах их хорошо знали, приветливо пускали ночевать. Однажды на противоположном берегу Яузы они увидели мальчика, сидевшего, подперев подбородок. Алексашка начал его задирать. В ответ мальчик пригрозил, что прикажет отрубить ему голову. Алепка смекнул, что это царь. Но Алексашка не испугался. Спросил, почему тот не откликается, когда его ищут. Петр ответил, что сидит, от баб прячется.

Наступила весна.

Многие говорили Алексашке, что его ищет отец, грозитя убить. И вот неожиданно-негаданно — наскочил. Бежит Алексашка из последних сил, вот-вот отец нагонит, но тут подвернулась карета, Алексашка повис на оси задних колес, а оттуда вскарабкался на запятки кареты. Стараясь уехать от отца подальше, Алексашка оказался на Кукуе. Это была карета Франца Лефорта. Лефорт взял его на службу.

Царица заступилась за Петра, якобы утомившегося за учением, и тот мигом убежал из светлицы, едва успев поблагодарить мать, освободившую его от скучного занятия — чтения Апостола. Петр побежал к потешной крепости, где учил мужиков брать и защищать крепость, не сдаваться и биться до последнего.

Петр диктует Никите указ о выделении под начало царя ста мужиков добрых, молодых, взамен нынешних старых и бестолковых, для воинской потехи. Да еще Петр требует мушкеты и порох к ним, пушки чугунные, чтобы стрелять настоящими ядрами, а не репой.

В Преображенском живут дворянские дети из мелкопоместных, худородных, приписанные Софьей к Петру. Здесь и Василий Волков.

Под вечер в Преображенском случился переполох, до темноты не могли сыскать Петра. Волков на-

шел царя среди немцев. На Кукуй Петра привез Лефор. На Кукуе все царю любопытно и ново, а немцы одобрительно говорят о нем: «О, молодой Петр Алексеевич хочет все знать, это похвально...»

Поляки приехали звать русских в союзники бить турок. Но Голицын поставил условием возврат России Киева, только после этого соглашался дать войска. Поляки были вынуждены согласиться.

Голицын беседовал по-латински с приехавшим из Варшавы иноземцем де Невиллем. Голицын философски рассуждал, как следует обогатить Русь: крестьян освободить от крепостной кабалы, дать им пустоши в аренду, чтобы они богатели и богатело государство, а дворянам следует служить.

Но беседа прервалась: к Голицыну тайно приехала Софья. Любовь ее к Голицыну была «непокойная, не в меру лет: хорошо так любить семнадцатилетней девочке, — с вечной тревогой, прячась, думая неотстанно, горя по ночам в постели». Она передала Голицыну слухи о том, что слабы они править, мол, «великих делов от нас не видно». Софья велит Голицыну ехать «воевать Крым». Софья напомнила, что в Преображенском подрастает царь, «ему уже пятнадцатый годок пошел».

Голицын отказывается воевать. Софья не хочет его понимать. Наталья Кирилловна ругает Никиту Зотова: Петр опять убежал поутру. Если Зотов шел искать царя, то Никиту «брали в плен, привязывали к дереву, чтобы не надоедал просьбами — идти стоять обедню или слушать приезжего из Москвы боярина». А чтобы Никите не было скучно, перед ним ставили штоф водки. Так вскоре Зотов сам стал проситься «в плен под березу».

На Кукуе часто велись разговоры о царе Петре.

С утра Петр тщательно оделся. Одев Никиту Зотова в вывернутый заячий тулуп, посадив его в карету, запряженную кабанами, Петр кучером повез Никиту на Кукуй. Лефор был именинником. Царь ехал его поздравлять. Он отдал карету со свиньями в подарок Лефору. Тот оценил шутку царя: «Мы думали по-

учить его забавным шуткам, но он поучит нас шутить».

Алексашка Меншиков помог Петру доехать до Преображенского. Петр не отпустил Алексашку. Царь назначил Меншикова постельничим.

Глава III

Всю зиму собиралось дворянское ополчение. «В конце мая Голицын выступил наконец со сотысячным войском на юг и на реке Самаре соединился с украинским гетманом Самойловичем». Потом татары зажгли степь. Стало понятно, что идти вперед невозможно: степь впереди лежала черная, мертвая. «Отступать к Днепру, не мешкая». Так бесславно кончился Крымский поход.

На Яузе, пониже Преображенского дворца, была перестроена старая крепость: укреплена сваями, пушками, прикрытыми мешками с песком. Крепость потешная, но «при случае в ней можно было и отсидеться».

С утра до ночи на скошенном лугу проходили учения двух полков — Преображенского и Семеновского. Даже Петр, теперь унтер-офицер, вытягивался, со страхом выкатывал глаза, проходя мимо Зоммера.

Крепость нарекли «Прешбург».

Алексашка Меншиков остался при дворе Петра. Он иногда давал дельные советы. Если же его посылали за чем-нибудь в Москву, он все доставал как из-под земли. Алексашку произвели в денщики. Лефорт высоко отзывался о нем: «Мальчишка пойдет далеко, предан, как пес, умен, как бес». Однажды Меншиков представил Петру Алешу Бровкина, наилловчайшего барабанщика.

Петр зачислил его в первую роту барабанщиком.

Царица задумала женить Петра, чтобы не таскался в немецкую слободу, а остепенился. Младший брат царицы советовал ей женить Петра на Евдокии Лопухиной.

Неожиданно в Москву вернулся Василий Васильевич Голицын. Вид у него был жалкий. Голицын сказал, что войску уже три месяца не плачено жалованье. Войско обносилось. Ходит в лаптях, а с февраля надо выступать в поход.

Неожиданно, от удара, умер старый Монс. За вдовой и детьми остались аустерия (кабак) и дом.

Наталья Кирилловна позвала к себе Петра и объявила, что собирается его женить. «Ну надо, — так жените... Не до того мне...» — откликнулся Петр и убежал.

Глава IV

Ивашка Бровкин привез в Преображенское столовый оброк Волкову. Тому не понравились слишком плохие продукты. Он стал бить своего холопа. За Ивашку заступился сын Алеша, бывший недалеко и узнавший отца.

В Преображенском шла подготовка к свадьбе Петра. Петр требует отвезти его на Кукуй хотя бы на час. Алексашка возражает: нельзя, «сейчас и не думай об Монсихе», но Петр настаивает на своем.

Свадьбу сыграли в Преображенском. Свадьба Петра лишь раздражила.

В конце февраля русское войско снова двинулось на Крым. Осторожный Мазепа советовал идти берегом Днепра, строя осадные города, но Голицын не хотел медлить, ему нужно было скорее добраться до Перекопа, в бою смыть бесславие. Евдокия написала письмо Петру, уехавшему на Переяславское озеро. Что ни день, Петр получал письма то от жены, то от матери, звавших его назад. А ему не то что отвечать, читать их некогда. На озере строились корабли; один был спущен на воду, а два уже почти готовы. Для флота придумали новый флаг — триколор с полосами: белой, синей, красной.

Из Крымского похода вернулся Цыган, сосед Бровкина, рассказал, как тяжело воевали, тысяч

двадцать своих положили под Перекопом. Потом он пропал. Никто Цыгана больше не видел.

Стрельцы собрались в кабаке, заговорили о слухах, что их хотят из Москвы убрать, разослать по городам. Но они отказываются.

Тыртова отправили кричать, что голод на Москве из-за царицы и ее родственников, они ворожат, чтобы хлеб пропал. Но Тыртова и без этого крика чуть не растерзала голодная толпа.

На берег Переяславского озера приехал Лев Кириллович (дядя Петра). Он увидел четыре корабля, отражающихся в воде озера. Петр спал в лодке.

Бояре открыто говорили, что Петра надо сослать в монастырь. Проснувшегося Петру дядя рассказал о московской смуте. Петр обещал вскоре быть на Москве.

Появившегося в Успенском соборе Петра бояре разглядывали с неудовольствием: «Глаз злой, гордый... И — видно всем — и в мыслях нет благочестия».

В опочивальне Голицына сидят Шакловитый и Сильвестр Медведев. Хозяин лежит на лавке под медвежьей шкурой. Его бьет лихорадка. Медведев настаивает, что надо подослать Петру «мстителя» (убийцу), но Голицын против.

Стрелецкие пятидесятники — Кузьма Чермный, Никита Гладкий и Обросим Петров — продолжали мутить стрельцов, но те, «как сырые дрова, шипели, не загорались — не занималось зарево бунта».

В Москве тревожно. Народ попытался пойти громить Преображенское, но дорогу преградили вооруженные солдаты.

Вернувшийся с озера Петр переменялся. От прежних забав не осталось и следа.

Волкова остановили стрельцы, сбили с коня и поволокли в Кремль. Там его начали допрашивать Шакловитый и Софья, но Волков на все вопросы отвечал молчанием, как было приказано Петром.

Начинался август. В Москве было зловеще, в Преображенском — все в страхе, настороже... Алексаш-

ка советовал Петру просить войско у римского цезаря. Но Петр и слушать не хотел.

Среди ночи их поднял Алеша Бровкин, втащили двух стрельцов, прибежавших из Москвы. Они завопили, что в Преображенское идет несметная рать убить Петра. Петр вместе с Алексашкой и Алешей поскакали в Троицу.

Софья не смогла собрать стрельцов. А царский двор перебрался в Троицу, за ними ушел и полк стрельцов Лаврентия Сухарева. В Троицу потянулись и бояре. Из Троицы пришел приказ всем стрельцам явиться к царю, а кто не явится, того казнят. Софья осталась одна. 29 августа с девкой Веркой поехала она в Троицу.

Петр во всем слушался матери и патриарха. А вечерами беседовал с Лефортом, который учил царя «не рваться в драку, — драка всем сейчас надоела, — а под благодатный звон лавры» обещать московскому люду мир и благополучие. Лефорт советовал Петру быть тихим и смирным, пусть кричит Борис Голицын. Василий Васильевич, видя тщетные попытки Софьи удержать власть, не мог ни помочь ей, ни покинуть ее. Приехав в Кремль, Софья собрала народ и стала пугать, что вскоре двинутся полки на Москву. Народ клялся, что защитит Софью и Ивана.

Вскоре патриарх поздравил Петра с окончанием смуты.

Софью ночью перевезли в Новодевичий монастырь. Ее пособникам отрубили головы, остальных воров били кнутом. Всех же верных Петру бояр и военных чинов, вплоть до рядовых стрельцов, одарили деньгами, землями.

Все, особенно иноземцы, возлагали на Петра большие надежды.

Глава V

После троицкого похода Лефорт стал большим человеком, был пожалован генеральским званием, он

нужен Петру, «как умная мать ребенку». В Грановитой палате Наталья Кирилловна и патриарх ждали Петра. Он вскоре появился и, сидя на троне, стал слушать чтение старца о беспорядках в Москве, «о бедствиях, творящихся повсеместно». Патриарх требовал очищения от иноземцев-еретиков. Петр отвечал, что не вмешивается в дела православия, поэтому и патриарх пусть не вмешивается в политику, не мешает укреплять государство.

Овсей Ржов с братом разжился, стал крепким хозяином. Цыган (бывший сосед Бровкина) объявился в Москве.

С весны Петр начал серьезно готовить солдат, «объявлена была война двух королей: польского и короля стольного града Прешпурга». Королем стольным назначался Ромодановский, польским — Бутурлин.

Бровкины благодаря сыну Алеше, ставшему старшим бомбардиром, поднялись.

Весной Петр уехал в Архангельск взглянуть на настоящие морские суда. Путешествуя на север, Петр впервые видел такие просторы полноводных рек, такую мощь беспредельных лесов. В Архангельске Петр увидел, как «богатый и важный, грозный золотом и пушками, европейский берег с презрительным недоумением вот уже более столетия глядел на берег восточный, как на раба».

Петр решил удивить иностранцев, он, «подшкипер переяславского флота, так и поведет себя: мы, мол, люди рабочие, бедны да умны, пришли к вам поклоном от нашего убожества, — пожалуйста, научите, как топор держать». Тут же он решил закладывать в Архангельске две верфи.

Лефорт одобрил решение Петра купить два корабля в Голландии и строить свои.

Петр на верфи плотничал и кузнечничал, дрался и ругался, если было нужно.

Мать Петра умерла. На третий день после похорон Петр уехал в Преображенское. Евдокия приехала позже, разговоры о матери не поддержала. Петр по-

ехал на Кукуй. Стол был накрыт на пять персон. За столом: Петр, Лефорт, Меншиков, князь-папа (Зотов), позже пришла Анхен Монс. Анна посочувствовала Петру: «Отдала бы все, чтобы утешить вас...»

В дремучих лесах за Окой Овдоким подобрал себе шайку разбойников человек в девять. Жили на болоте. Петр в Преображенском полным ходом готовился к войне, строил корабли. Иван Артемич Бровкин затевал большое дело. Через Алешу он попал к Меншикову, а потом к Лефорту, где получил «грамоту на поставку в войско овса и сена».

К Бровкину приехали царь, Лефорт и Алеша сватать дочь Сашку за боярина Волкова. «Вернемся из похода, — сказал Петр, — Саньку возьму ко двору».

Глава VI

В феврале 1695 г. в Кремле было объявлено о сборе ополчения и о походе на Крым под командованием Бориса Петровича Шереметева. К августу взяли Кизикерман и еще два города.

В Царицыне Петр узнал, что подрядчики-воры поставили гнилой хлеб, тухлую рыбу, соли вовсе не было. Лишь овес и сено, поставляемое Бровкиным, были хороши. Петр поехал и учинил расправу, все подряды отдал Бровкину.

Пытались взять Азов. Наступила осень, начались холода, а в армии не было теплой одежды. Но Петр осады не снимал.

25 августа проломили стену, и бутырцы пошли на штурм. Через три дня осада была снята. От войска осталась одна треть. «Так без славы окончился первый Азовский поход».

Глава VII

Прошло два года. В лесах под Воронежем, на Дону стали строить верфи. А потом заложили два корабля,

двадцать три галеры и четыре брандера. «Упиралась вся Россия — воистину пришли антихристовы времена: мало было прежней тяготы, кабалы и барщины, теперь волокли на новую непонятную работу... Трудно начинался новый век. И все же к весне флот был построен. Из Голландии выписаны инженеры и командиры полков». Азов был взят. В честь этой победы у въезда на Каменный мост воздвигли Триумфальную арку. Вернувшись в Москву, Петр объявил боярам, что следует обустроить взятый Азов, отстроить новую крепость Таганрог, заселить их войсками, чтобы обеспечить спокойствие на юге.

Оставив Москву на Льва Кирилловича, Стрешнева, Апраксина, Троекурова, Бориса Голицына и дьяка Виниуса, а воровской и разбойный приказы — Ромодановскому, Петр отбыл за границу. Он писал Виниусу симпатическими чернилами, так как «много было любопытных».

Русское посольство въехало небывало пышно. Заключило с Фридрихом не военный, а дружественный союз. Затем все отбыли через Берлин, Бранденбург, Гольберштадт на железные заводы в Ильзенбург.

Петр ненавидел Москву — это хлев, так бы и сжег ее. Он пообещал, что после возвращения вышибет дух из Москвы. В Коппенбурге разделились: великие послы поехали в Амстердам, а Петр по каналам поплыл по желанной Голландии. В Голландии он жил под именем Петра Михайлова, но инкогнито продержалось лишь неделю.

В январе Петр переехал в Англию и поселился в трех верстах от Лондона, на верфи Дептфорда, где он увидел «корабельное по всем правилам науки искусство, или геометрическую пропорцию судов». Два месяца учился там математике и черчению корабельных планов. Для основания навигаторской школы в Москве нанял профессора математики Андрея Фергансона и шлюзного мастера Джона Перри — для устройства канала Волга—Дон.

В Москве начиналась новая смута. Софья звала стрельцов учинить переворот. Петру жаль было пре-

рывать полезную европейскую поездку, но необходимо было возвращаться в Россию. «Всю зиму были пытки и казни. В ответ вспыхивали мятежи в Архангельске, в Астрахани, на Дону и в Азове. Наполнялись застенки, и новые тысячи трупов раскачивала вьюга на московских стенах. Ужасом была охвачена вся страна. Старое забилося по темным углам. Кончалась Византийская Русь. В мартовском ветре чудились за балтийскими побережьями призраки торговых кораблей».

Книга вторая

Глава I

Москва скудела, после стрелецких казней шел разор. Осенью законную царицу Евдокию на простых санях отвезли в суздальский монастырь «навечно — слезы лить».

Роман Борисович Буйносов, родовитый боярин, с утра был не в духе. Ему не нравились нововведения царя: немецкая одежда, парик и бритый подбородок. Буйносов верил, что наступает конец света.

«Умер Лефорт. От радости в Москве не знали, что и делать. Конец теперь иноземной власти — Кукуй-слободе». Все были уверены, что он опаивает царя приворотным зельем. Но Петр произнес: «Другого такого друга не будет».

Осенью в немецкой слободе стали строить большой каменный дом в восемь окон для Анны Ивановны Монс, ее матери и младшего брата Виллима. Сюда часто открыто ездил царь и оставался ночевать.

Петр собрал купцов в Кремле, стал учить, что торговать нужно совместно, создавать кумпанства (компании).

Весной был спущен флот. Оставался корабль «Крепость», отделываемый с особой тщательностью. На нем должны поднять адмиральский флаг. 14 ав-

густа флот вышел в море, а 17 августа показались минареты Тамани и Керчи. Русские собрались плыть до Константинополя.

Русские прибыли на турецкий адмиралтейский корабль. Адмирал Корнелий Крейс поднялся в сопровождении двух гребцов — Петра и Алексашки. Их встретил Гассан-паша. Пока адмиралы беседовали, Петр и Алексашка смотрели во все глаза, слазили на реи и нижнюю палубу.

Глава II

Сентябрьским днем бурлаки тянули на север тяжелую баржу с хлебом. Четырнадцать человек шли от самого Ярославля. Среди бурлаков был Андриюшка Голиков, шедший по обету. Вернувшийся с Черного моря Петр ни в чем не отказывал Анне Монс.

Каждое воскресенье у Ивана Артемича Бровкина в новом доме на Ильинке обедали дочь Александра с мужем. Петр приказал набрать тринадцать полков, главным провиантом был назначен Бровкин. Его младшие сыновья (Яков служил в Воронеже, Гаврила учился в Голландии, Артамон шел двенадцатый год, он был при отце писцом, знал немецкий) были умны, а Артамон — чистое золото.

Приехавшая Санька жаловалась на мужа: он не хочет брать ее в Париж, да она все равно поедет, так как царь велел. Потом Санька завела разговор о Буйносовых. Она предлагала сватать Артамона Бровкина за Наталью Буйносову, умную и образованную девуцу. Сказала, что и царь одобряет эту свадьбу. Позже Санька представила Артамона девицам Буйносовым.

На следующий день в Кремле принимали послов Карла XII.

В туманное ноябрьское утро Меншиков привез в Преображенское к Петру Карловича и Паткуля. Они показали трактат о вступлении в войну со шведами Лифляндии и Польши, а не позднее апреля

1700 г. и России. Этот трактат оговаривал совместные действия союзников и запрещал сепаратные переговоры. В Москву ежедневно свозили людей для регулярного войска: одних — насильно, другие шли добровольно. Поручик Алексей Бровкин набрал душ пятьсот новобранцев в полки, отправил их в Москву, а сам двинулся дальше на север.

Царским указом велено было считать года не с Сотворения мира, а от Рождества Христова. И считать новый год не с сентября, а с января 1700 г. Велено украшать дворы и дома еловыми ветками, жечь смолу, а в богатых дворах стрелять из пушек. По Москве ходило много разных слухов: о конце света, о запрещении говорить по-русски, о гарн на Выг-озере.

Глава III

У Буйносовых в доме был переполох, да и по всей Москве тоже. По царскому указу всем знатым следовало ехать с женами и детьми в Воронеж на спуск корабля «Предестинация». Опять стали готовиться к войне с турками. Двухпалубный пятидесятипушечный корабль «Предестинация» стоял на стапелях, готовый к спуску. На берегу собрались самые именитые русские и иноземные послы.

Петр думал о европейской политике: Август сгоряча ввязался в войну. Карл напал на Данию. Никто и помыслить не мог, что этот изнеженный юноша проявит разум и отвагу истинного полководца. Послы просили Петра, не дожидаясь мира с турками, вступить в войну со шведами. Но Петр точно знал: нельзя вступать в войну со шведами, «покуда крымский хан висит на хвосте». Петр собрался на Кукуй.

Глава IV

Великое посольство Украинцева получило приказ от царя уступить во всем туркам, не отдавать лишь

Азов, а мир заключить. Наконец мир с турками был подписан. Шли сборы на войну со шведами.

С 5 по 15 ноября Нарву бомбили без перерыва. Две недели бомбардировки Нарвы ничего не дали: стены не разрушены, город не сожжен. На штурм генералы не решились. А под Нарву спешно двигался со своими войсками Карл. Русские оказались как в тисках: с одной стороны — пушки Нарвы, а с другой — подступал Карл с войсками. К Нарве прибыл полк Шереметева, который бежал от шведов из-под Пиганок, боясь окружения.

Четыре тысячи шведских гренадеров смяли полки Головина, а те, в свою очередь, убегая, увлекли за собой полки Шереметева. Началось беспорядочное бегство. В пролом кинулась шведская конница и захватила мортиры «Лев» и «Медведь», порубив прислугу.

Русский лагерь оказался в бедственном положении. «На рассвете остатки сорокапятитысячной русской армии — разутые, голодные, без командиров, без строя — двинулись обратной дорогой». Весть о нарвской конфузии застигла Петра в Новгороде. Меншикову царь приказал готовить Новгород к обороне.

Глава V

«В Европе посмеялись и скоро забыли о царе варваров, едва было не напугавшем прибалтийские народы, — как призраки рассеялись его вшивые рати». Карл решал: против Петра или Августа направить свой удар.

Всю зиму Петр провел между Москвой, Новгородом и Воронежем, где шла постройка Черноморского флота. В Москву было свезено девяносто тысяч пудов колокольной меди.

К Новому году укрепили Новгород, Псков и Печерский монастырь. На севере укрепляли Холмогоры и Архангельск, в устье Двины строили каменную

крепость Ново-Двинку. Все лето шли стычки передовых отрядов Шереметева и Шлиппенбаха.

Русские быстро оправались после поражения под Нарвой и «даже преуспели в военном искусстве и вооружении», по словам Шлиппенбаха. Так шли дела до декабря 1701 г. Узнав о том, что Шлиппенбах остановился на зимние квартиры, Шереметев напал на его лагерь и наголову разгромил шведов. Сам Шлиппенбах едва ушел верхом в Ревель. Москва пышно праздновала эту победу. Весной 1702 г. из Голландии прибыли в Россию десять плюзных мастеров руководить строительством канала Волга — Дон. В сентябре три русских войска соединились на берегах реки Назин близ крепости Нотебург. На рассвете русские с боем взяли шведские шанцы (передовые укрепления). В этот же день началась бомбардировка Нотебурга. Крепость была взята. Теперь помыслы Петра были направлены на овладение Невой. Апраксин, сын адмирала, успешно воевал против шведов и отбросил их за Неву. Петр возвратился в Москву. Ему устроили пышную встречу. Две недели пировала Москва, пока не случился большой пожар. Петр лично тушил его, но ничего нельзя было поделать. Кремль сгорел дотла, кроме Житного двора и Кокошкиных хором. Едва успели спасти царевну Наталью с царевичем Алексеем. Петр сказал Бровкину, что хочет отстраивать город на Неве, чтобы Иван Артемич гнал туда лесорубов. После Рождества начался новый набор в войско. А по всем городам царские вербовщики набирали плотников, каменщиков, землекопов.

Книга третья

Глава I

В Москве скучно. Только бездомные собаки бродят по безлюдным улицам. Все работают по новозаведенным мануфактурам, кузням. Царевны Екатерина

и Марья после заключения Софьи в Новодевичий монастырь были выселены на Покровку.

Глава II

Три брата Бровкины — Алексей, Яков и Гаврила — сидели за столом. Сейчас приказано ставить на левом берегу Невы амбары (цейхгаузы), у воды строить причалы и крепить весь берег сваями, готовиться к прибытию флота, который строили на Ладейном Поле на Свири. Там строили двадцатипушечные фрегаты, шнявы, бригантины, буера, галеры и шмаки.

Едва царь вылез из кожаного возка, ему салютовали пушки возле дома Меншикова и с бастионов Петропавловской крепости. Петр сказал, что пониже Шлиссельбурга чуть не утопи. Петр уверен: «без Питербурха нам — как телу без души».

За столом у Меншикова сидели «новые люди» — те, что, по указанию Петра, считали «свою знатность по годности» — одним талантом своим выбились из курной избы, переобули лапти на юфтевые тупоносые башмаки с пряжками. «Петр Алексеевич был сегодня доволен и тем, что Данилыч поставил назло шведам такой хороший дом, с Нептуном и морской девой на крыше, и тем, что за столом сидят все свои люди и спорят и горячатся о большом деле, не задумываясь, сколь оно опасно и удастся ли оно... и то, что здесь сходились далекие замыслы и трудные начинания...» Петр сказал, что поражение под Нарвой пошло русским на пользу.

Глава III

Поход на Кексгольм был прерван в самом начале. Не успела лодка Петра пройти и половины пути до Шлиссельбурга, как его перехватил адъютант Петра Матвеевича Апраксина, Пашка Ягужинский. Он пере-

дал Петру письмо от ближнего стольника Апраксина бомбардиру Петру Алексеевичу. В письме Апраксин сообщал: по весне прибыл с тремя пехотными полками в устье Нарвы. Вскоре туда подошли пять шведских кораблей. Они атаковали обоз русских. Но благодаря полевым пушкам русские разбили шведский фрегат и выбили остальные корабли из устья реки. Апраксин, патрулируя берег, не давал шведам выгрузиться.

Глава IV

Петр с войсками прибыл к Нарве. Объехав крепость, Петр сказал Меншикову, что Нарва — ключ ко всей войне. Алексахка пообещал к вечеру придумать, как взять Нарву. Русские войска обложили Нарву и Иван-город. Русские войска уничтожали нарвский гарнизон.

Глава V

Гаврила Бровкин ехал в Москву, везя государеву почту и поручение князю-кесарю торопить доставку в Питербурх всякого железного изделия. Гаврила дивился бедности деревень, отсутствию людей, скорее всего, сбежавших от царских указов на Урал, Дон, Выгу. Государство огромное, а людей мало — отсюда и бедность.

Глава VI

В одну из грозowych ночей русские взяли на бордаж шведскую эскадру, вошедшую в устье реки Эмба. Теперь Петр плыл на одной из двухмачтовых шняв, «Катерине». Петр сам стоял у штурвала. Он плыл к Нарве с победой. Вез шведские знамена, взятые при штурме Юрьева.

Роман «Петр Первый» отличается четкой и точной передачей атмосферы Петровской эпохи. Характеры и изображение исторических событий делают роман интересным. Несмотря на то, что, как считают исследователи, Толстой ради противопоставления старого и нового миров преувеличил отсталость, бедность и бескультурье допетровской Руси, он достаточно верно показал необходимость в преобразованиях. В изображении писателя меняется Россия, вместе с ней меняются, растут герои, прежде всего сам Петр. Роман считается лучшим в советской исторической прозе.

К концу третьей книги романа Петр откровенно идеализирован, он заступает за простой народ. Но на тональности последней, неоконченной книги сказались национально-патриотические настроения времен Великой Отечественной войны.

Ю. Н. Тынянов

(1894—1943)

Юрий Николаевич Тынянов родился в семье врача. В 1918 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. Во время учебы стал изучать жизнь и деятельность В. К. Кюхельбекера — лицейского друга А. С. Пушкина, поэта и критика, декабриста.

В 1918—1921 гг. Тынянов служил в Коминтерне переводчиком французского отдела. В 1921—1930 гг. Тынянов — действительный член и профессор Российского института истории искусств, где читал лекции по истории русской литературы.

Первая его книга — «Гоголь и Достоевский. К теории пародии» — вышла в 1921 г. Историк литературы, Тынянов уже в первой своей книге показал себя талантливым

ученым. Он отличался также большим художественным дарованием. И проявилось это в первом романе Тынянова «Кюхля» (1925), рассказывающем о Кюхельбекере.

Не менее известны роман Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1927—1928), исторические повести и рассказы «Подпоручик Киже» (1928), «Восковая персона» (1931), «Малолетний Витушишников» (1933), роман «Пушкин» (1935—1943).

Смерть Вазир-Мухтара

14 марта 1828 г. пушечным выстрелом с Петропавловской крепости жители столицы были извещены о заключении мира с Персией. Трактат о мире привезен из главной квартиры российской армии в Тегеране коллежским советником Грибоедовым. На приеме у императора Грибоедову вручили орден Анны 2-й степени с алмазами и четыре тысячи червонцев, которые он сразу же отдал своей матери Настасье Федоровне, эгоистичной мотовке. Грибоедов безразличен к происходящему, он сух и «желт, как лимон». Чужой для всех, он поддерживает дружбу лишь с «самым забавным из всей литературной сволочи» Фаддеем Булгариным, что не мешает ему, впрочем, завести любовную связь с женой Фаддея — Леночкой.

Грибоедов разработал проект преобразования Закавказья не силой оружия, а экономическим путем, предложил создать там единое общество производителей-капиталистов. Он ищет поддержки у министра иностранных дел Нессельроде и директора департамента Родофиникина. К Родофиникину в то же самое время успевает навеститься доктор Макниль, член английской миссии в Тебризе, ведущий свои интриги в Персии. Через Макниля Грибоедову передается письмо от Самсон-хана — в прошлом вахмистра Самсона Макинцева, принявшего в плену мусульманство и возглавившего русский батальон, участвовавший в войне на стороне персов. Самсон-хан вместе с дру-

гими «добровольными пленными» не желает возвращаться на «бывшую родину».

После аудиенции у Николая I Грибоедов назначается полномочным министром России в Персии и возводится в чин статского советника. Проект же его спрятан в долгий ящик. На обеде у Булгарина Грибоедов читает отрывки из своей новой трагедии, беседует с Пушкиным. Быстрый и удачливый Пушкин, несмотря на свою доброжелательность, вызывает в Грибоедове раздражение. С чувством обиды покидает поэт-дипломат Петербург, понимая, что, поручив ему получить с персов контрибуцию («куру-ры»), власть отправляет его «на съедение».

Грибоедова повсюду сопровождает слуга Сашка, Александр Грибов. В Екатеринограде к ним присоединяются назначенный Грибоедову в секретари Мальцов и доктор Аделунг. В Тифлисе Грибоедов встречается со своей невестой Ниной Чавчавадзе, получает благословение на брак от ее родителей. В это время сюда приходит с трофеями из Персии сводный гвардейский полк, в составе которого немало участников восстания 1825 г. на Сенатской площади. Двое офицеров говорят о Грибоедове, которого они видели на террасе «в позлащенном мундире», и один из них осуждает автора «Горя от ума», дошедшего, по его мнению, «до степеней известных».

На Кавказе Грибоедов посещает главнокомандующего графа Паскевича, который передает грибоедовский проект на отзыв ссыльному декабристу Бурцеву. Но, к сожалению, либерал Бурцев не поддерживает своего бывшего единомышленника: «По той причине, что вы новую аристокрацию денежную создать хотите ... я буду всемерно проект ваш губить». Грибоедов переносит тяжелую лихорадку, а затем получает высочайшее повеление покинуть Тифлис. Он венчается с Ниной и вместе с ней отбывает в Персию, где его отныне будут в соответствии с высоким чином именовать Вазир-Мухтаром.

Приступив к новой должности, Грибоедов сталкивается с серьезными трудностями. Разоренные вой-

ной персы не в состоянии выплачивать куруры. Терпящий на Кавказе неудачи Паскевич требует вывода из Персии русских подданных. Оставив Нину в Тебризе, Грибоедов едет в Тегеран, где представляется персидскому шаху. Живя в прекрасном доме, подобающем его званию, Вазир-Мухтар все сильнее ощущает одиночество и тревогу. Слугу Сашку жестоко избивают на базаре. Грибоедов дает приют двум женщинам с Кавказа, некогда похищенным персами и теперь бежавшим из гарема.

В русском посольстве находит убежище и евнух Ходжа-Мирза-Якуб, армянин по происхождению, бывший российский подданный. Все это вызывает острую неприязнь к Вазир-Мухтару со стороны ревнителей шариата.

При молчаливом согласии шаха они объявляют священную войну — «джахат» — ненавистному «кяфиру в очках». Грибоедов поручает секретарю Мальцеву составить ноту о небезопасности для российских подданных дальнейшего пребывания в Тегеране. В ночь на 30 января 1829 г. он ведет разговор «со своей совестью, как с человеком» — о неудачной службе, о «неуспехе» в словесности, об ожидающей его беременной жене. Грибоедов готов к смерти и убежден, что честно исполнял свой долг. Он засыпает спокойным и глубоким сном.

К дому Вазир-Мухтара приближается зловеющая и шумная толпа: муллы, кузнецы, торговцы, воры с отрубленными руками. Грибоедов командует казаками, но оборону удастся держать недолго. Озверевшие фанатики убивают Ходжу-Мирзу-Якуба, Сашку, доктора Аделунга. Только трусливому секретарю Мальцеву удастся уцелеть: он подкупил персиянских стражников и спрятался в свернутом ковре.

Вазир-Мухтар растерзан людьми, считающими его виноватым в войнах, голоде, притеснениях, неурожае. Голову его насадили на шест, тело три дня волочили по улицам Тегерана, а потом бросили в выгребную яму. У Нины в это время в Тифлисе рождается мертвый ребенок.

В Петербург для улаживания инцидента прибыл принц Хозрев-Мирза с драгоценным бриллиантом Надир-Шах в подарок императору. Злополучное тегеранское происшествие предано вечному забвению. Русское правительство требует только одного: выдать тело Вазир-Мухтара. «Грибоеда» ищут в канаве среди трупов, находят тело однорукого человека, прикладывают руку с перстнем. «Получился Грибоед». В простом дощатом ящике тело везут на арбе в Тифлис. По дороге арбу встречает верховой в картузе и черной бурке — это Пушкин. «Что везете?» — «Грибоеда».

 Тема русской истории в литературе 1930-х гг. (по роману Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»)

М. Горький, прочитав роман «Смерть Вазир-Мухтара», написал автору: «...хорошая, интересная и “сытная” книга. Удивляет ваше знание эпохи...».

В период 1930-х гг. в России установилось относительно спокойствие после революционных лет. Представители творческих профессий стремились осмыслить происшедшие в стране перемены, политические и социальные новшества, отыскать параллели в прошлом. В какой-то мере этим стремлением продиктовано и создание романа «Смерть Вазир-Мухтара». Этот роман посвящен А. С. Грибоедову, но не классику, чье главное произведение — комедия «Горе от ума» — не потеряло актуальности и в наши дни. В романе рассмотрен Грибоедов-бунтарь, друг декабристов, автор запрещенной комедии. Роман, по сути, можно назвать психологическим комментарием к гениальной комедии Грибоедова.

М. А. Булгаков

(1891—1940)

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 15 мая 1891 г. в Киеве. Отец будущего писателя был доцентом Киевской духовной академии. В 1900 г. Михаил пошел в подготовительный класс Второй киевской гимназии, в 1901 г. он поступил в Первую киевскую мужскую Александровскую гимназию. После окончания гимназии в 1909 г. Михаил Булгаков стал студентом медицинского факультета Киевского университета. Во время Первой мировой войны Булгаков участвовал в организации лазарета для раненых при Казенной палате в Саратове. Будущий писатель также работал врачом.

Наряду с медициной Булгаков профессионально занимался литературой, работал журналистом в различных изданиях. Булгаковым было создано множество литературных произведений, среди которых — пьесы, романы, повести, рассказы, фельетоны, очерки.

Писатель умер 10 марта 1940 г. в Москве, был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Белая гвардия

Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями.
Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение
темное небо смешалось с снежным морем. Все
исчезло.

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!
«Капитанская дочка»

И судимы были мертвые по написанному в книгах
сообразно с делами своими...

Зима 1918—19 г. Действие происходит в городе, название которого не указано (в романе он назван Город). В Городе немецкие оккупационные войска. Власть принадлежит гетману «всея Украины». Жители Города знают, что вот-вот может появиться армия Петлюры. Ведь бои уже идут совсем рядом.

В Городе идет жизнь, которую вряд ли можно назвать нормальной. Но люди пытаются приспособиться к создавшимся условиям. Здесь очень много тех, кто приехал из Москвы и Петербурга.

Семья Турбиных продолжает держаться за ту жизнь, к которой они все привыкли. Но жизнь вокруг меняется настолько быстро и страшно, что они подчас не могут ничего понять.

«Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера — и красный, дрожащий Марс.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе».

«Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что

стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шпичками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанской Дочкой, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

— Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину, старшему — молодому врачу — двадцать восемь лет. Елене — двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу — тридцать один, а Николке — семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот пе-

рестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

— Живите.

А им придется мучиться и умирать».

Алексей Турбин, его младший брат Николка, Елена, а также друзья семьи — поручик Мышлаевский, подпоручик Степанов по прозвищу Карась и поручик Шервинский, адъютант в штабе князя Белорукова, командующего всеми военными силами Украины, — очень беспокоятся, что будет с их городом.

Алексей Турбин уверен, что вина лежит на гетмане. Ведь именно гетман не давал возможности сформировать русскую армию. А это было бы спасением: армия, состоящая из студентов, юнкеров и офицеров, могла бы отстоять Город и не дать возможности Петлюре оставаться в Малороссии. К тому же армия могла бы пойти на Москву и спасти Россию.

Капитан генерального штаба Сергей Иванович Тальберг сообщает своей супруге Елене о том, что немцы оставляют Город.

Для него эта новость имеет огромное значение, так как он уезжает вместе с ними. Уже сегодня ночью он сядет в штабной поезд, и вскоре — не пройдет и трех месяцев — вернется в Город с армией Деникина, которая формируется сейчас на Дону. Тальберг уверен в этом. Пока он уезжает один, без Елены, ей придется остаться в Городе, так как он не может рисковать ею.

Город необходимо защитить от петлюровских войск. Поэтому начинается формирование русских военных соединений. Мышлаевский, Алексей Тур-

бин, Карась поступают на службу. Алексей Турбин становится военным врачом, а Мышлаевский и Карась поступают на службу в качестве офицеров.

Но в ночь с 13 на 14 декабря гетман и генерал Белоруков бегут из Города. Поэтому сформированный дивизион распускают. Теперь в Городе нет официальной власти, а значит, военным некого защищать.

Полковник Най-Турс в середине декабря уже сформировал второй отдел первой дружины. Холодная зима, а у солдат нет необходимой зимней экипировки. Полковник Най-Турс всеми правдами и неправдами получает для солдат необходимое обмундирование.

14 декабря петлюровцы начинают атаковать Город. Полковник Най-Турс вступает в бой с передовыми отрядами противника. Полковник отправил трех юнкеров на разведку, чтобы они выяснили местонахождение гетманских частей. Однако гетманских частей нигде нет. Полковник Най-Турс со своими юнкерами оказался в безвыходном положении.

Тем временем Николай Турбин ведет команду по заданному направлению. Он видит удручающее зрелище. Полковник Най-Турс приказывает юнкерам, в том числе и тем, которые находились под командованием Николая, бросать оружие, бежать и спасаться. Най-Турса смертельно ранили. Он умер на глазах у Николая.

Алексей Турбин ничего не знал о том, что только что сформированный дивизион распустили. Алексей явился в назначенное место к назначенному времени. В здании никого не было. Алексей только потом узнал о том, что случилось. Ему рассказал об этом полковник Малышев.

Петлюровцы захватили Город. Алексей снял погоны, но забыл снять кокарду с папахи. Из-за этого петлюровцы поняли, что он офицер. Алексей с трудом уходит от преследования. Его ранили. Алексею Турбину помогла скрыться незнакомая женщина по имени Юлия. Через некоторое время она помогла Алексею добраться к себе домой.

Василий Иванович Лисович по прозвищу Василиса — это хозяин дома, в котором живут Турбины. Василиса спрятал свои драгоценности и деньги в тайнике. Однако это увидел незнакомец. Вскоре к Василию Ивановичу пришли вооруженные люди и произвели обыск. Они открыли тайник и все забрали.

Алексей Турбин тяжело заболел. У него воспалилась рана, а также он заболел тифом. Врачи говорят, что он умрет.

«Турбин стал умирать днем двадцать второго декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества». «Из года в год, сколько помнили себя Турбины, лампадки зажигались у них двадцать четвертого декабря в сумерки, а вечером дробящимися, теплыми огнями зажигались в гостиной зеленые еловые ветви. Но теперь коварная огнестрельная рана, хрипящий тиф все сбили и спутали, ускорили жизнь и появление света лампадки. Елена, прикрыв дверь в столовую, подошла к тумбочке у кровати, взяла с нее спички, влезла на стул и зажгла огонек в тяжелой цепной лампаде, висящей перед старой иконой в тяжелом окладе. Когда огонек созрел, затеплился, венчик над смуглым лицом Богоматери превратился в золотой, глаза ее стали приветливыми. Голова, наклоненная набок, глядела на Елену. В двух квадратах окон стоял белый декабрьский, беззвучный день, в углу зыбкий язычок огня устроил предпраздничный вечер, Елена слезла со стула, сбросила с плеч платок и опустилась на колени. Она сдвинула край ковра, освободила себе площадь глянцевого паркета и, молча, положила первый земной поклон.

В столовой прошел Мышлаевский, за ним Николка с поблекшими веками. Они побывали в комнате Турбина. Николка, вернувшись в столовую, сказал собеседникам:

— Помирает... — набрал воздуха.

— Вот что, — заговорил Мышлаевский, — не позвать ли священника? А, Никол?... Что ж ему так-то, без покаяния...

— Лене нужно сказать, — испуганно ответил Николка, — как же без нее. И еще с ней что-нибудь делается...

— А что доктор говорит? — спросил Карась.

— Да что тут говорить. Говорить более нечего, — просипел Мышлаевский.

Они долго тревожно шептались, и слышно было, как вздыхал бледный отуманенный Лариосик. Еще раз ходили к доктору Бродовичу. Тот выглянул в переднюю, закурил папиросу и прошептал, что это агония, что, конечно, священника можно позвать, что ему это безразлично, потому что больной все равно без сознания и ничему это не повредит.

— Глухую исповедь...

Шептались, шептались, но не решились показывать, а к Елене стучали, она через дверь глухо ответила: "Уйдите пока... я выйду..." И они ушли.

Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шепотом:

— Слишком много горя сразу посылаешь, мать-заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что?.. Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что?.. Как мы будем вдвоем с Николом?.. Посмотри, что делается кругом, ты посмотри... Мать-заступница, неужто же не сжалишься?.. Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то? Она опять поклонилась и жадно коснулась лбом пола, перекрестилась и, вновь простирая руки, стала просить:

— На тебя одна надежда, Пречистая Дева. На тебя. Умоли сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...

Шепот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь ее была непрерывна, шла потоком. Она все чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтоб сбить назад выскочившую на глаза из-под гребенки прядь. День исчез в квадратах окон, исчез и белый сокол, неслышным прошел плещущий гавот

в три часа дня, и совершенно неслышным пришел тот, к кому через заступничество смуглой девы зывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой.

Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жесткого пола под коленями. Огонек разбух, темное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены все новые и новые слова.

Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение — стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, маслячные деревья, черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор.

— Мать-заступница, — бормотала в огне Елена, — упроси его. Вон он. Что же тебе стоит. Пожалей нас. Пожалей. Идут твои дни, твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает он, да и тебя умоляю за грехи. Пусть Сергей не возвращается... Отымаешь, отымай, но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны, но ты не карай. Не карай. Вон он, вон он...

Огонь стал дробиться, и один цепочный луч протянулся длинно, длинно к самым глазам Елены. Тут безумные ее глаза разглядели, что губы на лице, окаймленном золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце, она сникла к полу и больше не поднималась.

По всей квартире сухим ветром пронеслась тревога, на пыпочках, через столовую пробежал кто-то. Еще кто-то поцарапался в дверь, возник шепот: "Елена... Елена... Елена..." Елена, вытирая тылом ладони холодный скользкий лоб, отбрасывая прядь, поднялась, глядя перед собой слепо, как дикарка, не глядя больше в сияющий угол, с совершенно стальным серд-

чем прошла к двери. Та, не дождавшись разрешения, распахнулась сама собой, и Николка предстал в обрамлении портьеры. Николкины глаза выпятились на Елену в ужасе, ему не хватало воздуха.

— Ты знаешь, Елена... ты не бойся... не бойся... иди туда... кажется...

Доктор Алексей Турбин, восковой, как ломаная, мятая в потных руках свеча, выбросив из-под одеяла костистые руки с нестриженными ногтями, лежал, задржав кверху острый подбородок. Тело его оплывало липким потом, а высохшая скользкая грудь вздымалась в прорезах рубахи. Он свел голову книзу, уперся подбородком в грудь, расцепил пожелтевшие зубы, приоткрыл глаза. В них еще колыхалась рваная завеса тумана и бреда, но уже в клочьях черного глянул свет. Очень слабым голосом, сильным и тонким, он сказал:

— Кризис, Бродович. Что... выживу?.. А-га.

Карась в трясущихся руках держал лампу, и она освещала вдавленную постель и комья простынь с серыми тенями в складках.

Бритый врач не совсем верной рукой сдвинул в щипок остатки мяса, вкалывая в руку Турбину иглу маленького шприца. Мелкие капельки выступили у врача на лбу. Он был взволнован и потрясен.

Алексей выздоравливает. Елена получила письмо от подруги из Варшавы. Подруга сообщила, что муж Елены, Тальберг, женится на их общей знакомой. Елена вспомнила свою молитву. В ночь со 2 на 3 февраля петлюровцы уходят из Города. Слышны выстрелы — к Городу подходят большевики.

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй»

В романе Булгакова «Белая гвардия» ясно ощущается мотив Страшного суда. Революция воспринимается как конец света. Один из двух эпиграфов по-

вести — «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими» — заставляет задуматься об Апокалипсисе. Писатель дает исчерпывающую характеристику смутной эпохи, которая началась после революции. Все, чем жили люди, потеряли свой смысл. Революция и гражданская война принесли с собой новые ценности, коренным образом отличающиеся от тех, которые были прежде. Жизнь человека теперь не имеет равным счетом никакого значения. Также потеряли свою ценность домашний уют, красота, комфорт, эстетика. Новая власть диктует свои условия. Война и революция разрушили все: благополучие, мир, счастье — и принесли взамен кровь, страдания, смерть, жестокость.

Мастер и Маргарита

Часть первая

Однажды в жаркий день на Патриарших прудах в Москве появились два гражданина. Первым был Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций и редактор толстого художественного журнала, второй — молодой поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный. Это был странный вечер — вокруг не было ни души.

Когда спутники напились абрикосовой воды, случилась вторая странность. Берлиоза вдруг начал одолевать страх, захотелось бежать с Патриарших. Он попытался себя успокоить, как вдруг увидел странного господина, буквально висящего в воздухе. «На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая».

«Этого не может быть!» — подумал Берлиоз, однако гражданин продолжал качаться в воздухе. Берли-

оз закрыл глаза, а когда их открыл, никого уже не было. Он поделился своим видением с Иваном, а потом начал разговор, прерванный питьем абрикосовой. Речь шла об Иисусе Христе. Редактор заказал поэту большую антирелигиозную поэму. Иван сочинил ее, но редактора она не устраивала: Иисус в представлении автора получился как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз пытался доказать, что Иисус не может быть плохим или хорошим, так как его вовсе никогда не было.

Умело подтверждая свои доводы речами древних историков, никогда ни словом не упоминавших о существовании Иисуса, Берлиоз читал поэту «нечто вроде лекции». Поэт узнавал много нового, и вот в разгар этого просвещения в аллее показался первый человек. Он был маленького роста, с золотыми зубами, хромал на правую ногу, как потом сказали свидетели этой сцены. Хотя, по другим показаниям, роста он был огромного, коронки имел платиновые, а хромал на левую ногу. Третий источник сообщает, что никаких особых примет у него не было.

На самом деле «ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой — золотые. Он был в дорогом сером костюме... <...> подмышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду — лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом — иностранец».

Он сел в двух шагах от собеседников, и каждый из них попытался определить его гражданство. Вел себя незнакомец странно, все оглядывался вокруг и усмехался. Берлиоз с Иваном продолжили беседу. Когда Берлиоз в очередной раз произнес, что Иисуса Христа не было, иностранец подошел к ним и вступил в беседу, сказав, что она его чрезвычайно заинтересовала.

Он начал выпрашивать литераторов, действительно ли они не верят в Бога, правда ли, что они ате-

исты, и все восхищался, когда получал подтверждения. Потом разговор зашел о Канте, и когда Иван в сердцах предложил упечь его в Соловки за доказательства существования Бога, незнакомец пришел в восторг и закричал, что говорил Канту за завтраком, что над ним смеяться будут. После этого иностранец разразился длинной непонятной тирадой, суть которой, водилась к тому, что кто-то управляет тем, что происходит на земле, и это никак не человек.

Берлиоза начали мучить странные мысли, что незнакомец вовсе не иностранец, а кто-то иной... Между тем, тот начал говорить то, чего он Берлиоз не сказал, а о чем он лишь подумал. Зашел разговор о смерти, о том, что смертно все человечество и никто не знает, что с ним случится, например, в сегодняшний вечер. Берлиоз возразил незнакомцу, что лично он знает это совершенно определенно, и планы его не поменяются, если только в предстоящий вечер ему на голову не упадет кирпич. На это незнакомец сказал, что Берлиоз умрет другой смертью: ему отрежет голову русская женщина, комсомолка. Потом вдруг начал бормотать непонятные слова о том, что Аннушка уже не только купила подсолнечное масло, но и разлила его. Берлиоз и Бездомный посчитали незнакомца сумасшедшим и решили его задержать. Незнакомец же продемонстрировал документы, в которых значилось, что он профессор, приехавший по приглашению в качестве консультанта. Фамилию литераторы не разглядели, увидели лишь, что она начиналась на «В». Сам же незнакомец сказал, что он историк, специалист по черной магии, и предсказал, что сегодня на Патриарших произойдет интересная история.

Разговор об Иисусе был продолжен. «В белом плаще», — заговорил незнакомец, и слушатели погрузились в эпоху, со времен которой прошло почти две тысячи лет...

В белом плаще с кровавым подбоем между двумя крыльями дворца Ирода Великого ранним утром вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Он был в плохом настроении, так как его преследовал ненавист-

ный запах розового масла, вызывая страшную болезнь гемикранию, от которой страдала половина головы, и не было никакого спасения. Он сел в кресло и приказал секретарю привести обвиняемого.

Ввели человека лет двадцати семи, одетого в старый разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта повязкой, руки связаны за спиной, а на лице имелись следы побоев. Понтий спросил его, подговаривал ли он народ разрушить «ершалаимский храм». Тот начал отвечать, но, к несчастью, назвал прокуратора добрым человеком, и Понтий Пилат приказал палача научить его почтению. Арестанта высекли, наказав звать прокуратора игемоном.

Начался допрос. Арестанта звали Иешуа, имел он прозвище Га-Ноцри и, по своим словам, никогда не совершал того, в чем его обвиняли. Люди все перепутали, что он говорил, особенно постарался сборщик податей Левий Матвей, который путешествовал вместе с арестантом.

По мере допроса прокуратору становилось все хуже. Начали даже появляться мысли о яде. И вдруг его мысли прозвучали в речах арестованного. Иешуа сказал, что знает, как мучится Пилат, как мечтает, чтобы к нему пришла собака — единственное существо, к которому он привязан, и что скоро его боль пройдет. Так и случилось. Арестованный позволил себе дать совет прокуратору измениться и изменить свою жизнь. И случилось чудо: вместо страшного гнева и наказания Пилат повелел развязать арестанта. По мере дальнейшей беседы прокуратор понимал, что не видит состава преступления в деле заключенного, как не видит и связи между его философствованиями и беспорядками в Ершалаиме. Поэтому смертный приговор будет заменен всего лишь заключением. Но как только Понтий Пилат хотел озвучить это, ему померещилось, что «голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней каприз-

ною губой», и мысли у прокуратора понеслись мрачные: «Погибли!» Снова он продолжил допрос. Оказалось, что арестованный познакомился с неким Иудой из города Кириафа, которому объяснял свой взгляд на государственную власть, являющуюся, как и любая власть, насилием над людьми. И в тот момент, когда он предсказывал время, когда никакой власти не будет вовсе и человек будет жить в царстве истины и справедливости, его и схватили.

В невероятное возмущение пришел римский прокуратор от речей арестанта, повелел конвою увести его и приговорил его к смертной казни вместе с еще тремя заключенными. В честь наступающего праздника Пасхи одного из преступников следовало освободить. Понтий Пилат собрал у себя высших представителей власти и просил их освободить именно Га-Ноцри, вызвав тем самым их гнев. Просьбы его отклонили, Иешуа должен был быть казнен.

Незнакомец закончил свой рассказ. Приятели выпли из странного оцепенения и попытались поспорить с рассказчиком, но он в ответ заявил, что сам присутствовал при всем этом.

Затем он сказал, что остановится в квартире Ивана, просил поверить в дьявола и назвал Берлиоза по имени-отчеству, хотя не мог их знать. Берлиоз побежал к автомату, звонить, куда следует, дабы задержали этого сумасшедшего. На пути ему попался гражданин, как две капли воды похожий на того, из воздуха, только вполне реальный. Он глумливо посоветовал ему, как лучше пройти, Берлиоз остановился, давая дорогу приближающемуся трамваю, но поскользнулся на чем-то и упал прямо на рельсы. Трамвай наехал на него, и темный круглый предмет запрыгал по булыжникам. Это была отрезанная голова Берлиоза.

Бездомный, явившийся свидетелем этого, застыл, словно в параличе. Какая-то женщина закричала, что виновата Аннушка: она разлила подсолнечное масло, на котором и поскользнулся Берлиоз. Бездомный вспомнил, что именно это и предсказывал незна-

комец, попытался его задержать, но тому на помощь пришел подельник в клетчатом костюме, вместе с которым он и удалился. Неизвестно откуда взял да и присоединился к парочке громадный черный кот, ходящий на задних лапах. Попытка поймать хоть кого-то из троицы Бездомному не удалась.

Почему-то ему в голову пришла мысль о том, что надо идти к Москве-реке. Там он и искупался, поручив следить за одеждой какому-то бородачу. Когда же Иван, приплясывая от холода, вышел из воды, оказалось, что одежда пропала, впрочем, бородач тоже. Остались только полосатые кальсоны, рваная толстовка, свеча, иконка и коробка спичек.

Иван решает идти в «Дом Грибоедова» — так назывался старинный двухэтажный дом на Бульварном кольце, принадлежащий той самой литературной ассоциации, сокращенно МАССОЛИТ, во главе которой стоял Михаил Берлиоз. По-простому дом называли «Грибоедов», и каждый вхожий сюда относился к заведению с уважением. Кроме всего прочего, здесь был ресторан, который считался лучшим в Москве, так как блюда здесь были недорогими и, что удивительно, свежими.

В тот вечер в половине одиннадцатого двенадцать литераторов ждали на заседание председателя Михаила Александровича. Было очень душно, люди нервничали и возмущались. Они еще не знали о смерти председателя. Знал только его заместитель, литератор Желдыбин, которого вызвали в морг.

Ближе к полуночи литераторы спустились в ресторан и сели в душном зале, так как другие столики были заняты. Злость на Михаила Александровича все росла. Ровно в полночь грянул джаз, тоненький голосок надрывно закричал: «Аллилуйя!», все кругом заплясало, а потом вдруг, в разгар веселья, пронеслось: «Берлиоз!» Началась суета. Приехал Желдыбин, члены правления собрались, чтобы решить вопросы, связанные с похоронами.

В ресторане же посетители вдруг увидели у чугунной решетки огонечек, который все приближался.

С огонечком шествовало белое привидение. Оказалось, что это Иван Николаевич Бездомный. Был он в разодранной толстовке с приколотой к ней иконкой и в кальсонах, в руке нес зажженную свечу. Поздоровавшись, он заглянул под ближайший столик и с тоской сказал: «Нет, его здесь нет».

Присутствующим Иван рассказал о том, что нужно срочно поймать консультанта, который убил на Патриарших Мишу Берлиоза. С ним были еще двое: какой-то длинный, клетчатый и кот черный, жирный. В поисках консультанта Иван стал заглядывать под столы, потом начал буянить. Наконец его самого схватили, спеленали и повезли в психиатрическую больницу.

В больнице Иван ругается и пытается тщетно объяснить, почему он появился в Грибоедове в таком странном виде. Намеревается позвонить в милицию, требует выслать пять мотоциклов с пулеметами для поимки иностранного консультанта, ругает своего коллегу Рюхина, потом собирается уходить. Ему делают успокоительный укол, и он засыпает.

Доктор говорит Рюхину, что у Ивана, судя по всему, шизофрения. Рюхин едет в Москву и с тоской думает, что Иван был прав насчет его писательского таланта, мол, и в самом деле он пишет вздор. Грузовик останавливается у памятника Пушкину, Рюхин думает: «Но что он сделал? Я не постигаю...». Он считает, что вот это пример настоящей удачливости. Рюхин решает, что Пушкину просто повезло. У Грибоедова Рюхин заливает тоску водкой.

Степа Лиходеев лежит в кровати и страшно страдает. В голове гудит колокол, под закрытыми веками плавают коричневые пятна, тошнит, ничего не помнится, кроме того, что вчера он пытался поцеловать какую-то даму и напрашивался к ней в гости сегодня в двенадцать часов. Степа с большим трудом понимает, что он находится у себя дома. Степан Лиходеев — директор театра Варьете. Квартиру, в которой он очнулся утром, он занимал пополам с покойным Берлиозом, в большом шестиэтажном доме, покоем распо-

ложенном на Садовой улице. Эта квартира № 50 пользовалась странной репутацией.

Еще два года назад она принадлежала вдове ювелира де Фужере. Три комнаты из пяти вдова сдавала жильцам. Два года назад люди из этой квартиры стали исчезать. Первый жилец исчез, когда его вызвали в отделение милиции, чтобы он в чем-то расписался, потом исчез второй. Последним испарился жилец по имени Беломут, за ним заехала машина, чтобы отвезти на службу, с тех пор его не видели. Мадам Беломут была в отчаянии, впрочем, в ту же ночь она тоже исчезла.

Но это еще не все: двери обеих комнат, которые занимали супруги Беломут, оказались опечатанными. Хозяйка Анна Францевна потеряла сон, а на третий день после этих событий уехала на дачу. Она не вернулась. Ее домработница Анфиса вскоре тоже пропала.

Неделю квартира простояла пустой и запечатанной, затем в нее вселились покойный Берлиоз с супругой и Степа, тоже с супругой. За месяц обе супруги пропали, правда, не бесследно, так как одну, по слухам, видели в Харькове, а другую — на Божедомке.

Степа продолжал страдать. С трудом приоткрыв глаза, он увидел себя в трюмо. Вид был жутким. Рядом с собой в зеркале он увидел неизвестного человека в черном.

Степа вытаращил глаза на незнакомца. Тот поздоровался, а на вопрос о том, что ему нужно, ответил, что Степа сам назначил ему свидание на десять часов утра и вот уже час, как он дожидается его пробуждения.

Потом незнакомец сказал, что нужно привести Степу в нормальный вид. Откуда ни возьмись появился маленький столик, на котором были белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом графинчике.

Незнакомец напомнил, что он — профессор черной магии Воланд, вчера приехал из-за границы

в Москву, тут же явился к Степе и предложил свои гастроли в Варьете. Степа согласовал вопрос с Московской областной зрелищной комиссией и подписал контракт с профессором на семь выступлений. Они договорились, что Воланд придет сегодня к Степе в десять часов.

Взглянув на контракт, Степа увидел собственную подпись и косую надпись сбоку, сделанную рукой финдиректора Римского, с разрешением выдать артисту Воланду десять тысяч рублей аванса.

Степа побежал в переднюю к телефону. На двери в кабинете Берлиоза увидел сургучную печать на веревке и понял, что тот что-то натворил. Напрасно Степа вел с ним порой сомнительные разговоры.

Степа позвонил финдиректору Варьете Римскому, и тот сообщил, что афиши сейчас будут готовы. В немытом зеркале передней Лиходееву померещился какой-то странный субъект в пенсне, потом в зеркале прошел огромный черный кот. Степа пошатнулся, крикнул домработнице Груне, что это за коты тут шляются, на что Воланд сказал из спальни, что это его кот, а Груни нет, так как он отослал ее в Воронеж, на родину. В своей спальне Степа увидел длинного с единственным стеклышком в пенсне и жутких размеров кота со стопкой водки в одной лапе и вилкой с нацепленным на нее грибочком в другой. Воланд сказал, что это его свита, а свите требуется место, так что кое-кто здесь лишний в квартире, и ему кажется, что это Степа.

Тут случилось еще одно событие, от которого Степа сполз на пол. Из зеркала вышел маленький, но очень широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком, огненно-рыжий и очень мерзкий и начал говорить, что Степу надо выкинуть из Москвы. Его поддержал кот, рывкнув: «Брысь!»

Спальня завертелась вокруг Степы, он ударился о притолоку головой, потерял сознание, подумал, что умирает и... оказался в Ялте.

Около половины двенадцатого дня Иван Николаевич Бездомный проснулся после глубокого и продол-

жительного сна и вспомнил, что находится в психиатрической лечебнице. Вошла женщина, поздоровалась, подняла штору на окне и предложила Ивану принять ванну, мимоходом заметив, что лучше их клиники нет и за границей. Иван вспомнил вчерашнего консультанта.

Выдав Ивану белье и пижаму, его провели в громаднейший кабинет с множеством разного оборудования, в котором было две женщины и один мужчина, все в белом. Иван думал, по какому пути ему следовать. Можно были броситься на все эти лампы и замысловатые вещицы и перебить все в знак протеста, можно рассказать о консультанте и Понтии Пилате, а можно замкнуться в гордом молчании. Иван было решил идти по третьему пути, но его начали спрашивать о его жизни, начиная с самого детства и до вчерашнего дня.

Когда Иван оказался в своей комнате, он пообедал и решил дожидаться главного в этом учреждении, чтобы все ему поведать. Главный, доктор Стравинский, пришел в сопровождении многочисленной свиты. Иван стал рассказывать доктору вчерашнюю историю. Профессор посоветовал Ивану успокоиться и обо всем написать, а потом его загипнотизировал.

Никанор Иванович Босой, председатель жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой улице в Москве, где проживал покойный Берлиоз, находился в страшнейших хлопотах. В полночь его подняла с постели комиссия под руководством Желдыбина, сообщив о смерти Берлиоза. Вместе они отправились в квартиру № 50, но там никого не было. Опечатали рукописи и вещи покойного, а три комнаты, которые он занимал, перешли в распоряжение жилтоварищества. Вскоре все в доме уже знали о смерти Берлиоза, и с самого утра в четверг Босому стали звонить, потом приходить с просьбами посодействовать в получении комнат. Никанор Иванович пустился в бега, но его повсюду поджидали. Он решил укрыться в пятидесятой квартире.

На звонок ему никто не открыл. Он воспользовался имевшимся у него как у председателя жилтоварищества дубликатом ключа, вошел, позвал Груню. Ему никто не ответил, и он снял печать с двери кабинета и зашел. Навстречу ему вскочил тощий, длинный гражданин в клетчатом пиджаке и в пенсне. Он сказал, что фамилия его Коровьев, состоит он переводчиком при иностранце, имеющем резиденцию в этой квартире. Не дав Никанору Ивановичу высказаться, длинный продолжал. По его объяснению, иностранный артист господин Воланд приглашен директором Варьете Степаном Богдановичем Лиходеевым провести время своих гастролей у него в квартире, о чем еще вчера написал Никанору Ивановичу, поскольку сам отбыл в Ялту. Никанор Иванович с недоумением открыл портфель и обнаружил там письмо Лиходеева. Тогда Коровьев спросил, не согласится ли жилтоварищество предоставить господину Воланду на время гастролей и три комнаты покойного Берлиоза за хорошую плату.

Никанор Иванович позвонил в интуристское бюро. Все решилось очень быстро и без проблем. Коровьев сам написал в двух экземплярах контракт, сбегал в спальню и вернулся с подписью артиста-иностранца. Никанор Иванович взял контракт, деньги и паспорт иностранца для временной прописки, положил в портфель и ушел, унося с собой трофеи: контрамарку для себя и супруги и толстую пачку с характерным хрустом.

Как только он вышел, из спальни донесся низкий голос, сообщивший о том, что обладателю этого голоса Никанор Иванович не понравился и он бы пожелал его более не видеть. На это Коровьев сказал, что мессире стоит только приказать, после чего он набрал какой-то номер и сообщил, что Никанор Иванович Босой спекулирует валютой. Коровьев сообщил, что деньги спекулянт держит в вентиляции в уборной. Никанор Иванович в этот момент заперся на крючок в уборной и прятал в вентиляционный ход деньги. Когда в его квартиру постучали двое граж-

дан, они прошли в уборную и достали сверток, в котором находились не рубли, как еще минуту назад, а доллары. В портфеле же не оказалось ни Степиного письма, ни контракта, ни паспорта иностранца, ни контрамарки. Босого увели.

В кабинете финансового директора Варьете Римский и администратор Варьете Варенуха. Последний прятался в кабинете финдиректора от контрамарочников. Оба собеседника не понимали, куда пропал Лиходеев.

Капельдинер втащил толстую пачку только что напечатанных дополнительных афиш, в которых сообщалось о новой программе профессора Воланда — сеансы черной магии с полным ее разоблачением. Самого профессора Варенуха и Римский не видели и от неизвестности были очень злы на Степу, заварившего эту кашу с новой программой.

Принесли срочную телеграмму со следующим текстом: «Ялты Москву. Сегодня половину двенадцатого угрозыск явился шатен ночной сорочке брюках без сапог психический назвался Лиходеевым директором Варьете Молнируйте ялтинский розыск где директор Лиходеев».

Телеграммы посыпались дождем. Выяснилось, что Степа действительно в Ялте. Римский сложил все «улики», уже собираясь отнести их, кому следует. Тут зазвонил телефон, и противный гнусавый голос приказал телеграммы никуда не носить и никому не показывать. В кабинете стало как-то быстро темнеть. Варенуха побежал в летний сад и вдруг услышал за спиной мурлыкающий голос: «Это вы, Иван Савельич? Очень, очень приятно...» Затем толстяк, похожий на кота, развернулся и ударил Варенуху по уху.

Все вдруг осветилось, потом рядом с толстяком возник кто-то рыжий с бельмом на глазу и клыком во рту. Он тоже дал администратору по другому уху. В небе что-то грохнуло, пошел ливень.

Гражданин, похожий на кота, закричал, что Варенуху предупреждали, вырвал портфель, а потом администратора подхватили, понесли по Садовой

и внесли на пятый этаж шестого подъезда дома № 302-бис. Там его бросили на пол, а вместо разбойников появилась совершенно нагая рыжая девица. Она подошла к администратору и, положив руки ему на плечи, сказала: «Дай-ка я тебя поцелую». После этого Варенуха потерял сознание.

Ивану по-прежнему никто не верил. Когда началась гроза, он сидел на кровати и плакал. Потом его укололи в руку, он успокоился и даже начал думать, что вся суета, которую он устроил, ничего не стоит. Но прежний Иван воспротивился таким мыслям. Сон начал одолевать Ивана, но тут на балконе возникла таинственная фигура и погрозила Бездомному пальцем, а потом, прижав этот палец к губам, сказала: «Тсс!»

Начиналось представление. В первом отделении выступала семья велосипедистов. Римский волновался в своем кабинете, так как к исчезновению Лиходеева добавилось еще и исчезновение администратора Варенухи. Телефоны в Варьете почему-то не работали. Римскому доложили о том, что приехал иностранец. От этой новости его передернуло.

Иностранец был в невиданном по длине фраке дивного покроя и в черной полумаске. Вместе с ним появились двое спутников странного вида: длинный клетчатый в треснувшем пенсне и черный жирный кот, который ходил на задних лапах. Спутники продемонстрировали на Римском пару фокусов, кот нагло налил себе воды и выпил, а потом раздался третий звонок.

Конферансье Жорж Бенгальский объявил о выступлении знаменитого иностранного артиста мосье Волянда с сеансом черной магии и ее последующим разоблачением. На сцену вышел маг со своими спутниками. Они поговорили между собой, проделали пару фокусов, введя спутников в состояние восторга, а в разгар представления помощник мага по имени Фагот пальнул из пистолета, и из-под купола прямо в зал посыпались денежные купюры. Зрители бросились их ловить, поднялась страшная суета, возника-

ли драки. И тут Фагот внезапно прекратил денежный дождь, дунув в воздух. Бенгальский начал уверять, что это был случай массового гипноза и деньги не настоящие. Однако ему никто не поверил, а Фагот заявил, что купюры самые настоящие и что Бенгальский ему порядком надоел.

На вопрос, что бы сделать с конференсье, голос на галерке мрачно посоветовал оторвать ему голову. Фагот пришел в воодушевление и позвал Бегемота. Кот прыгнул на грудь Бенгальскому, потом вскочил ему на голову, два раз повернул ее и оторвал. В зале закричали, а кот передал голову Фаготу и спросил, будет ли Бенгальский и дальше нести чушь. Голова прохрипела, что не будет, и кот надел ее обратно.

Фагот сунул Бенгальскому пачку червонцев, и его увезла машина «скорой помощи». А на сцене продолжалось представление. Фагот открыл настоящий дамский магазин, с персидскими коврами на полу, с громадными зеркалами, с витринами, в которых было множество парижских женских платьев, шляп, туфель и флаконов с тюбиками. Рыжая девица в черном платье со шрамом на шее улыбалась у витрин. Фагот пригласил желающих посетить магазин. Одна брюнетка рискнула и выбрала себе туфли и платье. Когда она вышла из-за занавески в обновках, все увидели, как она преобразилась, и остальные женщины рванули в магазин. Тут Фагот объявил, что магазин закрывается до завтрашнего вечера через одну минуту. Началась паника, женщины хватали все, что попадало им под руку. Через минуту раздался пистолетный выстрел, и все исчезло.

Из ложи № 2 почетный гость вечера Аркадий Аполлонович Семплеяров, председатель Акустической комиссии московских театров, потребовал еще разоблачения с деньгами. Вместе с ним были супруга и дальняя родственница, начинающая актриса из Саратова. Фагот поперекался, а потом разоблачил... Семплеярова, который вчера вечером был не на заседании Акустической комиссии, а у некой артистки.

Наконец кот рывкнул: «Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!», и ополоумевший дирижер, взмахнув палочкой, заставил оркестр сыграть, вернее, урезать какой-то ужасный марш. Во всеобщей суете выступавшие растаяли в воздухе.

Между тем к Ивану в палату зашел неизвестный. Он был бритым, темноволосым, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос. Лет ему было примерно тридцать восемь.

Незнакомец тоже был в больничной одежде. В кармане он спрятал связку ключей, которую стащил у уборщицы. Иван спросил, почему он не убежит, а тот ответил, что, во-первых, высоко прыгать, а во-вторых, некуда бежать. Еще он сказал, что не выносит шума, возни, насилия и всяких вещей в этом роде, на что Иван признался, что вчера засветил одному в морду. Гость этого не одобрил.

Они поговорили про стихи, причем незнакомец умолял Ивана больше не писать. Узнав, из-за чего Иван попал в больницу, гость был ошеломлен. Он объяснил, что на Патриарших Иван встретил сатану, и очень пожалел, что не он его встретил. Потом рассказал, что тоже попал в больницу из-за Понтия Пилата. Год назад он написал о нем роман. «Вы писатель?» — спросил его Иван. «Я — мастер», — сурово ответил незнакомец и надел на голову засаленную черную шапочку с вышитой на ней буквой «М», сообщив загадочно. «Она своими руками спила ее мне». По просьбе Ивана он рассказал свою историю.

Еще два года назад он работал в одном московском музее, занимался переводами (кроме родного, гость Ивана знал еще пять языков).

В Москве он был совсем один, без родственников и друзей. Однажды он выиграл сто тысяч рублей, купил книг, бросил свою отвратительную комнату на Мясницкой и снял подвальчик неподалеку от Арбата. Потом оставил работу в музее и начал сочинять свой роман. Жизнь его была прекрасной. Однажды весной, когда цвела сирень, и роман был почти за-

кончен, мастер пошел прогуляться и увидел... Женщина несла желтые цветы, которые он всегда ненавидел. Она обернулась и посмотрела на него. И он вдруг понял, что всю жизнь искал именно ее.

Он сказал, что цветы ему не нравятся, и она бросила их в канаву. Она сказала, что вышла в тот день с желтыми цветами, чтобы он наконец ее нашел, и если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста. Она была замужем, он тоже был когда-то женат, но они всегда любили друг друга.

Она приходила к нему в подвальчик каждый день. Он работал, а она перечитывала написанное, а потом шила вот эту шапочку. Она стала называть его мастером и говорила, что в романе — ее жизнь.

Роман был дописан в августе и перепечатан машинисткой в пяти экземплярах. И тогда... жизнь мастера кончилась.

Редактор, к которому он пришел, интересовался, кто таков автор, давно ли пишет, ведь о нем ничего не было слышно раньше. Задал идиотский вопрос: кто это его надоумил сочинить роман на такую странную тему? Мастеру это надоело, и он спросил напрямик, напечатают его роман или нет. Ему ответили, что все зависит от критиков Латунского и Аримана и литератора Мстислава Лавровича. Через две недели ему сказали, что вопрос о напечатании романа отпадает.

Из дальнейшего путаного рассказа Иван понял, что другой редактор напечатал большой отрывок вкладным листом в газете. В ответ посыпались обвинительные статьи Аримана, Лавровича, Латунского, в которых они требовали наказать автора.

Вместе с ней мастер теперь сидел на коврике у печки и смотрел в огонь. Встречались они теперь реже. Потом у него появился друг, журналист Алоизий Могарыч, который не понравился ей. Он прочел роман и похвалил его.

К тому времени все совсем стало плохо. Мастер начал бояться, а его жена говорила, что надо все бросить и уехать на юг, к Черному морю. Он отдал ей все

деньги, которые оставались, чтобы она купила билеты. Она ушла, он лег, заснул, а проснулся совсем больным. Ему стало страшно, и он звал ее, но она не пришла, а он начал бросать в печь свой роман. В это время появилась она и выхватила из огня одну обгоревшую по краям пачку, а потом заплакала.

Она сказала, что завтра объяснится с мужем и придет сюда уже насовсем. Потом ушла, а через четверть часа к нему постучали. Он оказался на улице, а потом сам пришел в больницу.

Римский у себя в кабинете рассматривал магические червонцы. Сквозь ужасный шум в Варьете вдруг прорезалась милицейская трель.

В окне Римский увидел даму в одной сорочке и фиолетовых панталонах, но в шляпке и с зонтиком. Вокруг дамы собралась толпа. Рядом была еще одна дама, тоже в белье. Римский отошел от окна и начал думать.

Он решил свалить все происшедшее безобразие на Лиходеева, но как только собрался звонить, телефон зазвонил сам и развратный женский голос запретил ему делать это.

В кабинет бесшумно вошел Варенуха. Он странный, и Римский понимает, что что-то неладно. С окна показалась голая девица. Прокричавший петух заставил ее испариться, вслед за ней выплыл в окно и Варенуха. Через некоторое время абсолютно седой старик, который недавно был Римским, ехал в поезде в Ленинград.

Никанор Иванович Босой, у которого нашли валюту, ссылался на какого-то Коровьева и нечистую силу. Его доставили в клинику Стравинского, сделали успокоительный укол. Ему снятся странные сны: в большом красивом зале все сидят на полу, а на сцене — молодой приятный человек. Он вызывает сидящих в зале на сцену и уговаривает сдавать валюту, потом появляется фельдшерица, делает ему укол. Тревога поднимается в нем, передается в соседнюю палату Ивану... Доктор сделал обоим успокоительный укол, и Ивану снится сон.

Солнце уже садится, Лысая гора оцеплена двойным оцеплением. Идет казнь, заключенные прикованы к столбам. Один человек прячется в стороне холма и страдает. Это был Левий Матвей. Он думал убить Иешуа по дороге, чтобы избавить его от мучений, но из этого ничего не получилось. Когда истек четвертый час казни и пошел пятый, поступил приказ умертвить мучеников.

Ливень хлынул внезапно. На холме остался только один человек. Добравшись до столба, он припал к ногам Иешуа, перерезал веревки и освободил тело. Потом перерезал веревки и на двух других столбах. Вместе с телом Иешуа человек покинул вершину холма.

На следующий день после сеанса все оставшиеся служащие Варьете наблюдали в окна за многотысячной очередью, которая в два ряда выстроилась перед зданием.

В самом здании трещали телефоны, все разыскивали Лиходеева, Варенуху и Римского. Договор с магом исчез, никто не помнил его фамилии. Сегодняшний спектакль отменили.

Бухгалтеру Василию Степановичу Ласточкину нужно было доложить в Комиссии зрелищ и увеселений облегченного типа о вчерашнем и сдать вчерашнюю выручку в финзрелищном секторе. В канцелярии зрелищной комиссии царил суматоха. Оказалось, на месте председателя за столом сидит только один костюм и разговаривает. По словам секретарши, это все кот натворил...

Василий Степанович отправился в филиал. Там все пели хором: «Славное море священный Байкал», а, допев до конца, через минуту запевали снова. Оказалось, что заведующий филиалом, любитель всяческих кружков, привел какого-то в клетчатых брючках и треснутом пенсне, который отрекомендовался как видный специалист по организации хоровых кружков. После первого куплета клетчатый исчез, а они все поют. Всех отправили к профессору Стравинскому.

Когда Василий Степанович решил сдать деньги, откуда ни возмись появились пачки валюты, и бухгалтер арестовали.

Дядя покойного Берлиоза Максимилиан Андреевич Поплавский, живущий в Киеве, получил телеграмму: «Меня только что зарезало трамваем на Патриарших. Похороны пятницу, три часа дня. Приезжай. Берлиоз». Он сразу засобирался. Нужно было во что бы то ни стало унаследовать квартиру племянника на Садовой, а сначала хотя бы временно прописаться в трех комнатах покойного племянника.

В квартире № 50 ему открыли, но в полутьме он ничего не увидел, кроме кота. Потом появился Коровьев. При упоминании Берлиоза он начал плакать и побежал пить валерьянку. Кот вел себя нагло, потребовал паспорт и велел Поплавскому ехать к месту жительства. Азazelло в черном трико с ножом, с желтым клыком и бельмом на левом глазу приказал сидеть в Киеве тише воды ниже травы и ни о каких квартирах в Москве не мечтать. А потом выгнал Поплавского, угрожая жареной курицей.

Поверженного Поплавского спросил, как пройти в квартиру 50 маленький пожилой человек с необыкновенно печальным лицом. Это был Адрей Фокич Соков, буфетчик Варьете. Он решил сходить к магу. Открыла голая девица в кружевном фартучке и с белой наколкой на голове. Соков изложил свое дело. Войдя, он увидел камин, пред которым сидел огромный черный кот среди пузатых бутылок с вином, а некто рыжий на длинной шпaге жарил куски мяса. Далее Воланд с помощниками словесно растерзал Сокова, припомнив ему «осетрину второй свежести», которой он торговал в буфете, и много других грехов, напомнили о тайных сбережениях — двухсот сорока девяти тысячах в пяти сберкассах, а напоследок маг сказал, что буфетчику осталось жить девять месяцев, потом он умрет от рака печени.

Соков бросился к специалисту по печени профессору Кузьмину. Тот направил его на анализы, а когда посмотрел туда, куда пациент положил плату, то

вместо тридцати рублей увидел три этикетки с бутылки минеральной воды. Вдруг на этом месте возникли черный котенок и блюдечко с молоком, и началось нечто непонятное. Во дворе бежала дама в одной рубашке, в комнате дочери профессора патефон играл «Аллилуйя», по столу прыгал, приплясывая, крупный воробей. Потом воробей разбил оконное стекло и улетел, за столом оказалась сестра милосердия с сумочкой, на которой было написано «Пиявки». Но самым страшным был ее рот: кривой, до ушей, с торчащим клыком. Глаза были неживыми. Профессор завопил, а сестра растаяла в воздухе вместе с этикетками.

Часть вторая

Возлюбленную мастера звали Маргаритой Николаевной. Она была красива и умна, замужем за хорошим надежным человеком, жила в красивом особняке неподалеку от Арбата. У нее было все, кроме счастья, лишь на короткий момент эта ситуация изменилась. Когда мастер пропал, Маргарита испытывала ужасные муки. Так она прожила всю зиму. Однажды она проснулась с чувством, что сегодня наконец-то что-то произойдет. Во сне ей приснился он, и он звал ее. Маргарита собралась на улицу с уверенностью, что сегодня встретит его. Домработница рассказала ей о том, что по улице вчера бегали голые женщины, говорили про покойника, потерявшего голову... Маргарита вышла и устроилась на скамейке под Кремлевской стеной. Мимо проходила похоронная процессия. Хоронили Берлиоза. Маргарита задумалась, а когда очнулась от мыслей, рядом с ней сидел маленький рыжий субъект. Он сказал, что послан к ней по делу, ее приглашают сегодня в гости. Маргарита разозлилась от такого, но Азazelло стал цитировать строки из романа мастера. Она воскликнула: «Молю, скажите только одно, он жив?» Азazelло ответил, что жив, и добавил, что там, куда ее

приглашают, она сможет узнать о мастере. Потом вручил ей круглую золотую коробочку с магической мазью. Ровно в половине десятого вечера она должна раздеться донага и натереть мазью лицо и все тело. В десять он ей позвонит, и ее доставят, куда нужно.

Вечером Маргарита открыла коробочку и начала намазываться кремом. По мере этого процесса она становилась все веселее и естественнее: у нее исчезали морщины, распрямлялась завивка, улучшался цвет лица. Наконец тело ее стало невесомым, она легко поднялась в воздух и, крикнув: «Невидима!», как ей наказали по телефону, улетела, оставив с открытым ртом соседа Николая Ивановича.

Подлетев к дому, где жил Латунский, погубивший мастера, Маргарита вошла и устроила в квартире погром. Разойдясь, она начала крушить и окна других квартир, но вдруг увидела маленького мальчика и прекратила. Продолжив свой путь, она увидела, как ее догоняет Наташа верхом на толстом борове — соседе Николае Ивановиче. Домработница попросила Маргариту попросить кого надо, чтобы ее оставили ведьмой.

Наконец они подлетели к реке. На противоположном ее берегу горел костер. Маргарита наплавалась вдоволь, потом полетела на другой берег. Ее встретили торжественным маршем, оказали шикарный прием. Прозрачные русалки махали ей водорослями, нагие ведьмы кланялись, некто козлоногий раскинул на траве шелк и предложил ей прилечь, принес бокал шампанского. Потом подошла машина, за рулем которой сидел длинноносый грач в клеенчатой фуражке и в перчатках с раструбами, и Маргарита полетела на ней в Москву.

Остановка была в районе Дорогомилова, там Маргариту высадили. Из-за надгробия вышел Азazelло, сам сел на рапиру, Маргарита — на щетку, на которой прилетела из дома, и вскоре они оказались у дома № 302-бис на Садовой улице.

В квартире было темно. Азazelло пропал, вместо него появился Коровьев, он же Фагот. Он начал рас-

сказывать про мессира. Ежегодно он дает бал весеннего полнолуния. Поскольку он холост, ему нужна хозяйка. По традиции, она должна носить имя Маргарита и быть москвичкой. Ни одна из московских Маргарит не подошла, и эта роль предлагалась гостье. Маргарита согласилась.

Они пошли в другой зал, по пути Коровьев посоветовал Маргарите никогда ничего не бояться. Бал ожидался пышный, но что его пышность по сравнению с возможностями мессира? Потом Коровьев сказал Маргарите, что она является правнучкой одной французской королевы, жившей в XVI в. Они зашли в комнату, в которой была широкая дубовая кровать с грязными простынями и подушками, на столике горело семь толстых восковых свечей в канделябре, а рядом находилась большая шахматная доска. Там же стоял Азazelло во фраке, нагая ведьма Гелла сидела у кровати, помешивая в кастрюле то, от чего валил серный пар. На постели сидел... дьявол.

Он очень хрипло поздоровался и длинной шпагой пошуровал под кроватью, сказав, что партия отменяется, так как прибыла гостья. По подсказке Коровьева Маргарита начала говорить, чем привела Воладда в доброе расположение духа. Из-под кровати выполз кот, раскланялся, Воланд представил свою свиту. Маргарита ведет себя так, что Воланд остается ею очень доволен. На глобусе, который представляет собой модель настоящей земли, он показывает ей огонь — это где-то началась война. Хвалит некоего Абадонну, беспристрастного к обеим воюющим сторонам. Сообщают о прибытии Наташи, которую решено было оставить, и борова, которого отправили к поварам. Ближе к полуночи Воланд посоветовал Маргарите ничего не бояться.

Три последующих часа Маргарита, нагая, с алмазом в волосах и висевшим на шее изображением черного пуделя на тяжелой цепи, омытая сначала в крови, а потом в розовом масле, стояла, встречая гостей. Рядом с ней застыли Коровьев, Азazelло и Бегемот. Из громадного камина сыпались гробы, виселицы

и скелеты и тут же превращались в дам и кавалеров. Все они обязательно приветствовали королеву, а она должна была улыбаться им и делать комплименты. Одна женщина, Фрида, отличалась от остальных то-скливым взглядом. Коровьев рассказал, что она была обманута хозяином кафе, где работала, родила от него ребенка и задушила его платком, потому что ей было нечем его кормить. С тех пор этот платок видится ей каждое утро.

Чем больше времени проходило, тем хуже становилось Маргарите. У нее очень болело правое колено, которое целовал каждый из подходящих гостей. В конце третьего часа Маргарита с радостью увидела, что больше гостей практически нет. Теперь ей, как хозяйке, осталось лишь облететь все залы.

В сопровождении Коровьева она полетела в бал-ную залу. Гости столпились между колоннами, оставив свободной середину зала. Часы пробили полночь, хотя было больше, и Маргарита увидела Во-ланда вместе с Абадонной, Азazelло и еще несколькими. Воланд был в том же виде, как и в спальне. Азazelло поднес ему блюдо, на котором находилась отрезанная голова с выбитыми передними зубами. Это был Берлиоз, которому Воланд сказал, что все его предсказания сбылись. Потом голова превратилась в череп.

Среди гостей появился барон Майгель, служащий Зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы. Маргарита сталкивалась с ним в театрах Москвы и в ресторанах. Оказалось, что он пока живой, просто предложил Воланду свои услуги. Воланд поведал Маргарите, что барон занимается наушничеством и из-за своего поведения скоро закончит свое существование. А Воланд решил ускорить это.

Кровь Майгеля хлынула в череп Берлиоза. «Я пью ваше здоровье, господа», — негромко сказал Воланд. В один миг вместо заплатанной рубахи и стоптанных туфель на нем оказалась черная хламида со стальной шпагой на бедре. Он поднес чашу Маргарите и прика-

зал ей пить, она запаталась, и чьи-то голоса зашептали ей в оба уха, что не надо бояться, кровь давно уже ушла в землю, а на месте, где она пролилась, растут виноградные гроздья. И Маргарита сделала глоток.

Сладкая истома пробежала по ее телу, но тут раздалась крики петухов. Все рассеялось.

Маргарита оказалась в спальне Воланда. Она была измучена, но когда он спросил ее о самочувствии, соврала, что все прекрасно. Она ничего не просила для себя, хотя чувствовала, что ее обманули, не предлагая награды за то, что она была хозяйкой вечера. И когда на очередной вопрос Маргарита ответила, что ей ничего не нужно, и решила уйти и утопиться, Воланд воскликнул: «Верно! Вы совершенно правы! Так и надо! Мы вас испытывали. Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут! Садитесь, гордая женщина!»

На этот раз он начал предлагать ей награду. Маргарита была готова просить за себя, но вспомнила о Фриде и попросила не подавать ей больше платок, которым она удушила ребенка. Воланд наказал ей самой исполнить это, и Фрида получила прощение из уст Маргариты. Помимо этой просьбы, Воланд разрешил Маргарите еще одну, для себя. Она попросила вернуть мастера.

Он появился, растерянно озираясь. Сказал, что знает, у кого он находится. Воланд поинтересовался, почему Маргарита называет его мастером. Выяснилось, что дело в романе. Воланд попросил посмотреть его, не поверив, что мастер его сжег, — «рукописи не горят». А Маргарита наконец озвучила свою просьбу, попросив, чтобы их вернули в подвал в переулке на Арбате и чтобы все было так, как и прежде.

К Воланду стали входить просители, которые умоляли исполнить их просьбы. Приходили Наташа, мечтавшая остаться ведьмой, Николай Иванович, требовавший справку о том, где провел ночь и получивший ее, со следующим текстом: «Сим удостове-

ряю, что предъявитель сего Николай Иванович провел упомянутую ночь на балу у сатаны, будучи привлечен в качестве перевозочного средства...». Приходил Варенуха, просивший освободить его от обязанностей вампира.

Напоследок Воланд сказал Маргарите и мастеру, что роман еще принесет им сюрпризы. Потом влюбленные оказались в подвале маленького домика в одном из арбатских переулков. Все было так же, как до той самой ночи прошлого года. Маргарита начинает читать роман.

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город». В Ершалаиме буйствовала странная стихия. Прокуратор лежал у столика, уставленного яствами и вином. Появился человек в капюшоне — начальник тайной службы. Между ним и прокуратором состоялся разговор о положении в Ершалаиме. Прокуратор спрашивал о казни, оказалось, что Га-Ноцри отказался выпить напиток, который ему давали перед казнью, и сказал, что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь. Кого благодарит — не сказал.

Прокуратор приказал убрать тела всех трех казненных и похоронить.

Они поговорили об Иуде, который должен получить деньги за то, что принял у себя Иешуа. Прокуратор сказал, что знает о том, что Иуду зарежет этой ночью кто-то из друзей Га-Ноцри, а деньги, полученные за предательство Га-Ноцри, хотят подбросить первосвященнику с запиской: «Возвращаю проклятые деньги!».

После ухода посетителя прокуратор снова впадает в страшную тоску. Он понимает, что в его жизни произошло нечто страшное, и это было связано с утренним приговором.

В Нижнем Городе молодой человек шел по дороге и впереди себя увидел знакомую женщину по имени Низа. Они условились о встрече в гроте. Но неподалеку от грота вместо Низы на дорогу выпрыгнула мужская коренастая фигура, потом еще одна. Они убили

молодого человека, отобрав у него деньги — тридцать тетрадрахм.

Игемон во сне видит Иешуа. Проснувшись, он понимает, что казнь все-таки была совершена, и испытывает ужасные муки. Появляется начальник тайной стражи, винится, что не сумел уберечь Иуду из Кириафа. Показывает кошель с деньгами, который подбросили в дом первосвященника. На нем — кровь Иуды из Кириафа. Казненные были погребены, но одно тело отсутствовало. Левий Матвей прятался в пещере с телом Га-Ноцри. Когда его нашли, он сопротивлялся, но ему объяснили, что тело будет погребено. Прокуратор пожелал увидеть Левия. Попросил его показать хартию, на которой были записаны слова Иешуа. Удалось разобрать лишь немного, в том числе слова, которые неоднократно говорил Га-Ноцри: «Нет большего порока, чем трусость».

Маргарита дочитала роман. Наступало утро. В одном заведении полным ходом шло следствие по делу Воланда. Первым допрашивали Аркадия Аполлоновича Семплеярова, председателя Акустической комиссии. Тот рассказал не только о сеансе, но и о своих личных делах. Самым ценным в его показаниях было то, что он назвал фамилию Воланда. Другие свидетели называли адрес квартиры № 50 на Садовой улице. В этой квартире бывали уже неоднократно, но ничего не обнаруживали. Вопреки этому возникало странное ощущение, что там кто-то есть. В общем, мага со свитой видели тысячи людей, но найти его не было возможности.

Постепенно разыскивали первых лиц Варьете. Римского нашли в гостинице в Ленинграде, он прятался в платяном шкафу и был в состоянии невменяемости. Из Ялты Лиходеев вылетел в Москву. В клинике были обнаружены Никанор Иванович Босой и несчастный конференсье. Случилась неприятность: пропала голова покойного литератора Берлиоза прямо из гроба в грибоедовском зале.

К Ивану пожаловал молодой человек, желающий поговорить о позавчерашних происшествиях на Пат-

риарших прудах. Но это был уже не тот Иван. Новому поэту виделись странный город с колоннадами и человек в белой мантии с красной подбивкой, с ненавистью глядящий на этот город. Иван видел и беслесый холм с опустевшими столбами и перекладинами. Следовательно Иван никак не помог.

Однажды в полночь барон Майгель, одетый в вечернее платье, торжественно вошел в квартиру № 50, но когда через десять минут квартиру посетили, его там не было. Прибывшего Лиходеева поместили в надежную камеру — он очень об этом просил. Появившегося наконец Варенуху арестовали в своей квартире. Он все рассказывал, что его били двое — один с клыком, рыжий, другой был похож на кота. Он тоже просил посадить его в камеру, впрочем, как и Римский. Объявили в розыск Маргариту и Наташу.

Когда поступило сообщение о том, что в квартире раздавались звуки пианино и пения, а на подоконнике сидел кот, несколько мужчин в штатском, вооруженных маузерами, отмычками, тонкими шелковыми сетями и марлевыми масками и ампулами с хлороформом, высадились из трех машин недалеко от дома № 302-бис. Они разделились, несколько человек пошли в парадное, другие поднялись.

«А это нас арестовывать идут», — сказал Азazelло. Мужчины ворвались внутрь. В столовой они нашли остатки завтрака, в гостиной на каминной полке грелся огромный черный кот, зажав в лапах примус. Кота попытались изловить с помощью сети, но вместо кота в ней оказался кувшин. Кот же выхватил из-за спины браунинг и принялся палить, пока сам не свалился, истекая кровью.

Началась борьба с котом, которую прервал тяжелый низкий голос, спросивший: «Что происходит в квартире?» Раздались и другие голоса. Кот разбил окно, плеснул бензином и, когда пламя взметнулось, выпрыгнул на улицу.

В квартире вспыхнул паркет, началась суeta, среди которой люди увидели труп барона Майгеля. Спа-

саясь от огня, люди бросались на улицу. Когда все уже были там, в дыму, валящем из окна, были замечены четыре прыгающие фигуры — три мужские и одна женская.

Весь следующий день в Москве происходили странные вещи. Это резвились Коровьев и Бегемот. Воланд и Азазелло в это время сидели на веранде одного здания, перед которым открывался вид на весь город. Вдруг из стены вышел оборванный, весь испачканный в глине мрачный человек в хитоне. Это был Левий Матвей.

Он сказал Воланду, что показывал сочинение мастера тому, кто должен был его прочитать. Теперь он просит, чтобы Воланд взял его с собой и дал покой. В свет мастера нельзя взять, он его не заслужил. Маргариту нужно тоже взять вместе с ним. После этого Левий Матвей исчез.

Воланд приказал Азазелло все устроить. Появившиеся Коровьев и Бегемот были отправлены отдыхать. Воланд ждал грозы, которая должна была что-то завершить. Черная туча быстро разрасталась, пока не накрыла весь город.

В своем подвале Маргарита и мастер разговаривали о том, как им жить дальше. В разгар их беседы появился Азазелло. Мастер словно не верит своим глазам, щиплет себя за руку и вообще ведет себя так, будто не доказывал недавно Ивану, что на Патриарших был сатана. Ему страшно. Тем временем Азазелло передает им приглашение от Воланда прогуляться и подарок — бутылку вина, которое пил прокуратор Иудеи. Они выпивают этого вина, и мастер понимает, что оно было отравленное.

Когда они с Маргаритой умирают, Азазелло быстро отправляется в особняк, где жила Маргарита, и видит, как печальная женщина выходит из спальни и падает замертво. Азазелло возвращается в подвал, осматривает Маргариту. Ее лицо изменилось, стало мягче и женственнее. Азазелло влил в нее несколько капель того же самого вина, и Маргарита ожила. Потом Азазелло оживил и мастера, после че-

го наказал им попрощаться с подвалом и устроил пожар. Во дворе их ждали три черных коня. Они вскочили на них и понеслись над крышами Москвы. Доскакав до клиники Стравинского, Маргарита и мастер спешили и вошли к Ивану попрощаться. Когда они уехали, Ивану стало известно, что его сосед скончался. Новость его не удивила, он знал, что в этот момент в городе скончался еще один человек, женщина.

Гроза прошла, над Москвой сияла радуга. Воланд, Коровьев и Бегемот на черных конях ожидали остальных. Наконец появился Азазелло, позади него — мастер и Маргарита. Воланд приказал им попрощаться с городом, и мастер почувствовал щемящую грусть. «Пора!» — скомандовал Воланд, и всадники поскакали в гору.

Ночь была в самом разгаре. Чем ближе всадники приближались к цели, тем больше менялся их облик. Коровьев превратился в темно-фиолетового рыцаря с мрачным, никогда не улыбающимся лицом. Он был погружен в размышления. Воланд рассказал Маргарите, что когда-то этот рыцарь неудачно пошутил о свете и тьме, после этого ему надлежало шутить в наказание. Сегодня он полностью искупил свою вину.

Бегемот превратился из кота в худенького юношудемона. И только Воланд оставался в своем прежнем обличье.

Они летели долго, пока местность внизу не стала меняться. На плоской вершине они осадили своих коней и дальше пошли шагом. Сквозь свет луны Маргарита различила кресло, в нем — белую фигуру. Всадники приблизились к нему. Рядом с креслом лежала темная громадная собака, как и хозяин, она смотрела на луну, словно была незрячей.

Воланд сказал мастеру, что его роман был прочитан, но в нем отсутствует завершение. «Мне хотелось показать вам вашего героя. Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, его терзает бессонница. Она мучает не

только его, но и его верного сторожа, собаку. Если верно, что трусость — самый тяжкий порок, то, пожалуй, собака в нем не виновата. Ну что ж, тот, кто любит, должен разделить участь того, кого он любит.... Он говорит одно и то же — что у него плохая должность. А когда спит, то видит одно и то же — лунную дорожку, и хочет пойти по ней и разговаривать с арестантом Га-Ноцри, потому что, как он утверждает, он чего-то не договорил тогда, давно, четырнадцатого числа весеннего месяца нисана. Но, увы, на эту дорогу ему выйти почему-то не удастся, и к нему никто не приходит. Тогда ему приходится разговаривать самому с собой. Он нередко прибавляет, что более всего в мире ненавидит свое бессмертие и неслыханную славу. Он охотно поменялся бы с бродягой Левием Матвеем».

Маргарита страшно закричала: «Отпустите его!» Воланд засмеялся и сказал мастеру, что теперь его роман можно закончить всего одной фразой.

Мастер будто ждал этого момента. Он сложил руки рупором и крикнул так, что эхо отдалось в горах: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!»

От его крика разрушились горы, и появился огромный город с пышно разросшимся садом. К этому саду тянулась лунная дорожка, и первым по ней кинулся бежать остроухий пес. Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся, что-то прокричал хриплым голосом, а потом стремительно побежал вслед за псом.

А потом кто-то отпустил на свободу и самого мастера. Вместе с Маргаритой он пошел через мостик в свете первых утренних лучей. Все вокруг исчезло, и Воланд тоже.

В Москве после того, как Воланд уехал, долго продолжалось следствие по делу о преступной шайке, однако никаких результатов получено не было, и все постепенно склонилось к мысли, что члены шайки являются гипнотизерами. Через несколько лет уже никто не помнил о событиях тех дней. Только профессор Иван Николаевич Понырев, бывший поэт Бездо-

мный, каждый год в весеннее полнолуние появлялся на Патриарших прудах. Там он сначала садился на ту скамейку, где впервые встретился с Воландом, а затем проходил по Арбату. После этой прогулки он возвращался домой и видел во сне героев этой истории.

 Идейно-художественное своеобразие романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Булгаков писал роман «Мастер и Маргарита» на протяжении 12 лет — с 1928 по 1940 г. Это удивительное произведение ставит перед читателями вопросы добра и зла, заставляет задуматься о вечном и сиюминутном. Мистические мотивы позволяют лучше понять непрочность и эфемерность человеческой жизни. То, что человек считает незыблемым и вечным, на самом деле кратковременно. Сама жизнь человека не имеет равным счетом никакого смысла, если он живет исключительно сиюминутным, не задумывается о том, в чем заключается смысл его жизни. Многоплановость произведения делает его еще более интересным. Этот роман не может оставить равнодушным, он заставляет отвлечься от обыденности и задуматься над сложными философскими вопросами.

А. П. Платонов

(1899—1951)

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия — Климентов) родился в многодетной семье слесаря железнодорожных мастерских. Учился он сначала в церковно-приходской школе, затем в городской. С 14 лет овладевал

рабочими профессиями. Рано проявил интерес к техническому изобретательству и литературе. В 1918—1921 гг. занялся журналистикой, попутно работая на железной дороге и учась в Воронежском политехническом институте. Начиная с 1921 г. Платонов вплотную занялся творчеством. Он писал рассказы на темы из деревенской жизни («В звездной пустыне», 1921, «Чульдик и Епишка», 1920), научно-фантастические рассказы и повести («Потомки солнца», 1922, «Маркун», 1922, «Лунная бомба», 1926).

В 1927 г. Платонов переехал в Москву. Вскоре появилась его повесть «Епифанские плюзы», давшая название сборнику рассказов (1927).

Творчество Платонова с трудом обретало признание его современников. После публикации очерка «Че-Че-О» и рассказа «Усомнившийся Макар» (1929) Платонов был обвинен в анархо-индивидуализме, его перестали печатать.

В 1928 г. Платонов завершил работу над романом «Чевенгур», но роман был опубликован лишь в 1972 г. в Париже.

В 1930-х гг. талант Платонова проявился с наибольшей силой. В эти годы появилась повесть «Котлован» (1930, опубликована в СССР в 1987).

В военные годы Платонов был фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». В его рассказах о войне сохраняется неоднозначность оценок, атмосфера внутреннего конфликта человека и мира.

Котлован

Повесть начинается жизненной трагедией человека. «В день тридцатилетия личной жизни Воцеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда». Воцев отправился в другой город. На пустыре в теплой яме он остался на ночь. В полночь его разбудил человек, косящий на пустыре траву. Косарь сказал, что скоро здесь начнется строительство, и направил Во-

щева в барак: «Ступай туда и спи до утра, а утром ты выяснишься». Воцев последовал рекомендации ко-саря.

Проснулся Воцев вместе с артелью мастеровых. Его накормили и объяснили, что сегодня начинается постройка единого здания, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата.

Лопату получил и Воцев. Он сжал ее ладонями, словно желая добыть истину из земного праха. Инженер разметил котлован и сказал рабочим, что биржа должна прислать еще пятьдесят человек. Пока же работа начнется своими силами, ведущей бригадой. Воцев вместе со всеми принялся копать, он «поглядел на людей и решил кое-как жить, раз они терпят и живут: он вместе с ними произошел и умрет в свое время неразлучно с людьми».

Постепенно землекопы обжились в бараке, привыкли к тяжелой работе. На котлован нередко заезжал председатель оркпрофсовета товарищ Пашкин, следил за темпом работ. Он говорил рабочим: «Темп тих. Зачем вы жалеете подымать производительность? Социализм обойдется и без вас, а вы без него проживете зря и помрете».

По вечерам Воцев долго не засыпает, лежа с открытыми глазами, он тоскует о будущем, о времени, когда все станет общеизвестным и помещенным в скупое чувство счастья. Сафронов, один из наиболее сознательных рабочих, предлагает поставить радио в бараке, слушать о достижениях и директивах. Безногий Жачев, инвалид, возражает ему: «Лучше девочку-сиротку привести за ручку, чем твое радио».

Землекоп Чиклин в заброшенном здании кафельного завода нашел умирающую женщину с маленькой дочкой. С этим зданием у Чиклина связаны воспоминания: там его когда-то поцеловала хозяйская дочь. Поцеловав женщину, Чиклин по остатку нежности в губах узнал ее: это оказалась та самая девушка, хозяйская дочка, целовавшая его в юности. Перед смертью мать сказала девочке, чтобы она никому не признавалась, чья она дочь. Девочка спросила, от-

чего умирает ее мать: оттого, что буржуйка, или от смерти? Чиклин забрал девочку с собой.

Товарищ Пашкин установил в бараке радиорупор, из которого раздавались ежеминутные требования в виде лозунгов — о необходимости сбора крапивы, обрезания хвостов и грив у лошадей. Сафронов слушал и сожалел, что он не может говорить обратно в трубу, чтобы там узнали о его чувстве активности. Воцеву и Жачеву стало беспричинно стыдно от долгих речей по радио, и Жачев закричал: «Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!» Наслушавшись радио, Сафронов без сна смотрел на спящих людей и горестно, трагично высказался: «Эх ты, масса, масса. Трудно организовать из тебя скелет коммунизма! И что тебе надо? Стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!»

Пришедшая с Чиклиным девочка спросила у него про черты меридианов на карте, на что Чиклин ответил: это загородки от буржуев. Вечером землекопы радио не включали, а, поев, сели смотреть на девочку. У нее спросили, кто она такая. Девочка помнила, что ей сказала мать перед смертью, и не стала рассказывать о родителях. Сказала, что не помнит их, при буржуях она не хотела рождаться, а как стал Ленин — и она стала. Сафронов заключил: «И глубока наша советская власть, раз даже дети, не помня матери, уже чуют товарища Ленина!»

На собрании рабочие решили направить в деревню Сафронова и Козлова с целью организации колхозной жизни. В деревне их убили. На помощь деревенским активистам пришли другие землекопы во главе с Воцевым и Чиклиным.

Деревенская жизнь изменилась. «Люди не желали быть внутри изб — там на них нападали думы и настроения, — они ходили по всем открытым местам деревни и старались постоянно видеть друг друга; кроме того, они чутко слушали — не раздастся ли издали по влажному воздуху какого-либо звука, чтобы услышать утешение в таком трудном пространстве. Активист еще давно пустил устную директиву

о соблюдении санитарности в народной жизни, для чего люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах. От этого заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше».

Пока на Организационном дворе проходило собрание организованных членов и неорганизованных единоличников, Чиклин и Воцев сколотили неподалеку плот. Активисты обозначили по списку людей: бедняков для колхоза, кулаков для раскулачивания. «Председатель сельсовета, середняцкий старичок, подошел было к активисту за каким-нибудь распоряжением, потому что боялся бездействовать, но активист отрешил его от себя рукой, сказав только, чтобы сельсовет укреплял задние завоевания актива и сторожил господствующих бедняков от кулацких хищников. Старичок председатель с благодарностью успокоился и пошел делать себе сторожевую колотушку...»

Чтобы вернее выявить всех кулаков, Чиклин взял в помощь медведя, работающего в кузнице молотобойцем. Медведь хорошо помнил дома, где он раньше работал, — по этим домам и определяли кулаков, которых загоняли на плот и отправляли по речному течению в море. Оставшиеся на Оргдворе бедняки маршировали на месте под звуки радио, потом плясали, приветствуя приход колхозной жизни. Утром народ отправился к кузне, откуда раздавался звук работы медведя-молотобойца. Члены колхоза сожгли весь уголь, починили весь мертвый инвентарь и с тоской, что кончился труд, сели у плетня. Они смотрели на деревню, не зная о своей дальнейшей жизни и дальнейшем занятии. Рабочие повели деревенских жителей в город. К вечеру путники пришли к котловану и увидели, что он занесен снегом, а в бараке пусто и темно. Чиклин разжег костер, чтобы согреть заболевшую девочку Настю. Мимо барака проходили люди, но никто не зашел проведать Настю. Каждый человек, нагнув голову, непрерывно размышлял о сплошной коллективизации. К утру Настя умирает.

Жачев спросил у Вощева: «Зачем колхоз привел?» Вощев ответил: «Мужики в пролетариат хотят зачисляться». Чиклин взял лом и лопату и пошел копать на дальний конец котлована.

Оглянувшись, он увидел, что весь колхоз не переставая роет землю. Все бедные и средние мужики работали с таким усердием, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована. Лошади тоже не стояли на месте: на них колхозники возили камень.

Один Жачев не работал, скорбя по умершей Насте. Жачев сказал: «Я урод империализма, а коммунизм — это детское дело, за то я и Настю любил... Пойду сейчас на прощанье товарища Пашкина убью» — и уполз на своей тележке в город, чтобы никогда не возвратиться на котлован.

«Вощев стоял в недоумении над этим утихшим ребенком, и он уже не знал, где же теперь будет коммунизм в свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении. Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением?»

Чиклин выкопал для Насти глубокую могилу, чтобы ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли.

Тип платоновского героя — мечтателя и правдоискателя

В понимании Платонова революция была глубоко народным, органическим, творческим процессом. Революция призвана вносить разум и красоту во взаимоотношения человека с миром.

Герои платоновских повестей — те, кто «учился думать при революции», их волнуют глубокие философские вопросы. Платонов видел мир глазами трудящегося человека, мучительно осмысляющего свою жизнь, свое место в ней, свои взаимосвязи с природой. С появлением Платонова в мире литературы воз-

никла новая поэтика, в которой могло реализоваться художественное видение писателя. У Платонова появился и новый герой: чаще всего это рабочий, мастеровой, размышляющий о своем ремесле, о смысле жизни.

Герои повести «Котлован» верят в построение «единого общепролетарского дома», благодаря этой стройке они заживут прекрасной жизнью. И работа по рытью котлована, изнурительная, тяжелая, выматывающая — невысокая цена за светлое будущее. Ведь благодаря рабочим будет создан «единственный общепролетарский дом вместо старого города, где и посейчас живут люди дворовым огороженным способом». Это дом-мечта, дом-символ. Рухнув на пол после трудового дня, люди спят вповалку, «как мертвые». Рабочие верят в «наступление жизни после постройки больших домов». Поэтому так, без остатка, отдают себя работе, высасывающей соки из тела. Ради будущей жизни можно потерпеть и пострадать. Каждое предыдущее поколение терпело в надежде, что последующее будет жить достойно. Поэтому отказываются люди закончить работу в субботу: хотят приблизить новую жизнь.

С появлением девочки Насти рытье котлована обрело какую-то определенность, осмысленность. Настя — первый житель дома-мечты, еще не построенного дома-символа. Но Настя умерла от одиночества, неприкаянности, отсутствия тепла. Взрослые люди, которые видели в ней источник своей жизни, не почувствовали, «насколько окружающий мир должен быть нежен... чтобы она была жива». Строительство дома-мечты оказалось несоотнесенным с жизнью конкретного человека, ради которого, для которого будто бы все свершалось.

Умерла Настя, и потускнел свет, блеснувший вдали.

Платонов считал, что чужую беду надо переживать так же, как свою личную, помня об одном: «Человечество — одно дыхание, одно живое теплое существо. Больно одному — больно всем. Умирает

один — мертвеют все. Долой человечество — пыль, да здравствует человечество — организм... Будем человечеством, а не человеком действительности». И герои его отражали точку зрения автора.

Сокровенный человек

«Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки». После погребения жены, намаявшись, Пухов ложится спать. К нему кто-то громко стучит. Сторож конторы начальника дистанции приносит путевку на работы по очистке железнодорожных путей от снега. На станции Пухов расписывается в приказе — в те годы попробуй не распишись! — и вместе с бригадой рабочих, обслуживающих снегоочиститель, который тянут два паровоза, отправляется расчищать от снежных заносов путь для красноармейских эшелонов и бронепоездов. Фронт находится в шестидесяти верстах. На одном из снежных завалов снегоочиститель резко тормозит, рабочие падают, разбивая головы, помощник машиниста разбивается насмерть.

Конный казачий отряд окружает рабочих, приказывая доставить паровозы и снегоочистку на занятую белыми станцию. Подъехавший красный бронепоезд освобождает рабочих и расстреливает завязших в снегу казаков.

На станции Лиски рабочие отдыхают три дня. На стене барака Пухов читает объявление о наборе механиков в технические части Южного фронта. Он предлагает своему другу Зворычному поехать на юг, а то «на снегоочистке делать нечего — весна уж в шинку дует! Революция-то пройдет, а нам ничего не останется!». Зворычный не соглашается, не желая покидать жену с сыном.

Через неделю Пухов и еще пятеро слесарей едут в Новороссийск. Красные снаряжают на трех кораблях десант из пятисот человек в Крым, в тыл Вранге-

ля. Пухов плывет на пароходе «Шаня», обслуживая паровой двигатель. Непроглядной ночью десант проходит Керченский пролив, но из-за шторма корабли теряют друг друга. Бушующая стихия не дает десанту высадиться на крымский берег. Десантники вынуждены вернуться в Новороссийск.

Приходит известие о взятии красными войсками Симферополя. Четыре месяца Пухов проводит в Новороссийске, работая старшим монтером береговой базы Азово-Черноморского пароходства. Он скучает от недостатка работы: пароходов мало, и Пухов занят тем, что составляет отчеты о неисправности их механизмов. Он часто гуляет в окрестностях города, любясь природой, находя все уместным и живущим по существу. Вспоминая свою умершую жену, Пухов чувствует свое отличие от природы и горюет, уткнувшись лицом в нагретую его дыханием землю, смачивая ее редкими, неохотными каплями слез.

Он покидает Новороссийск, но едет не к дому, а в сторону Баку, собираясь дойти до родины вдоль берега Каспия и по Волге. В Баку Пухов встречается с матросом Шариковым, который налаживает Каспийское пароходство. Шариков дает Пухову командировку в Царицын — для привлечения квалифицированного пролетариата в Баку. В Царицыне Пухов показывает мандат Шарикова какому-то механику, которого встречает у конторы завода. Тот читает мандат, мажет его языком и приклеивает на забор. Пухов смотрит на бумажку и надевает ее на шляпку гвоздя, чтобы ее не сорвал ветер. Он идет на вокзал, садится на поезд и спрашивает людей, куда он едет. «А мы знаем — куда? — сомнительно произносит кроткий голос невидного человека. — Едет, и мы с ним».

Пухов возвращается в свой город, поселяется у Зворычного, секретаря ячейки мастерских, и начинает работать слесарем на гидравлическом прессе. Через неделю он переходит жить в свою квартиру, которую называет «полосой отчуждения»: ему там скучно. Пухов ходит в гости к Зворычному и расска-

зывает что-нибудь о Черном море — чтобы не задаром чай пить. Возвращаясь домой, Пухов вспоминает, что жилище называется очагом: «Очаг, черт: ни бабы, ни костра!»

К городу подступают белые. Рабочие, собравшись в отряды, обороняются. Бронепоезд белых обстреливает город ураганным огнем. Пухов предлагает собрать несколько платформ с песком и пустить с уклона на бронепоезд. Но платформы разлетаются вдребезги, не причинив бронепоезду вреда. Бросившиеся в атаку рабочие падают под пулеметным огнем. Утром два красных бронепоезда приходят на помощь рабочим — город спасен.

Ячейка разбирается, не предатель ли Пухов, придумавший глупую затею с платформами, и решает, что он просто придурковатый мужик. Работа в цехе отягощает Пухова — не тяжестью, а унынием. Он вспоминает о Шарикове и пишет ему письмо. Через месяц он получает ответ Шарикова с приглашением работать на нефтяных приисках. Пухов едет в Баку, где работает машинистом на двигателе, перекачивающем нефть из скважины в нефтехранилище. Идет время, Пухову становится хорошо, и он жалеет только об одном: что немного постарел и нет чего-то нечаянного в душе, что было раньше.

Однажды он идет из Баку на промысел. Пухов ночевал у Шарикова, к которому вернулся из плена брат. Неожиданное сочувствие людям, одиноко работающим против вещества всего мира, проясняется в заросшей жизнью душе Пухова. Он идет с удовольствием, чувствуя родственность всех тел своему телу, роскошь жизни и неистовство смелой природы, неимоверной в тишине и в действии.

Постепенно он догадывается о самом важном и мучительном: отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Душевная чужбина оставляет Пухова на том месте, где он стоит, и он узнает теплоту родины, будто вернулся к матери от ненужной жены. Свет и теплота напрягались над миром и постепенно превращались в силу человека. «Хоро-

шее утро!» — говорит он встретившемуся ему машинисту. Тот равнодушно свидетельствует: «Революционное вполне».

«Сокровенный человек» А. Платонова

Повесть «Сокровенный человек» можно определить как произведение о приключениях «размышляющего пролетария» в годы гражданской войны. Вообще, для произведений Платонова характерны «мыслящие» герои, стремящиеся проникнуться реальностью, понять мироуклад. В рассказе Платонова и герои, и автор пытаются отыскать способ существования в мире извечных бытийных проблем. Стираются границы между внутренним миром человека, между живой и неживой природой, понятия и вещи сближаются. Платонов сближает жизнь и смерть.

Мир «Сокровенного человека» достаточно иллюзорен при всей своей осязаемой реальности. Люди стремятся понять жизнь, но в итоге: «А мы знаем — куда? Едет, и мы с ним».

М. А. Шолохов

(1905—1984)

Михаил Александрович Шолохов родился 24 мая 1905 г. в бедной семье. Мать была неграмотной женщиной, отец постоянно менял профессию, чтобы прокормить семью. Михаил был любознательным ребенком. Он рано научился грамоте, потом учился в гимназии.

В 1922 г. Шолохов отправился в Москву. Здесь он был чернорабочим, но вместе с этим занимался самообразованием.

Первое произведение Шолохова увидело свет в 1923 г., это был фельетон «Испытание». Первый сборник — «Донские рассказы» — вышел в 1926 г. С 1925 по 1940 год Шолохов писал роман «Тихий Дон». В 1932 г. писатель закончил роман «Поднятая целина».

Шолохов был на фронте во время Великой Отечественной войны. Здесь он даже в самых тяжелых условиях не оставлял литературной работы, писал публицистические статьи; в 1942 г. создал рассказ «Наука ненависти». В 1943—1944 гг. были написаны главы из романа «Они сражались за Родину».

После войны Шолохов продолжал писать. Его имя известно во всем мире. В 1965 г. Михаилу Александровичу была присуждена Нобелевская премия в области литературы.

Шолохов умер в 1984 г.

Тихий Дон

Книга первая

Часть первая

На краю хутора находится двор Мелеховых. Казак Прокофий Мелехов вернулся домой в предпоследнюю турецкую кампанию вместе с женой-турчанкой. Она была непохожа на казацких жен. Турчанка держалась от всех в стороне, ее наряды были яркими и красивыми. И это вызывало зависть у окружающих баб. Старик Мелехов, отец Прокофия, отделил сына, обиделся на него. К сыну в курень отец не заходил до смерти.

Прокофий быстро обстроился и увел к себе свою жену. С тех пор он жил на отшибе. Окружающие злословили по его адресу. Любопытные бабы наблюдали за отношением Прокофия к жене. Он в буквальном смысле носил ее на руках. С точки зрения соседок, жена была совсем некрасивой. Ведь она была слиш-

ком худенькая, а среди казаков ценились плотные, коренастые женщины. О турчанке говорили: «Ни задугу, ни пуза, одна стрема».

О жене Мелехова стали говорить как о колдунье. Когда случился падеж скота, в этом обвинили турчанку. Хуторяне заявили к Мелехову с явным намерением расправиться с «ведьмой». Прокофий очень любил жену и пытался ее защитить. Но разъяренная толпа растерзала женщину. Прокофий вырвался, убил одного из толпы. Все в страхе разбежались. У турчанки случились преждевременные роды. Она умерла, остался мальчик, которого называли Пантелеем.

Прокофий вернулся через двенадцать лет с каторги. Ребенка воспитывала бабка, мать Прокофия. «С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному — Турки».

Теперь уже Пантелей стал пожилым человеком. У него были сыновья Петр и Григорий и дочка Дуняшка. Жена Пантелея была дородной женщиной, которая рано состарилась. У Петра была жена Дарья с маленьким ребенком. Григорий был младшим сыном, он пока не был женат.

Семья Мелеховых жила хорошо. Все были работящими, хозяйственными. Их уважали соседи, они поддерживали с окружающими хорошие отношения.

Но вот как-то Пантелей Прокофьевич заметил, что младший сын, Гришка, засматривается на жену соседа, Аксинью. Отец не раз говорил сыну, что это может плохо кончиться. Однако Григорий не обращал внимания на отцовские слова. Аксинья и сама была рада вниманию со стороны молодого красивого парня. Ее муж, Степан, не особенно хорошо относился к ней.

Вот казаки отправились на сборы. Это было ежегодным традиционным мероприятием. Степан Астахов, муж Аксиньи, отправился вместе со всеми.

Женщина едва смогла дождаться, когда он уедет. Григорий и Аксинья практически не скрывали своих отношений, чем, конечно, возмущали окружающих. Аксинья была по-настоящему счастлива. Ее жизнь была несладкой, и поэтому любовь к молодому парню воспринималась ею как особый подарок судьбы.

Когда Аксинье было шестнадцать лет, ее изнасиловал собственный отец. После этого брат девушки и ее мать забили старика, он от побоев умер. Аксинью через год отдали замуж за Степана Астахова. После первой брачной ночи муж стал жестоко избивать свою жену за то, что она оказалась порочной. Он бил ее всегда. Через некоторое время родился ребенок. После этого муж слегка утихомирился. Но ребенок умер, не прожив и года. После этого жизнь Аксиньи снова стала такой же беспросветной.

Степан, который находился в лагерях, узнал о том, что жена в его отсутствие встречается с Гришкой Мелеховым. Вернувшись, он жестоко избил женщину. Он, вероятно, убил бы Аксинью. Но вмешались братья Мелеховы — Петр и Григорий. Завязалась драка. Отец Григория решил женить сына на Наталье Коршуновой. Она была дочерью богатого и уважаемого на хуторе человека. Наталья была завидной невестой. Она была красивой, работающей, скромной, к тому же за ней давали хорошее приданое. Родители Натальи засомневались, нужно ли им отдавать дочь за Григория. К тому же, как сказал отец Натальи, ей и лет-то еще немного — всего-то восемнадцать. Однако самой Наташе очень понравился Григорий. Поэтому девушка заявила родителям, что, если ее не выдадут замуж за Мелехова, она не пойдет ни за кого другого. Отец, Мирон Григорьевич, очень любил Наталью и поэтому согласился выдать ее замуж за Григория. Мать Натальи поддерживала дочку, ей также нравился красивый и работающий Григорий. Григорий Мелехов оценил красоту своей невесты и решил разорвать связь с Аксиньей.

Аксинья очень страдала от расставания. К тому же ее отношения с мужем вконец испортились. Сте-

пан постоянно издевался над ней, жизнь Аксины превратилась в настоящий ад. Аксины была готова на все, чтобы вернуть Григория. Его жестокие слова о расставании были для нее подобны острому ножу.

Свадьба Григория и Натальи была шумной, гостей было много. Настроение жениха было плохим. Его что-то тяготило, он и сам не мог до конца понять себя. Григорий смотрел на Наталью, а вспоминал Аксиныю. Григорию неприятно было смотреть на всеобщее веселье. К тому же он натер ноги зернами пшеницы, которые были насыпаны ему в сапоги, чтобы жениха не сглазили.

Гришка постоянно думал о том, что теперь он «отгулялся», его вольная жизнь закончилась.

Часть вторая

На хуторе жил богатый купец Сергей Платонович Мохов. У него умерла жена, оставила двоих детей — Елизавету и Владимира. Вторая жена оказалась бездетной. Отец не обращал внимания на детей, даже не заметил, как они выросли.

Случилось так, что Митька Коршунов, друг Григория и брат Натальи, соблазнил Елизавету Мохову. Об этом практически сразу узнали на хуторе — от людей ведь ничего не скроешь. Поползли гадкие слухи. Митька был готов жениться на Лизе. Но его слова никто не воспринимал всерьез, ведь положение было неравным. Отец Митьки наотрез отказался засылать сватов. Митька отправился к Мохову сам. Но тот натравил на парня цепных собак.

Больше Митька Коршунов о женитьбе на Лизе, которая к тому времени уехала в город учиться, не заговаривал. На хуторе все шло по-прежнему. Люди много работали, ругались, мирились...

Родителям Григория очень понравилась Наталья. Они были недовольны старшей снохой, Дарьей, которая любила наряжаться, но не любила работать. Наталья же была очень работающей. И старики Мелехо-

вы ее жалели, старались ее баловать. Григорий уже пожалел о своей женитьбе. Он понял, что забыть Аксинью не может. Наталья была спокойной, она никак не могла сравниться со страстной Аксиньей.

Именно поэтому Григорий и Аксинья снова стали встречаться. К своей жене Григорий был равнодушен. И она решила уйти из дома Мелеховых. Когда об этом узнал Григорий, отнесся к этому с безразличием. Отец его был возмущен. Пантелей Прокофьевич сказал, что если Наталья уйдет из дома, то он выгонит и Григория.

Гришка ушел из дома, забрал с собой Аксинью. Она была счастлива тем, что наконец воссоединилась с любимым.

Григорий устроился конюхом к помещикам Листницким. Казаки были недовольны его поступком, ведь он взялся прислуживать. Даже сам помещик, казачий генерал Николай Алексеевич Листницкий сказал: «Какой же из тебя будет казак, ежели ты наймитом таскаешься?» Но тем не менее Листницкий взял на работу Мелехова. Аксинья стала работать при кухне. Жизнь у Григория стала легкой, работы было немного. Григорию было скучно, он растолстел, потерял былую удаль.

Листницкий жил один. У него был сын Евгений. Он окончил кадетский корпус и служил сотником в лейб-гвардии Атаманского полка. К отцу Евгений приезжал редко.

На хуторе появился слесарь Иосиф Давидович Штокман. Он приехал из Ростова вместе с женой. Он держался особняком, хуторяне его появления практически не заметили. Но однажды произошла обычная для казаков расправа над хохлами. Драка была страшная. Это никого не удивляло, не пугало никого и то, что лилась кровь. А Штокман не выдержал и попытался остановить разъяренную толпу. Разумеется, казаки не слушали незнакомца. Его никто не знал, он не пользовался авторитетом у хуторян. Штокман пытался рассказать об истории казачества, говорил о том, что русские мужики, спасаясь от раб-

ства, убегали на вольный Дон. Но никого это не интересовало.

Однако со временем у Штокмана стали собираться люди. Сначала они большей частью играли в карты. Но мало-помалу благодаря стараниям Штокмана они стали интересоваться книгами; стали говорить о серьезных вещах. Однажды речь зашла о Карле Марксе.

Наталья вернулась в родительский дом. Ей было очень тяжело. Окружающие относились к ней с двойственным чувством — с жалостью и презрением. Наталья написала письмо Григорию, он написал весьма жестокий ответ. Наталье было очень тяжело. Однажды на Пасху она решила покончить жизнь самоубийством — косой перерезала себе горло. Но осталась жива, хотя и болела почти семь месяцев. После этого Наталья стала держать голову слегка набок, потому что перерезала «жилу нужную».

Отец Григория, Пантелей Прокофьевич, очень переживал за Наталью. Он предложил ей вернуться к ним в дом. К тому времени у Аксиньи родилась девочка. Григорий признал ребенка, хотя и сомневался в своем отцовстве. Он подолгу смотрел на девочку, пытался найти в ней сходство со Степаном или с собой. Григорию пришел призыв на действительную службу. Отец привез ему две шинели, седло. Пантелей Прокофьевич, увидев ребенка Аксиньи, сказал: «Наших кровей...».

Григорий был призван на службу на четыре года. Его отправили в гвардейский полк.

Часть третья

Наталья вернулась в дом Мелеховых. Это уже была не та прежняя красавица, горе изменило ее. К тому же после попытки самоубийства Наталья была изуродована. Но родители Григория были очень рады ей. Была рада также сестра Григория, Дуняша. Только Дарья, жена Петра, относилась к Наталье не луч-

шим образом. Григорий писал родным письма, его жизнь была нелегка. Он тосковал по свободе, по близким и родным. Григорию приходилось терпеть унижения, потому что никаких прав у солдат не было.

Родители Григория надеялись, что после возвращения он будет жить с Натальей. Он сам этого не хотел.

Ходили слухи о том, что вскоре будет война с Германией. На хуторе многие об этом говорили. Стояло засушливое лето. Жизнь на хуторе шла, как обычно.

Но вот однажды приехал пристав, которого сопровождал следователь и офицер в форме. Они направились к женщине, в доме которой жил Штокман. В его квартире произвели обыск. Штокман разговаривал с насмешкой, и это очень раздражало представителей власти. В результате получилось, что арестовали не только его, но и всех, кто посещал его квартиру. Оказывается, что Штокман был с 1907 г. членом РСДРП.

Штокмана арестовали и под охраной увезли.

Вскоре началась война. Казаки еще не успели осознать, какое несчастье произошло, как их стали увозить к русско-австрийской границе. Казаки погибали в сражениях, даже не успев понять всего, что происходит.

Григорий Мелехов своего первого врага убил, можно сказать, случайно. Только потом он осознал, что убивает людей. Но деваться было некуда.

Однажды Григорий встретил брата и не узнал — настолько постарел Петр.

Очень часто Григорий не мог узнать своих соседей по хутору. На каждом шагу гибли люди. К этому невозможно было привыкнуть, но именно это было единственно реальным сейчас, в условиях войны.

Однажды Григорий нашел у убитого казака книжечку и отдал ее писарям в штаб. Это была не просто книжка, а дневник студента. Записи были очень откровенными, не предназначенными для чужих глаз.

Студента звали Тимофей Иванович, он писал о том, что познакомился со студенткой-медичкой Елизаветой Моховой. Они поговорили, посмотрели фильм, обменялись адресами. Девушка понравилась молодому человеку. Случилось так, что они стали жить вместе. Это продолжалось месяц, после чего последовал разрыв. Было ясно, что девушка привыкла к таким приключениям.

Пока Григорий был на войне, его родные получили на него похоронку. Только потом пришло письмо от Петра, в котором он сообщал, что брат жив. Пока шла война, счастья не было ни у кого. Все ждали своих близких — мужей, сыновей, женихов.

Аксинье было очень тяжело. Она осталась одна, только дочка Танюшка радовала ее. Девочка уже подросла, и стало ясно, как она похожа на Григория. В письмах он постоянно спрашивал о ней, говорил, что скучает. Для Аксиньи дочка была единственной радостью.

Жизнь Натальи была не менее тяжелой, чем у Аксиньи. Отец ее очень переживал, ведь дочь была ни женой ни вдовой. Однажды Наталья решила пойти к Аксинье поговорить.

Аксинья говорила жестокие слова. Она упрекала Наталью за то, что та вышла замуж за Григория, зная, что он любит другую. Аксинья даже сказала, что теперь Григорий и не посмотрит на калеку (ведь после самоубийства Наталья держала голову набок). Но Аксинья видела, что Наталья, несмотря на недостаток, по-прежнему свежа и хороша. А сама она уже изрядно постарела. И поэтому Аксинья была так жестока по отношению к несчастной женщине. На прощанье Наталья сказала, что ее слезы отольются Аксинье. Так и произошло вскоре.

Девочка, дочь Аксиньи, заболела скарлатиной. Старик Листницкий немедленно позвал фельдшера, чтобы тот вылечил девочку. Но тот сказал, что ребенок слишком мал и сделать ничего не удастся. Девочка несколько дней промучилась. Она умерла. Для Аксиньи это был тяжелый удар. Она долго не

могла оправиться от смерти дочки. Горе согнуло ее, теперь жизнь потеряла всякий смысл.

Аксинье было тяжело еще и оттого, что она была совсем одна. У нее не было ни близких людей, ни даже подруг. И поэтому случилось так, что стала она любовницей Евгения, сына помещика Листницкого. Аксинья страдала оттого, что ее жизнь проходит; уходит былая красота, молодость. Она хваталась за последнюю возможность почувствовать себя желанной женщиной.

Дарья Мелехова также ощущала ход неумолимого времени, которое вот-вот отнимет у нее молодость и красоту. Старики Мелеховы всегда были недовольны Дарьей, ее стремлением наряжаться и веселиться. А теперь, когда Петр ушел на войну, Дарья в буквальном смысле загуляла. Она не раз со смехом говорила Наталье, что удивляется, как та может обходиться без мужского внимания. Сама Дарья гуляла почти каждую ночь. Она рассказывала Наталье о своих приключениях.

Между тем Наталья ждала Григория, надеялась на то, что он все-таки вернется к ней. Наталье гораздо ближе была Дуняша, которая выросла и стала настоящей красавицей. Дуняшка очень любила Наталью и рассказывала ей свои девичьи секреты. Наталья слушала, какие слова говорят девушке, и с горечью думала, что ее жизнь прошла, не подарив ей ничего из тех радостей, которыми щедро бывают одарены другие.

Григория Мелехова ранило в глаз, ранение было легким. Он оказался в глазной больнице в Москве. Здесь его представили к награде, Георгиевскому кресту, за то, что, будучи контуженным, он спас с поля боя раненого офицера.

В больнице Григорий познакомился с украинцем по фамилии Гаранжа. Это был очень умный, хотя и язвительный человек. Он много беседовал с Григорием обо всем, что касалось войны, власти, правительства. Понемногу Григорий и сам начал понимать, что творится вокруг.

Мелехов пришел в отпуск. Вскоре он узнал об измене Аксиньи — об этом рассказал дед Сашка (конюх). Примечательно, что у деда с Аксиньей были хорошие отношения. Он вместе с ней страдал, когда умерла девочка; вообще относился к Аксинье с дружеским расположением. Но все равно рассказал обо всем Григорию.

Григорий принес Аксинье подарок — платок. Он представлял себе, как порадуетса его любимая ярким узорам. А теперь платок показался ему жалким по сравнению с богатыми подарками молодого помещика. Григорий увидел, как похорошела Аксинья, ее красота расцвела, несмотря на все страдания и лишения, что выпали на ее долю.

Мелехов был вспыльчивым человеком, поэтому он не выдержал, отстегал кнутом Евгения. Потом он ушел к себе на хутор. Его встретила красивая девушка, в которой он с трудом узнал сестру. Все были очень рады приходу Григория. Но еще больше обрадовались родители, когда узнали, что ночью Григорий лег со своей законной женой.

Книга вторая

Часть четвертая

1916 год. Война идет по-прежнему. Война несет с собой не только смерть, но и усталость. Солдаты, офицеры и казаки уже по-настоящему устали. Явно ощущается всеобщее недовольство. Большевики всячески его подогревают.

Однажды есаул Листницкий столкнулся с Ильей Дмитриевичем Бунчуком.

У Бунчука уже было вполне сложившееся мнение о том, что происходит вокруг. Он читал офицерам слова Ленина, говорил о позиции большевиков. Насколько же велико было удивление есаула, когда Бунчук дезертировал.

Однако Евгений Листницкий успел доложить о Бунчуке. В результате полк сняли с позиций и расформировали.

Григорий Мелехов вернулся на фронт. Он уже гордился, что честно выполняет все возложенное на него — несет все тяготы войны на своих плечах. Однажды в бою Григорий даже спас Степана, невзирая на былую вражду.

Григория все считают храбрым и отважным человеком. Теперь у него множество наград — четыре медали и четыре Георгиевских креста. Столь высокой чести удостоивается далеко не каждый казак.

Столь же отчаянным воином был бывший друг Григория, Мишка Кошевой.

Правда, его поведение было подчас весьма сомнительным: его дважды судили по обвинению в изнасиловании и грабеже. Мишка мог воровать даже у своих. Но, несмотря на все это, его любили за веселый и легкий характер.

Мишка часто приезжал в отпуск на хутор. Он любил погулять, обращал внимание на Дарью. Но Мелеховы не допустили их связи.

Февральская революция осталась незамеченной казаками. Они не понимали, что изменится в их жизни. Единственное, что пришло сразу на ум, — так это то, что война закончится, и все получают возможность уйти домой.

Однако не оправдались надежды. Война продолжалась.

Евгений Листницкий оказался в столице, после дезертирства Бунчука его перевели в другой полк. В столице кипели страсти. Временное правительство вызвало недовольство со стороны многих.

Вот-вот мог произойти военный переворот; главным человеком в нем был верховный главнокомандующий генерал Корнилов.

Евгений Листницкий волею судьбы оказался в эпицентре политических событий. Он видел, как провожали последнего императора. Евгению казалось ужасно несправедливым, что толпа так бес-

правна и бессильна. Листницкий возлагал огромные надежды на Корнилова.

Евгений видел, как Корнилов приехал в Москву. Толпа с восторгом приветствовала генерала. Листницкий видел, насколько уверен в себе Корнилов. Такие люди не могут не вызывать уважения и восхищения. Сам Евгений даже немного завидовал таким людям. Сам он не обладал твердостью характера. И подчас от этого сильно страдал.

Жизнь на хуторе во время войны изменилась. Только у Мелеховых хозяйство оставалось в относительном порядке.

У Натальи родилась двойня — мальчик и девочка. Старики Мелеховы были этому очень рады. Наталья очень полюбила детей, не могла на них нарадоваться. Она сама похудела, была совсем изможденной. Но дети были здоровы и красивы.

Дарья продолжала гулять. Теперь она уже не скрывала своего поведения. Об этом знали практически все на хуторе. Старик Мелехов переживал позор своей семьи. Он даже пытался бить невестку. Но это было бесполезно.

Слухи о поведении Дарьи дошли и до ее супруга, Петра Мелехова.

Когда Степан вернулся на фронт из отпуска, он как будто нечаянно уронил перед Петром платок с Дарьиной вышивкой. Этот эпизод вызвал еще более сильную ненависть между Мелеховым и Астаховым.

Впрочем, поведение Дарьи не мешало ей быть почти счастливой. Она даже приезжала к мужу и была мила, весела, заботлива.

Война отбирала у казаков последние силы. Февральская революция ничего им не принесла. Временное правительство, а также генерал Корнилов тоже ничего полезного для казаков не сделали.

Заговор Корнилова был провален.

Сам Корнилов был арестован. Также арестовали генерала Деникина, который был главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Корниловское движение закончилось. Вместо него вспыхнула граждан-

ская война. Октябрьский переворот внес путаницу в действия войск, которые и без того были дезориентированы.

19 ноября 1917 г. пленные генералы отправились на Дон из места заключения. Войска были лишены командиров.

На фронте буйным цветом расцветало дезертирство. Даже в казачьих войсках стали появляться дезертиры, хотя раньше это считалось небывалым делом.

Однажды в полку, где раньше служил Евгений Листницкий, вновь появился Илья Бунчук. Он говорил с казаками о том, что интересовало и волновало их, — об Учредительном собрании, о Ленине, о политике, о войне.

Выступление Бунчука переросло в митинг, который стремились прекратить офицеры. Но для простых казаков слова Бунчука оказались важнее, чем слова офицеров. В результате арестовали офицеров, и разъяренный Бунчук расстрелял Калмыкова. Это был жестокий поступок, ведь Калмыков был безоружен. Но сам Бунчук сказал, что именно так и нужно поступать, ведь идет противостояние, победит сильнейший — либо мы их, либо они нас.

Часть пятая

Наступила поздняя осень 1917 г. В родной хутор понемногу возвращаются те, кто столько времени провел на фронте. Григорий остался вместе с большевиками. Немаловажную роль в этом сыграл Федор Подтелков. Это был казак, которого за героизм и мужество, проявленные в военных действиях, произвели в хорунжие. Федор был заметной фигурой в революционном движении на Дону. Это был, несомненно, незаурядный человек. И сила его влияния на окружающих была огромна.

Именно воззрения Федора показали Григорию Мелехову близкими и понятными. Он говорил просто,

но в то же время понятно и убедительно. До общения с ним Мелехов поддался влиянию сотника Ефима Изварина. Он был его однополчанином. Изварин также много размышлял о судьбе донского казачества. Он был, безусловно, умным и, что немаловажно, образованным человеком.

Изварин ратовал за автономию Области Войска Донского. Он также считал, что казачество должно жить по тем же правилам, какие действовали до порабощения казачества самодержавием.

Многие казаки с одобрением относились к возможной автономии. Позиция казаков была достаточно противоречивой. Они были готовы поддерживать большевиков в том, что касается прекращения военных действий. Большевики, действительно, ратовали против войны. Но сами идеи большевизма казались казакам чуждыми.

Казаки издавна были людьми трудолюбивыми. Немудрено, что практически у каждого из них было свое хозяйство, причем немалое. Ценность частной собственности была для казаков бесспорной. Зажиточным людям крайне трудно было принять идею делиться своим имуществом. Поэтому далеко не все идеи большевиков встречали поддержку у казаков.

Григорий Мелехов оказался в сложном положении. Он уже отошел от привычных правил, традиционных для казаков. У него давно не было своего хозяйства. Поэтому он и не ценил его. Это сыграло немаловажную роль в том, что Мелехов заинтересовался воззрениями Федора.

Вообще, революция больно ударила по донскому казачеству. И получилось так, что все Войско Донское теперь состояло из фронтовиков, которые склонялись к идеям большевизма, и из тех казаков, которые оставались верными правительству. Те, кто относился ко второй категории, большей частью беспокоились за свое добро, политические идеи их особенно не интересовали.

Противоречия между первыми и вторыми нарастали. Казаки устали от войны, но случилось так, что

ненависть и злоба теперь уже прочно поселились среди них.

Генералы-противники большевизма возлагали большие надежды на казаков. Но казаки успели устать от войны. Они уже отказывались идти в наступления.

Красногвардейские отряды также готовились к сражениям.

Бунчук стремился организовать пулеметную команду. Среди его сподвижников была и женщина по имени Анна Погудко. Когда-то она была гимназисткой, потом — фабричной рабочей. Теперь она примкнула к большевикам. Анна была верной и преданной женщиной. Она ухаживала за Бунчуком, когда он болел тифом. Он выздоровел благодаря ей. Анна также была рядом с Ильей тогда, когда он работал в Революционном трибунале при Донском ревкоме. Бунчуку приходилось расстреливать людей, которые были врагами революции. Эта «работа» была тяжела для Ильи. Конечно, его поддерживала мысль о том, что он не просто так убивает, а уничтожает врагов большевизма.

Однако на самом деле «врагами» стали простые хуторяне, которые воевали вместе с ним, выносили все тяготы войны. Революция поставила перед такими, как Бунчук, особые задачи. И они стремились их выполнять, убивая и уничтожая все и всех, кто «мешал» строительству нового. Однако душа человека противится неоправданной или даже оправданной жестокости, тем более если в глубине души понимаешь несправедливость или абсурдность требований. Бунчук выстоял. И во многом ему помогала Анна, которая поддерживала его. Жизнь Анны оказалась недолгой. Она погибла. Ее смерть была тяжелым ударом для Бунчука. Он словно потерял опору, которая была очень важна для него.

На съезде казачества было решено, что власть будет передана Военно-революционному комитету. Здесь же были выбраны делегаты, которые должны направиться на Всероссийский съезд Советов в Петроград. После

этого казаки направились в Новочеркасск, к Каледину (это был атаман Войскового круга, он был одним из претендентов на власть над казачеством). Казаки вознамерились взять власть в свои руки.

Казаки рассчитывали достигнуть мирного договора как с Войсковым кругом, так и с большевиками. Однако сами делегаты в этом очень сомневались. Членами делегации были Лагутин, Подтелков и Кривошлыков.

Когда казаки прибыли в Новочеркасск, они сразу ощутили по отношению к себе ненависть и злобу. Казаки были настроены мирно. И поэтому такое отношение их несколько озадачило. В Новочеркасске состоялось совещание между Военно-революционным комитетом и Войсковым кругом. Для Каледина было важно выиграть время. Активизировался отряд Чернецова.

Войсковое правительство предлагало Военно-революционному комитету фронтовиков разорвать отношения с Советом народных комиссаров.

Отряд Чернецова уже занял станицы Каменскую и Лихую, готовился занять станицу Глубокую.

Но в казачьей среде проявил себя Голубов (войсковой старшина). Он оказался грамотным командиром. Под его руководством казаки отстояли станицу Глубокую. Голубов приказал, чтобы Григорий Мелехов взял на себя командование одним из дивизионов 2-го запасного полка.

В бою Григорий был ранен. В этом же бою Чернецова взяли в плен вместе с другими офицерами. Пленных было достаточно много.

Голубов взял на поруки пленных офицеров. Но Подтелков все же убил Чернецова и жестоко расправился с другими.

Это событие произвело огромное впечатление на Григория Мелехова. Он, в сущности, еще не определился как следует с большевистскими идеями. Но когда он увидел такую расправу, то в значительной степени разочаровался и в Подтелкове, и в его словах.

Как только Григорий оправился после ранения, он вернулся домой. Это не вызвало в нем радости. Он хотел бы вернуться к Аксинье. Жить с Натальей ему совсем не хотелось. Даже дети, которых родила Наталья, как-то не привлекали его. Он их ни разу не видел, поэтому не испытывал к ним равным счетом ничего.

Однако Григорию было некуда деваться, и он постепенно стал привыкать в жизни дома. Прошло совсем немного времени, и снова произошло непредвиденное.

Столкновения калединских войск и большевистски настроенных казачьих частей продолжались некоторое время. И Донской ревком обратился за помощью. В поддержку казакам выслали отряды красногвардейцев. Это способствовало восстановлению положения Донского ревкома.

Силы Каледина иссякали. Через некоторое время он передал правление Городской думе, а сам совершил самоубийство.

Но среди донского казачества уже вовсю бушевали ненависть, злоба, вражда. На хуторе о смерти Каледина узнали от Пантелея Прокофьевича. Вместе с этим известием хуторяне узнали о том, что на земли Донского Войска вступают красногвардейцы, а Добровольческая армия отступает.

Перед хуторскими казаками встал сложный вопрос — на чьей стороне оставаться. Было ясно, что война неизбежна. И это всех тревожило, ведь война означала бы снова отказ от всего, что было для хуторян важным и насущным. Ситуация складывалась такая, что вот-вот казаков призвут воевать. Валет предложил совершить бегство. Другие в этом сомневались. Григорий Мелехов выступал против побега.

Валета поддержал только Мишка Кошевой. Побег не удался. Валета застрелили, а Мишку в наказание выпороли на площади.

Григория Мелехова вместе с другими казаками, которые уже воевали, записали в контрреволюционный казачий отряд. Старший брат Григория, Петр,

был выбран отрядным. Кандидатура самого Григория была отклонена, потому что он одно время воевал с большевиками.

Добровольческая армия отступала на Кубань. Вместе с войнами шли беженцы, среди которых были женщины.

От отступления отказался один из атаманов, генерал Попов. Он понимал, что казаки не хотят оставлять родные места. Попов увел свой отряд на зимовку. Он намеревался вести партизанскую войну с теми станицами, где уже закрепились большевики.

Большевики, в свою очередь, допустили много ошибок. И это приводило к тому, что гражданская война не заканчивалась и не могла завершиться в ближайшее время.

Среди красногвардейцев была полнейшая неразбериха. Их действия были разрозненны и противоречивы. Это было вызвано еще и тем, что среди них был силен уголовный элемент. Именно поэтому сложилось так, что красногвардейцы творили жуткие бесчинства. Ревком иногда даже вынужден был расформировывать некоторые подразделения. Однако прежде чем происходило разоружение и расформирование, совершалось немало зла.

Однажды один из красногвардейских отрядов расположился на ночь рядом с хутором Сетраковым. Красногвардейцы не обращали никакого внимания на приказы командиров, отправились бесчинствовать. В результате они устроили на площади стрельбу, изнасиловали двух женщин, порезали овец. Ночью была устроена грандиозная пьянка. А тем временем казаки поднимали народ. Они уничтожили отряд, многие люди погибли, многие были взяты в плен. Это событие послужило началом раскола Донецкого округа. Теперь уже красногвардейцы воспринимались как враги.

Подтелков по приговору военно-полевого суда, который был организован из представителей хуторов, был приговорен к повешению. Другие красногвардейцы из его отряда были приговорены к расстрелу.

Григорий Мелехов видел, как погибали люди. И он вспомнил, насколько был жесток сам Подтелков, когда убивал пленных офицеров.

В последние мгновения своей жизни сам Федор Подтелков понял всю сущность гражданской войны, которая заставляла воевать тех, кто еще вчера были друзьями или просто мирно соседствовали.

Книга третья

Часть шестая

«В апреле 1918 г. на Дону завершился великий раздел: казаки-фронтовики северных округов — Хоперского, Усть-Медведицкого и частично Верхне-Донского — пошли с Мироновым и отступавшими частями красноармейцев; казаки низовских округов гнали их и теснили к границам области, с боями освобождая каждую пядь родной земли».

«Только в 1918 г. история окончательно разделила верховцев с низовцами. Но начало раздела намечалось еще сотни лет назад, когда менее зажиточные казаки северных округов, не имевшие ни тучных земель Приазовья, ни виноградников, ни богатых охотничьих и рыбных промыслов, временами откалывались от Черкаска, чинили самовольные набеги на великоросские земли и служили надежнейшим оплотом всем бунтарям, начиная с Разина и кончая Секачом.

Даже в позднейшие времена, когда все Войско глухо волновалось, придавленное державной десницей, верховские казаки поднимались открыто и, руководимые своими атаманами, трясли царевы устои: бились с коронными войсками, грабили на Дону караваны, переметывались на Волгу и подбивали на бунт сломленное Запорожье».

Теперь они встали на сторону красных. Казаки низовских округов теснили их. И верховские отступали к границам области.

«К концу апреля Дон на две трети был оставлен красными. После того как явственно наметилась необходимость создания областной власти, руководящими чинами боевых групп, сражавшихся на юге, было предложено созвать Круг. На 28 апреля в Новочеркасске назначен был сбор членов Временного донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей».

«На станичном сборе в числе остальных делегатов на Круг избрали и Пантелея Прокофьевича». Отец Натальи и его сват, Мирон Григорьевич Коршунов, был выбран хуторским атаманом.

В начале мая на заседании генерала Краснова избрали войсковым атаманом. Старые казаки очень уважали Краснова. Многие знали его еще по японской войне. Генерал был не только хорошим воином, но и образованным человеком.

Генерал Краснов предложил новые законы. В сущности, они представляли собой не что иное, как прежние, только несколько переделанные. Новым был герб. А флаг во многом походил на прежний.

Но, несмотря на все новшества, казаки воевали очень неохотно.

Сотня Петра Мелехова шла к северу. Красногвардейцы несколько ее опережали, но боя не принимали.

Петр и другие казаки не слишком-то хотели открытых боев. Но через несколько дней они получили распоряжение штаба о том, что сотня должна быть расформирована.

Дороги Петра и Григория расходились снова. Петр беспокоился за Григория, который совсем недавно был на стороне красных. Сейчас Григорий уверял, что будет верен казакам. Но его заверения были какими-то неубедительными. И Петр им не верил.

Мать Мишки Кошевого упростила, чтобы его сняли с этапа и направили отарщиком. Мишке гораздо больше понравилось жить в степи и пасти лошадей, чем воевать. Спокойная и комфортная жизнь сделала его ленивым. Однако потом он задумался над тем,

что не должен отдаляться от других, наслаждаться покоем в такое непростое время. Мишка стал часто навещать своего соседа, отарщика Солдатова. Тот жил такой же простой жизнью. Они часто беседовали у костра. Один раз разговор зашел слишком далеко. Искренние признания Мишки чуть не привели к убийству. Для Солдатова позиция красных была неприемлемой, поэтому слова Кошевого были встречены с неприкрытой яростью.

Кошевой решил бежать из отарщиков. В эту же ночь случилось непредвиденное. Мишка крикнул на лошадей, которые испугались грозы и взволновались. Он хотел успокоить животных, но те встревожились еще больше и едва не затоптали отарщика.

Кошевой в течение месяца отслужил на отводах. Затем его отозвали в станицу, после этого направили в штрафную сотню.

На фронте Кошевой собирался перейти к красным. Но казаки внимательно следили за ним. У него ничего не вышло.

Есаул Евгений Листницкий во время отступления на Кубань из Ростова был дважды ранен. После этого он получил отпуск. Домой Евгений не стал отправляться, потому что дорога заняла бы слишком много времени. Листницкий остался в Новочеркасске, у своего однополчанина ротмистра Горчакова. Здесь Листницкий познакомился с женой друга Ольгой Николаевной.

Евгений увлекся обаятельной женщиной. Он по-настоящему позавидовал чужому счастью. Между Ольгой Николаевной и Листницким произошел откровенный разговор. Женщина предложила Листницкому остаться друзьями.

Через некоторое время Горчаков и Листницкий уехали из города, вступили в Добровольческую армию. Во время боя ротмистра Горчакова тяжело ранили.

Он, умирая, взял с Листницкого клятву не оставить Ольгу Николаевну и жениться на ней, чтобы вдова не оказалась одинокой и несчастной. Листниц-

кий обещал своему другу то, что он просил. Именно так и произошло.

Листницкий был тяжело ранен, ему ампутировали руку. После этого он уже не мог воевать, вернулся в Новочеркасск. Через некоторое время Ольга Николаевна и Евгений поженились. Евгений желал овладеть этой женщиной. Ольга Николаевна связала с Листницким свою жизнь, потому что не видела никакого смысла в будущем. Она тяжело переживала гибель мужа. Ольга Николаевна просто выполнила его предсмертную волю, которую он высказал в своем последнем письме.

После первой ночи, которую Евгений и Ольга провели вместе, женщина была оскорблена. Евгений был счастлив, что добился желаемого. Листницкий не знал, что будет с Аксиньей. Сначала он думал, что будет продолжать отношения. Но потом решил расстаться. Супруги приехали в Ягодное. Здесь Ольге Николаевне понравилось. Она сразу обратила внимание на красавицу Аксинью, сказала, что у нее удивительная порочная красота.

Отец Евгения был очень рад приезду сына с женой. Теперь в доме все преобразилось. Старик Листницкий теперь нарядно одевался, ругал всех вокруг, если они были неопрятны и нерасторопны.

Аксинья понимала, что вскоре в доме ей не будет места. Так и произошло. Ей предложили взять отступное и покинуть имение. В родной хутор Татарский вернулся Степан Астахов, который сбежал из плена. Он решил помириться с Аксиньей.

Сначала Степан отправил в Ягодное к Аксинье жену одного из соседей. Но Аксинья сказала, что ей хорошо живется, и она не собирается отказываться от такой жизни. Тем не менее Астахов все равно отправился к Аксинье. Она отказала своему бывшему мужу, несмотря на то, что ей все равно нужно было куда-то уходить. Однако уже на следующий день она сама пришла к нему в хутор, домой.

Жизнь на хуторе была беспокойной. Все беспокоились, думая о фронте. Мужчины были на войне, за-

ниматься работой приходилось женщинам и старикам. Их усилий было недостаточно, так что хозяйство многих пришло в упадок.

Братоубийственная война продолжалась. В письме Краснов обещал своим союзникам соблюдать полный нейтралитет и не допускать на собственную территорию «враждебные германскому народу вооруженные силы». Краснов обеспечивал Германии право вывоза продовольствия, а также право на льготы в размещении капиталов по донским предприятиям промышленности и торговли.

За это Краснов просил поддерживать его в устройстве самостоятельной федерации Донно-Кавказского союза. Ему также было необходимо, чтобы союзники признали границы Всевеликого Войска Донского. Для Краснова было важно, чтобы был разрешен спор между Украиной и Войском Донским, он просил оказать давление на Москву, чтобы были очищены пределы держав Донно-Кавказского союза.

Казацкое правительство достаточно холодно приняло послание Краснова. Между ним и командованием Добровольческой армии возникли противоречия. Командование оценило союз Краснова с немцами как предательство.

Добровольческая армия отказалась от совместного похода на Царицын. Краснов не стал поддерживать намерение Деникина, которое касалось слияния армий и установления единого командования. Генерал Краснов не хотел отдавать власть. Но в армии постепенно нарастало недовольство.

Григорий Мелехов воевал. Бои были очень жестокими. Все чаще стали расправляться с пленными. Участились случаи грабежей. Григорий с негодованием смотрел на это.

Начиная с середины ноября красные стали отступать. Казаки теснили их.

Григорий Мелехов самовольно покинул полк. Он решил немного времени провести дома, потом присоединиться к отступающим войскам, когда они будут проходить мимо.

Его брат, Петр Мелехов, служил в 28-м полку хорунжим. Однажды вместе с полком он оказался рядом с Вешенской. Здесь Петр не выдержал, оставил полк и пришел домой. Практически все казаки с хутора Татарского, земляки Мелеховых, бывшие на фронте, вернулись домой. В станице Вешенской всюду шли большевистские выступления.

Положение казаков было сложным. Они все понимали, что большевики будут беспощадны по отношению к ним. Казаки хотели было отступать. Но они не могли оставить красным все добро. К тому же если бы казаки отступили, на хуторе остались бы беззащитные женщины. А казаки уже знали, что могут творить красные. Например, Григорий помнил, как красные изнасиловали несчастную женщину.

Казаки решили остаться на хуторе. Жизнь шла по-прежнему. Но, разумеется, казаки беспокоились о том, что вот-вот появятся красноармейцы. Вскоре на самом деле пришли красные.

Несколько красноармейцев остановились в доме Мелеховых. У Григория сразу же возникла неприязнь к одному из них. Тот также постоянно задирает Григория. Правда, другой, рыжебровый красноармеец пытался одергивать своего друга.

Ночью красноармеец Александр Тюрников, тот самый, с которым у Григория возникла взаимная ненависть, стал вести флиртующие разговоры, касающиеся Натальи. Рыжебровый красноармеец привел комиссара. Александра увели, сказав, что утром над ним устроят суд. Рыжебровый пытался оправдать своего друга, сказал, что в прошлом году офицеры на его глазах расстреляли сестру и мать. После этого Александр Тюрников совсем озверел.

Рыжий красноармеец, в отличие от своего друга, был намного более дружелюбным. Он даже подарил Мишатке и Полюшке, детям Григория, по куску серого, грязного сахара. Этот поступок вызвал удивление у Пантелея Прокофьевича. Он даже велел Наталье догнать красноармейца и угостить его пышкой.

Общение с красными этим не ограничилось. Красногвардейцы в дальнейшем приходили на хутор за лошадьми. Пантелей Прокофьевич нашел хороший способ спасти своих лошадей. Он забил под копыта коням гвозди, чтобы лошади хромали. Разумеется, хромые лошади не прельстили красногвардейцев.

И вот в хуторе Татарском — советская власть. Петр Мелехов отправился к своему бывшему однополчанину Фомину. Он когда-то дезертировал с немецкого фронта, теперь стал красным командиром. Петр собрал щедрые дары, чтобы выкупить свою жизнь.

Фомин, действительно, помог Мелеховым. Его заступничество помогло избежать ареста как Петра, так и Григория (председатель Иван Алексеевич считал его опасным человеком для советской власти).

На хуторе арестовали несколько человек, в том числе и отца Натальи, Мирона Григорьевича Коршунова. Их расстреляли.

На хутор вернулся слесарь Штокман. Когда-то он был спокойным и тихим человеком, который вел разговоры с казаками. Теперь он стал непримиримым ко всем, кого считал врагами советской власти. Правление хутора обрадовалось появлению Штокмана. Но, как оказалось, далеко не все его призывы оказались результативными. Штокман предложил отдать бедным семьям добро, отнятое у кулаков. Но казаки всегда чурались чужого, так что это предложение не было принято. Штокман сказал, что напрасно не арестовали Петра, Григория и Пантелея Прокофьевича Мелеховых, ведь они были против советской власти.

Но арестовать Мелеховых не смогли. Григорий и Петр ушли с хутора вместе с обывательскими подводами. Пантелей Прокофьевич был тяжело болен тифом. Едва ему стало лучше, как его арестовали. Через два дня домой пришел Григорий. Он вовремя узнал об аресте отца и спрятался у родственников на хуторе Рыбном. Вскоре случилось восстание казаков.

Теперь у Григория была собственная позиция. Он считал своими врагами тех, кто пошел против каза-

чества; кто хотел отнять у казаков землю и все, что на ней; кто готов был осиротить детей и сделать жен вдовами. Григорий готов был бороться с врагами. Казачье восстание именно потому и произошло, что казаки не желали мириться с произволом красных.

Восстание постепенно распространялось на всю Область Войска Донского. Был выдвинут лозунг: «За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей».

Казаки жестоко расправлялись с красными. Расправы были зверскими. Так казаки мстили за поруганное достоинство, а также за все зло, совершенное коммунистами, тем более что его было немало.

Петр Мелехов погиб от руки Мишки Кошевого. В боях участвовали все жители хутора Татарского, даже старики, женщины и дети. Однажды и Дарья выстрелила из винтовки мужа, убила человека. Все видели, как гибнут их родные люди, и поэтому сражались до последнего.

Григорий тяжело переживал смерть брата. Он совсем ожесточился, в бою не щадил никого. Не сразу, но понял Григорий, что восстание казаков в тылу красных было затеяно не просто так, оно было специально навязано теми, кому это было выгодно. Ведь на самом деле у казаков был свой путь, своя позиция. Они не были на стороне большевиков, которые хотели уравнивать их с нищими мужиками и рабочими, не имеющими своего хозяйства. Но также казаки не были на стороне белых офицеров, которые стремились к собственной выгоде. Григорий понял, что казачество оказалось между Сциллой и Харибдой, т. е. за восстание казакам жестоко отомстит советская власть, и казаки никогда не будут в чести у белогвардейцев. Белогвардейцы не смогут простить казакам фронта, который был оставлен большевикам, а также того, что многие казачьи хутора покорились советской власти. Когда Григорий все осознал, то запил от безысходности.

Однажды друзья стали уговаривать Григория решиться на переворот. Но Мелехов понимал, что ни-

какие перевороты недопустимы, потому что нельзя допускать противоречий среди повстанцев. Сражения продолжались. Григорий находился в ужасном состоянии.

Но, несмотря ни на что, в нем не было такой нечеловеческой жестокости, которой многие гордились. Он не мог убивать безоружных пленных, а также не мог совершать многих злодеяний, которые были обычным делом для других.

Григорий попросил отпуск, отправился домой. Перед отпуском он совершил очень важный поступок. Григорий знал, что в станице Вешенской арестовывают семьи казаков, которые ушли с красными. Он ворвался в тюрьму и отпустил на волю детей, стариков и женщин. Григорий объяснял свой поступок тем, что воевать нужно не с ними. Григорий пробыл дома всего пять дней. Он успел сделать кое-какие хозяйственные дела, в том числе посадить несколько десятин хлеба.

Жизнь на хуторе шла, невзирая на все тяготы и испытания. Наталья знала, что ее муж гуляет, и не могла простить его за это. Снова Григорий и Аксиныя были вместе, и никто не мог ничего с этим поделать. Сестра Григория, Дуняша, стала настоящей красавицей. Дарья, потерявшая мужа, пришла в себя от горя, снова похорошела и всячески украшала себя. Жизнь брала свое. Но Григория уже ничто не радовало.

Повстанцам-казакам стало ясно, что вот-вот Красная Армия задавит восстание. Вдруг произошло событие, которое подняло боевой дух казаков. Сторону восставших принял Сердобский полк, которым руководили бывшие офицеры царской армии штабс-капитан Вороновский и поручик Волков. В полку были в основном саратовские крестьяне.

Боевой дух в полку красных солдат понемногу падал. Они часто сдавали позиции, процветала контрреволюция. Штокман однажды узнал об этом, поговорил с комиссаром и отправил Мишку Кошевого с донесением в штаб.

Практически сразу полк красных окружили казаки. Штокман погиб, многие были арестованы. Мишка Кошевой спасся случайно, только потому что был на пути в штаб. Однако сдача полка ничего уже не могла изменить. Поражение было близко. Кудинов договорился с командованием Добровольческой армии. При этом он не ставил казаков в известность.

Казаки решили перебираться на другую сторону Дона. Григорий сообщил об этом своей семье. Мелехов решил связать свою жизнь с Аксиньей. Григорий понимал, что вот-вот казаки будут разгромлены. Поэтому хотел совершить этот поступок, который, возможно, станет последним в жизни.

Однако его родные не смогли уйти с хутора. Наталья тяжело заболела, а мать Григория, Ильинична, не могла ее бросить. Дарья, Дуняшка, Мишатка и Полюшка (дети Григория) перебрались за Дон.

Пантелей Прокофьевич ждал красных среди хуторских пластунов под хутором. Аксинья приехала по зову Григория в Вешенскую.

22 мая повстанческие войска стали отступать. В станице была полнейшая неразбериха. Люди не могли расстаться со своими пожитками, тащили за собой свое добро.

Григорий с трудом нашел Аксинью. Потом он закрылся с ней, два дня не отзывался на призывы Кудинова.

На третий день они поругались. Григорий собрался на хутор, чтобы навестить своих родных. Аксинья сказала, что, если он уедет, она его не примет обратно. Григорий поехал. На хутор отправился и Мишка Кошевой. Он хотел отомстить врагам советской власти, сжечь их дома. Ведь теперь на хуторе практически никого не было, никто не мог ему помешать. Кошевой пошел по родному хутору, делая свое черное дело. Он застрелил старого деда Гришаку (деда Натальи).

Кошевой пришел к Мелеховым, застал Ильиничну. Сказал, что хочет засылать сватов к Дуняше. Ильинична сказала, что разговор не ко времени.

В результате восстания казаков Добровольческая армия пришла в себя после сражений с Красной Армией. Кроме того, Добровольческая армия оказалась на пороге реализации давно задуманного командованием намерения, а именно прорыва войск красноармейцев и воссоединения с повстанцами.

Повстанческие войска в связи с этим должны были не давать красноармейцам перейти на другой берег Дона. Сотня татарцев находилась на левой стороне Дона, в траншеях. Они делали все возможное, чтобы красноармейцы не могли переправиться.

У казаков в траншеях жизнь была достаточно спокойной. Перестрелок было сравнительно немного. Казаки ловили рыбу, их навещали жены. То есть существование было сравнительно комфортным.

Степан Астахов узнал о том, что его жена переехала в станицу Вешенскую. Он также знал, что там находится Григорий Мелехов. Поэтому Степан решил вызвать Аксинью к себе. Когда Аксинья узнала о его требованиях и угрозах, то быстро приехала к нему с щедрыми подарками.

Во время выполнения супружеского долга Аксинья понимала, что муж ей противен. И это чувство вот-вот перерастет в ненависть.

Однако Степан был достаточно великодушен, он ни разу не завел разговор о Григории. Аксинья была ему за это благодарна.

По дороге к Аксинье пристает пьяный казак. Она смогла от него отбиться только тогда, когда сказала, что она жена Григория Мелехова.

Казаки, которые должны были не давать красным перебраться через Дон, находились возле хутора Малого Громчонка. Казаки развлекались, пили самогон, наслаждались общением со своими женами. И совершенно неожиданно полк красноармейцев пе-

реправился через Дон. Пьяные казаки не смогли этому препятствовать.

Сотня побежала к станице Вешенской. Именно сюда Мелехов привел сотни Каргинского полка. Когда Григорий узнал, что казаки бросили свои позиции, он был разъярен. Мелехов пытался остановить татарцев. Он излупил плетью бежавшего Христоню, а также грязно обругал другого бежавшего казака, пригрозил его зарубить. А это оказался его собственный отец, Пантелей Прокофьевич, которого не узнал Григорий.

Кое-как Григорий собрал хуторян, заставил их присоединиться к семеновской сотне. Красноармейцы наступали. Казаки с большим трудом сдерживали их натиск.

Ильинична (мать Григория), дети, выздоравливающая после тифа Наталья оставались в Татарском. Хутор казаки отбили у красноармейцев. Пантелей Прокофьевич вернулся домой. Первым делом он узнал, какой урон был нанесен его хозяйству. Григорий также проездом заехал домой.

Когда Григорий узнал, что его сестра думает о Кошевом, приказал ей оставить эти мысли. Совершенно неожиданно у Григория проснулись нежные чувства по отношению к своей жене.

Вскоре Григорию пришлось покинуть хутор. Через некоторое время Григория, а также начальника штаба Копылова вызвали к генералу Фицхелаурову. Между Мелеховым и генералом вспыхнул конфликт. Генерал пригрозил, что отстранит Мелехова от командования дивизией. Но Григория не испугали угрозы. Он возразил, что подчиняется только Кудину. Григорий Мелехов пригрозил генералу, что настроит против него своих казаков. Как это ни странно, но после случившегося инцидента Григорию вдруг стал безразличен исход сражений. Он вообще решил не участвовать в бою.

На хутор Татарский приехал брат Натальи, Митька Коршунов. Он с детства был жесток. А после службы в карательном отряде стал жестоким и бесче-

ловечным вдвойне. Коршунов узнал, что его дом сгорел. Поэтому он отправился к Мелеховым. Разумеется, они встретили родственника с распростертыми объятиями.

Митька узнал о том, что мать Мишки Кошевого осталась дома вместе с детьми, и убил их. Когда Пантелей Прокофьевич Мелехов узнал об этом, то немедленно прогнал Коршунова. Митька возвратился в свой карательный отряд.

Дарья ездила на фронт — отвозила патроны. Вернулась она сама не своя. Вскоре на хутор приехал генерал Сидорин, который был командующим Донской армией. Некоторые вдовы казаков, в том числе и Дарья, были награждены медалью. Дарье также вручили пятьсот рублей.

Пантелей Прокофьевич пытался отобрать эти деньги, ведь они были получены за Петра, его сына. Но Дарья денег не отдала. Она дала Ильиничне сорок рублей, чтобы заказать поминки по Петру.

Пантелей Прокофьевич и Ильинична думали, что Дарья хочет снова выйти замуж. Однако все было совсем иначе. Дарья рассказала Наталье, что у нее случилось. Это была настоящая беда. Дарья заболела сифилисом. Болезнь неизлечима. Дарья узнала об этом, так как ездила на прием к фельдшеру. Дарья попросила Наталью, чтобы она не подпускала к ней детей, ведь болезнь заразна. Также она попросила рассказать обо всем Ильиничне, но так, чтобы не узнал Пантелей Прокофьевич. Теперь Дарье нужно было есть отдельно.

Дарья также сказала, что в скором времени наложит на себя руки. Дарья не захотела пощадить Наталью, рассказала ей о том, что у Григория возобновилась связь с Аксиньей. Это было жестоко. Но Дарья не хотела страдать в одиночку. Она знала, что ее дни сочтены, и решила напоследок испортить жизнь Наталье.

Через некоторое время Григория отстранили от командования дивизией. Он просил, чтобы его отправили в тыл по состоянию здоровья. Но его просьбы

проигнорировали и назначили его сотником Девятнадцатого полка.

Казачьи дивизии были расформированы. Практически все командование было заменено.

Тем временем Наталья, узнав от Дарьи о том, что Григорий возобновил отношения с Аксиньей, была сама не своя. Она пыталась поговорить с Аксиньей. Но затея не увенчалась успехом. Вскоре Наталья рассказала Ильиничне о том, что у Григория снова связь с Аксиньей. Наталья молит Бога наказать Григория. Ильинична пыталась ее образумить. Но Наталья настолько зла на своего мужа, что не хочет ничего слышать. Она сказала, что на третьем месяце беременности. Но рожать не будет, а избавится от ребенка. Ильинична пришла в ужас, хотела уговорить Наталью отказаться от своей идеи. Но не успела.

Наталья пошла к бабке Капитоновне. Вернулась ночью, истекая кровью. Наталье становилось все хуже и хуже. Пантелей Прокофьевич срочно отправился за фельдшером. Тот сказал, что Наталью не спасти. Бабка орудовала крюком, поранила матку, и Наталья вот-вот умрет.

Наталья простилась с детьми, со своей матерью и всеми, кто оказался рядом. Она переживала, что так и не увидела Григория. Как и сказал фельдшер, Наталья днем умерла.

Григорий не успел на похороны, приехал только на третий день после похорон. Он был подавлен. Григорий любил Наталью, пусть и не совсем так, как Аксинью. Григорий чувствовал на себе вину за смерть Натальи. Григорий жалеет детей, которые очень тяжело перенесли смерть матери. Наталья перед смертью попросила Мишатку, чтобы он поцеловал отца и попросил его жалеть их. Ребенок передал отцу слова умирающей матери. И сердце Григория больно сжалось.

Григорий не выдержал, вернулся на фронт. По дороге он часто видел, что казаки везут награбленное добро. Григорий сам понимал, что Донская армия постепенно теряет дисциплину и стойкость.

Дарья вместе с Дуняшей отправилась купаться. Дарья уже заметно изменилась внешне из-за болезни. Дуняша не знала, что Дарья больна, и бесхитростно сказала ей, как она подурнела. Дарья и сама знала, что ей становится хуже. Она заплыла глубоко и утонула.

Аксинья часто приглашает в гости Мишатку. Он напоминает ей Григория, Аксинья пытается приласкать малыша. Когда об этом узнала Ильинична, то стала запрещать внуку общаться с ней. Ильинична сильно поругалась с Аксиньей.

На фронте погибли Христоня и Аникушка. С фронта привезли Мелехова, который был тяжело болен тифом. Но Григорий поправился и вместе с Аксиньей и Прохором уехал с хутора. Григорий теперь испытывает к Аксинье двойственное чувство. Он понимает, что Наталья умерла из-за нее, и не может этого простить.

Во время пути Аксинья заболела тифом. Григорий оставил ее, так как ехать дальше она не могла. После похорон отца Григорий снова заболел возвратным тифом. Военный врач сказал, что смерть неизбежна. Григорий и Прохор выпросили спирт для лечения. Они снова отправились в путь.

В это время белогвардейские войска на юге России уже потерпели окончательное поражение, устремились к морю. Григорию было очень плохо, он ехал в повозке, постоянно теряя сознание.

В Екатеринодаре его случайно нашли казаки-однopolчане. Они поселили Мелехова у знакомого врача. Вскоре Григорий поправился. Это было настоящее чудо.

Часть восьмая

Григорий и Прохор пытались перебраться в Турцию, но им это не удалось.

Через некоторое время Прохор и Григорий поступили в Конармию. Мелехов стал командовать эскад-

роном. Тем временем вернулся Мишка Кошевой. И Дуняша стала с ним встречаться. Ильинична пыталась его прогнать, ведь он убил Петра. Но Дуняша противилась матери. В конце концов Ильинична согласилась на брак своей дочери и Кошевого. Вскоре Ильинична умерла, она так и не увидела Григория перед смертью.

Кошевой считал, что советская власть в опасности. Ей вредят такие, как Прохор и Григорий. С точки зрения Кошевого, несмотря на то что Григорий поступил в Конармию, на нем все равно вина за то, что он был участником движения белых. И за это он должен будет ответить. Кошевого вскоре назначили председателем Вешенского ревкома.

Григорий направлялся домой. Он думал, что сможет пожить спокойно. Однако Кошевой сразу же показал, что спокойной жизни у Григория не будет. Григорий узнал о том, что Евгений Листницкий застрелился, потому что ему изменила жена.

В станице Вешенской Григорий встретил Якова Фомина. Тот посоветовал на время скрыться из дома, потому что офицеров белой армии стали арестовывать. Григорий взял детей и ушел к Аксинье. Он чудом избежал ареста, в этом ему помогла Дуняшка. Григорий ушел с хутора. Он случайно попал в банду Фомина.

Фомин хотел уничтожить коммунистов, установить казачью власть. Но население его не поддержало, потому что все уже устало от войны.

У Григория было сложное положение. Он понимал, что банду нужно оставить. Банда претерпела множество поражений. Все занимались грабежом и мародерством. Красноармейцы вскоре разгромили банду. В живых осталось лишь несколько человек, в том числе сам Фомин. Они спрятались на маленьком острове. Потом они намеревались слиться с бандой Маслака. Незаметно к ним присоединились другие люди, которые раньше входили в состав различных банд. Они предложили Григорию стать начальником штаба. Григорий отказался. Вскоре он сбежал.

Григорий прибыл на хутор. Он пошел к Аксинье, стал предлагать ей уехать на Кубань. Детей предполагалось оставить Дуняшке.

Аксинья согласилась. Вместе они уехали. Но на пути им попала застава. За Григорием и Аксиньей погнались. Они смогли скрыться от погони, но Аксинью тяжело ранили. Она умерла, не приходя в сознание.

Григорий похоронил ее. Теперь он был совсем одинок. Он отправился в Слащевскую дубраву. Здесь жили дезертиры. Григорий узнал, что банду Фомина разгромили, и сам Яков погиб. Теперь Григорий здесь жил, стараясь не думать ни о чем. Во сне он часто видел детей, Аксинью, а также всех близких людей.

Григорий ждал, что к Первому мая будет амнистия. Это было обещано. Но он ее не дождался, в начале весны пошел домой. Здесь он увидел своего сына. Мишатка с трудом признал в грязном небритом дядьке своего отца. Григорий узнал о том, что Полюшка умерла от глтошной (дифтерии).

«Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Широта эпического повествования в романе М. Шолохова «Тихий Дон»

Шолохов показывает простого казака Григория Мелехова, который оказался в эпицентре событий, случившихся на Дону после революции. Мирная, простая жизнь донского казачества стала воспоминанием. Чудовищная неразбериха заставила людей сражаться, причем они сами толком не понимали, ради чего гибнут они и их близкие.

Мелехов ищет свою жизненную правду. Он был и с красными и с белыми. В конце произведения мы видим, что Григорий совершенно опустошен, лишен

сил, желаний, веры в завтрашний день. У него остался только маленький сыночек.

Григорий честен, открыт, отважен. Во время сражений он не знает удержу. Но он не понимает, ради чего эти сражения, кому они нужны. На протяжении всего повествования в этом пытается разобраться и читатель. И не понимает. И белые и красные предстают одинаково жестокими. Смена власти, политические интриги и разногласия выгодны сильным мира сего. На долю простых людей выпадают только тяжкие испытания.

Величайшая заслуга Шолохова в том, что он в своем произведении был абсолютно честен. Он не идеализирует никого — ни дворян-белогвардейцев, ни тем более красноармейцев. Мы видим, что среди красных было много настоящих преступников.

Эпоха революционных катаклизмов больно ударила прежде всего по простым людям. В романе мы видим множество реальных людей, лучше узнаем их простую жизнь. Шолохов мастерски передает все детали жизни донского казачества.

Произведение Шолохова будет вызывать неподдельный интерес всегда, потому что то, о чем писал Михаил Александрович, — это наша история, которую нужно знать.

Е. Л. Шварц

(1896—1958)

Евгений Львович Шварц родился в Казани в семье врача. Учился на юридическом факультете Московского университета. В печати впервые его имя появилось в 1923 г. Шварц сотрудничал с журналами «Еж» и «Чиж». Повести Шварца («Приключения Шуры и Маруси», «Чужая де-

вочка», обе — 1937; «Первоклассница», 1949) отмечены пониманием детской психологии, юмором, живым ощущением поэзии. Первые пьесы («Ундервуд», 1930; «Клад», 1934; «Приключения Гогенштауфена», 1934) отличаются эксцентрическим вымыслом, остроумной игрой со словами. Для создания пьес Шварц использовал сюжеты народных сказок и сказок Г.-Х. Андерсена. По мотивам сказок созданы пьесы «Голый король» (1934, опубликована в 1960), «Красная Шапочка» (1937), «Снежная королева» (1938), «Тень» (1940). В военные годы была создана антифашистская пьеса-памфлет «Дракон» (1944).

В послевоенные годы в драматургии Шварца ярче проявился интерес к психологическим и бытовым подробностям жизни современного человека. В этот период созданы пьесы «Обыкновенное чудо» (1956), «Повесть о молодых супругах» (1958). По сценариям Шварца сняты фильмы «Золушка» (1947), «Первоклассница» (1948), «Дон Кихот» (1957) и др.

Дракон

Сказка в 3-х действиях

Действующие лица

Дракон.
Ланцелот.
Шарлемань — архивариус.
Эльза — его дочь.
Бургомистр.
Генрих — его сын.
Кот.
Осел.
1-й ткач.
2-й ткач.
Шапочных дел мастер.
Музыкальных дел мастер.
Кузнец.
1-я подруга Эльзы.
2-я подруга Эльзы.
3-я подруга Эльзы.

Часовой.
Садовник.
1-й горожанин.
2-й горожанин.
1-я горожанка.
2-я горожанка.
Мальчик.
Разносчик.
Тюремщик.
Лакеи, стража, горожане.

Действие первое

В просторной и уютной кухне никого нет, только в кресле перед очагом дремлет кот. Входит Ланцелот и зовет хозяев: «Господин хозяин! Госпожа хозяйка! Живая душа, откликнись! Никого... Дом пуст, ворота открыты, двери отперты, окна настежь. Как хорошо, что я честный человек, а то пришлось бы мне сейчас дрожать, оглядываться, выбирать, что подороже, и удирать во всю мочь, когда так хочется отдохнуть». Ланцелот решает подождать. Обращается к Коту и узнает, что хозяйева, архивариус Шарлемань и его дочь Эльза, «ушли, и это крайне приятно», потому как им «грозит огромное горе». Ланцелот намерен выяснить, что за беда грозит хозяевам: «...я очень легко вмешиваюсь в чужие дела. Я был из-за этого девятнадцать раз ранен легко, пять раз тяжело и три раза смертельно. Но я жив до сих пор, потому что я не только легок, как пушинка, а еще и упрям, как осел. <...> А вдруг я спасу твоих хозяев?».

Беда грозит Эльзе. Почти четыреста лет назад над городом поселился дракон, и каждый год он в качестве дани выбирает себе девушку. «Говорят, что они умирают там от омерзения», — говорит Кот. И Дракон выбрал Эльзу. По описанию Кота, Дракон трехголовый, ростом «с церковь», с острыми когтями на лапах, пышет огнем. Кот просит Ланцелота вызвать Дракона на бой: «Он, конечно, убьет вас ... а вдруг и вы его убьете». Вернувшиеся хозяйева очень привет-

ливы с неожиданным гостем. Оба спокойны, Эльза приглашает всех ужинать. Ланцелота поражает их самообладание, но оказывается, они просто смирились со своей участью. Лет двести назад кое-кто сражался с Драконом, однако всех смельчаков он убил. Завтра, как только чудовище уведет Эльзу, отец ее тоже умрет. Попытки Ланцелота пробудить в Шарлемане и его дочери волю к сопротивлению безрезультатны. Архивариус говорит, что дракон добр: «Когда нашему городу грозила холера, он по просьбе городского врача дохнул своим огнем на озеро и вскипятил его. Весь город пил кипяченую воду и был спасен от эпидемии». Дракон избавил город от цыган. «Цыгане нагло выступали против него в первые годы его власти», — рассказывает Шарлемань.

Ланцелота просят оставить «драконью» тему и рассказать что-нибудь. Ланцелот рассказывает о жалобной книге, пишет в эту книгу мир. «Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди». Ланцелот говорит убежденно: «Для кого пишется эта книга? Для меня». То есть для внимательных и легких на подъем людей. И он объявляет, что готов убить Дракона.

За окнами вспыхивает зарево, раздается нарастающий свист, шум, вой, дрожат стекла. Кот восклицает: «Легко на помине». В дверь стучат, и в дом входит «пожилой, но крепкий, моложавый, белобрысый человек, с солдатской выправкой». Человек говорит, что дракон — это он. Шарлемань объясняет удивленному Ланцелоту: «Господин дракон так давно живет среди людей, что иногда сам превращается в человека и заходит к нам в гости по-дружески».

Ланцелот вызвал Дракона на бой. Дракон побагровел от ярости, взревел, «сжав кулаки и топая ногами». Дракон принимает вызов Ланцелота: «Странствующие рыцари — те же цыгане. Вас нужно уничтожить», говорит, что уничтожил 809 рыцарей и проч. Дракон рассказывает, что появился на свет в день страшной битвы, когда земля пропиталась кровью: «Я — сын войны. Война — это я. Кровь мерт-

вых гуннов течет в моих жилах, — это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен». Но Ланцелота напугать не удастся, Дракон решает убить его прямо сейчас: «Вы умрете сейчас храбро, тихо и бесславно». Вмешивается Шарлемань: согласно подписанному 382 года назад Драконом документу, день боя назначает вызвавший Дракона, и горожане должны помочь ему. Дракон отвечает, что тогда был сентиментальным мальчишкой, а сейчас он не собирается обращать внимание на тот документ. Кот выскакивает в окно, обещая всем все рассказать. Дракон негодует, но в конце концов соглашается драться завтра и уходит.

Эльза уверяет Ланцелота, что напрасно он все затеял: умирать ей не страшно, «все состарятся, а ты нет». Но Ланцелот непреклонен — надо убить злодея. «Дракон вывихнул вашу душу, отравил кровь и затуманил зрение. Но мы все это исправим», — говорит он. В это время вбегает Кот с сообщением, что оповестил знакомых кошек и всех своих котят, которые тут же разнесли по всему городу весть о предстоящем поединке.

Появляется Бургомистр. Он обрушивается на Ланцелота с упреками и убеждает его уехать как можно скорее. Бургомистр говорит: «То, что вы осмелились вызвать господина дракона, — несчастье. Дела были в порядке.

Господин дракон своим влиянием держал в руках моего помощника, редкого негодяя, и всю его банду, состоящую из купцов-мукомолов. Теперь все перепутается. Господин дракон будет готовиться к бою и забросит дела городского управления, в которые он только что начал вникать».

Вошедший следом сын Бургомистра Генрих (бывший жених Эльзы, а теперь лакей и личный секретарь Дракона) требует, чтобы его оставили наедине с девушкой. Он передает ей приказ хозяина убить Ланцелота и вручает для этого отравленный нож. Эльза отказывается, но Генрих говорит, что в случае непослушания Дракон убьет ее подруг.

Действие второе

Действие происходит на центральной площади города. Генрих чистит медные украшения на двери коричневого здания с надписью «Людам вход безусловно запрещен».

Появляется Бургомистр. Он с сыном обсуждает состояние дел. Генрих сообщает, что его повелитель очень нервничает. Спрашивает отца, не сомневается ли тот в победе Дракона. Бургомистр догадывается, что это тайный допрос по поручению хозяина. В свою очередь, он пытается разузнать у Генриха, не приказывал ли Дракон «потихонечку тюкнуть господина Ланцелота», и, не добившись прямого ответа, прекращает разговор.

Появился Ланцелот. Бургомистр пригласил его на церемонию вручения оружия: «Члены городского самоуправления должны лично увидеть вас, чтобы сообразить, какое именно оружие подходит к вам больше всего, господин Ланцелот».

Генрих вновь предлагает Эльзе в случае необходимости убить Ланцелота, обещая, что тогда Дракон отпустит ее: «Вместо тебя избранницей будет другая, совершенно незнакомая девушка из простонародья. Она все равно намечена на будущий год. Выбирай, что лучше — глупая смерть или жизнь, полная таких радостей, которые пока только снились тебе, да и то так редко, что даже обидно». Эльза предполагает, что Дракон струсил.

Генрих уходит, появляется Ланцелот и рассказывает, что на заседании в ратуше ему предлагали деньги, чтобы он отказался от боя.

На площади с фальшивой торжественностью происходит церемония вручения оружия противнику Дракона. На деле ему предлагают медный тазик от цирюльника вместо щита, вручают справку, что копье в ремонте, и сообщают, что рыцарских лат на складе не обнаружили.

«Ланцелот. Это тазик от цирюльника.

Бургомистр. Да, но мы назначили его исполняющим обязанности плема. Медный подносик назначен щитом. <...> Рыцарских лат у нас на складе, к сожалению, не оказалось. Но копье есть. (Протягивает Ланцелоту лист бумаги.) Это удостоверение дается вам в том, что копье действительно находится в ремонте, что подписью и приложением печати удостоверяется. Вы предъявите его во время боя господину дракону, и все кончится отлично».

Устроившийся на стене Кот сообщает Ланцелоту, что есть хорошие новости. Тут появляется Дракон. Дракон уверен, что Ланцелот обижен выбором оружия и напуган предстоящим боем, только не показывает этого. Дракон пытается переубедить его: не стоит умирать из-за людей с покалеченными душами. «Я же их, любезный мой, лично покалечил, — говорит он. — Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи. <...> Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души».

Прежде чем начать бой, Дракон предлагает Ланцелоту попрощаться с Эльзой, ради которой тот идет на смерть. Эльзе предлагает ласково поговорить с рыцарем, после чего убить его. Ланцелот говорит: «Я, Эльза, люблю вас. Не сердитесь. Я ужасно хотел, чтобы вы знали это».

Дракон с Генрихом наблюдали за разговором, в нетерпении ожидая, когда же Эльза убьет Ланцелота. Но Эльза швырнула нож в колодец. Дракон возмущен.

«Дракон (гремит). Да как ты посмела!..

Эльза. Ни слова больше! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе ругаться теперь, после того как он поцеловал меня? Я люблю его. И он убьет тебя».

Дракон улетел готовиться к битве, Ланцелот подошел к Коту. Кот обращает внимание Ланцелота на нескольких погонщиков с ослом. Те передают Ланцелоту ковер-самолет и шапку-невидимку, а также меч и копье. Погонщик говорит: «Мы слышали, мы все слышали, как вы, одинокий, бродили по городу,

и спешили, спешили вооружить вас с головы до ног. Мы ждали, сотни лет ждали, дракон сделал нас тихими, и мы ждали тихо-тихо. И вот дождались. Убейте его и отпустите нас на свободу».

Ланцелот благодарит, становится на ковер, надевает шапку-невидимку и исчезает.

На площади появляется Дракон, зовет Ланцелота. «В дыму и пламени смутно виднеются то три гигантские башки, то огромные лапы, то сверкающие глаза». Но Ланцелота не видно. Дракон ощущает удар, он возмущен.

Площадь наполняется народом. Горожане досадуяют: «Ах, мы жили так спокойно... А сейчас время завтракать — и не хочется есть. Ужас!» Горожане искренне считают, что Дракон победит, и не понимают, отчего тот так медлит.

На площади появляется Шарлемань, но с ним не желают здороваться и даже узнавать: «Ужасные люди. Принимают чужих. Портят настроение дракону. Это хуже, чем по газону ходить».

Бургомистр отдает приказ: «Во избежание эпидемии глазных болезней, и только поэтому, на небо смотреть воспрещается. Что происходит на небе, вы узнаете из коммюнике, которое по мере надобности будет выпускать личный секретарь господина дракона».

Все согласны, и только Мальчик удивляется: «Мама, а почему вредно смотреть, как его бьют?»

Дракон устал, он перестал изрыгать пламя. Генрих выдает «коммюнике городского сопротивления»: «Господин дракон не уничтожает врага только из любви к войне».

Голова Дракона падает на площадь, Генрих говорит: «Обессиленный Ланцелот потерял все и частично захвачен в плен».

Когда падает вторая драконья голова, горожане переосмысливают свое отношение к действительности. Садовник говорит: «Страшно подумать, сколько времени я потерял, бегая лизать лапу этому одноголовому чудовищу. Сколько цветов мог вырастить!»

Третья голова Дракона падает, и начинается буйство. Горожане отказываются слушать коммюнике Генриха, кричат: «Как желаем, так и лаем! Какое счастье!» Народ удаётся утихомирить только благодаря страже. Площадь пустеет. Тело Дракона падает на землю. Бургомистр радуется: «В руки мне сама собою свалилась власть. <...> Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмет вожжи».

Дракон взывает к тем, кто совсем недавно восхитился им, целовал хвост и объяснялся в любви, просит воды. Но никто, даже Бургомистр с Генрихом, не обращает на него внимания. Когда все уходят, появляется, опираясь на погнутый меч, держа шапку-невидимку, Ланцелот. Он тяжело ранен и мысленно прощается с Эльзой: смерть уже близко.

Действие третье

Роскошно обставленный зал во дворце бургомистра. Прошел год со смерти Дракона. Ожидается Генрих. Горожане репетируют приветственную речь победителю Дракона, бывшему Бургомистру, теперь президенту вольного города: «О славный наш освободитель! Ровно год назад окаянный, антипатичный, нечуткий, противный сукин сын дракон был уничтожен вами».

Генрих теперь бургомистр.

Входит Бургомистр, его прославляют, потом горожане уходят. Бургомистр и Генрих разговаривают о том, что погонщики сидят в тюрьме. Ланцелот пропал. Даже допросы птиц ничего не дали. Тюремщик говорит: «Одним словом, Ланцелот, он же Георгий, он же Персей-проходимец, в каждой стране именуемый по-своему, до сих пор не обнаружен».

Входит Шарлемань. Он не может себя заставить поверить в то, что Дракона убил Бургомистр, он не хочет отдавать Эльзу замуж за Генриха. Бургомистр говорит: «Запомните только следующее. Первое: на свадьбе извольте быть веселы, жизнерадостны

и остроумны. Второе: никаких смертей! Потрудитесь жить столько, сколько мне будет угодно. Передайте это вашей дочери. Третье: в дальнейшем называйте меня "ваше превосходительство". Видите этот список? Тут пятьдесят фамилий. Все ваши лучшие друзья. Если вы будете бунтовать, все пятьдесят заложников пропадут без вести».

Привозят Эльзу. Бургомистр, который намерен на ней жениться, подсылает сына поговорить с Эльзой и выяснить, нет ли у нее известий о Ланцелоте. При разговоре с Эльзой Генрих полон притворного сочувствия, и поверившая в его искренность Эльза рассказывает ему все, что знает. Ланцелот не вернется. Кот нашел его раненым, уложил на спину знакомого осла и вывел их из города в горы. В дороге сердце героя перестало биться. Кот велел осла повернуть обратно, чтобы Эльза могла проститься с умершим и похоронить его. Но ослик заупрямился и пошел дальше, а Кот вернулся домой.

Бургомистр обрадовался: «Ура! Все кончено! (Пляшет, носится по комнате.) Все кончено! Я — полный владыка над всеми! Теперь уж совсем некого бояться. Спасибо, Эльза! Вот это праздник! Кто осмелится сказать теперь, что это не я убил дракона? Ну, кто?»

Начинается свадебный пир. Бургомистр хвалится избранным меню: «Я достал рыбу, которая создана для того, чтобы ее ели. Она смеется от радости, когда ее варят, и сама сообщает повару, когда готова. А вот индюшка, начиненная собственными индюшатами. Это так уютно, так семейственно. А вот поросята, которые не только откармливались, но и воспитывались специально для нашего стола. Они умеют служить и подавать лапку, несмотря на то что они зажарены».

Прежде чем сесть за стол, Бургомистр намерен заключить брак с Эльзой. Та отказывается, обращается к людям с просьбой не обречь ее на смерть, подумать: неужели Дракона убили ради послушания другому?

Раздается стук в дверь, за дверью никого нет. Бургомистр предполагает, что вошел Ланцелот в шапке-невидимке: «Он стоит возле. Он слушает, что мы говорим. И его меч висит над моей головой».

Ланцелот входит в зал, он ни с кем, кроме Эльзы, не разговаривает. Эльза радуется: «Ты отдохни, и мы уйдем. Папа! Он пришел, папа! Совсем как в тот вечер. Как раз тогда, когда мы с тобой опять думали, что нам только одно и осталось — взять да умереть тихонько».

Ланцелот признается, что очень тосковал по ней, она — что любит его больше прежнего.

Генрих и Бургомистр пытаются удрать, но Ланцелот останавливает их. Целый месяц он в шапке-невидимке бродил по городу и видел, какой страшной жизнью живут люди, потерявшие способность сопротивляться злу. А сделали это те, кого он год назад освободил от Дракона! Бургомистра и Генриха уводят в тюрьму. Ланцелот же готов к тяжелой работе — убить дракона в изуродованных душах. Но это впереди, а сейчас он берет Эльзу за руку и велит музыке играть — свадьба сегодня все-таки состоится! «Я люблю всех вас, друзья мои. Иначе чего бы ради я стал возиться с вами. А если уж люблю, то все будет прелестно. И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!» — говорит Ланцелот.

Глубокие нравственные конфликты в трагической ситуации войны

В рассматриваемом произведении использование сюжетов и героев, заимствованных из ранее существовавших культур, стало орудием художественной организации материала, приемом, помогающим автору донести до читателя главную идею своего произведения, показать глобальность затрагиваемых проблем нравственности и духовности. Обращение к сказочным сюжетам неслучайно. Как объяснял это

сам Шварц, «правдоподобием не связан, а правды больше».

Пьеса «Дракон» была написана в 1943 г. в осажденном Ленинграде, и в ней отразились страдания людей «во власти Дракона». Шварц когда-то сказал такие слова об Андерсене: «Великая объединяющая сила сказочного мира не слабеет... Он сам собою, по всем законам, сказочным и жизненным, включился в борьбу... За силы созидающие — против сил разрушительных», и слова эти подходят самому Шварцу. В его произведениях в сказочной, мифологической форме показаны драматические стороны взаимоотношений людей, в том числе и в военное время.

В. В. Быков

(1924—2003)

Василь Владимирович Быков — народный писатель Беларуси (1980), Герой Социалистического Труда (1984). Родился в деревне Бычки Ушачского района Витебской области, в семье крестьянина. Учился на скульптурном отделении Витебского художественного училища, экстерном сдал экзамены за 10 класс в июне 1941 г., в начале войны Быкова мобилизовали на оборонительные работы. С лета 1942 г. Быков в Красной Армии, окончил Саратовское пехотное училище. Воевал на 2-м и 3-м Украинских фронтах, был дважды ранен, лежал в госпиталях. В 1944 г. родителям пришла похоронка на Василя, даже на обелиске было его имя. Но Быков еще прошел по Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии. От старшего лейтенанта дослужил до командира взвода армейской артиллерии. Служил в Украине, в Беларуси, на Дальнем Востоке. Демобилизовался в 1947 г., работал в Гродно, тогда же появились первые публикации. В 1949—1955 гг.

Быков снова служил в Советской Армии. Демобилизовался в звании майора запаса, работал в газете «Гродненская правда». С 1951 г. пишет рассказы о фронтовиках. Его обвиняли в очернении советского строя, в приверженности «окопной правде». Публикуются повести «Журавлиный крик» (1959), «Фронтная страница» (1960), «Третья ракета» (1961). В 1965 г. Быков написал повесть «Мертвым не больно». Эта повесть, а также «Атака с ходу» (1968) и «Круглянский мост» (1969) сопровождалась разгромными статьями с политическими обвинениями. Книги были выпущены спустя более десяти лет. В 1972—1978 гг. Василий Быков был секретарем Гродненского отделения Союза писателей БССР. Начиная с повести «Дожить до рассвета» (1972) Быков сам переводит свои произведения на русский язык. Возникает цикл его повестей — «Круглянский мост», «Сотников» (1970), «Обелиск» (1972), «Дожить до рассвета» (1972). 1974 год ознаменовался для писателя получением Государственной премии СССР за два последних произведения, через четыре года Быков получил Государственную премию БССР имени Якуба Коласа за «Волчью стаю» (1974) и «Его батальон». В Минске Быков жил с 1978 г. Теме партизанской войны в Белоруссии писатель посвятил произведения «Пойти и не вернуться» (1978), «Знак беды» (1983), «Карьер» (1985), «В тумане» (1988), «Стужа» (1993). В 1980 г. Быков получил звание народного писателя Беларуси, через четыре года — Героя Социалистического Труда, в 1986 г. — Ленинскую премию за повесть «Знак беды». В 1990—1993 гг. Быков — президент объединения белорусов мира «Вацькаўшчына». С приходом к власти А. Г. Лукашенко Быкова, критиковавшего режим, перестали издавать. В конце 1997 г. писатель покинул Беларусь и переехал в Хельсинки, а затем в Германию. В эмиграции Быков написал повесть «Волчья яма», посвященную последствиям чернобыльской катастрофы. В 1998 г. закончил повесть «Стена». В 2003 г. в Минске вышли мемуары Быкова «Долгая дорога домой». 22 июня 2003 г. писатель скончался после долгой болезни.

По книгам Василия Быкова созданы художественные фильмы: «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Дожить до рассвета», «Волчья стая», телесериал «Долгие версты войны». Широко известны фильм «Восхождение» по повести «Сотников», поставленный Ларисой Шепитько, и фильм «Знак беды» режиссера Михаила Пташука.

Обелиск

Рассказчик, газетный журналист, говорит, что за два года так и не съездил в сельскую школу к учителю Миклашевичу, все откладывал. Теперь уже поздно, он едет туда на похороны учителя, о смерти которого узнал случайно от товарища. Герой чувствует вину, он решает ехать туда сейчас же, хотя учитель не был ему близким человеком. По стечению обстоятельств не предупредив никого дома, с трудом дозволившись на работу, он пропускает последний автобус на Сельцо. Приходится ехать на попутной машине, вместе с парнишкой с сумкой, набитой буханками городского хлеба. Рассказчику кажется, что машина идет медленно, он ругает себя за лень, понимая, что из-за нее не попал в Сельцо раньше. Ведь за суетой не замечаешь, как важное остается в стороне, а жизнь опустошается, потому что самое разумное в ней — человеческая доброта и забота о других. Лучше всех это понимал учитель Миклашевич. Он, обыкновенный сельский учитель, пережил трагедию во время войны и чудом спасся от смерти, был очень болен. Болезнь изводила его, но он никогда не жаловался. Познакомились герой и учитель во время перерыва на учительской конференции. Рассказчика поразили его мальчишеская фигура и лицо уже побитого жизнью пожилого человека, хотя учителю шел только тридцать четвертый год. Миклашевич обратился к рассказчику в связи с неким запутанным делом. Рассказчик знал, что он интересуется историей партизанской войны на Гродненщине, сам еще подростком партизанил, а его друзья-школьники расстреляны немцами в сорок втором и хлопотами Миклашевича в их честь поставлен небольшой памятник в Сельце. Обещал учителю приехать, поговорить и разобраться, но опоздал. Он даже не знает, зачем едет в Сельцо, кому он теперь там нужен. Приехав, он видит знакомый обелиск с пятью юношескими именами на черной табличке. Не зная, где

кладбище, идет на школьный двор. Там он встречает шапочного знакомого — зоотехника из областного управления сельского хозяйства, которого не видел около пяти лет. Тот говорит ему, что все в учительском доме, просит помочь донести ящик водки. Идут поминки. В небольшой комнате сидят двадцать человек, рассказчик чувствует, что его запоздалое появление хуже отсутствия, но послушно садится и поминает Павла Ивановича Миклашевича. Ксендзов, заведующий районо, говорит о том, какой Миклашевич был коммунист, передовой учитель, активный общественник, и переходит по привычке на успехи в области. Сосед рассказчика, Тимофей Титович Ткачук, перебивает: «При чем тут успехи! Мы похоронили человека! Что вы тут несете про какие-то успехи? Почему вы не вспомните про Мороза? Это Мороза надо благодарить за Миклашевича! Он из него человека сделал!» Но его слова как будто никто не слышит. Ткачук просит рассказчика сказать всем о Морозе, но выясняет, что он Мороза не знает. «Мороз — вот кто пример для всех нас. Как для Миклашевича был», — после этих слов Ткачука за столом становится тихо, и опять его осаживает заврайоно. Через некоторое время Тимофей Титович (он — бывший здешний учитель, сейчас на пенсии, живет в городе) решает ехать домой. Герой понимает, что ему тоже нет смысла оставаться, и уходит с Ткачуком. Молча они дошли до развилки, шоссе было пустынным. Рассказчик спустился к обелиску и увидел, что масляной краской на нем выведено шестое имя — Мороз А. И.

Попутчики решают идти пешком по шоссе, надеясь, что их догонит машина. Рассказчик спрашивает Ткачука о Миклашевиче и Морозе. Узнает, что Мороз открыл эту школу в октябре 1939 г., а Ткачук приехал спустя месяц, отработал в ней семь лет. «Мороз был нашей болячкой. На совести у обоих. У меня и у него. Ну да я что... Я сдался. А он нет. И вот — победил. Добился своего. Жаль, сам не выдержал». Из этих отрывочных сведений рассказчик понимает,

что речь идет об истории времен войны, но не хочет показаться назойливым, поэтому не задает вопросов. Ткачук называет Миклашевича преемником Мороза. Работа этих людей после таких смертей имеет смысл и не пропадет зря, считает Ткачук. Он знает, что Миклашевич хотел поговорить о Морозе с рассказчиком, говорит, что Миклашевич добился правды. Пропустив машину, попутчики продолжают разговор. Ткачук вспоминает, как приехал в школу заведующим. К нему пришла учительница, пани Ядя Подгайская, рассказала о конфликте с Морозом: «Не поддерживает дисциплины, как равный ведет себя с учениками, учит без необходимой строгости, не выполняет программ наркомата и самое главное — говорит ученикам, что не надо ходить в костел, пусть туда ходят бабушки». Ткачука встревожило больше панибратство с учениками, и он при первом удобном случае приехал в школу. Ученики распиливали на дрова поваленное бурей дерево, дров тогда не хватало. Среди учеников он не сразу заметил заведующего, Алеся Ивановича Мороза. Мороз хромал, с детства болела нога, но его рукопожатие свидетельствовало о силе. Ткачук помогает завершить распилку, колку, он заночевал в школе. Ужинали и знакомились с Морозом. Ткачук спрашивал коллегу о программах, успеваемости, дисциплине. Сначала был не согласен с его методикой, потом стал допускать, что в чем-то Мороз прав, сейчас же думает, что он был прав во всем. «Главное, чтобы ребята теперь поняли, что они люди, не было, не какие-то там вахлаки, какими паны привыкли считать их отцов, а самые полноправные граждане. Ни перед кем не надо унижаться, надо только учиться, постигать то самое главное, что приобщает людей к вершинам национальной и общечеловеческой культуры», — считал он. Мороз делал из ребят не отличников-зубрил, а людей. В Сельце завелись школьные собаки, которых попросили Мороза оставить дети, читавшие «Муму», школьный скворец, отставший от стаи, слепой школьный кот.

На шоссе появляется автобус, но, остановившись, шофер говорит, что остановки здесь нет и он их не возьмет. Ткачук рассказывает о втором визите к Морозу. Это было зимой, хозяина дома не было, он пошел провожать учениц, живших далеко от школы. А Ткачука встретил Павлик Миклашевич, он жил у Мороза, потому что отец бил его. Спустя две недели Ткачука вызвали к прокурору и приказали забрать у Мороза сына Миклашевича. Мороз выслушал и сказал Павлу, что нужно ехать домой, жить с отцом и мачехой. Павлик уходит с отцом, и по дороге на глазах у всех Миклашевич начинает бить сына. Мороз заступает за мальчика и говорит, что не отдаст его. В результате комиссия решила передать парня в детдом, но Мороз не спешил его туда отправлять.

Зимой, перевоза найденные в усадьбе книги, учитель провалился под лед и слег с воспалением легких. Заехав к Морозу, Ткачук застал такую сцену: Алесь Иванович читал детям «Войну и мир». И в ответ на слова, что он мог бы не прерывать занятия по программе, Мороз сказал, что все программы не стоят двух страничек Толстого. За весну он много прочитал ребятам.

Коля Бородич, чья фамилия стоит первой на памятнике, был заводилой. Плечистый молчаливый парень шестнадцати лет. Когда после четвертого класса было нужно переходить в другую школу, он не пошел и попросился у Мороза оставить его на второй год. Мороз занимался с ребятами самодеятельностью: ставили пьесы, пели. Один из антирелигиозных номеров задел ксендза из Скрылева, во время службы он пренебрежительно отозвался об учителе, оскорбил его за хромоту. Опять вызвали Ткачука в прокуратуру, показали жалобу на Колю Бородича, который залез в храм и осквернил алтарь. Ксендз требовал наказать школьника и его учителя. Коля признался, что хотел отомстить ксендзу, но не сказал, за что. Чтобы парня не засудили, Мороз взял вину на себя, назвал этот поступок следствием своего непродуманного воспитания. Хлопотал, Колю оста-

вили в покое. После этого все в округе стали считать Мороза своим заступником. Потом началась война, приказали организовать истребительные отряды, чтобы вылавливать диверсантов. Граница оказалась незащищенной, от немцев пришлось бежать в лес. Один из его спутников был ранен, знакомый Ткачуку активист Василий Уsoleц прогнал их, а приютила простая женщина, но раненый умер. Ткачук нашел окруженцев под командованием майора Селезнева, потом туда же пришел прокурор, не дошедший до фронта. Их отправили к землякам прощупывать почву, налаживать связи. Вначале прокурор хотел идти к знакомому, но тот стал полицаем. Мороз же собрал детей и учит их. Но Ткачук не верил, что он стал немецким учителем, и решил пойти к нему. Мороз сказал ему при встрече: «Не будем учить мы — будут обольванивать они. А я не затем два года очеловечивал этих ребят, чтобы их теперь расчеловечили. Я за них еще поборюсь». Ткачук понял, что Мороз умнее их с прокурором, он осмыслил войну и видел то, чего они не замечали. Морозу принесли приемник, он слушал сводки и передавал их в отряд.

Ткачука и рассказчика подобрала повозка, следующая до Будиловичей. Возчик рассказывает, как напали трое парней на девушку с молодым человеком, а за них заступился его земляк Витька. Ткачук радуется, когда выясняется, что Витька учился у Миклашевича. Возчик оказался дядей Коли Бородича и сам партизанил, был санитаром. Ткачук продолжает рассказ: до войны Мороз отправил тех двух девочек, которых через лес провожал домой, в лагерь, началась война, и они пропали, учитель сильно переживал. Один из полицаяв по кличке Каин много сделал зла в селе: расстрелял четырех раненых командиров, сжег усадьбу связного и расстрелял всех его родных, устраивал облавы на евреев. Потом обыскал школу, устроили учителю допрос на два часа. Ребята — Миклашевич, Бородич, братья Тимка и Остап Кожаны, однофамильцы Смурный Николай и Смурный Андрей, все те, чьи имена на обелиске, — решили отом-

стить Каину. Мороз про это не знал, а когда на ребят донесли и их забрали полицаи, Мороз пришел к Ткачуку в лес. Оказалось, ребята подстерегли Каина и подпилили мост, по которому он должен был ехать на машине. Но Бородич и Николай Смурый остались посмотреть, как будет лететь вверх колесами немецкая машина. Однако машина припозднилась, не разгонялась, и задавило только одного немца, ребята убежали, но их успели заметить. Павлик рассказал обо всем взволнованному известием учителю, а потом к нему пришел полицай, тот самый прокурорский знакомый, и предупредил, что ребят забрали, идут за учителем. Потом пришла связная, Ульяна, и сказала, что немцы требуют учителя и грозят повесить ребят. Мороз услышал это и сказал, что пойдет в Сельцо. Пока партизаны хоронят первого в лагере умершего от ран, учитель исчезает.

Повозка приезжает в Будиловичи, в ожидании автобуса попутчики заходят в чайную. Среди буянивших подвыпивших мужчин Ткачук узнает бывшего взводного, получившего три ордена. «Догордился. Трояк уже отсидел, а все не унимается. А некоторые другие потихоньку, помаленьку, орденов не хватало — брали хитростью. И обошли. Обскакали». Ткачук рассуждает о том, что газеты любят писать об одних и тех же героях, а не о тех, кто погиб и от кого не осталось «ни биографии, ни фотографии». Возмущается, что поиском погибших занимаются пионеры, а не взрослые. Продолжает рассказ. Ребят истязали и ждали Мороза, распуская слухи, что Советы воюют руками детей, обрекая их на смерть. Мать Николая Смурного забрали за то, что на немца плюнула. Бородин не стерпел побоев, признался первым, взял на себя вину. Но от остальных не отвязались и все выпытывали про Мороза. Тут он и пришел. И потом возникла путаница. Каин составил рапорт, в котором назвал Мороза главарем банды. А партизаны не внесли его в список потерь, так как он был у них всего два дня, написали, что попал в плен. Получилось, что партизаны неумышленно подтвердили ложь Ка-

ина. Но Миклашевич все-таки позднее восстановил истину.

Ребята не знали, что учитель сдался сам, думали, что его поймали. Он подбадривал учеников, говорил, что жизнь человеческая несоразмерна с вечностью, их будут помнить, и уже это — высшая награда. Но их больше утешало присутствие учителя. Когда их вывели на улицу, сбежалась вся деревня. Старший брат Кожановых спросил: «Как же так? Вы же говорили, что когда явится Мороз, то отпустите хлопцев. Так отпустите теперь». Немец ударил его парабеллумом в зубы, а Иван ему — ногой в живот. Немец выстрелил в него. Всех повели через тот мост, подошли к леску, Мороз велел Павлику Миклашевичу бежать, если может, в лес. Учитель криком отвлек внимание полицаев, Павлик бросился бежать, но после трех суток в сарае был без сил, и полицаи подстрелили его. Миклашевича сочли мертвым и оставили в грязи, Мороза избили. Павлика подобрала ночью бабка, которая решила его похоронить, но услышала, что сердце стучит. Позвали отца Павлика, тот приехал и спрятал парня, вылечил, спас от гибели. Всех остальных повесили на первый день Пасхи. Уже в 1946 г. их перезахоронили ближе к Сельцу. У Павла Миклашевича был туберкулез после того, как он пролежал на талой земле, потом сдало сердце. Ткачук называет эту историю героической. Рассказчик думает, что они пропустили автобус, но сам как бы находится в довоенном Сельце. Ткачук расстроен. Их обгоняет машина, в которой едет заведующий районо Ксендзов, он предлагает их подвезти. Заврай-оно говорит Ткачуку, что зря он за столом сказал про Мороза, были герои побольше, чем он, сдавшийся в плен и не убивший ни одного немца: «Особого подвига за этим Морозом не вижу». Ткачук называет заведующего районо духовно близоруким, не хочет ехать с ним дальше, но рассказчик его успокаивает. «Он сделал больше, чем если бы убил сто. Он жизнь положил на плаху», — Ткачук, словно боясь не успеть, говорит, выкладывая все наболевшее. «Мороза

нет. Не стало и Миклашевича — он понимал прекрасно. Но я-то еще есть! Так что же вы думаете, я смолчу? Черта с два. Пока живой, я не перестану доказывать, что такое Мороз! Вдолблю и в самые глухие уши». Ксендзов уже не возражает, Ткачук скоро умолк, рассказчик тоже молчит. Машина подъезжает к городу.

Новое осмысление военной темы

Повесть посвящена тем, кто погиб в войну, но о чем подвиге знают немногие, а также тем, кто борется за справедливую память о погибших. В своих военных повестях Василь Быков создает широкую галерею человеческих характеров, через которые раскрывает многогранность народного подвига в годы Великой Отечественной войны. Писатель показывает незаметных, рядовых участников войны. Они живут по законам установленного ими порядка, где нельзя лгать, идти на компромисс с совестью, потому что потом будет трудно оставаться человеком. Повесть имеет кольцевую композицию. Автор использует прием «рассказ в рассказе», придающий большую достоверность повествованию. Очевидец, Ткачук, рассказывает о событии, которое сам пережил. Автор вводит в повествование две полемические позиции — Ксендзова и Ткачука. Ксендзов убежден, что подвига не было, что учитель Мороз не герой и, значит, зря его ученик Павел Миклашевич всю жизнь потратил на то, чтобы имя Мороза было запечатлено на обелиске вместе с именами пятерых погибших учеников. Миклашевич делает это не только, чтобы восстановить справедливость, но и для того, чтобы люди не забывали моральные нормы, по которым следует жить. Доводы Ксендзова, заврайоно, довольно рассудочны, но Ткачук понимает подвиг Мороза не рассудком, а сердцем. Мороз понимал: если он не придет в Сельцо, враги используют это против него, дискредитируют все то, чему он учил детей. Все его отговаривали, считая это ненужной жертвой.

Партизаны ничем помочь не могли, но он пришел, зная, что всех все равно казнят. Учитель до конца оставался со своими учениками, видя свой долг в том, чтобы достойно умереть и поддержать дух воспитанников, если уж не сумел их уберечь. Нравственная сила его подвига была такой, что уцелевший чудом Павлик Миклашевич потом станет учителем и будет для своих учеников тем же, кем был для него самого Мороз. Мороз видит в своих учениках будущих личностей, понимает пользу и необходимость учебы, поэтому отстаивает каждого ученика. Недаром Павел жил не дома, где его обижали, а у учителя. Мороз в этой ситуации отстаивал право ребенка сделать свой выбор. Ученики любили и уважали своего учителя, хотя никогда не говорили ему об этом в лицо.

Быков исследует внутренние мотивы и побудительные начала героизма. В подвиге, по мнению автора, всегда есть возможность выбора, который определяет совесть. Нравственная ситуация здесь особая, поэтому и возникает спор между Ткачуком и Ксендзовым. Ксендзов — натура бездуховная, воплощение равнодушного благоразумия. Он не понимает, для чего Мороз продолжал учительствовать при немцах и в чем суть его подвига. Этот спор помогает понять преимущество героизма, самоотверженности, истинной доброты. То, что поступок Мороза — героический, нет сомнений. Самопожертвование Мороза свидетельствует о человечности и духовной стойкости учителя. Он не мог предать своих учеников, не мог бросить их одних в предсмертный час. В сердцах своих односельчан он герой, хотя официально таковым не признан. Мороз воспитал из своих учеников настоящих людей.

Автор не прельщается эффектным героизмом, для него важнее нравственность персонажей, поэтому он задумывается о нравственных истоках подвига. Он рассматривает психологию подвига: как человек, пренебрегая инстинктом самосохранения, добровольно идет на смерть во имя своих принципов. Герои Быкова без колебаний выбирают единственно

возможный для них путь — смерть, если невозможна жизнь по законам правды. Алесь Иванович действует так, как велят ему совесть, человеческий и учительский долг. И не считает себя героем. В этой повести Быков пытается ответить на главный вопрос: как среди ужасов войны людям удастся сберечь в себе доброту, любовь, сострадание, готовность принять смерть за своих близких.

К. Д. Воробьев

(1919—1975)

Воробьев Константин Дмитриевич родился 24 сентября 1919 г. в селе Нижний Реутец Курской области. Детство будущего писателя было тяжелым, ему сполна пришлось испытать голод, лишения. Мальчику было всего 14 лет, когда он пошел работать. После окончания сельской школы некоторое время Воробьев учился в сельхозтехникуме в Мичуринске. Затем он окончил курсы киномехаников. После этого вернулся в родное село. В 1935 г. Константин Воробьев некоторое время работал в районной газете. Потом уехал в Москву, стал работать в редакции газеты «Свердловец», одновременно учился в вечерней школе. В 1938 г. был призван в армию. После окончания военной службы стал литсотрудником газеты Академии им. М. В. Фрунзе. Отсюда его направили на учебу в Кремлевское пехотное училище. В 1941 г. рота кремлевских курсантов попала на фронт. Почти все курсанты погибли. В 1963 г. была создана повесть «Убиты под Москвой». Это произведение было негативно принято критикой. Повесть объявили клеветнической и ложной. На войне Воробьев был ранен, оказался в плену, дважды бежал. В 1986 г. была издана повесть о пережитом в плену. Перу Воробьева принадлежат произведения: «Одним дыханием», «Последние хутора», «Ермак», «Тетка Егориха», «Друг мой Момич» и др.

К. Воробьев умер в 1975 г. от опухоли мозга.

Убиты под Москвой

«Учебная рота кремлевских курсантов шла на фронт». «Натужно воя, невысоко и кучно над колонной то и дело появлялись «юнкеры». Тогда рота согласно приникала к раздетой ноябрем земле, и все падали лицом вниз, но все же кто-то непременно видел, что смерть пролетела мимо, и извещалось об этом каждый раз по-мальчишески звонко и почти радостно. Рота рассыпалась и падала по команде капитана — четкой и торжественно-напряженной, как на параде».

«Рота шла вторые сутки, минуя дороги и обходя притаившиеся селения. Впереди — и уже недалеко — должен быть фронт. Он рисовался курсантам зримым и величественным сооружением из железобетона, огня и человеческой плоти, и они шли не к нему, а в него, чтобы заселить и оживить один из его временно примолкших бастионов...»

«Внезапно рота встретила красноармейцев с пулеметами в руках. Капитан тревожно поднял руку, останавливая роту, и крикнул:

— Что за подразделение? Командира ко мне!

Ни один из красноармейцев, стоявших у скирдов, не сдвинулся с места. У них был какой-то распушенно-неряшливый вид, и глядели они на курсантов подозрительно и отчужденно». Потом один из красноармейцев наклонился к дыре в скирде и сказал: «Товарищ майор, там...»

«Из дыры выпрыгнул человек в короткополом белом полушубке. На его груди болтался невиданный до того курсантами автомат — рогато-черный, с ухватистой рукояткой, чужой и таинственный. Подхватив его в руки, человек в полушубке пошел на капитана, как в атаку, — наклонив голову и подавшись корпусом вперед. Капитан призывно оглянулся на роту и обнажил пистолет.

— Отставить! — угрожающе крикнул автоматчик, остановившись в нескольких шагах от капитана. —

Я командир спецотряда войск НКВД. Ваши документы, капитан! Подходите! Пистолет убрать.

Капитан сделал вид, будто не почувствовал, как за его спиной плавным полукругом выстроились четверо командиров взводов его роты. Они одновременно с ним шагнули к майору и одновременно протянули ему свои лейтенантские удостоверения, полученные лишь накануне выступления на фронт. Майор снял руки с автомата и приказал лейтенантам занять свои места в колонне.

Сжав губы, не оборачиваясь, капитан ждал, как поступят взводные. Он слышал хруст и ощущал запах их новенькой амуниции — «прячут удостоверения» — и вдруг с вызовом взглянул на майора: лейтенанты остались с ним.

Майор вернул капитану документы, уточнил маршрут роты и разрешил ей двигаться».

Однако капитан чувствовал себя неловко. Ведь инцидент произошел на виду у курсантов. Поэтому капитан хотел сделать что-нибудь, «что возвратило бы и поставило его на прежнее место перед самым собой и ротой. Он сдернул перчатки, порывисто достал пачку папирос и протянул ее майору. Тот сказал, что не курит, и капитан растерянно улыбнулся и доверчиво кивнул на вороватый полет дымка:

— Кухню замаскировали?

Майор понял все, но примирения не принял.

— Давайте двигайтесь, капитан Рюмин! Туда двигайтесь! — указал он немецким автоматом на запад, и на его губах промелькнула какая-то щупающая душу усмешка. Уже после команды к маршу и после того, как рота выпрямила в движении свое тело, кто-то из лейтенантов запоздало и обиженно крикнул:

— А мы, думаете, куда идем? В скирды, что ли?!

Курсанты влились в пехотный полк, который был сформирован из московских ополченцев. Капитан Рюмин встретился с измученным подполковником. Тот сразу спросил: «Двести сорок человек? И все одного роста?» Капитан Рюмин ответил: «Рост сто восемьдесят три».

Подполковник спросил про вооружение. Капитан Рюмин ответил, что у каждого есть самозарядные винтовки, гранаты и бутылки с бензином.

Подполковник с благодарностью воспринял эту новость. Но капитан Рюмин недоумевал, что рота не получит хотя бы несколько пулеметов.

Подполковник ответил, что кроме патронов и кухни, нет ничего!

Рота прошла еще немного. Они остановились в деревне, где был центр ополченской обороны, здесь же пролегал противотанковый ров.

На окраине деревни было заброшенное кладбище. Капитан привел сюда четвертый взвод. Он сказал, что здесь подходящий участок и нужно рыть окоп. «Окоп он приказал рыть в полный профиль. В виде полуподковы. С ходами сообщения в церковь, на кладбище и в ту самую пахучую постройку» (которая находилась здесь же).

Командир взвода сказал капитану, что рыть окоп нечем. Капитан рассердился за такой неуместный вопрос и приказал, чтобы окоп был готов к шести часам. В назначенный срок окоп был готов. Однако не удалось сделать ход в церковь. Это было связано с тем, что «двухметровой толщины каменный фундамент уходил куда-то в преисподнюю». Сначала хотели проделать в фундаменте брешь, но потом решили дожидаться разрешения капитана.

По дороге в одном из сараев Алексей Ястребов «увидел кухню с разведенной топкой, облепленную засохшей грязью полуторку, старшину и нескольких курсантов из первого взвода. Ни кухни, ни полуторки на марше не было, но у Алексея даже не возник вопрос, откуда они появились». Алексей крикнул: «Здравия желаю, товарищи тыловики!»

Появился капитан. Он сказал: «Старшина! Четвертый взвод получает еду первым, третий — вторым, а первый — последним».

Капитан поинтересовался у Алексея, готов ли окоп. Ястребов сказал о фундаменте. Капитан не разрешил его подрывать. Это было связано с необходимостью бе-

речь гранаты. Алексей встретился с командиром второго взвода Гуляевым, который был соседним с взводом Ястребова. Они поговорили, потом пошли по улице. Была прекрасная погода. Снег переливался, сияло солнце. Вдруг появились самолеты.

«Самолеты и в самом деле шли кучной и неровной галочьей стайей; они увеличивались с каждой секундой, и круги пропеллеров у них блестели на солнце, как матовые зеркала. Их было не меньше пятидесяти штук. Каждый летел в каком-то странном ныряющем наклоне, с растопыренными лапами, с коричневым носом и отвратительным свистящим воем».

Ястребов и Гуляев пошли по взводам. «Они пошли под осинами томительно медленно, но бессознательно тесно, и оба были похожи на людей, застигнутых ливнем, когда укрываться негде и не стоит уже. Рев в небе превратился к тому времени в какую-то слитную чугунную тяжесть, отвесно падающую на землю, и в нем отчетливо слышался прерывистый шелест воздуха. Упали они одновременно плашмя, под одной осиной, и мозг каждого одновременно отсчитал положенное число секунд на приближение шелестящих смертей. Но удара не последовало».

Самолеты пролетели мимо. Бомбежки не было.

Однако через час над деревней прошла новая группа самолетов. Потом самолеты проходили снова. В деревне было много женщин и детей. Их нужно было прятать в убежище. «Землянки для них предполагалось рыть на околице, но бабы ни за что не хотели вылезать из погребов, расположенных во дворах».

«Четвертый взвод маскировал, прихорашивал и обживал свой окоп». Во второй половине дня от опушки леса появились люди. Это были свои.

Они сказали, что вышли из окружения. Их отвели к капитану. Один из бойцов сказал, что он генерал-майор Переверзев, командир дивизии. Однако он был в шинели без петлиц. Никто ему не поверил, выглядел он странно. Потом капитан Рюмин сказал, что это был простой боец, просто от контузии он тронулся умом.

«Вечером капитан вызвал к себе командиров взводов и приказал им выдвинуть за ров по одному отделению. Курсанты там должны встречать и направлять в обход своих окопов всех, кто будет идти от леса.

— Всех в обход! — сказал капитан. — В разговоры ни с кем из них не вступать!

Бойцам и командирам объяснять, что переформировочный пункт и госпиталь, куда они направляются с фронта, находится в четырех километрах правее и сзади нас».

Капитан Рюмин сказал Алексею Ястребову: «Обстановка не ясна, Алексей Алексеевич. Кажется, на нашем направлении прорван фронт...» Капитан также сказал, что «ночью за ров пойдет разведка». Капитан сказал, что за кладбищем нужно выставить усиленный пост.

«До полночи от невидимого леса, мимо деревни прошли два батальона рассеянной пехоты, проехали несколько всадников и три повозки. Все это двигалось в сторону, где, по словам капитана Рюмина, находился переформировочный пункт: отступающие наталкивались в поле на посты курсантов, забирали вправо, и рядом с ними по полю волочились длинные четкие тени».

«В половине третьего из-за рва возвратились наряды, а ровно в пять капитан отдал приказ привести взводы в боевую готовность.» «Наверное, вернулась разведка!» — подумал Алексей.

Вдруг появился незнакомец. На вид ему было лет сорок. У него было поранено ухо. Он спросил о генерале Переверзеве. Один из курсантов сказал, что тот был «в красноармейской пилотке... и в шинели без петлиц».

«Да ну? — бесстрастно, для вида, удивился раненый. И, помолчав, добавил: — Выходит, недавно человек ослеп, а уже ничего не видит... Нас там хотя и полегла тьма, но живых-то еще больше осталось! Вот и блуждаем теперь... А он вроде того мужика — воз под горой лежит, зато вожжи в руках...»

Алексей Ястребов приказал прекратить разговоры и разойтись по местам. Курсанты выполнили приказание. Незнакомец заговорил с Алексеем.

«Тут горе вот какое, товарищ командир, — виновато заговорил он, косясь на нишу, где синели бутылки с бензином. — Ведь танку в лоб не проймешь такой поллитрой! Тут надо ждать, покуда она репицу свою подставит тебе... Мотор там у нее спрятан, вот штука-то! А тогда уже поздно бывает — окопы распаяханы, люди размяты... Что делать-то будем, а?» Алексей предложил ему направиться в госпиталь. Но человек сказал, что ухо заживет и без лечения. Он спросил, можно ли ему остаться здесь. Но Ястребов сказал незнакомцу, что здесь ему оставаться нельзя.

«Боец насмешливо оглядел его с ног до головы, встал и разом вскинул на плечи винтовку и сумку.

— Ну что ж... Тогда пошли, кургузка, недалеко до Курска, семь верст отъехали, семьсот ехать! — стихом проговорил он и умеючи вылез из окопа».

Вечером из леса появились два грязно-серых броневики.

«Алексей не спеша обнажил пистолет и перестал дышать. Вот они, немцы! Настоящие, живые, а не нарисованные на полигонных щитах!.. Ему было известно о них все, что писалось в газетах и передавалось по радио, но сердце упрямялось до конца поверить в тупую звериную жестокость этих самых фашистов; он не мог заставить себя думать о них иначе как о людях, которых он знал или не знал? — безразлично. Но какие же эти. Какие? И что сейчас надо сделать? Подать команду стрелять?» «Нет, сначала я сам. Надо все сперва самому...»

Алексей два раза выстрелил в броневики. Следом за ним стрелять начал взвод. «...Броневики развернулись и помчались к лесу». Только теперь Алексей понял, что стрелять было нельзя. Курсанты были воодушевлены, они не понимали ошибочности совершенных действий.

«Сейчас нам капитан не так за это врежет, — сказал Алексей, заглядывая в ствол теплого пистолета.

— Это ж разведчики были, а мы обнаружили себя раньше времени.

— Ну и черт с ними! Пускай знают!

— Что “знают”? — невольно входя в роль капитана, спросил Алексей.

— А все! — вызывающе сказал помкомвзвода. — Подумаешь! Пускай знают! Не прятаться же нам в скирды! Пускай знают!»

Через некоторое время во взвод пришел политрук роты Анисимов. Он был больным человеком, у него был катар желудка. Курсанты это знали и невольно жалели его. Анисимов спросил о случившемся. Алексей ответил ему, как все было. «Анисимов сообщил взводу о результатах ночной курсантской разведки — деревня, что впереди, занята противником. Он призвал кремлевцев к стойкости и сказал, что из тыла сюда тянут связь и подходят соседи».

Испортилась погода. «На окоп то и дело сыпалась дробная льдистая крупа, и каски звенели у всех по-разному. По-разному — то мягко-заглушенно, то резко-отчетливо, — далеко за кладбищем прослушивался налетный, волнами, громовой гул, и тогда каски округло и медленно поворачивались туда, вправо».

Вдруг «высоко над церковью ломко и сочно разорвался пристрелочный снаряд. Неколебимо, как приклеенное, в небе повисло круглое черное облако, а немного погодя рядом с ним и все с тем же характерным чохом образовались еще два дегтярных пятна».

«И сразу же, еще над полем за рвом, возникли тонкие жала новых заповов. Как невидимая игла, звук сразу же впивался в темя, сверлил череп, придавливая голову вниз, и ничего нельзя было поделать, чтоб не присесть и не зажмуриться в момент его обрыва. Это проделывали в окопе все — мерно, слаженно и молча, как физзарядку, и стволы винтовок на бруствере то приподнимались, то выпрямлялись, и никто из курсантов не оборачивался назад, туда, где рвались мины...»

Линия взрывов медленно подвигалась ко рву. Мины падали теперь уже в нескольких шагах от око-

па. Они взрывались, едва коснувшись земли, образуя круглые грязные логовца, и ни один осколок, казалось, не залетал в окоп вслепую, шуром, — до того как удариться в бруствер или стенку, он какое-то время фурчал и кружился вверху, будто прилаживался, куда сесть. Пробегая по окопу под гнетущим нелетным воем мин, Алексей каждую из них считал «своей» и инстинктивно держался поближе к той стене, в которую вжались курсанты. «Сейчас в меня... В меня! В меня!» Он знал, — а может, только хотел того, — что каждый курсант испытывает то же самое, и это неразделимо прочно роднило его с ними.

На стыке окопа и хода сообщения к кладбищу Алексей затормозил бег, оглядев узкий извилистый паз хода. По нему и еще по тем двум, что уходили к церкви и коровнику, взвод мог одним рывком пересечь приближающийся к окопу минный вал. «Надо туда! Скорее туда!» Это не было решением. Это походило на внезапное открытие, когда в душу человека неожиданно врывается что-то радостно большое, живое и победное. Жарким, никогда собой не слыханным голосом Алексей пропел:

— Взво-о-од! Поодиночке-е...

Курсанты начали привставать, выбрасывая перед собой винтовки и неизвестно к чему готовясь, и голосом уже иным — резким и испуганно-злым — Алексей крикнул: «Отставить!» — и побежал назад, к политруку, почти не наклоняясь и работая локтями, как бегал только в детстве. «Я скажу, что это не отступление! Мы же сразу вернемся, как только... Это ж не отступление, разве он не поймет?»

Алексей пытался прежде всего убедить себя в том, что действует правильно. Но вместе с тем Алексей понимал, что «без приказа сверху Анисимов не разрешит оставить линию обороны».

Вдруг Алексей услышал, как Анисимов зовет его. Он побежал на голос, «сзади с длинным сыпучим шумом обрушился окоп, а его <Алексея> медленно приподняло и опустило, он еще в воздухе, в лете, увидел

на дне окопа огромные глаза Анисимова и его гипсово-белые руки, зажавшие пучки соломы.

— Отре-ежь... Ну, пожалуйста, отре-ежь... — Анисимов ныл на одной протяжной ноте и на руках подвигался к Алексею, запрокинув непокрытую голову.

Первое, что осознал Алексей, это нежелание знать смысл того страшного, о чем просил Анисимов, но он тут же почему-то подумал, что отрезать у него нужно полы шинели: они всегда мешают ползти... Он вскочил на четвереньки и заглянул в ноги Анисимова — на мокрой, полуоторванной поле шинели там волочился глянцево-сизый клубящийся моток чего-то живого... «Это «они»... — понял Алексей, даже в уме не называя своим именем то, что увидел. Он также почему-то не мог уже назвать Анисимова ни по фамилии, ни по чину и, преодолевая судорожный приступ тошноты, закричал, отводя глаза:

— Подожди тут! Подожди тут. Я сейчас...»

Ястребов бросился по окопу. Он сам не сознавал, что нужно делать. Окоп накрыло несколькими минами. Алексей упал. Но уже перед этим внезапно осознал, что не встретил своих курсантов. Он увидел нишу, протиснулся в нее. В этот момент Алексей понял, где взвод — «они сами ушли... по ходам сообщения». Алексей подошел к церкви. Здесь были курсанты.

«По местам! Бегом! — отчужденно и властно крикнул он. — И без моего приказа ни шагу!» «Он уже знал, что и как ему делать с собой в случае нового обстрела, и знал, что прикончит любого, кто, как он сам, потеряет себя хоть на секунду...»

Обстрел прекратился. «Кроме политрука, убитых в четвертом взводе не было. Раненых — все в спину — оказалось четверо, и помощник несколько раз спрашивал Алексея, что с ними делать».

Алексей спросил, могут ли раненые дойти до КП. Они могли. Лежачим был только один. Ястребов приказал отнести его к санинструктору.

«...В воздухе послышался знакомый ведьмин вой...». Снова начался обстрел.

Алексей «слышал в паузах между взрывами беспорядочную ружейную стрельбу в своем взводе». «Что там такое? Неужели атака?» Он взглянул на ров, но поле оставалось пустынно-дымным. «Куда они стреляют? В небо?»

«Но курсанты били не вверх, а по горизонту.

— Прекрати-ить! Прекрати-ить! — на бегу закричал Алексей. Помощник с лету подхватил команду, но сам выстрелил еще дважды.

Все повторялось с прежней расчетливой методичностью, огневой вал медленно катился ко рву. «Как только подойдет к улице, так мы... Я первым или последним? Наверно, надо первым... это ж все равно что при атаке... А может, последним? Как при временном отступлении?...»

Алексей «скомандовал взводу поодиночный побег из смерти... Он бежал последним по ходу сообщения к церкви и все время видел два полукруга желтых, до блеска сточенных гвоздей на каблуках чьих-то сапог — они будто совсем не касались земли и взлетали выше зада бегущего. Он так и не понял, когда курсанты успели закурить и присесть на корточки за церковью. И не узнал, кто бежал впереди. И не догадался, что это не икота, а загнанный куда-то в глубь живота ненужный слезный крик мепает ему что-нибудь сказать курсантам...»

«До часу дня, когда наступило затишье, взвод четырежды благополучно бегал в свой тыл и возвращался в окоп».

Помкомвзвода предложил выбить фашистов. Алексей сказал, что нет оружия. Помкомвзвода Будько сказал, что есть бронебойно-зажигательные патроны. Алексей сердито ответил, что это сделать невозможно. «Боевое донесение капитану Рюмину Алексей составил по всем правилам, четко выписав в конце листка число, часы и минуты». Погибли шестеро курсантов и политрук Анисимов.

«Утробный гул, что временами доносился с утра еще откуда-то справа, теперь разросся по всему тылу, и его вибрирующее напряжение Алексей не только

слышал, но и ощущал грудью». «Танки накапливаются. КВ, может. Этим нам достаточно будет и четырех штук. Мы бы рванули тогда вперед километров на двадцать! Мы бы “их” пошшупали!.. Он так и подумал: “Пошшупали” — и повторил это слово вслух».

«Донесение о результатах ночной разведки капитан Рюмин отправил в штаб полка в пять часов. В нем запрашивались ближайшая задача роты, связь и подкрепление соседями.

Связной возвратился в восемь двадцать с устным распоряжением роте немедленно отступить.

Рюмин приказал курсанту описать внешность командира полка. Курсант сказал, что он ростом с него, а по званию майор. Рюмин видел, что связной говорит правду, — он был в штабе ополченского полка, но выполнять устный приказ неизвестного майора не мог.

С командиром первого взвода лейтенантом Ключковым Рюмин подтвердил свое донесение и запросы, и тот в восемь тридцать выехал в штаб полка на полуторке по прямой. В восемь сорок в поле за рвом появились броневики — разведчики противника, неожиданно обстрелянные четвертым взводом, и в него отправился политрук Анисимов. Командование над первым взводом Рюмин принял сам.

В десять пятнадцать начался минометный налет.

В тринадцать ноль пять Рюмин получил донесение лейтенанта Ястребова о гибели Анисимова и шести курсантов.

Лейтенант Ключков все еще не возвращался из штаба полка.

В четырнадцать тридцать минометный обстрел возобновился, но уже без прежней системы и плотности. Ключкова не было. В тылу ревели танковые моторы. И Рюмин понял, что рота находится в окружении».

Капитан понимал, что курсанты не смогут сразиться с танками из-за отсутствия боеприпасов. «В роте насчитывается двести двадцать винтовок.

Есть свыше четырехсот противопехотных и полтора противотанковых гранат. И есть еще бутылки

с бензином, но Рюмин не считал их оружием... "Атаки с тыла мы не выдержим, — думал Рюмин. — Паника сметет взводы в кучу, а танки раздавят..."

И у него осталась одна слепая надежда на то, что атака все-таки начнется из-за рва. Это было не только надеждой — это стало почти желанием, потому что Рюмин, как и все те десятки тысяч бойцов, что однажды попадали в окружение, утратил невидимого врага в своем тылу».

Наступал вечер. «Мины изредка перелетали через окопы и грохотко садились на огородах. Ни с тыла, ни с фронта ничто не предвещало атаки. Рюмину пришла мысль, что немцы, занимавшие село впереди, находятся на временном отдыхе. Иначе зачем бы они маскировали во дворах машины? Разведчики видели там автобусы. Что это, хозяйство? Мотомехполк? Батальон? Рота? А что, если броском вперед... И разгромить и выйти к лесу, а по нему на север и... Но обязательно разгромить! Курсанты должны поверить в свою силу, прежде чем узнать об окружении! А как же раненые? Их восемь человек. И уже семеро убитых...»

Вечером Рюмин приказал, чтобы подготовили братскую могилу для погибших. Капитану пришла в голову мысль, что, когда наступит темнота, нужно двигаться по рву на север. И, таким образом, возможно, удастся выйти к своим. Убитых похоронили.

Рюмин сказал: «Товарищи кремлевцы! Утром мною получен приказ командования уничтожить мотомехбатальон противника, что находится впереди нас, и выйти в район Клина на соединение с полком, которому мы приданы. Атакуем ночью. Огневой подготовки не будет. Раненых приказано оставить временно здесь. Их эвакуирует другая часть... По местам!»

«Выступление Рюмин назначил на два часа ночи, и с какого бы направления он ни подводил роту к невидимому селению и сколько бы там ни было немцев, они все до одного обрекались на смерть, потому что предоставить им плен в этих условиях курсанты не

могли». Рюмин считал, что выбрал единственное верное решение — «стремительным броском вперед». «Курсанты не должны знать об окружении, потому что идти с этим назад значило просто спастись, заранее устрась. Нет. Только вперед, на разгром спящего врага, а потом уже на выход к своим.

Но почти безотчетно Рюмин не хотел сейчас думать о грядущем дне и о своих действиях в нем. Всякий раз, когда только он мысленно встречался с рассветом, сердце просило смутное и несбыточное — дня не нужно было; вместо него могла бы сразу наступить новая ночь...»

«Взводы покинули окопы в урочное время и сошлись и построились в поле за рвом».

«Рюмин будто впервые увидел свою роту, и судьба каждого курсанта — своя тоже — вдруг предстала перед ним средоточием всего, чем может окончиться война для Родины: смертью или победой».

Рота двинулась вперед. «Занятое немцами село рота обошла с юга и в половине четвертого остановилась в низине, поросшей кустами краснотала. Рюмин приказал четвертому взводу выдвинуться к опушке леса в северной части села и, заняв там оборону, произвести в четыре десять пять залпов по дворам и хатам бронебойно-зажигательными патронами. Тогда остальные взводы, подтянувшись к селу с тыла, бросаются в атаку. Четвертый взвод остается на месте и в упор расстреливает отступающих к лесу голых фашистов. Рюмин так и сказал — голых, и Алексей на мгновение увидел перед собой озаренное красным огнем поле и молчаливо бегущих куда-то донага раздетых людей. Он пошел впереди взвода тем самым шагом, каким Рюмин обходил роту перед ее выступлением — как на минной полосе, и курсанты тоже пошли так, и неглубокий снег, перемешанный с землей и пыреем, буграми налипал к подошвам сапог, и приходилось отколупывать его штыками».

Взвод залег цепью, Алексей лежал в середине цепи. «Когда длинная стрелка часов сползла с единицы, Алексей воркующим тенором — волновался —

сказал: "Внимание!" — и медленно стал поднимать пистолет вверх. Он до тех пор вытягивал руку, пока не заломило плечо. Указательный палец окоченел на спусковом крючке. Не доверив ему, Алексей подкрепил его средним, и контрольный выстрел сорвался ровно за минуту раньше времени...» «В разных местах села в небо взметнулись лунно-дымные стебли ракет, и было видно, как стремительно понеслись куда-то вбок и вкось пегие крыши построек». «Бой в селе нарастал с каждой минутой».

«Горело уже в разных концах села, и было светло как днем. Одуревшие от страха немцы страшились каждого затемненного закоулка и бежали на свет пожаров, как бегают зайцы на освещенную фарами роковую для себя дорогу. Они словно никогда не знали или же напрочно забыли о неизъяснимом превосходстве своих игрушечно-великолепных автоматов над русской "новейшей" винтовкой и, судорожно прижимая их к животам, ошалело били куда попало».

Вдруг «навстречу Алексею выпрыгнул немец в расстегнутом мундире. Наклонившись к земле, он оглядывался на улицу, когда Алексей выстрелил. Немец ударился головой в живот Алексея, клекотно охнул, и его автомат зарокотал где-то у них в ногах. Алексей ощутил, как его частыми и несильными рывками потянуло книзу за полы шинели. Он прыгнул к немцу, обхватив его руками за узкие костлявые плечи.

Он знал многие приемы рукопашной борьбы, которым обучали его в училище, но ни об одном из них сейчас не вспомнил. Перехваченный руками пистолет плашмя прилегал к спине немца, и стрелять Алексей не мог — для этого нужно было разжать руки. Немец тоже не стрелял больше и не пробовал освободиться». Алексей понял, что смертельно ранил немца.

И вот все наконец закончилось. «Ну, Лешк! — закричал Гуляев, увидев Алексея. — В пух разнесли! Понимаешь? Вдрызг! Видал?»

Он не мог говорить, упоенный буйной радостью первой победы, и, вскинув автомат, выпустил в небо длинную очередь».

Пленных окружили и увели в глубину сада.

«Рота вступила в "свой" лес только в седьмом часу, и к тем пятнадцати, которых несли на плащ-палатках, сразу же прибавилось еще двое раненых, — спасаясь, несколько немцев проникли сюда. Чужим приемом — рукоятки в животы — курсанты подняли в лесу разноцветную пулевую пургу. Тут уже били ради любопытства и озорства, подчиняясь чувству восхищенного удивления и негодования, — "как из мешка!"».

Рота продолжала путь. «В одиннадцатом часу над ним неизвестно откуда неслышно появился маленький черный самолет с узкими, косо обрубленными крыльями. Он не гудел, а стрекотал, как косилка, и колеса под его квадратным фюзеляжем искалеченно торчали в разные стороны. Он снизился к самым верхушкам деревьев и начал елозить над лесом, заваливаясь с крыла на крыло, помеченные черно-желтыми крестами». Рюмин трижды повторил команду не стрелять: «до вечерних сумерек было каких-нибудь пять часов — и желание остаться незамеченными перерастало у него в уверенность, что разведчик не видит роту.

— Вверх не смотреть! Не шевелиться! — застыв на месте, вполголоса кричал Рюмин». Гуляев попросил: «Товарищ капитан! Разрешите мне бутылкой его... Залезу на сосну и шарахну! Никто не услышит, товарищ капитан!» Рюмин ничего не сказал.

Самолет сбросил листовки. Там предлагалось сдаться в плен. Транспортировка и присмотр за ранеными были поручены четвертому взводу, который не понес потерь в бою.

Появились немецкие самолеты. Самолеты начали бомбить. Алексей «видел, как в одиночку и группами разбегались по лесу курсанты».

Алексей подумал о Рюмине: «Что ж он... его мать, завел, а теперь...» Через несколько минут «Алексей

ни о чем уже не думал — тело берегло в себе лишь страх, и он временами лежал под деревом, вцепившись в него обеими руками, то куда-то бежал и в одну и ту же секунду ощущал дрожь земли, обонял запах чеснока и жженой шерсти; видел над лесом плотную карусель самолетов, встающие и опадающие фонтаны взрывов, летящие и закаливающиеся деревья, бегущих и лежащих курсантов, до капли похожих друг на друга, потому что все были с раскрытыми ртами и обескровленными лицами; видел воронки с месивом песчаника, желтых корней, белых щепок и еще чего-то не выразимого словами; видел куски ноздреватого железа, похожего на баббит, смятые каски и поломанные винтовки... Поддаваясь великой силе чувства локтя, он бежал туда, где больше всего накапливалось людей, и дважды оказывался в поле и дважды возвращался в лес — в поле было страшнее: десятки самолетов чертили над ним широкие заходные виражи».

Самолеты продолжали кружить. И поэтому «мало кто заметил, с какого направления вошли в лес танки и пехота противника».

«Курсант лежал лицом вниз, а нависшая над воронкой круглая лепеха соснового корня отекала на него сухим песком, и, полузасыпанный, он казался мертвым. В падении Алексей оттолкнул его плечом и лег под самым корневищем.

— Больше тебе некуда, да? — ошалело, не поднимая из песка головы, заглушенно вскрикнул курсант и подвинулся на свое прежнее место. Алексей дышал часто и трудно, будто только что вынырнул из воды. — Наложил или ранен? — уже миролюбивее спросил курсант, все еще не открывая глаз.

— М... к! — выдохнул Алексей. — Лежи тихо! Танковый десант!..»

«Все, что им слышалось, доносилось к ним не сверху, а как бы из-под земли: отрывисто-круглые выстрелы танковых пушек, гул моторов, протяжно-раскатный стон падающих деревьев, прореди автоматных очередей, и все это мешалось в единое и каза-

лось отдаленным и неприближающимся». Алексей вдруг подумал об этом курсанте: «А ведь он дезертир!.. Он трус и изменник!» При этом Алексей никак не связывал себя с ним. Алексей попытался заставить курсанта встать и идти. Он крикнул: «Вставай! Там... Там все гибнут, а ты... Вставай! Пошли! Ну?!» Курсант ему ответил: «Не надо, товарищ лейтенант! Мы ничего не сможем... Нам надо остаться живыми, слышите? Мы их, гадов, потом всех... Вот увидите!.. Мы их потом всех, как вчера ночью!»

«Алексей ударил его в подбородок, и курсант встал на колени, упершись каской в корневище.

— Стреляй тогда! — тоже в полный голос крикнул он, и лицо его стало как бинт. — Или давай сперва я тебя! Лучше это самим, чем они нас... раненых... в плен...

И Алексей впервые понял, что смерть многолика. Курсант — Алексей видел это по его жутко косившим к переносице глазам, по готовно подавшемуся на пистолет левому плечу, по мизинцу правой руки, одиноко пытавшемуся оторвать зачем-то пуговицу на шинели, — курсант не боялся этой смерти и почти торопил ее, чтобы не встретиться с той, другой, которая была там, наверху. «Что это, страх или инстинктивное сознание пользы жертвы? — мелькнуло у Алексея. — Лучше это самим, чем они нас... раненых... в плен». «Мы их потом всех, как вчера ночью!..»

«Тогда-то и открылось Алексею его собственное поведение, и, увидя себя со стороны, он сразу же принял последнее предложение курсанта — самих себя, но еще до этого мига его мозг пронизала мысль: «А что же я сам? Я ведь об этом не думал! А может, думал, но только не запомнил того? Что сказал бы я Рюмину перед его пистолетом? То же, что этот курсант? Нет! Это было бы неправдой! Я ни о чем не думал!.. Нет, думал. О роте, о своем взводе, о нем, Рюмине... И больше всего о себе... Но о себе не я думал! То все возникало без меня, и я не хочу этого! Не хочу!..» Веруя в смертную решимость курсанта и гася

в себе чей-то безгласный вопль о спасении, Алексей выбросил руку с пистолетом и разжал пальцы. Курсант обморочно отшатнулся, но тут же схватил пистолет.

— Психический! — измученно прошептал курсант и лег*.

Совсем рядом с ними остановились двое немцев. Вскоре они ушли. Все стихло. Наступила ночь, глухая и пустынная. Алексей и курсант шли вместе. Алексей не помнил фамилии курсанта, знал только, что он из третьего взвода. Они разговаривали о войне. Курсант говорил о том, что у них есть минометы, пикировщики, танки.

Алексей со злостью сказал, что придется доложить, как они воевали.

«Нынче никто из нас не воевал, товарищ лейтенант! — утрюмо сообщил курсант. — И докладывать мне некому и нечего. Я весь день пролежал один в воронке...

— Один? А я где был? — парализованно остановился Алексей.

— Не знаю. Мало ли... Там кто-то все время стрелял из пистолета по "юнкерсам". Кажется, сбил одного... Может, это вы были?

— Вот гад! — изумленно, самому себе сказал Алексей. — Рота погибла, а он... Вот же гад.

— Да кому это нужно, чтоб мы тоже там погибли? — так же изумленно, шепотом спросил курсант. — Немцам?

— Ты знаешь, о чем я говорю!

— Может, и знаю. Об НКВД, наверно?

— Вот-вот. И о своей и твоей совести...

— Ну, моя совесть чиста! — сказал курсант. — Я вчера ночью честно, один на один, троих подсадил, как миленьких... А из НКВД с нами никого не было. Ни вчера, ни нынче. Так что нечего...»

Они внезапно увидели своих и Рюмина. В живых остались немногие. Рюмин сказал, что нужно остаться здесь и немного обождать. Здесь были скирды, в которых и спрятались все присутствующие. Когда

Алексей проснулся, «над лесом метались три фиалково-голубых “ястребка”, а вокруг них с острым звуком спиралями ходили на больших скоростях четыре “мессершмитта”».

«Маленькие, кургузые “ястребки”, зайдя друг другу в хвост, кружили теперь на одной высоте, а “мессершмитты” разрозненно и с дальних расстояний кидались на них сверху, с боков и снизу, и тот “ястребок”, который ближе других оказывался к атакующему врагу, сразу же подпрыгивал и кувыркался, но места в кругу не терял».

— Хорошо обороняются, правда, товарищ капитан? — возбужденно спросил Алексей.

Рюмин не обернулся: на лес убито падал, медленно перевортываясь, наш истребитель, а прямо над ним свечой шел в небо грязно-желтый, длинный и победно остервенелый «мессершмитт».

«Вслед за первым почти одновременно погибли оба оставшихся “ястребка” — один, дымя и заваливаясь на крыло, потянул на запад, второй отвесно рухнул где-то за лесом. Рюмин повернулся на бок, поочередно подтянул ноги и сел.

— Все, — старчески сказал он. — Все... За это нас нельзя простить. Никогда!..»

Алексей выкрикнул все то, что ему самому сказал курсант: «Ничего, товарищ капитан! Мы их, гадов, всех потом, как вчера ночью! Мы их... Пускай только... Они еще не так заблюют!.. У нас еще Урал и Сибирь есть, забыли, что ли! Ничего!..»

Рюмин ничего не ответил.

Курсанты сидели кружком у скирда. Перед ними была банка судака в томатном соусе. Они приготовили до начала воздушного боя. И сейчас еще не начали есть. Курсанты поделились едой с Алексеем и Рюминым. Рюмин отказался от консервов. Он был подавлен, лишен привычного самообладания. Вскоре он застрелился. Курсанты похоронили его со всеми полагающимися военными почестями.

Появились танки. Алексей «встал лицом к приближающемуся танку, затем не спеша вынул рюмин-

ский пистолет и зачем-то положил его на край могилы, у своего правого локтя. Наклоняясь за бутылкой, он увидел испачканные глиной голенища сапог и колени и сперва почистил их, а потом уже выпрямился. До танка оставалось несколько метров, — Алексей хорошо различал теперь крутой скос его стального лба, ручьями лившиеся отполированные траки гусениц и, снова болезненно-остро ощутив присутствие тут своего детства, забыв все слова, нажитые без деда Матвея, пронзительно, но никому не слышно крикнул:

— Я тебя, матери твоей черт! Я тебя зараз...

Он не забыл смочить бензином и поджечь паклю и швырнул бутылку. Визжащим комком голубого пламени она перелетела через башню танка, и, поняв, что он промахнулся, Алексей нырнул на дно могилы. Он падал, на лету обнимая голову руками, успев краем глаз схватить зубчатый столб голубого огня и лаково-смоляного дыма, взметнувшегося за куполом башни.

— Ага, матери твоей черт! Ага!..

Он успел это крикнуть и плашмя упасть в угол могилы, где лежали шинели, и успел вспомнить, что то место в танке, куда он попал бутылкой, называется репицей...

Когда грохочущая тяжесть сплуснула его внутренности и стало нечем дышать, он подумал, что надо было лечь так, как они лежали вчера с курсантами в лесу: на боку, подогнув к животу колени...»

Алексей почти ничего не осознавал. «Он забыл все, что с ним произошло, и не знал, где находится». «А затем пришло все сразу — память, ощущение неподатливой тяжести, взрыв испуга, и он с такой силой рванулся из завала, что услышал, как надломленно хрумкнул позвоночник и треснули суставы рук, метнувшихся вниз откуда-то сверху, от затылка». Курсанты погибли. Алексей остался один в живых.

«Алексей оделся и в десятый раз взглянул в сторону темного, неподвижно-приземистого танка. В нем

все еще что-то шипело и трескалось, и в белесом сумраке вечера над откинутым верхним люком виднелся трепетный черный сноп чада.

— Стерва, — вяло, всхлипывающе сказал Алексей. — Худая...

По-прежнему избегая глядеть на догорающие скирды, он отрыл бутылку с бензином, СВТ, рюминский пистолет и подолом шинели протер оружие». Потом Алексей забрал все имеющиеся боеприпасы и пошел от могилы по опушке леса.

«Было тихо и сумрачно. Далеко впереди беззвучно и медленно в небо тянулись от земли огненные трассы, и Алексей шел к ним. Он ни о чем отчетливо не думал, потому что им владело одновременно несколько чувств, одинаково равных по силе, — оторопелое удивление перед тем, чему он был свидетелем в эти пять дней, и тайная радость оттого, что остался жив; желание как можно скорее увидеть своих и безотчетная боязнь этой встречи; горе, голод, усталость и ребяческая обида на то, что никто не видел, как он сжег танк...

Подавленный всем этим, он шел и то и дело всхлипывающе шептал:

— Стерва... Худая...

Так было легче идти».

 *Новое осмысление военной темы
в повести К. Воробьева «Убиты под
Москвой»*

Короткая повесть К. Воробьева очень эмоциональна. Писатель-фронтовик показывает войну как бы изнутри, глазами одного из участников тех событий. Алексей Ястребов — молодой человек с искренней и пылкой душой. Он бесстрашен, вынослив, честен перед собой и другими. Книга очень реалистична. Все герои выглядят удивительно правдоподобно. Даже самый храбрый человек не может не испытывать

страха за свою жизнь. Это совершенно нормально, и о трусости здесь не может быть и речи. Жизнь одного человека в условиях военного времени не значит ровным счетом ничего. А ведь человек — это целый мир, целая Вселенная. Капитан Рюмин также обыкновенный человек, несмотря на то что судьба распорядилась так, что он стал командиром. Он совершает самоубийство не потому, что у него недостаточно сил для дальнейшей борьбы. Он чувствует свою вину за гибель роты. Хотя его вины тут нет. Гибель роты — это всего лишь единичный случай, на фронтах Великой Отечественной такие события случались часто.

В повести «Убиты под Москвой» мало событий. В начале повести мы видим, как рота курсантов идет на фронт. Они погибли, даже не успев дойти в прямом смысле этого слова. На их долю не выпало множество атак и сражений. Они погибли, не успев сделать то многое, на что рассчитывали.

Произведение «Убиты под Москвой» заставляет лучше понять суровые будни войны. Писатель честно говорит о том, что видел и понял сам. И поколения, знающие о войне только понаслышке, не могут остаться равнодушными к этой повести.

В. П. Некрасов

(1911—1987)

Виктор Платонович Некрасов родился 17 июня 1911 г. в Киеве. Отец будущего писателя был врачом. Виктор Некрасов поступил на архитектурный факультет Киевского строительного института, занимался также в театральной студии. В 1941 г. Некрасов ушел на фронт. За первое свое произведение — повесть «В окопах Сталинграда»

(1946) — писатель был награжден Сталинской премией 2-й степени за 1946 г. Однако в дальнейшем далеко не все в жизни писателя было благополучным.

В 1973 г. из-за неосторожных высказываний либерального характера Некрасов исключили из партии. Через год у него в квартире был произведен обыск, в результате чего были изъяты все рукописи. В этом же 1974 г. Некрасов покинул Советский Союз, поселился в Париже. С 1975 по 1982 г. он был главным редактором журнала «Континент».

Некрасов умер 3 сентября 1987 г.

В окопах Сталинграда

Приказ об отступлении приходит совершенно неожиданно. Герой произведения Юрий Керженцев размышляет о том, как плохо лежать в обороне. Тут его вызывают в штаб.

У штабной землянки командиры спецподразделений, штабники. Собравшиеся говорят о войне.

Из майоровой землянки вылезает начальник штаба Максимов.

С его приходом все умолкают. Над горизонтом проплывает партия немецких бомбардировщиков. Уже вторая за короткое время.

Приходят комбаты, Каппель — комбат-два — и командир первого батальона Ширяев. В полку его называют Кузьма Крючков. Максимов встает. Все остальные тоже. По приказу все вынимают карты. Максимов разворачивает свою.

Жирная красная линия ползет через всю карту с запада на восток.

Максимов диктует маршрут. Большой — километров на сто. Конечный пункт — Ново-Беленькая. Там должны сосредоточиться через шестьдесят часов, т. е. через двое с половиной суток. Первый батальон остается на месте. Будет прикрывать. Они обсуждают имеющийся в наличии арсенал орудий. Потом Максимов приказывает комбатам зайти к нему. Сообщает, что немец к Воронежу подошел. Рассказчик

размышляет о бедственном положении войск. Уже ни людей, ни пушек. «И ведь совсем недавно только в бой вступили — двадцатого мая, под Терновой, у Харькова.

Прямо с ходу. Необстрелянных, впервые попавших на фронт, нас перебрасывали с места на место, клали в оборону, снимали, передвигали, опять клали в оборону... Перекинули нас южнее, в район Булацеловки, около Купянска. Пролежали и там недельки две. Копали эскарпы, контрэскарпы, минировали, строили дзоты. А потом немцы перешли в наступление. Пустили танков видимо-невидимо, забросали нас бомбами. Мы совсем растерялись, дрогнули, начали пятиться. Короче говоря, нас вывели из боя, сменили гвардейцами и отправили в Купянск. Там опять дзоты, опять эскарпы и контрэскарпы, до тех пор, пока не подперли немцы. Мы недолго обороняли город — два дня только. Пришел приказ: на левый берег отходить. Взорвали железнодорожный и наплавной мосты и окопались в камышах».

Некоторое время шла перестрелка. Постепенно все успокаивалось, и бойцы привыкали к такой жизни. И вдруг — приказ...

Идут последние приготовления к отступлению. В двенадцать уходит в сторону Петропавловки последняя рота полка.

Еще пару дней противник не догадывается об уходе войск, по-прежнему бьет по дороге и северной окраине Петропавловки. Ночью полк минировал берег. Рассказчик вспоминает мирную жизнь. «Последнюю открытку от матери я получил через три дня после сообщения о падении Киева. Датирована она была еще августом. Мать писала, что немцев отогнали, канонады почти не слышно, открылся цирк и музкомедия. А в общем: “Пипи чаще, хотя я и знаю, что у тебя мало времени, — хоть три слова...”»

Их было шестеро неразлучных друзей — рассказчик, Анатолий Сергеев, Руденский, Вергун, Люся Стрижева и веселый маленький Шурка Грабовский. Вместе учились, вместе всегда за город ездили.

Чижик под Киевом погиб — в Голосееве. Об остальных рассказчик ничего толком не знал.

От размышлений его отвлекает солдат, спрашивающий, следует ли устраивать третий ряд мин.

На следующий день с наступлением темноты они начинают сворачиваться.

«Обороны на Осколе более не существует. Все, что вчера еще было живым, стреляющим, оцетинившимся пулеметами и винтовками, что на схеме обозначалось маленькими красными дужками, зигзагами и перекрещивающимися секторами, на что было потрачено тринадцать дней и ночей, вырытое, перекрытое в три или четыре наката, старательно замаскированное травой и ветками, — все это уже никому не нужно.

Через несколько дней все это превратится в заплывшее илом жилище лягушек, заполнится черной, вонючей водой, обвалится, весной покроется зеленой, свежей травкой. И только детишки, по колено в воде, будут бродить по тем местам, где стояли когда-то фланкирующего и кинжального действия пулеметы, и собирать заржавленные патроны. Все это мы оставляем без боя, без единого выстрела... Мы идем молча, точно сознавая вину свою, смотря себе под ноги, не оглядываясь, ни с кем и ни с чем не прощаясь, прямо на восток по азимуту сорок пять».

Привал делают в селе Верхняя Дуванка, от Петропавловки оно в двадцати двух километрах, значит, пройдено около тридцати. Бойцы отдыхают, едят.

Подходит адъютант. Говорит, что двух человек уже не хватает. Сидоренко и Кваста. Выясняется, что они односельчане. Все понимают, что они дезертировали. Комбат Ширяев в ярости.

На пути бойцам попадается связной штаба Игорь.

«Дела дерьмовые, — коротко говорит он, — полк накрылся...

Мы молчим.

— Майор убит... комиссар тоже...

Игорь кусает нижнюю губу. Губы у него совершенно черные от пыли, сухие, потрескавшиеся.

— Второй батальон сейчас неизвестно где... От третьего — рожки да ножки. Артиллерии нет. Одна сорокапятимиллиметровка осталась, и та с подбитым колесом... Максимов сейчас за командира полка. Тоже ранен. В левую руку... Велел вас разыскать и повернуть». В итоге в полку в настоящее время человек сто, вместе с кладовщиками и поварами. Максимов приказал полку идти на соединение с ним, до села Хуторки, если там его не будет, тогда строго на юг, на Старобельск. Немцы неподалеку от теперешнего места дислокации бойцов.

Идут проселком, срывая колосья и жуя золотые зерна. В каком-то селе бабы рассказали, что час тому назад проехали немцы, машин двадцать. А вечером мотоциклистов видимо-невидимо. И все туда, за лес.

«Положение осложняется. С повозками придется расстаться. Снимаем пулеметы, патроны раздаем бойцам на руки. Часть продуктов тоже оставляем, ничего не поделаешь».

На рассвете наталкиваемся на полуразрушенные сараи, по-видимому, здесь когда-то была птицеферма. Становится известно, что немцы идут. «Цепочка каких-то людей движется параллельно нашим сараям километрах в полтора от нас. Их немного — человек двадцать. Без пулеметов,— должно быть, разведка».

Бойцы занимают тяжелую оборону, потом начинают стрелять. В ответ летят мины. Появляются раненые и убитые с той и с другой стороны. Несколько бойцов остаются для прикрытия, остальные идут на Кантемировку.

Вскоре начинается обстрел птицефабрики. Убит Лазаренко. Оставшиеся отправляются в путь.

Командира одолевают противоречивые чувства. Все спрашивают его, почему они отступают. «Что я на это отвечу? Что война — это война, что вся она построена на неожиданности и хитрости, что у немцев сейчас больше самолетов и танков, чем у нас, что они торопятся до зимы закончить всю войну и поэтому лезут на рожон. А мы хотя и вынуждены отступать,

но отступление — еще не поражение, — отступили же мы в сорок первом году и погнали потом немцев от Москвы... Да, да, да, все это понятно, но сейчас, сейчас-то мы все-таки идем на восток, не на запад, а на восток... И я ничего не отвечаю, а машу только рукой на восток и говорю: «До свидания, бабуся, еще увидимся, ей-богу, увидимся...

И я верю в это. Сейчас это единственное, что у нас есть, — вера». Дон. «За Доном опять степи, безрадостные, тоскливые степи. Сегодня, как вчера; завтра, как сегодня. Солнце и пыль — больше ничего. Одурачивающая, разжижающая мозги жара...

Вот и Сталинград. Бойцы останавливаются в одном доме у хороших людей.

Утром идут в отдел кадров. Узнают, что инженерный отдел находится на Туркестанской улице и там берутся на учет все саперы. Едут туда, чтобы поступить в резерв. Керженцеву, Игорю и еще двум лейтенантам из резерва надлежит войти в группу особого назначения. «Работа несложная. Промышленные объекты города на всякий случай подготавливаются к взрыву... Поселяемся в новой квартире... Сводки малоутешительны. Майкоп и Краснодар оставлены. В городе много раненых... Госпитали эвакуируются... Дороги на Калач и Котельниково забиты машинами. Во всех дворах усиленно роют щели и какие-то большие, глубокие ямы, — говорят, бассейны для воды на случай пожара... Зениток в городе много».

Приказа об эвакуации еще нет, но некоторые уже уезжают. Однажды в городе объявляют воздушную тревогу. Немцы. Очень много самолетов. Начинается бомбежка, после которой в городе бушуют пожары. После этого бои идут регулярно. Основной объект защиты — тракторный завод.

Однажды бойцов перекидывают в штаб фронта, в инженерный отдел.

Пройдя через многочисленные бои, герой произведения получает ранение. После госпиталя он снова отправляется в Сталинград, вырванный у немцев. Встречает своих боевых товарищей, от чего сердце

озаряется радостью. Вечером опьяневшие бойцы вспоминают речь Гитлера, сказанную несколько месяцев назад: «Сталинград наш! В нескольких домах сидят еще русские. Ну, и пусть сидят. Это их личное дело. А наше дело сделано. Город, носящий имя Сталина, в наших руках. Величайшая русская артерия — Волга — парализована. И нет такой силы в мире, которая может нас сдвинуть с этого места. Это говорю вам я — человек, ни разу вас не обманывавший, человек, на которого провидение возложило бремя и ответственность за эту величайшую в истории человечества войну. Я знаю, вы верите мне, и вы можете быть уверены, я повторяю со всей ответственностью перед Богом и историей, — из Сталинграда мы никогда не уйдем. Никогда. Как бы ни хотели этого большевики...» Юрий смотрит на высокое и чистое небо, на Волгу. «Пей, оруженосец!.. Пей за победу! Видишь, что фашисты с городом сделали... Кирпич, и больше ничего... А мы вот живы. А город... Новый выстроим. Правда, Валега? А немцам капут. Вот идут, видишь, рюкзаки свои тащат и одеяла. О Берлине вспоминают, о фрау своих...

Где-то высоко-высоко в небе тарахтит «кукурузник» — ночной дозор. Над «Баррикадами» зажигаются «фонари». Наши «фонари», не немецкие. Некому уже у немцев зажигать их. Да и незачем. Длинной зеленой вереницей плетутся они к Волге. Молчат. А сзади сержантик — молоденький, курносый, в зубах длинная изогнутая трубка с болтающейся кисточкой. Подмигивает нам на ходу:

— Экскурсантов веду... Волгу посмотреть хотят. И весело, заразительно смеется».

Истинное лицо войны в повести

В. Некрасова «В окопах Сталинграда»

Повесть Некрасова рассказывает о героической обороне города в 1942—1943 гг. Это произведение впервые было напечатано в 1946 г. в журнале «Зна-

мя». В повести писатель говорит об истинном лице войны.

На войне всегда были не только победы, но и поражения. И об этом говорит автор. Цена победы очень велика. Один из персонажей повести — лейтенант Керженцев — это сам автор, который участвовал в боях за Сталинград. Повесть стала своего рода дневником писателя, в котором он описывал все, с чем пришлось столкнуться на фронте. В повести ничего не говорится о генералах, о руководстве страны. Писатель говорит только о солдатах и офицерах. Именно они ценой своих жизней отстояли страну. Повесть очень патриотична. Но в ней нет ни капли лжи и лицемерия. Мы видим простых людей, волею судьбы оказавшихся в эпицентре кровавых событий. Пусть они подчас испытывают страх за свою жизнь, но это не мешает им быть стойкими и мужественными.

Б. Л. Васильев

(р. 1924)

Борис Львович Васильев родился 21 мая 1924 г. в семье военнослужащего. С детства Борис отличался удивительным трудолюбием. Литература всегда привлекала его. Во время Великой Отечественной войны Борис Васильев служил в воздушно-десантных войсках. Через три года после войны, в 1948 г., Борис Львович окончил Военную академию бронетанковых войск.

После долгой службы в армии он стал инженером-испытателем транспортных машин на Урале.

Перу Б. Васильева принадлежат следующие литературные произведения: «Офицеры» (1955), «Стучите, и откроется» (1939), «Отчизна моя, Россия» (1962), «А зори здесь тихие...» (1969), «Самый последний день» (1970), «Не стреляйте в белых лебедей» (1973), «В списках не зна-

чился» (1974), «Были и небыли» (1977—80), «Летят мои кони...» (1982), «Неопалимая купина» (1986), «И был вечер, и было утро» (1987), «Капля за каплей» (1991), «Карнавал» (1991), «Дом, который построил дед» (1992).

По многим произведениям Б. Васильева были сняты фильмы. Творчество писателя привлекает к себе внимание представителей самых разных поколений.

А зори здесь тихие...

Шел май 1942 г. В самом разгаре Великая Отечественная война. 171-й разезд, на котором «уцелело двенадцать дворов, пожарный сарай да приземистый, длинный пакгауз, выстроенный в начале века из подогнанных валунов». Комендантом разезда был хмурый старшина Федот Евграфыч Васков. «...Он со своими неполными четырьмя классами полковую школу окончил и за десять лет до старшинского звания дослужился». «Незадолго перед финской женился он на санитарке их гарнизонного госпиталя. Живая бабенка попалась, все бы ей петь, да плясать, да винцо попивать. Однако мальчонку родила. Игорьком назвали — Игорь Федотыч Васков. Тут финская началась, Васков на фронт уехал, а как вернулся назад с двумя медалями, так его в первый раз и шарахнуло: пока он там в снегах загибался, жена вконец завертелась с полковым ветеринаром и отбыла в южные края. Федот Евграфыч развелся с нею немедля, мальчика через суд вытребовал и к матери в деревню отправил. А через год мальчонка его помер, и с той поры Васков улыбнулся-то всего три раза: генералу, что орден ему вручал, хирургу, осколок из плеча вытащившему, да хозяйке своей Марье Никифоровне за догадливость».

Идет война. «На западе (в сырые ночи оттуда доносило тяжкий гул артиллерии) обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне; на востоке немцы день и ночь бомбили канал и Мурманскую дорогу; на севере шла

ожесточенная борьба за морские пути; на юге продолжал упорную борьбу блокированный Ленинград.

А здесь (на 171-м разъезде) был курорт. От тишины и безделья солдаты млели, как в парной, а в двенадцати дворах оставалось еще достаточно молодух и вдовушек, умевших добывать самогон чуть ли не из комариного писка.

Три дня солдаты отсыпались и присматривались, на четвертый начинались чьи-то именины, и над разъездом уже не выветривался липкий запах местного первача. Комендант Васков «писал рапорты по команде. Когда число их достигало десятка, начальство вкатывало Васкову очередной выговор и сменяло опухший от веселья полувзвод. С неделю после этого комендант кое-как обходился своими силами, а потом все повторялось сначала настолько точно, что старшина в конце концов прилачился переписывать прежние рапорты, меняя в них лишь числа да фамилии».

Васков просил, чтобы присылали непьющих и тех, кто будет равнодушен к женскому полу. И вот однажды прислали взвод «непьющих» бойцов — это были девушки-зенитчицы. Девчонки были задиристыми, и сначала Васков не знал, как себя с ними вести. В остальном «на разъезде наступила благодать».

«Ночами зенитчицы азартно лупили из всех восьми стволов по пролетающим немецким самолетам, а днем разводили бесконечные постирушки — вокруг пожарного сарая вечно сушились какие-то их тряпочки. Подобные украшения старшина считал неуместными и кратко информировал об этом сержанта Кирьянову:

— Демаскирует.

— А есть приказ, — не задумываясь, сказала она.

— Какой приказ?

— Соответствующий. В нем сказано, что военнослужащим женского пола разрешается сушить белье на всех фронтах.

Комендант промолчал. Ну их, этих девок, к ляду! Только свяжись — хихикать будет до осени...»

Командиром первого отделения взвода была Рита Осянина. Это была строгая, серьезная девушка. Ей не было и восемнадцати, когда она вышла замуж за пограничника. Она была очень счастлива. Через год после свадьбы родился сын. Его назвали Альбертом — Аликком. На следующий год началась война. Прямо перед войной, в мае, Рита отправила ребенка к своим родителям. И поэтому, когда началась война, она стала спасать чужих детей на заставе. Ее муж, старший лейтенант Осянин, погиб на второй день войны. Рита стала сначала санитаркой, а через полгода ее послали в полковую зенитную школу. Начальство ценило Риту, поэтому ее просьба была уважена. А просила женщина о том, чтобы ее направили «на тот участок, где стояла застава, где погиб муж в яростном штыковом бою». Во взводе, которым командует Рита, убили поднощицу. И вместо нее прислали красавицу Евгению Комелькову. Всех ее близких — маму, сестру, братишку — расстреляли немцы. Женя после гибели близких перешла фронт; судьба распорядилась так, что у девушки возникла связь с семейным полковником. Когда об этом узнало начальство, полковника наказали, а девушку направили во взвод зенитчиц. Женю сразу полюбили в коллективе. А сама Рита на редкость быстро и легко с ней подружилась. Незаметно к ним присоединилась третья подруга, Галка Четвертак. Они стали неразлучны.

«Известие о переводе с передовой на объект зенитчицы встретили в штыки». Только Рита попросила послать именно ее отделение. Никто не знал, почему она приняла такое решение. Оказалось, что неподалеку — город, где живут мама и сын Риты. Девушка по ночам навещает своих родных, она относит им продукты, то, что удалось сэкономить или добыть ей самой.

Однажды Рита сообщила Васкову, что в лесу немцы. Она их видела сама. Немцев было двое, они были в маскировочных накидках, с автоматами.

Васкову начальство дает распоряжение поймать немцев.

Васков разобрался, что немцы направлялись к Кировской железной дороге.

На поиски немцев отправились сам Васков, Рита, Евгения, Лиза Бричкина, Соня Гурвич и Галя Четвертак.

Во время пути Федот Васков как-то по-особенному сроднился с девушками. Он по-прежнему боялся их шуточек, которые подчас бывали язвительными. Но он стал воспринимать их как близких и родных людей. Судьба не баловала девушек. Многим еще до войны довелось пережить много бед.

«Лиза Бричкина все девятнадцать лет прожила в ощущении завтрашнего дня. Каждое утро ее обжигало нетерпеливое предчувствие ослепительного счастья, и тотчас же выматывающий кашель матери отодвигал это свидание с праздником на завтрашний день. Не убивал, не перечеркивал — отодвигал». Отец часто говорил Лизе, что мать скоро умрет. Эти слова она слышала пять лет. Лиза ухаживала за матерью, кормила ее с ложечки, умывала и переодевала. Девушка сама готовила обед, убиралась в доме, а также выполняла другие хозяйственные дела. Отец Лизы был лесником, поэтому они жили в некоторой изоляции от других. Взрослея, девушка стала от этого страдать. Лиза даже не закончила школу, потому что была вынуждена бросить ее из-за болезни матери. Однажды в доме появился охотник, который попросил разрешения пожить у них. Отец ему разрешил. Охотник был молодым человеком. Лиза влюбилась в него. Охотник пообещал Лизе, что поможет ей устроиться в техникум. Вскоре умерла мать. Отец озверел, стал пить. Когда началась война, девушка попала на оборонные работы, потом она оказалась в зенитной части. Лизе очень понравился старшина Васков.

Соня Гурвич, маленькая хрупкая девушка, родом из Минска. «На дверях их маленького домика за Нemiгой висела медная дощечка: «Доктор медицины Соломон Аронович Гурвич». И хотя папа был простым участковым врачом, а совсем не доктором меди-

пины, дощечку не снимали, так как ее подарил дедушка и сам привинтил к дверям. Привинтил потому, что его сын стал образованным медиком и об этом теперь должен был знать весь город Минск». Отец Сони в любую погоду днем и ночью ходил на вызовы. Он не щадил себя, чтобы помочь другим. Соня выросла в дружной семье.

Девушка была трудолюбивой и целеустремленной. Она училась в университете, хорошо знала немецкий язык. У Сони была первая любовь — очкастый сосед по лекциям. Он ушел на фронт добровольцем. Сама Соня «попала в зенитчицы случайно. Фронт сидел в глухой обороне, переводчиков хватало, а зенитчиц нет».

Галя Четвертак была подкидышем, выросла в детском доме. Здесь же ей дали и фамилию — Четвертак. «Потому что меньше всех ростом вышла, в четверть меньше». Это была энергичная девушка с бурной фантазией. Она училась на третьем курсе библиотечного техникума, когда началась война. Галю не взяли на фронт, потому что «она не подходила под армейские стандарты ни ростом, ни возрастом. Но Галя не сдаваясь упорно штурмовала военкома и так беззастенчиво врала, что ошалевший от бессонницы подполковник окончательно запутался и в порядке исключения направил Галю в зенитчицы.

Осуществленная мечта всегда лишена романтики. Реальный мир оказался суровым и жестоким и требовал не героического порыва, а неукоснительного исполнения воинских уставов. Праздничная новизна улетучилась быстро, а будни были совсем не похожи на Галины представления о фронте. Галя растерялась, скисла и тайком плакала по ночам. Но тут появилась Женька, и мир снова завертелся быстро и радостно.

А не врать Галя просто не могла. Собственно, это была не ложь, а желания, выдаваемые за действительность. И появилась на свет мама — медицинский работник, в существование которой Галя почти поверила сама...»

Итак, старшина Васков и девушки идут через болота. Дорога нелегка сама по себе. А особенно тяжела она для девушек. Несмотря на то, что они стали бойцами, они не перестали быть слабыми и нежными. Старшина хорошо знает путь, он ведет девушек по тропинке посреди болотной трясины. Группа добралась до озера. Здесь Васков и девушки затаились.

На следующее утро появились немцы. Их было уже не двое, а гораздо больше. Через несколько часов немцы уже вот-вот должны были добраться до группы, состоящей из Васкова и девушек.

Васков отправил Лизу Бричкину, чтобы она доложила обо всем случившемся на разъезде. Девушка пошла выполнять приказание. Но когда девушка шла через болото, она оступилась и попала в трясину. Помочь ей было некому, Лиза утонула.

Группа не знает о гибели Лизы. Васков и девушки терпеливо ждут, что вот-вот подойдет подкрепление. Пока они решили провести обманные маневры — изобразить лесорубов. Они хотят, чтобы немцы думали, будто здесь много людей. Девушки и Васков громко кричат, старшина валит деревья.

Немцы подумали, что в лесу кто-то есть. Они не решаются идти, отступают к озеру. Группа перешла на новое место. Но на прежнем месте Васков потерял свой кисет.

Соня Гурвич решила принести его. Но она наткнулась на двоих немцев. Девушка погибла. Потом Женя и старшина сами убили этих немцев, отомстили за Гурвич. Соню похоронили.

И вот группа бойцов видит, что к ним подходят немцы. Враг уже близко. Девушки и Васков скрываются за камнями, кустами, начинают стрелять. Немцы испугались и отошли.

Галя Четвертак подавлена и напугана. Смерть Соны произвела на нее огромное впечатление. Девушка растеряна, Рита и Женя стали упрекать ее в трусости. Старшина пытается защитить Галю от нападков. Он понимает, что девушке очень тяжело. Васков решает в воспитательных целях взять Галю в развед-

ку. Однако случилось так, что Галя невольно выдала себя. Ее состояние было тому виной. Немцы убили Галю.

Старшина Васков решил увести немцев от оставшихся в живых Риты и Жени. Он ранен в руку, но, несмотря на это, ему хватило сил, чтобы уйти. Старшина добрался до острова на болоте. Здесь, в болотной трясине, он заметил одежду Лизы. Васков понял, что подкрепление не придет.

Федот Евграфыч нашел немцев. Одного убил, потом отправился на поиски Риты и Жени. Все вместе они готовы сражаться. Когда появились немцы, начался бой. Силы были неравны. Однако девушки и Васков все-таки убили нескольких фашистов.

Рита тяжело ранена. Васков оттащил ее на безопасное место. Пока его не было, убили Женю. Рита понимает, что умрет. Она попросила, чтобы старшина позаботился о ее ребенке, ведь мать Риты тяжело больна, долго не проживет, а отец пропал без вести. Старшина Васков пообещал девушке, что позаботится о ее сыне. Васков сказал Рите, что пойдет, разведает обстановку и вернется. Когда Федот Евграфыч ушел, девушка выстрелила себе в висок.

Старшина Васков остался один. Он похоронил девушек. Федот Евграфыч нашел избушку, где спрятались немцы. Они спали. Васков одного сразу убил, а остальных взял в плен. Немцы не поверили, что русский боец один, настолько бесстрашен он был. «И повязали друг друга ремнями, аккуратно повязали, а последнего Федот Евграфыч лично связал и заплакал. Слезы текли по грязному, небритому лицу, он трясся в ознобе, и смеялся сквозь эти слезы, и кричал:

— Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!.. Лично каждого убью, лично, даже если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..

А рука так ныла, так ныла, что горело все в нем и мысли путались. И потому он особо боялся созна-

ние потерять и цеплялся за него, из последних силенок цеплялся...

Тот последний путь он уже никогда не мог вспомнить. Колыхались впереди немецкие спины, болтались из стороны в сторону, потому что шатало Васкова, будто в доску пьяного. И ничего он не видел, кроме этих четырех спин, и об одном только думал: успеть выстрелить, если сознание потеряет. А оно на последней паутинке висело, и боль такая во всем теле горела, что рычал он от боли той. Рычал и плакал: обессилел, видно, вконец.

И лишь тогда он сознанию своему оборваться разрешил, когда окликнули их и когда понял он, что навстречу идут свои. Русские...»

Эпилог

Прошло много лет. Война закончилась. В том месте, где располагался 171-й разъезд, — райская природа. Здесь чудесное место, многие приезжают сюда на отдых. Здесь удивительно тихие зори, на это все обращают внимание. И мало кто помнит, что здесь воевали.

Однажды отдыхающие здесь люди увидели, что «моторкой приехал какой-то старикан, седой, коренастый, без руки, и с ним капитан-ракетчик. Капитана величают Альбертом Федотычем» (становится ясно, что старшина усыновил сына Риты).

Альберт Федотыч и Васков привезли мраморную плиту, чтобы поставить ее на могилу. Отдыхающие здесь люди поняли всю торжественность момента. Поэтому один из них написал своему другу: «Я хотел помочь им донести плиту и — не решился».

Женщина на войне

Повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...» рассказывает о судьбе нескольких девушек-зенитчиц,

которые погибли в 1942 г. Произведение не может оставить равнодушным, ведь оно рассказывает о чудовищных испытаниях, выпавших на долю юных девушек.

Разве женщине место на войне? Женщина — слабое и нежное существо — оказывается в эпицентре чудовищных событий. Но ведь именно так и было на самом деле. На фронтах Великой Отечественной сражались и представительницы прекрасного пола самых разных возрастов. Они заслужили победу ценой собственной жизни. Война отняла у них все — и настоящее, и будущее. И в этом трагедия целой страны.

Героини повести Васильева предстают удивительно реальными людьми. Мы верим в том, что они не придуманные персонажи. Они романтичны и мечтательны, нежны и веселы. И вместе с тем они суровы, серьезны, готовы отдать жизнь ради защиты своей Родины.

В 1975 г. за эту повесть Б. Васильев удостоился Государственной премии СССР. Произведение продолжает вызывать интерес читателей, ведь оно рассказывает о реальных событиях истории нашей страны.

Б. А. Ахмадулина

(р. 1937)

Белла (Изабелла) Ахатовна Ахмадулина — русская поэтесса. Начала печататься, когда училась еще в школе. Посещала литературный кружок при ЗИЛе под руководством Е. М. Винокурова. В 1960 г. окончила Литературный институт им. М. Горького. Известной стала в начале 1960-х — вместе с А. Вознесенским, Е. Евтушенко, Р. Рождественским выступала в Политехническом музее, на стадионе «Лужники», в Московском университете, где собирались огромные аудитории. Первый сборник сти-

хов — «Струна» (1962). Позднее вышли в свет «Уроки музыки» (1969), «Стихи» (1975), «Свеча», «Метель» (оба — 1977). Подборки стихов Ахмадулиной постоянно публиковались в периодических изданиях. Собственный поэтический стиль поэтессы формируется к середине 1960-х. Ахмадулина удостоена Государственной премии в 1989 г. Поэтесса известна также как переводчик грузинских поэтов (Г. Табидзе, С. Чиковани, М. Квиливадзе и др.) и как автор эссе, посвященных друзьям, писателям и художникам («Сны о Грузии», Тбилиси, 1977; полностью вошли в книгу воспоминаний и эссе «Миг бытия» (М., 1997)). Рассказ «Много собак и собака» напечатан в альманахе «Метрополь» (1979). Б. Ахмадулина снималась в кино («Живет такой парень», 1964).

Свеча

Поэту нужно «Всего-то — чтоб была свеча»,
для того чтобы вспомнить «старомодность вековую».

И поспешит твое перо
к той грамоте витиеватой,
разумной и замысловатой,
и ляжет на душу добро.

После того как атмосфера старины воссоздана, поэт о друзьях мыслить начинает «все чаще способом старинным». Ощущается и присутствие великого Пушкина. Так при свечах проходит ночь. Итогом ее стали стихи:

и нежный вкус родимой речи
так чисто губы холодит.

«Влечет меня старинный слог...»

Влечет меня старинный слог.
Есть обаянье в древней речи.
Она бывает наших слов
и современнее и резче.

Вскричать: «Полцарства за коня!» —
какая вспыльчивость и щедрость!
Но снизойдет и на меня
последнего задора тщетность.

Когда-нибудь очнусь во мгле,
навек проиграв сражение,
и вот придет на память мне
безумца древнего решение.

О, что полцарства для меня!
Дитя, наученное веком,
возьму коня, отдам коня
за полмгновенья с человеком,
любимым мною. Бог с тобой,
о конь мой, конь мой, конь ретивый.
Я безвозмездно повод твой
ослаблю — и табун родимый
нагонишь ты, нагонишь там,
в степи пустой и порыжелой.
А мне наскучил тарарам
этих побед и поражений.
Мне жаль коня! Мне жаль любви!
И на манер средневековый
ложится под ноги мои
лишь след, оставленный подковой.

Сумерки

Есть в сумерках блаженная свобода
от явных чисел века, года, дня.
Когда? — Не важно. Вот открытость входа
в глубокий парк, в далекий мельк огня.

Ни в сырости, насытившей соцветья,
ни в деревьях, исполненных любви,
нет доказательств этого столетья, —
бери себе другое — и живи.

Ошибкой зренья, заблужденье духа
возвращена в аллеи старины,

бреду по ним. И встречающая старуха,
словно признав, глядит со стороны.

Средь бела дня пустынно это место.
Но в сумерках мои глаза вольны
увидеть дом, где счастливо семейство,
где невпопад и пылко влюблены.

Где вечно ждут гостей на именины —
шуметь, краснеть и руки целовать,
где и меня к себе рукой манили,
где никогда мне гостем не бывать.

Но коль дано их голосам беспечным
стать тишиною неба и воды, —
чьи пальчики по клавишам лепечут?
Чьи кружева вступают в круг беды?

Как мне досталась милость их привета,
тот медленный, затеянный людьми,
старинный вальс, старинная примета
чужой печали и чужой любви?

Еще возможно для ума и слуха
вести игру, где действуют река,
пустое поле, дерево, старуха,
деревня в три незрячих огонька.

Души моей невнятная улыбка
блуждает там, в беспамятстве, вдали,
в той родине, чья странная ошибка
даст мне чужбину речи и земли.

Но темнотой испуганный рассудок
трезвеет, рыщет, снова хочет знать
живых вещей отчетливый рисунок,
мой век, мой час, мой стол, мою кровать.

Еще плутая в омуте росистом,
я слышу, как на диком языке
мне шлет свое проклятие транзистор,
зажатый в непреклонном кулаке.

«Стихотворения чудный театр...»

Стихотворения чудный театр,
нежся и кутайся в бархат дремотный.
Я ни при чем, это занят работой
чуждых божеств несравненный талант.

Я лишь простак, что извне приглашен
для сотворенья стороннего действия.
Я не хочу! Но меж звездами где-то
грозную палочку взял дирижер.

Стихотворения чудный театр,
нам ли решать, что сегодня сыграем?
Глух к наставленьям и недосыгаем
в музыку нашу влюбленный тиран.

Что он диктует? И есть ли навес —
нас упасти от любви его лютой?
Как помыкает безграмотной лютней
безукоризненный гений небес!

Стихотворения чудный театр,
некого спрашивать: вместо ответа —
мука, когда раздирают отверстия
труб — для рыданья и губ — для тирад.

Кончено! Лампы огня не таят.
Вольно! Прощаясь с божественным игом.
Вкратце — всей жизнью и смертью — разыгран
стихотворения чудный театр.

«Как никогда, беспечна и добра...»

Как никогда, беспечна и добра,
я вышла в снег арбатского двора,
а там такое было: там светало!
Свет расцветал сиреневым кустом,
и во дворе, недавно столь пустом,
вдруг от детей светло и тесно стало.

Ирландский сеттер, резвый, как огонь,
затылок свой вложил в мою ладонь,
щенки и дети радовались снегу,
в глаза и губы мне попал снежок,
и этот малый случай был смешон,
и все смеялось и склоняло к смеху.

Как в этот миг любила я Москву
и думала: чем дольше я живу,
тем проще разум, тем душа свежее.
Вот снег, вот дворник, вот дитя бежит —
все есть и воспеванью подлежит,
что может быть разумней и священной?

День жизни, как живое существо,
стоит и ждет участия моего,
и воздух дня мне кажется целебным.
Ах, мало той удачи, что — жила,
я совершенно счастлива была
в том переулке, что зовется Хлебным.

Таруса

Быть по сему: оставьте мне
закат вот этот за-Калужский,
и этот лютик золотушный,
и этот город захолустный
пучины склынувшей на дне.

Нам преподносит известняк,
придавший местности осанки,
стихии внятные останки,
и как бы у ее изнанки
мы все нечаянно в гостях.

В блеск перламутровых корост
тысячелетия рядились,
и жабы жадные трудились,
и обитала нелюдимость
вот здесь, где площадь и киоск.

Не потому ли на Оке
иные бытия расценки,
что все мы сведущи в рецепте:
как, коротая век в райцентре,
быть с вечностью накоротке.

Мы одиноки меж людьми.
Надменно наше захуданье.
Вы — в этом времени, мы — дале.
Мы утонули в мирозданье
давно, до Ноевой ладьи.

«Не добела раскалена...»

Не добела раскалена,
и все-таки уже белеет
ночь над Невойю.
Ум болит
тоской и негой молодой.
Когда о купол золотой
луч разобьется предрассветный
и лето входит в Летний сад,
каких наград, каких усад
иных
просить у жизни этой?

Р. И. Рождественский (1932—1994)

Роберт Иванович Рождественский — русский поэт. Его лирику отличают гражданственность, публицистическая направленность. Ему принадлежат сборники «Ровеснику» (1962), «Голос города» (1977), «Это время» (1983), «Возраст» (1988), поэмы «Реквием» (1961), «Письмо в тридцатый век» (1963), «210 шагов» (1978), популярные песни. В 1979 г. поэт был удостоен Государственной премии СССР.

Радиус действия

Поэт говорит о том, что годы летят, как мгновения, и с течением времени труднее становится писать, видится сложнее. Он вынужден был убежать из дома, чтобы вырваться «из радиуса действия обыденной любви». Он, обрадовавшись, сел в самолет и уехал от «молчаливой женщины». Но тем не менее остался в том же радиусе действия — он везде ощущает эту женщину. От этого «и весело, / и тяжело, / и сладко...». Автор утверждает, что радиусы действия есть у всего, и от них не спастись расстояниями:

Есть радиусы действия
у гнева
и у дерзости.
Есть радиусы действия
у правды
и у лжи.
Есть радиусы действия
у подлости и злобы глухие,
затаенные,
сулящие беду...
Есть
радиусы действия
единственного слова.

И он рад тому, «что есть на свете / женщина, / судьбой приговоренная / Жить в радиусе действия / сердца моего!...».

Тихо летят паутинные нити

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле...
Что-то я делал не так?
Извините:
жил я впервые
на этой Земле.
Я ее только теперь ощущаю.

К ней припадаю.
И ею клянусь.
И по-другому прожить обещаю,
если вернусь...

Но ведь я
не вернусь.

«Я шагал по земле, было зябко в душе и окрест...»

Я шагал по земле, было зябко в душе и окрест.
Я тащил на усталой спине свой
единственный крест.
Было холодно так, что во рту замерзали слова.
И тогда я решил этот крест расколоть на дрова.
И разжег я костер на снегу.
И стоял.
И смотрел,
как мой крест одинокий удивленно и тихо
горел...
А потом зашагал я опять среди черных полей.
Нет креста за спиной...

Без него мне
еще тяжелей.

«Может быть, все-таки мне повезло...»

Может быть, все-таки мне повезло,
если я видел время запутанное,
время запуганное,
время беспутное,
которое то мчалось,
то шло.
А люди шагали за ним по пятам.
Поэтому я его хаять не буду...

Все мы —
гарнир к основному блюду,
которое жарится где-то
там.

«ЭТОТ ВИТЯЗЬ БЕДНЫЙ...»

Этот витязь бедный
никого не спас.
А ведь жил он
в первый
и последний раз.
Был отцом и мужем
И —
судьбой храним —
больше всех был нужен
лишь своим родным...

От него осталась
жажда быть собой,
медленная старость,
замкнутая боль.
Неживая сила.
Влики на воде...

А еще —
могила.
(Он не знает,
где.)

А. А. Вознесенский

(р. 1933)

Андрей Андреевич Вознесенский — русский поэт, академик Российской Академии Образования (1993). В своем творчестве поэт стремится применить к современному человеку категории и образы мировой цивилизации. Его поэзию отличают экстравагантность сравнений и метафор, усложненность ритмической системы. Сборники: «Треугольная груша» (1962), «Антимиры» (1964), «Витражных дел мастер» (1976), «Аксиома самоиска» (1990). Поэмы: «Мастера» (1959), «Лонжюмо» (1963), «Оза» (1964), «Авось» (1972; рок-опера «Юнона и Авось», постановка 1981), «Ров» (1986). Мемуарная проза, публицистика; книга «Прорабы духа» (1984). Сборники: «Видеомы» (1992), «Жуткий Crisis Супер Стар». А. Вознесенский удостоен Государственной премии СССР в 1978 г.

Пожар в Архитектурном институте

Пожар в Архитектурном институте. Автор говорит, что они уже дипломники перед самой защитой. Его «выговора» горят, горят подрамники, ватманы. Горят города. «Пять лет и зим» — срок учебы — сгорают.

Прощай, архитектура!
Пылайте широко,
коровники в амурах,
райклубы в рококо!

Автор философски воспринимает то, что его диплом сгорел:

Жизнь — смена пепелищ.
Мы все перегораем.
Живешь — горишь.

Автор убежден, что все возможно начать заново,
что уже завтра «из горсточки золы» иголочка цирку-
ля вонзится в палец.

Все — кончено!
Все — начато!

Беженка

Беги, беги, беженка,
на руках с грудным!
На снежной дорожке бежевой
не столкнись с крутым.
Греби, греби, беженка,
к поезду, бегом.
Беги, беги, белая
береза за окном!
Под крики: «Бей черножопых!
Бей русских! Бей христиан!»
Кружись, полосатым крыжовником,
зеленый Таджикистан.
Бедствие! Нет убежища.
Гоним к берегам другим,
ладошкой южнобережной,
махнув, убегает Крым.
Вьюгою центробежною
рвет нас до тошноты.
Ты — ближнее зарубежье,
и дальнее — тоже ты.
Беги, беги от группешника,
сердечка уставший ком,
несись, спотыкаясь бешено,
по снегу босиком!..
Ротвеллером из лендровера
Ирод рычит: «Атас...»
Беги, беги, родина,
в ужасе от нас!..

Беги, беги, беженка,
беги, беги, бе...
Беги, беги, чудо Божие,
беги, беги, Бо...
Над лугом погибшим Бежиным,
по небу, в облаках
бежит от нас Божья беженка
с ребеночком на руках.

Чувство

Падали, хрипя до рвоты, ротные.
Чернозем остался на губе.
Эротическое чувство родины
прижимает, милая, к тебе.
И никелированная ересь,
месяцем пошедши на ущерб,
русский эрос — Эрэсэфэсэрос —
в небе молот скрещивал и серп.
Нержавейка озаряла серость
полосато вроде лунных зебр.
За границей шепчем, как молитву,
наш нецензурированный словарь.
Дворянин, судимый за Лолиту,
сквозь нее усадьбу целовал.
Что сегодня называем «пошлостью»,
это не свобода сатаны,
это вопли на соборной площади
потерявшей родину страны.
Холода черемух приворотные...
Из чужих, заморских пропастей
эротическое чувство родины
тянет всех в последнюю постель.
Поклонницы радостноглазо
дают на концерте цветы.
Ты — ваза,
чтоб эту охапку нести.
А дома я пью твою вазу,
задерживая глоток.
В тебе, запрокинувши разум,
ночной распустился цветок.

Последние семь слов Христа

Глава 1

Тусовок люблю разодетый вздор,
как полюбил христиан Диор.
Наш творческий поиск неутомим,
ибо не ведаем, что творим.
Медведь воспитывает Пустынника.
Клонируют дьяволят.
Пробирку медик нес на крестины.
Медведают, что творят.
А в сердце бой между Духом и био —
не сладишь с сердцем своим,
ибо ибонбонбонбонбонбо
не ведаем, что творим.
В нынешнем августе крестообразно
встанут планеты в ряд.
Простишь, когда сами рабы соблазна
Апокалипсис сотворят?
Идет простывшая Магдалина,
нимфетка, сквозь снегопад.
Нет окаянного кокаина!
Не ведают, что творят.
Постыдные толпы вопят до хрипа,
но снова не Тот распят.
Боже, прости им, ибо
не ведают, что творят.

Жуткий крайзис супер стар

Глава 3

Идет эмиссия мыслей. Поющая мисс Эмиссия
снимает комиссионные с эмиссии пописы.
Шуршит под ногой опущенная
эмиссия компромиссов.
В козлах, что хрустят капустой, —
эмиссия пустоты.

Свобода по фене ботает. Мы можем ей
поделиться.
Эмиссионер свободы красиво шмальнет с винта.
Любая модель бездарна
без дали идеализма.
Мы — новые безработные.
Внутри у нас пустота.
Эмиссия демонстраций.
Филиппики горемычные.
Особняки кирпичные краснеют из-за оград.
Российская журналистика
сильней Настасьи Филипповны,
не пачки купюры липовой —
журналы ее горят!
Станки печатные заняты.
Им не до литературы:
пустые стихи и романы
абсорбируют пустоту.
Стоят золотые заморозки.
Слетают с осин алтушки.
Запойному графоману,
мне пишется в пору ту.
Мой край, где Нуреев лунный
металл перед нами бисер,
где пулю себе заказывал георгиевский соловей,
неужто ты не мессия,
как Андрей Белый мыслил,
неужто, Россия, стала
эмиссией нулей?!

Е. А. Евтушенко

(р. 1933)

Евгений Александрович Евтушенко — русский поэт. В его лирике остро поставлены сложные вопросы нравственности и истории, проблемы гражданственности, морали, международной политики. Ему принадлежат сборники

«Шоссе Энтузиастов» (1956), «Интимная лирика» (1973), «Граждане, послушайте меня» (1989); поэмы. Евтушенко написаны романы «Ягодные места» (1981), «Не умирай прежде смерти» (1994). Он занимался переводами. Работал в кино (авторские фильмы: «Детский сад», 1984, «Похороны Сталина», 1990). В 1984 г. Е. Евтушенко был удостоен Государственной премии СССР.

«Людей неинтересных в мире нет...»

В стихотворении речь идет о том, что судьба каждого человека интересна, «как история планет», что каждая судьба особенная. Даже незаметный человек интересен — своей незаметностью. У каждой личности свой неведомый, тайный мир. Со смертью человека умирает именно его мир — его первый снег, первый поцелуй, первый бой... Многое остается после людей — «книжки и мосты», «машины и художников холсты», но все-таки что-то уходит.

Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?

Мы ничего не знаем о своих близких, хотя, казалось бы, знаем многое. Люди уходят, и тайные миры уже невозможно возродить.

Уходят люди... Их не возратить.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать...

«Идут белые снега...»

Идут белые снега,
как по нитке скользя...

Жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя.

Чьи-то души, бесследно
растворяясь вдали,
словно белые снега,
идут в небо с земли.

Идут белые снега...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.

Я не верую в чудо.
Я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда.

И я думаю, грешный,—
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?

А любил я Россию
всею кровью, хребтом —
ее реки в разливе
и когда подо льдом.

Дух ее пятистенков,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно —
для России я жил.

И надеждою маюсь —
полный тайных тревог, —
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда, навсегда...

Идут белые снега,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снега большие,
аж до боли светлы,
и мои и чужие
заметая следы...

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я...

«Я на сырой земле лежу...»

Г. Мазурину

Я на сырой земле лежу
в обнимочку с лопатою.
Во рту травинку я держу,
травинку кислую.
Такой проклятый грунт копать —
лопата поломается,
и очень хочется мне спать.
А спать не полагается.

«Что,
не стоит на ногах?
Взгляните на голубчика!» —
хохочет девка в сапогах
и в маечке голубенькой.
Заводит песню, на беду,
певучую-певучую:
«Когда я милого найду,
уж я его помучаю».

Смеются все:
«Ну и змея!
Ну, Анька,
и сморозила!»
И знаю разве только я
да звезды и смородина,
как, в лес ночной со мной входя,
в смородинники пряные,
траву
руками
разводя,
идет она, что пьяная.
Как, неумела и слаба,
роняя руки смуглые,
мне говорит она слова
красивые и смутные.

«Со мною вот что происходит...»

Б. Ахмадулиной

Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в праздной суете
разнообразные не те.
И он
не с теми ходит где-то
и тоже понимает это,
и наш раздор необъясним,
и оба мучаемся с ним.
Со мною вот что происходит:
совсем не так ко мне приходит,
мне руки на плечи кладет
и у другой меня крадет.
А той —
скажите, бога ради,
кому на плечи руки класть?
Та,
у которой я украден,
в отместку тоже станет красть.
Не сразу этим же ответит,
а будет жить с собой в борьбе

и неосознанно наметит
кого-то дальнего себе.
О, сколько
нервных
и недужных,
ненужных связей,
дружб ненужных!
Во мне уже осатаненности!
О, кто-нибудь,
приди,
нарушь
чужих людей соединенность
и разобщенность
близких душ!

Долгие крики

Ю. Казакову

Дремлет избушка на том берегу.
Лошадь белеет на темном лугу.
Криком кричу и стреляю, стреляю,
а разбудить никого не могу.

Хоть бы им выстрелы ветер донес,
хоть бы услышал какой-нибудь пес!
Спят как убитые... «Долгие крики» —
так называется перевоз.

Голос мой в залах гремел, как набат,
площади тряс его мощный раскат,
а дотянуться до этой избушки
и пробудить ее — он слабоват.

И для крестьян, что, устало дыша,
спят, словно папуги, спят не спеша,
так же неслышен мой голос, как будто
шелесты сосен и шум камыша.

Что ж ты, оратор, что ж ты, пророк?
Ты растерялся, промок и продрог.
Кончились пули. Сорван твой голос.
Дождь заливает твой костерок.

Но не тужи, что обидно до слез.
Можно о стольком подумать всерьез.
Времени много... «Долгие крики» —
так называется перевоз.

«Как-то стыдно изящной словесности...»

Как-то стыдно изящной словесности,
отрешенности на челе.
Как-то стыдно натужной небесности,
если люди живут на земле.

Как-то хочется слова неспраздного,
чтоб давалось оно нелегко.
Все к Некрасову тянет, к Некрасову,
ну, а он — глубоко-глубоко...

Как-то стыдно сплошной заслезненности,
сострадательства с нимбом борца.
Как-то стыдно одной заземленности,
если все-таки есть небеса.

Как-то хочется слова нескушного,
чтоб лилось оно звонко, легко,
и все к Пушкину тянет, все к Пушкину,
ну, а он — высоко-высоко...

Новые темы, идеи и образы в поэзии периода «оттепели»

«Поэтический бум» в 1960-х гг. был следствием «оттепели». «Оттепель» повлекла за собой невиданный всплеск в поэзии — «замороженное» до этого слово выплеснулось прежде всего в лирике. Слово расковалось, перелилось в мысль, в образ. В эти годы в советскую литературу вошли поэты, которые принесли с собой немало нового и развили старые традиции. Белла Ахмадулина, Роберт Рождествен-

ский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский — все они относятся к шестидесятникам, которые до сих пор гордятся тем, что необыкновенно расширили состав поэтической аудитории. Это потребовало создания особого поэтического языка — языка, доступного для начинающего.

Шестидесятники выступили в качестве популяризаторов, умело примерившихся к возможностям своего слушателя и читателя, к требованиям аудитории, преимущественно молодежной.

Многообразна тематика их творчества, а поэзия глубоко лирична, интимна.

Одна из главных идей их поэзии — гражданственность, главные раздумья — о совести и долге. Так, творчество Евгения Евтушенко — размышления о своем поколении, о доброте и злоте, о приспособленчестве, трусости, карьеризме и подлости.

Мы знали голода и холода,
Нас корчил тиф, душила нас разруха.
Но верю — ставить вещь превыше духа
Нам не позволит совесть никогда...

Гражданственность и публицистическая направленность отличают и творчество Роберта Рождественского. Но это не значит, что в его стихах не нашлось места любовному чувству, философским размышлениям о добре и зле, о смысле жизни — в стихотворении «Радиус действия», например, поэт идет от частного к общему. Его лирический герой пытается спрятаться от собственных чувств, но от них невозможно дистанцироваться в буквальном смысле. Так же и «у правды и у лжи», «у подлости и злобы» есть радиусы действия.

Тематика стихотворений шестидесятников разнообразна, как и собственно поэтическая речь. Впервые в советской поэзии Белла Ахмадулина заговорила высоким поэтическим слогом. Возвышенная лексика, метафоричность, изысканная стилизация «старинного» слога, музыкальность и интонационная

свобода стиха делают ее поэзию легко узнаваемой, отличной от стихотворений других авторов.

В своих стихах Ахмадулина стремится воспеть, «воздать благодаренье» «любой малости»; ее лирика переполнена признаниями в любви — прохожему, читателю, но прежде всего друзьям, которых она готова простить, спасти, защитить. «Дружество» — основополагающая ценность ее бытия.

Душевные страдания Ахмадулина не воспроизводит, а лишь указывает на них. Трагизм бытия излагается ею в иносказательной форме. Самое же большое место в поэзии Ахмадулиной занимают стихи о поэзии, самом процессе творчества.

Лирику другого шестидесятника — Андрея Вознесенского — отличает то, что в ней искрится и брызжет звуковая энергия стиха. Звуки льются легко, непринужденно. Это постоянный молодой прорыв к смыслу, сути. Язык его поэзии — язык современного человека. В современной речи поэт ищет отборное зерно.

В стихах Вознесенского нет пейзажей, идиллий, сельских видов, нет зеркального изображения природы — он посмеивается над «диапозитивностью», — а есть ее обобщенный, нередко гротесковосимволический образ.

Природа его лиризма своеобразна. Поэт то растворяет лирическое чувство в чувстве «истории самой», то перевоплощает его в грусть, радость, иронию, гнев... Он прибегает к гиперболе, гротеску, игровому моменту.

Перед поэтом, как и перед его читателями, вставшими к главным пультам времени и судьбы мира, возникает множество неотложных проблем. Эти проблемы надо решать, на вопросы необходимо отвечать.

От имени многих своих современников Вознесенский говорит: «что-то в нас вызревает», вызревает трудно, но неодолимо. Что-то вызревало и в нем самом. Так забрезжил «зарев новых словес, зарев зрелых предчувствий».

Н. М. Рубцов

(1936—1971)

Николай Михайлович Рубцов — русский поэт. Родился в поселке Емецк Архангельской области. Был матросом, рабочим. В 1969 г. окончил Литературный институт им. М. Горького. Начал печататься с 1957 г. Его проникновенная поэзия природы, сельской жизни проста по своей стилистике и тематике. Творчество Н. Рубцова связано преимущественно с родной Вологодчиной. Лирика Рубцова отличается творческой подлинностью, внутренней масштабностью, тонко разработанной образной структурой. Поэтом были написаны сборники стихотворений «Лирика» (1965), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970), «Стихотворения. 1953—1971».

Звезда полей

Автор изображает «звезду полей», которая «смотрит в полынью». Двенадцать часов ночи, все вокруг спит.

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

«Звезда полей» дарит свой неугасимый свет для всех «тревожных жителей земли», касается всех своим «приветливым» лучом.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,

И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Русский огонек

Лирический герой находится один «в бескрайнем мертвом поле». Вокруг его оцепеневшие снега, темное небо без звезд. Неожиданно он увидел «тихий свет» и пошел на него.

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас и теплая одежда...
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Автор видит на стене один из «желтых снимков», которых так много на Руси.

И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:
Огнем, враждой
Земля полным-полна, —
И близких всех душа не позабудет!..
— Скажи, родимый,
Будет ли война? —
И я сказал: — Наверное, не будет.
— Дай Бог, дай Бог..
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет...
И вдруг опять:
— Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет.
— Дай Бог, дай Бог...

Хозяйка долго смотрела на гостя, не поднимая седой головы, «как глухонемая». Она тихо дремала у огня.

Но я глухим брэнчанием монет
Прервал ее старинные виденья...
— Господь с тобой! Мы денег не берем!
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Автор благодарит «скромный русский огонек», который горит для тех, кто «от всех друзей отчаянно далек». Он благодарен огоньку

За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

В горнице

Картина горницы, освещенной светом ночной звезды. Лирический герой говорит о матушке, которая приносит ведро воды. Сам же он ничего не хочет сегодня делать.

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Хлопоты будут таковы: нужно будет поливать цветы, думать о своей судьбе, до «ночной звезды» мастерить лодку.

Во время грозы

Автор рисует начало грозы:

Внезапно небо прорвалось
С холодным пламенем и громом!
И ветер начал вкривь и вкось
Качать сады за нашим домом.

Завеса дождя заволокла лес, на землю слетают молнии. Горой шла туча, металось стадо, кричал пастух, молчала только церковь «набожно и свято».

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскалывалась высь,
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, беспредельный.

**«Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...»**

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Лирический герой вспоминает былые дни — игру гармониста, как плясал до изнеможения сам председатель, как он требовал выпить «за доблесть, за труд и за честность», как носил на руках, «как знамя», лучшую жницу. Лирический герой в «майском костюме» мчался на звуки первомайского веселья.

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!

Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

Пропал белоколонный «храм старины», пропали
приметы прошлых счастливых лет. Лирический ге-
рой говорит, что ему не жаль «растоптанной царской
короны», а жаль именно «разрушенных белых церк-
вей».

Но он счастлив тем, что родился в лутах, «словно
ангел, под куполом синих небес». Лирический герой
опасается одного:

Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Он призывает прошлое не уходить безвозвратно:

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Лирический герой «будет скакать» между полей,
и никто не услышит «глухое скаканье».

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

Осенняя песня

Потонула во тьме
Отдаленная пристань.
По канаве помчался —

Эх - осенний поток!
По дороге неслись
Сумасшедшие листья,
И всю ночь раздавался
Милицейский свисток.

Я в ту ночь позабыл
Все хорошие вести,
Все призывы и звоны
Из Кремлевских ворот,
Я в ту ночь полюбил
Все тюремные песни,
Все запретные мысли,
Весь гонимый народ.

Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек.

А последние листья
Вдоль по улице гулкой
Все неслись и неслись,
Выбиваясь из сил.
На меня надвигалась
Темнота закоулков,
И архангельский дождик
На меня моросил...

Лирика Н. Рубцова

Всего шесть лет продолжалось творчество этого поэта, но его талант был замечен и оценен по достоинству. Рубцов — певец русского севера, с его скромной природой, унылыми болотами и темными лесами. Поэт с такой любовью создает образы родного края, что невольно заставляет и читателя восхищаться его родиной. Поэтические темы Рубцова воз-

никают из переживания природного мира, который ощущается как тайна. От этого поэзия для него становится сродни шаманству. Для Рубцова важно остановить мгновение, запечатлеть его.

В. Кожин писал: «...существо поэзии Николая Рубцова — в воплощении слияния человека и мира», которое доступно ему благодаря причастности «тысячелетнему народному ощущению». Так, например, образ ночной звезды, создаваемый в стихотворении «Звезда полей», воплощает необходимую душе гармонию.

Николай Рубцов словно ощущает себя наследником многовековой русской истории. Критики считают, что творчество этого поэта соединило в себе традиции русской поэзии XIX—XX вв. — Ф. Тютчева, А. Фета, А. Блока, С. Есенина.

Глубина России для Рубцова — это русская деревня. В стихотворении «Видения на холме» Рубцов пишет:

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!..

А. Т. Твардовский

(1910—1971)

Александр Трифонович Твардовский — русский поэт, главный редактор журнала «Новый мир» (1950—1954, 1958—1970). Его поэма «Василий Теркин», написанная во время Великой Отечественной войны (1941—1945), воплотила русский характер и передала общенародные переживания. В поэме «За далью — даль» (1953—1960; Ленинская премия, 1961) и лирике (книга «Из лирики этих лет. 1959—1967», 1967) автор размышляет о долге поэта, о движении времени, о смысле бытия, о жизни и смерти. «За далью — даль» начинается как путевой дневник поэта, затем перерастает в исповедь сына века, которого «две дали... влекут к себе одновременно» — сложнейший, полный трагизма период, пережитый советским народом, и будущее, богатое новыми замыслами и свершениями. В поэме «Теркин на том свете» (1963) автор создает сатирический образ бюрократического омертвления бытия. В итоговой поэме-исповеди «По праву памяти» (опубликована в 1987) — правда о времени сталинизма, о трагическом противоречии духовного мира человека этой эпохи. Кроме того, Твардовским написаны поэмы «Страна Муравия» (1936), «Дом у дороги» (1946); проза, критические статьи. Неоднократно А. Твардовский был удостоен Государственной премии СССР (1941, 1946, 1947, 1971).

«Пускай до последнего часа расплаты...»

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества — недалекого дня —
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю.
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

«...И цветут — и это страшно...»

...И цветут — и это страшно —
На пожарищах цветы.

Белым-белым, розоватым
Цветом землю облегли,
Словно выложили ватой
Раны черные земли.

Журавель. Труба без хаты.
Мертвый ельник невели.

Где елушка, где макушка
Устояла от огня.
Пни, стволы торчат в окружку,
Как неровная стерня.

Ближе — серая церквушка
За оградой из плетня.

Кирпичи, столбы, солома,
Уцелевший угол дома,
Посреди села — дыра, —
Бомба памяти дала...

«Ветром, что ли, подунуло...»

Ветром, что ли, подунуло
С тех печальных полей, —
Что там с ней, как подумаю,
Стороною моей?

С тою русской сторонкою,
Захолустной, лесной,
Незавидной, негромкою, —
А навеки родной.

Неужели там по небу
Тучки помнят свой шлях?
Неужели там что-нибудь
Зеленеет в полях?

На гнездовья те самые
За Днестром, за Десной
Снова птицы из-за моря
Прилетели весной?

И под небом ограбленной,
Оскорбленной земли
Уцелевшие яблони —
Срок пришел — расцвели?

Люди, счетом уменьшены,
Молча дышат, живут?
И мужей своих женщины
Неужели не ждут?

И что было — оплакано,
Смыло начисто след?
И как будто, что так оно,
И похоже... А — нет!..

Две строчки

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела,
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —

Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забытый, маленький, лежу.

«Спасибо, моя родная...»

Спасибо, моя родная
Земля, мой отчий дом,
За все, что от жизни знаю,
Что в сердце ношу своем.

За время, за век огромный,
Что выпал и мне с тобой,
За все, что люблю и помню,
За радость мою и боль.

За горечь мою и муку,
Что не миновал в пути.
За добрую науку,
С которой вперед идти.

За то, что бесценно, верно
Тебе служить хочу,
И труд мне любой безмерный
Еще как раз по плечу.

И дерзкий порыв по нраву,
И сил не занимать,
И свято на подвиг право
Во имя твое, во славу
И счастье, отчизна-мать.

Моим критикам

Все учить вы меня норовите,
Преподавать немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

«Я полон веры несомненной...»

Я полон веры несомненной,
Что жизнь — как быстро ни бежит,
Она не так уже мгновенна
И мне вполне принадлежит.

Со всем ее живым и сущим
Отрадным светом и теплом,
С ее прошедшим и грядущим
Добром и горьким недобром.

Она дала мне дней задаток, —
Ну что же, в дело обратим,
И как тот малый срок ни краток —
Он от нее неотделим:
Он ей самой необходим.

О сущем

Мне славы тлен — без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стезжки
В бору пахучей конопки;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;
От моря, моющего с пеной
Каменья теплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век — особый из веков;
И от беды и от победы —
Любой людской — нужна мне часть,
Чтоб видеть все и все изведать,

Всеми не издали учась...
И не тако еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге — твердое сознание,
Что честно я тянул мой воз.

«Вся суть в одном-единственном завете...»

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых, — знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

«Я знаю, никакой моей вины...»

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

«Я сам дознаюсь, доищусь...»

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть, —
Не по готовым нотам.

Мне проку нет — я сам большой —
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

По праву памяти

Смыкая возраста уроки,
Сама собой приходит мысль —
Ко всем, с кем было по дороге,
Живым и павшим отнестись.<...>
Перед лицом ушедших былей
Не вправе ты кривить душой,—
Ведь эти были оплатили
Мы платой самую большой...<...>

1. Перед отлетом

Автор вспоминает события далекой юности: вместе с товарищем они «то вслух читая чьи-то строки, / То вдруг теряя связь речей», лелеяли мысль «дорваться вдруг / До всех наук». Им казалось, что все преграды преодолимы, а главное в жизни — «не лгать. / Не трусить, верным быть народу. / Любить родную землю-мать». Друзья представляли, как позже вернутся на родину московскими гостями, как будут гордиться ими родители, какой эффект они произведут на танцах у девушек. Но они и не могли предположить, как их судьба перевернется, насколько все изменится. Сейчас автору кажется, что «жизнь тому назад» посещали их юношеские мечтания, — слишком много страшного пришлось им пережить за эти годы.

2. Сын за отца не отвечает

«Сын за отца не отвечает» — эти пять слов «обро- нил в кремлевском зале / Тот, кто для всех нас был

одним / Судеб вершителем земным», — Сталин. Горький сарказм звучит в словах автора:

Конец твоим лихим невзгодам,
Держись бодрей, не прячь лица.

Автор пытается объяснить молодому поколению, которое уже с трудом может представить, чем эти слова вождя были для людей, «виноватых без вины». Для людей поколения автора графа о происхождении в анкете имела «зловещий» смысл. Те, у кого анкета была «попорчена», кому «не повезло с графой», в сталинское время подставляли чело «для несмываемой отметки» — «сын врага народа». Это было нужно для того, чтобы «быть под рукой всегда — на случай / Нехватки классовых врагов». От таких людей отворачивались самые близкие друзья, они боялись встать на защиту ни в чем не виноватых перед режимом людей. Единственная вина «сынов врагов народа» заключалась в том, что они были детьми своих отцов. После знаменательного заявления Сталина можно было «благодарить / отца народов, / Что он простил тебе отца / Родного».

Да, он умел без оговорок,
Внезапно — как уж припечет —
Любой своих просчетов ворох
Перенести на чей-то счет;
На чье-то вражье искаженье
Того, кто возвещал завет,
На чье-то головокруженье
От им предсказанных побед.

Сталин не задумался вовремя о том, что любой из таких неожиданно «реабилитированных» сынов мог бы ответить за несправедливо осужденного отца, который всегда честно работал, приходя домой обедать, клал на стол свои рабочие руки. На его руках «отдельных не было мозолей — / Сплошная. / Подлинно — кулак!». Автора обвиняют в сердобольности, в попытке смотреть на вещи «с кулацкой колоколь-

ни» и лить воду «на мельницу врага». Но автор говорит, что ему надоело «слышать эхо древних лет: / Ни мельниц тех, ни колоколен / Давным-давно на свете нет». Сам же «голоштаный помощник» советской власти — крестьянин — не упрекал ни в чем новую власть, а только благодарил за долгожданную «земельку», считая, что «суть не в малом перегибе, / Когда — Великий Перелом». Каждый из репрессированных свято верил в то, что решение несправедливого суда будет немедленно отменено тогда, когда Сталин лично «в Кремле письмо его прочтет». Выселенные со своих родных мест крестьяне переходили в класс рабочих — теперь этот путь был открыт для них, так как «сын за отца не отвечал». Но совсем скоро все пошло по-прежнему, так как кому-то казалось, что стране не хватает «клейменных сыновей». И только «война предоставляла право на смерть и даже долю славы / В рядах бойцов земли родной». На войне было страшно пропасть без вести или попасть в плен. В этом случае приходилось «из плена в плен — под гром победы / С клеймом проследовать двойным». Советские люди в лице Сталина обрели нового бога, который провозгласил собственные заповеди: «отринь отца и мать отринь», «в ущерб любви к отцу народов / Любая прочая любовь», «предай в пути родного брата / И друга лучшего тайком», «лжесвидетельствуй во имя / И зверствуй именем вождя», «рукоплещи всем приговорам, / Каких постигнуть не дано». Особенно это касалось переселенных народов — крымских татар и др. Автор говорит о том, что раз отец должен отвечать головой за сына, самому Сталину следовало бы ответить за своих сына и дочь.

Там, у немой стены кремлевской,
По счастью, знать не знает он,
Какой лихой бедой отцовской
Покрыт его загробный сон...
Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,

И длится суд десятилетий,
И не видать ему конца.

3. О памяти

Автор говорит о том, что ни в коем случае нельзя забывать «крестный путь» тех, кто стал «лагерною пылью», несмотря на то что об этом постоянно «ласково» просят забыть, «чтоб ненароком той оглаской / Непосвященных не смущать». Но к числу «непосвященных» автор себя не причисляет, да и вообще он считает, что в стране нет «непосвященных». Каждый так или иначе столкнулся с репрессиями. Если это не коснулось кого-то лично, они слышали «мимоездом, мимоходом, / Не сам, / Так через тех, кто сам». Поэт считает, что именно с него впоследствии «вызывается», что он обязан рассказать «пытливей дочке-комсомолке», «зачем и чья опека / К статье закрытой отнесла / Неназываемого века / Недоброй памяти дела». Новое поколение обязано знать правду о прошлом, так как «кто прячет прошлое ревниво, / Тот вряд ли с будущим в ладу».

Автор объясняет невероятную популярность Сталина в народе тем, что «мы всегда не одному / Тому отцу рукоплескали. / Всегда казалось, рядом был, свою земную сдавший смену, / Тот, кто оваций не любил», т. е. Ленин. Ведь неслучайно ходила в народе присказка: «Вот если б Ленин встал из гроба, / На все, что стало, поглядел». Подобные суждения сродни детскому лепету людей безответственных, считает автор.

Каждый из людей виноват в том, что творилось в стране. А если уж так хочется вернуть «былую благодать», автор советует вызвать дух Сталина: «Он богом был, — / Он может встать». А «вечная жизнь» Сталина продолжается в Мао Цзе Дуне — его китайском преемнике.

Автор не жалеет о том, что жизнь его сложилась не так, как представлялось в молодые годы.

Зато и впредь как были — будем, —
Какая вдруг ни грянь гроза —
Людьми
из тех людей,
что людям,
Не пряча глаз,
глядят в глаза.

 *Попытка осмысления трагических
событий в поэме А. Твардовского
«По праву памяти»*

Поэма Твардовского «По праву памяти» — попытка осмысления трагических событий истории родины, связанных с культом личности Сталина и репрессиями 1930-х г. В декабре 1963 г. Твардовский писал: «...кажется, впервые за долгий срок, почувствовал приближение поэтической темы, того, что не высказано и что во мне, а значит, и не только мне, нужно обязательно высказать. Это живая, необходимая мысль моей жизни (и куда как не только моей!):

Сын за отца не отвечает, —
Сказал он, высший судия...»

Автор обнажает иной смысл сталинского изречения. Оно давало возможность просто презреть ближайшие родственные связи и вытекающие отсюда нравственные обязанности. В монологе автора поэмы точно схвачен процесс размывания связей между близкими людьми, между словом и делом, между провозглашенным с трибуны и реальным положением дел, в частности, когда после вышеуказанной декларации «звание сын врага народа... вошло в права». Твардовский зорко ухватил смешение понятий, моральную и умственную смуту, царившие с подачи вождя в обществе.

Поэма писалась в годину горькую, добиралась до читателя долго. Но, добравшись, оказалась как нель-

зя ко времени, добавила штрих к общей картине «правды сущей». Твардовского заботит вопрос исторической памяти, ведь, как он писал в поэме, «кто прячет прошлое ревниво, / Тот вряд ли с будущим в ладу». Именно тема памяти стала главной в поэме. Поэт не просто обнажил свою зрелую память, но и решительно выступил против беспамятства второй половины 1960-х гг.: в брежневские времена стало много делаться для того, чтобы забыли о сталинских преступлениях, чтобы были уничтожены знания о них.

Д. С. Самойлов

(1920—1990)

Давид Самойлович Самойлов (настоящая фамилия — Кауфман) родился в семье военного врача Самуила Абрамовича Кауфмана. Поэт взял псевдоним в память об отце.

Поступив в 1938 г. в ИФЛИ, Самойлов сблизился с М. Кульчицким, Б. Слуцким, С. Наровчатовым и другими участниками неофициального литературного объединения. Первая поэтическая публикация — стихотворение «Охота на мамонта» — состоялась в 1939 г. Поэт посвятил свое творчество военным событиям.

Будучи признан негодным к строевой службе, Самойлов в 1941 г. мобилизовался на рытье окопов. В 1942 г. поэт, окончив военное училище, попадает на передовую. Первый бой, участником которого стал Давид Самойлов, нашел свое отражение в балладе «Семен Андреич». Освобождение Польши, в котором принимал участие поэт, описано в произведении «Польских смут невольный современник. Давид Самойлович закончил войну в Берлине.

Творчество Самойлова довольно обширно. Самойлову принадлежат поэтические сборники: «Ближние страны» (1958), «Второй перевал» (1963), «Дни» (1970), «Вол-

на и камень» (1974), «Весть» (1978), «Залив» (1981), «Голоса за холмами» (1985), «Горсть» (1989). Кроме того, Самойлов занимался литературными переводами и пробовал перо в качестве комедиографа. На счету поэта есть и теоретические труды, в частности «Книга о русской рифме».

Давид Самойлов умер 23 февраля 1990 г. в эстонском городе Пярну.

Из детства

Я — маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Сбирается вещий Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке души,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над бренностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

«Сплошные прощанья! С друзьями...»

Сплошные прощанья! С друзьями,
Которые вдруг умирают.
Сплошные прощанья! С мечтами,
Которые вдруг увядают.

С деревней, где окна забиты,
С долиной, где все опустело.
И с пестрой листвою ракиты,
Которая вдруг облетела.

С поэтом, что стал пустословом.
И с птицей, что не возвратится.

Навеки — прощание с кровом,
Под коим прищлось приютиться.

Прощанье со старой луною,
Прощанье с осенними днями.
Прощание века со мною.
Прощание времени с нами.

«Стихи читаю Соколова...»

Стихи читаю Соколова —
Не часто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо —
И от родства, и от печали,
Бог знает от чего еще!..

«Поэзия должна быть странной...»

Поэзия должна быть странной,
Шальной, бессмысленной, туманной
И вместе ясной, как стекло,
И всем понятной, как тепло.

Как ключевая влага, чистой
И, словно дерево, ветвистой,
На все похожей, всем сродни.
И краткой, словно наши дни.

Сороковые

По прошествии почти двух десятилетий автор оглядывается на «роковые» фронтовые годы — время своей молодости:

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Автор рисует картины тыловой суеты:

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

Автор видит и себя:

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки...

Автор вглядывается в себя, молодого, но уже умудренного суровыми военными реалиями, «все на свете понимающего».

...И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось...

Автор говорит о том, что в тот момент он еще не осознавал всего значения происходящего.

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Поэт осмыслял проблемы бытия, поиска духовных ориентиров и нравственного выбора, свободы и тирании в историческом контексте. Самойлов размышлял о вопросах эстетики поэтического творчества.

Самойлов никогда не переставал обращаться к военной теме. Она для него стала итогом раздумий о судьбе поколения, молодость которого пришлось на время военного лихолетья.

Для поэта прошедшие годы отнюдь не помеха для осмысления войны. Напротив, временная дистанция вполне закономерна. «И это все в меня запало / И лишь потом во мне очнулось...». «Очнулось» в новом, переосмысленном значении. То, что в 1940-х гг. воспринималось автором и другими людьми почти обыденно, по прошествии времени приобретало все большую важность. Ведь это были «свинцовые», «по-роховые» годы, когда люди жили и умирали во имя высокой цели — освобождения родной страны от захватчика.

Названья зим

Лирический герой отождествляет свои любовные увлечения с жизненными периодами:

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,
И холод, и голубизна.

Как разные женщины встречались на жизненном пути лирического героя, так и разные зимы приходилось ему переживать.

Еленою звалась зима,
И Марфой, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, как шерсть и мех,
Как теплый пух зимы туманной...
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

Лиризм стихотворения

Лирическая направленность мало свойственна творчеству поэта. Он писал во времена, когда произведения, не вписывавшиеся в каноны социалистического реализма, почти невозможно было опубликовать. Лирический герой — ветреный малый, влюблявшийся в женщин и присваивавший их черты долгим зимам. С другой стороны, автор органично переплетает описание времени года с описанием возлюбленных, своих чувств к ним.

Ю. В. Друнина (1924—1991)

Юлия Владимировна Друнина родилась 10 мая 1924 г. в Москве в семье учителя. С раннего детства будущая поэтесса увлекалась литературой. Стихи начала писать в 11 лет.

В начале Великой Отечественной войны Друнина, будучи юной девушкой, записалась добровольцем в санитарную дружину. Вскоре она становится санитаркой пехотного полка. Друнина дважды была ранена, в 1944 г. после контузии оказалась признанной негодной к строевой службе. Юлия Владимировна начинает учебу в Литературном институте. Первая публикация состоялась в 1945 г. в журнале «Знамя». Вся лирика поэтессы посвящена военной тематике и женщинам, разделявшим фронтовую судьбу. В 1955 г. выходит в свет сборник Друниной «Разговор

с сердцем», в 1958 г. — «Ветер с фронта», в 1960 г. — «Современники», в 1963 г. — «Тревога», в 1970-х гг. — сборники: «В двух измерениях», «Я родом из детства», «Окопная звезда», «Не бывает любви несчастливой», в 1980 г. — «Бабье лето», в 1983 г. — «Солнце — на лето». В 1979 г. поэтесса выпускает автобиографическую повесть «С тех вершин».

21 сентября 1991 г. Юлия Владимировна Друнина трагически ушла из жизни, покончив с собой.

«Я только раз видала рукопашный...»

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву и сотни раз во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

«Целовались...»

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Ты — рядом

Ты — рядом, и все прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.

Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.

Ты — рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете!

«МЫ ЛЮБОВЬ СВОЮ...»

Мы любовь свою
Схоронили,
Крест поставили
На могиле.
— Слава богу! —
Сказали оба...
Только встала любовь
Из гроба,
Укоризненно нам кивая:
— Что ж вы сделали?
Я — живая!..

«Не встречайтесь...»

Не встречайтесь
С первою любовью,
Пусть она останется такой —
Острым счастьем,
Или острой болью,
Или песней,
Смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому,
Не стоит —
Все иным

Покажется сейчас...
Пусть хотя бы
Самое святое
Неизменным
Остается в нас.

«Заслуженный отдых»

Ветераны в подземных
Дрожат переходах.
Рядом — старый костыль
И стыдливая кепка.
Им страна подарила
«Заслуженный отдых»,
А себя пригвоздила
К бесчестию крепко.

Только как позабуду
Отчаянных, гордых
Молодых лейтенантов,
Солдатиков юных?..
Ветераны в подземных
Дрожат переходах,
И давно в их сердцах
Все оборваны струны.

Ветераны в глухих
Переходах застыли.
Тихо плачут монетки
В кепчонке помятой.
Кепка с медью —
Осиновый кол на могиле,
Над могилою нашей
Распятой...

«Живых в душе...»

Живых в душе
не осталось мест —
Была, как и все, слепа я.

А все-таки надо на прошлом —
Крест,
Иначе мы все пропали.
Иначе всех изведет тоска,
Как дуло черное у виска.

Но даже злейшему я врагу
Не стану желать такое:
И крест поставить я не могу,
И жить не могу с тоскою...

Зинка

Памяти однополчанина —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой

I

Стихотворение начинается с описания безрадостных солдатских будней:

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

Подруга автора делится своими воспоминаниями о родной земле, матери — единственном близком человеке, которая ждет ее каждую минуту.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется:
каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...

...Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг — приказ:
«Выступать! Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

II

Картины военных будней становятся еще мрачнее:

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженные попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Автор рассказывает о том, что именно Зинка — «светлокосый солдат» — повела в атаку остальных:

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.
... Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

В заключительной части стихотворения автор обращается к погибшей подруге:

... Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.

Зная, как мать ждет свою единственную дочь, автор понимает, какой страшной, непоправимой потерей будет для нее гибель Зинки.

... Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

Мотивы творчества Юлии Друниной

Почти вся лирика Ю. Друниной посвящена женщинам, воевавшим на фронтах Великой Отечественной. Друнина не понаслышке знала обо всех тяготах, ужасах войны: она попала на фронт шестнадцатилетней девушкой. Поэтесса видела, как погибают те, кто шел с ней бок о бок, грелся под одной шинелью, и боль потерь Юлия Владимировна пронесла до конца своих дней.

К. М. СИМОНОВ

(1915—1979)

Константин (Кирилл) Михайлович Симонов — русский писатель, общественный деятель. Творчество Симонова включает в себя поэмы, сборники интимной и гражданской лирики («С тобой и без тебя», 1942; «Друзья и враги», 1948). В повести «Дни и ночи» представлена эпическая картина Великой Отечественной войны, социально-правственные конфликты. Роман-трилогия «Живые и мерт-

вые» освещает нравственные вопросы в контексте изображения военных событий. За это произведение в 1974 г. К. Симонов был удостоен Ленинской премии. В этом же году Константину Михайловичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Константин Михайлович являлся главным редактором «Литературной газеты» и журнала «Новый мир». Несколько раз Симонов награждался Государственной премией СССР.

В эпоху гласности, в 1988 г., увидели свет произведения, созданные писателем в период с 1957 по 1978 г.: цикл повестей «Из записок Лопатина», «Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине». В них писатель объясняет свою активную жизненную позицию, участие в формировании идеологии во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.

Родина

Поэт с гордостью описывает величавость родной земли:

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Однако в те моменты, когда решается участь всей огромной страны, человек должен помнить о своей малой родине:

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве видел.

На память приходят картины далекого детства,
навсегда запечатленные в душе:

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Именно из привязанности к нашей малой родине,
по убеждению поэта, должна возникать любовь ко
всей стране:

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Поэт говорит о том, что можно вынести все тяго-
ты, пожертвовать всем, даже жизнью, ради «горсти
земли», вечно остающейся в памяти:

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»

А. Суркову

Стихотворение построено как разговор автора
с однопольчанином.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди...

Автор описывает, как женщины вытирали слезы
украдкой и шептали вслед солдатам: «Господь вас

спаси!». Жены и матери защитников родины снова называли себя «солдатками, как встарь повелось на великой Руси».

Фронтовые дороги были длинными, измеренными слезами «чаще, чем верстами». Солдаты шли мимо череды деревень с погостами. Автору казалось, что за «каждою русской околицей»

Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды
молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Автор говорит о том, что понятие «родина» включает в себя «не дом городской, где я празднично жил»,

А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Поэт вспоминает, что именно на деревенских проселках он впервые столкнулся с женским горем, горем потери.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Солдаты не могли не преисполниться сочувствием к этому горю, но понимали, что слова утешения бессмысленны. Старуха сказала солдатам: «Родимые, / Покуда идите, мы вас подождем». Эти слова эхом отзывались на пути солдат, они навсегда остались в душе автора.

«Мы вас подождем!» — говорили нам
пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

Поэт рассказывает о героизме русских солдат, которые погибали, «по-русски рубаху рванув на груди». Автора и его товарища щадила судьба. Однако трижды побывав перед лицом смерти, поэт «все-таки горд был за самую милую, / За горькую землю», где он родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

«Жди меня, и я вернусь...»

В. С.

Автор обращается к любимой женщине. Он завещает ей ждать его во что бы то ни стало. И именно ее вера в возвращение солдата станет залогом его спасения от смерти.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Автор призывает любимую женщину не верить никому, даже самым родным и близким людям, верить в его возвращение, несмотря ни на что:

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра

Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Никто из тех, кто перестал ждать воина, не сможет понять, что неизбывная вера любящей женщины в возвращение помогла ему выжить:

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

«Если Бог нас своим могуществом...»

Поэт задумывается о том, что в земной жизни для него дорого настолько, что он хотел бы взять с собой и в загробную жизнь:

Если Бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Поэт признается, что и в раю ему будет мила такая же женщина, какую он любил в земной жизни:

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила,—

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

Поэт понимает, что подобные люди нечасто входят в рай, но тем не менее именно «такую отчаянную» он приведет с собой:

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Поэту дороги и муки, связанные с любимой женщиной:

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведенных на шее рук.

Не забыл бы поэт и о том, что помогало ему крепче удерживать любимую:

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала.
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Кроме дорогой сердцу женщины, поэт взял бы в рай и лучшего друга, и злейшего врага:

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Оглядываясь на всю свою жизнь, автор вдруг осознает, что не способен отказаться ни от чего земного:

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Все, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

Автор иронически констатирует в финале:

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что Бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня.

Ю. В. Трифонов

(1925—1981)

Юрий Валентинович Трифонов родился в семье крупного партийного и военного деятеля, большевика, Валентина Андреевича Трифонова. Партийное воспитание, большевистская настроенность оказали большое влияние на будущего писателя.

В 1932 г. с семьей Трифонов переехал в Дом Правительства. В 1937 г. были арестованы отец и дядя писателя, которые вскоре были расстреляны (дядя — в 1937 г., отец — в 1938 г.). Была репрессирована также мать Юрия Трифонова (отбывала срок заключения в Карлаге). Дети (Юрий и его сестра) с бабушкой скитались и бедствовали.

С началом войны Трифонов был эвакуирован в Ташкент, когда в 1943 г. вернулся в Москву, стал работать на военном

заводе. В 1944 г., не оставляя завода, поступил на заочное отделение Литературного института, позднее перевелся на очное. Посещал творческий семинар, которым руководили маститые писатели К. Паустовский и К. Федин. Писать начал очень рано, продолжал писать в эвакуации и по возвращении в Москву.

Дипломная работа Трифонова — повесть «Студенты», написанная в 1949—1950 гг., неожиданно принесла автору известность и была удостоена Сталинской премии (1951).

В 1963 г. вышел роман Трифонова «Утоление жажды».

Главным произведением Трифонова в те годы стала документальная повесть «Отблеск костра» (1965).

В 1969 г. появилась первая повесть «московского» цикла «Обмен», в который вошли также «Предварительные итоги» (1970), «Долгое прощание» (1971) и «Другая жизнь» (1975).

Обмен

Действие повести происходит в Москве. Ксения Федоровна, мать главного героя, тридцатисемилетнего инженера Виктора Дмитриева, тяжело заболела, у нее рак, однако сама она считает, что у нее язвенная болезнь. После операции ее отправляют домой. Исход ясен, однако женщина одна полагает, что дело идет на поправку.

Сразу после ее выписки из больницы жена Дмитриева Лена, переводчица с английского, решает срочно съезжаться со свекровью, чтобы не лишиться хорошей комнаты на Профсоюзной улице. Нужен обмен, у нее даже есть на примете один вариант. «Разговоры о том, чтобы соединиться с матерью, Дмитриев начинал и сам, делал это не раз. Но то было давно, во времена, когда отношения Лены с Ксенией Федоровной еще не отчеканились в формы такой окостеневшей и прочной вражды, что произошло теперь, после четырнадцати лет супружеской жизни Дмитриева. Всегда он наталкивался на твердое сопротивление Лены, и с годами идея стала являться все реже».

Было время, когда мать Дмитриева действительно хотела жить с ним и с внучкой Наташей, но с тех пор их отношения с Леной стали очень напряженными, и об этом не могло быть речи. Теперь же Лена сама говорит мужу о необходимости обмена. Дмитриев возмущен: в такой момент предлагать это матери, которая может догадаться, в чем дело. «Он понял тайную и простую мысль Лены, от этого понимания испуг проник в его сердце, и он побледнел, сник, не мог поднять глаз на Лену. Так как он молчал, Лена продолжала: материнская комната на Профсоюзной им понравится наверняка, она их устроит географически, потому что жена Маркушевича работает где-то возле Калужской заставы, а вот к их собственной комнате потребуется, наверно, доплата». Дмитриев удивился: «Странно, он не испытывал сейчас ни гнева, ни боли. Мелькнуло только — о беспощадности жизни. Лена тут ни при чем, она была частью этой жизни, частью беспощадности». Тем не менее он постепенно уступает жене: она ведь хлопочет о семье, о будущем дочери Наташи. К тому же, поразмыслив, Дмитриев начинает успокаивать себя: может быть, с болезнью матери не все так бесповоротно, а значит, то, что они съедутся, будет только благом для нее, для ее самочувствия — ведь свершится ее мечта. Так что Лена, делает вывод Дмитриев, по-женски мудра, и зря он на нее сразу набросился: «Они обменяются, получат хорошую отдельную квартиру, будут жить вместе. И чем скорее обменяются, тем лучше. Для самочувствия матери. Свершится ее мечта. Это и есть психотерапия, лечение души! Нет, Лена бывает иногда очень мудра, интуитивно, по-женски — ее вдруг осеняет. Ведь тут, возможно, единственное и гениальное средство, которое спасет жизнь».

Теперь он тоже нацелен на обмен, хотя и утверждает, что ему лично ничего не надо. «Дмитриев готов был крикнуть на весь вагон: “А кому нужна хорошая двадцатиметровая?...”»

На службе он из-за болезни матери отказывается от командировки. Ему нужны деньги, так как много

ушло на врача. Дмитриев ломает голову, у кого одолжить. Но, похоже, день для него складывается удачной: деньги предлагает со свойственной ей чуткостью сотрудница Таня, его бывшая любовница. Несколько лет назад они были близки, в результате у Тани распался брак, она осталась одна с сыном и продолжает любить Дмитриева, хотя понимает, что эта любовь безнадежна. В свою очередь, Дмитриев думает, что Таня была бы ему лучшей женой, чем Лена. Таня по его просьбе сводит Дмитриева с Жереховым, сослуживцем, имеющим опыт в обменных делах, который ничего конкретного не сообщает, но предлагает обратиться к другому сотруднику: «Вот с кем вам надо — с Невядомским! Вы Невядомского знаете, Алексея Кирилловича? Из КБ-3? У него такая же история, он тоже менялся, оттого... — Жерехов понизил голос, — что теща безнадежно хворала. У нее была отличная комната, чуть ли не двадцать пять метров, где-то в центре. А Алексей Кириллович жил на Усачевке. Все надо было делать очень срочно. И удалось, вы знаете, замечательно удалось!» Зайдя к Невядомскому, Дмитриев получил у того телефон маклера. После работы Дмитриев с Таней берут такси и едут к ней домой за деньгами. Таня счастлива возможности побыть с Дмитриевым наедине, чем-то помочь ему. Дмитриеву искренне жаль ее, может быть, он бы и задержался у нее, но ему нужно торопиться на дачу к матери, в Павлиново.

С этой дачей, принадлежащей кооперативу «Красный партизан», связаны у Дмитриева теплые детские воспоминания. Дом строил его отец, инженер-путеец, всю жизнь мечтавший оставить эту работу, чтобы заняться сочинением юмористических рассказов. Человек неплохой, он не был удачливым и рано умер. Дмитриев помнит его отрывочно. Лучше он помнит своего деда, юриста, старого революционера, вернувшегося в Москву после долгого отсутствия (видимо, после лагерей) и жившего некоторое время на даче, пока ему не дали комнату. Дед ничего не понимал в современной жизни. С любопытством взирал

и на Лукьяновых, родителей жены Дмитриева, которые тогда тоже гостили в Павлинове летом. Однажды на прогулке дед, имея в виду именно Лукьяновых, сказал, что не надо никого презирать. Эти слова, явно обращенные к матери Дмитриева, часто проявлявшей нетерпимость, да и к нему самому, хорошо запомнились внуку.

Лукьяновы отличались от Дмитриевых приспособленностью к жизни, умением ловко устроить любые дела, будь то ремонт дачи или определение внучки в элитарную английскую школу. Они — из породы «умеющих жить». То, что Дмитриевым казалось неодолимым, Лукьяновыми решалось быстро и просто, только им одним ведомыми путями. Это было завидное свойство, однако такая практичность вызывала у Дмитриевых, особенно Ксении Федоровны, привыкшей бескорыстно помогать другим, женщины с твердыми нравственными принципами, и сестры Лоры, высокомерную усмешку. Для них Лукьяновы — мещане, пекущиеся только о личном благополучии и лишенные высоких интересов. В их семье даже появилось словцо «олукьяниться». Лукьяновым свойствен своего рода душевный изъян, проявляющийся в бестактности по отношению к другим. Так, например, Лена перевесила портрет отца Дмитриева из средней комнаты в проходную — только потому, что ей понадобился гвоздь для настенных часов. Она забрала все лучшие чашки Лоры и Ксении Федоровны.

Дмитриев любит Лену и всегда защищал ее от нападков сестры и матери, но он и ругался с ней из-за них. Он хорошо знает силу Лены, «которая вгрызалась в свои желания, как бульдог. Такая миловидная женщина-бульдог с короткой стрижкой соломенного цвета и всегда приятно загорелым, слегка смуглым лицом. Она не отпускала до тех пор, пока желания — прямо у нее в зубах — не превращались в плоть». Одно время она толкала Дмитриева к защите диссертации, но он не осилил, не смог, отказался, и Лена в конце концов оставила его в покое.

Дмитриев чувствует, что родные осуждают его, считают его «олукьянившимся», а потому отрезанным ломтем. Особенно это стало заметно после истории с родственником и бывшим товарищем Левкой Бубриком. Бубрик вернулся в Москву из Башкирии, куда распределился после института, и долгое время оставался без работы. Он присмотрел себе место в Институте нефтяной и газовой аппаратуры и очень хотел туда устроиться. По просьбе Лены, жалевшей Левку и его жену, хлопотал по этому делу ее отец Иван Васильевич. Однако вместо Бубрика на этом месте оказался Дмитриев, потому что оно было лучше его прежней работы. Все сделалось опять же под мудрым руководством Лены, но, разумеется, с согласия самого Дмитриева. Был скандал. Однако Лена, защищая мужа от его принципиальных и высоко нравственных родственников, взяла всю вину на себя.

Разговор об обмене, который начинает с сестрой Лорой приехавший на дачу Дмитриев, вызывает у той изумление и резкое неприятие, несмотря на все разумные доводы Дмитриева. Лора уверена, что матери не может быть хорошо рядом с Леной, даже если та будет на первых порах очень стараться. Слишком разные они люди: Ксении Федоровне как раз накануне приезда сына было нехорошо, потом ей становится лучше, и Дмитриев, не откладывая, приступает к решающему разговору. Да, говорит мать, раньше хотела жить вместе с ним, но теперь — нет. Обмен произошел, и давно, говорит она, имея в виду нравственную капитуляцию Дмитриева.

Ночуя на даче, Дмитриев видит свой давний акварельный рисунок на стене. Когда-то он увлекался живописью, не расставался с альбомом. Но, провалившись на экзамене, с горя бросился в другой, первый попавшийся институт. После окончания он не стал искать романтики, как другие, никуда не поехал, остался в Москве. Тогда уже были Лена с дочерью, и жена сказала: куда ему от них? Он опоздал. Его поезд ушел.

Утром Дмитриев уезжает, оставив Лоре деньги. Через два дня звонит мать и говорит, что согласна съезжаться. Когда наконец улаживается с обменом, Ксении Федоровне становится даже лучше. Однако вскоре болезнь вновь обостряется. После смерти матери у Дмитриева происходит гипертонический криз. Он сразу сдал, посеред, постарел. Дмитриевскую дачу в Павлинове позднее снесли, как и другие, и построили там стадион «Буревестник» и гостиницу для спортсменов... А Лора со своим Феликсом переехала в Зюзино, в девятиэтажный дом».

Городская проза. Вечные темы и вечные проблемы

В повестях Трифонова рассказывается о любви и семейных отношениях, о жизни с ее общечеловеческими радостями и трагедиями. Трифонов во всех своих произведениях ставил проблему нравственного выбора, который человек вынужден делать даже в самых простых житейских ситуациях.

В период брежневского безвременья писатель сумел показать, как задыхается в этой атмосфере умный, талантливый человек (герой повести «Другая жизнь» историк Сергей Троицкий), не желающий поступаться собственной порядочностью.

Официальная критика обвинила автора в мелко-темье, в отсутствии позитивного начала и вообще в том, что проза Трифонова стоит «на обочине жизни», вдали от великих свершений и борьбы за идеалы светлого будущего.

Обращаясь к различным периодам российской истории, писатель показывал мужество человека и его слабость, его зоркость и слепоту, величие и низость, причем не только на ее изломах, но и в повседневной, будничной круговерти. Трифонов постоянно сопоставлял разные эпохи, разные поколения, стремясь увидеть самые драматичные моменты человеческой жизни.

В. П. Астафьев

(1924—2001)

Виктор Петрович Астафьев родился 1 мая 1924 г. в селе Овсянка, рядом с Красноярском. Детство мальчик провел в детском доме. Виктор Астафьев был очень способным мальчиком, на его литературный талант обращали внимание многие учителя.

После окончания школы Астафьев работал составителем поездов рядом с Красноярском. В 1942 г. он ушел на фронт. После войны Астафьев работал в горячем металлургическом цехе. По состоянию здоровья ему пришлось оставить цех. Астафьев сменил множество профессий — был грузчиком, работал в мясном цехе, и т. д. Потом Астафьев стал работать в газете. По ночам он писал рассказы.

В 1959 г. Виктор Петрович поступил на Высшие литературные курсы в Москве. Со временем Виктор Петрович Астафьев стал известнейшим писателем.

В. Астафьев умер в 2001 г.

Печальный детектив

Леонид Сошнин — бывший милиционер. Он живет в маленьком городе — настоящей российской глубинке. В бытность свою милиционером Леонид не раз был ранен. После очередного ранения, которое он получил при поимке преступника, Сошнин оказался на инвалидности.

Теперь у него болит нога, ходить тяжело. Однако Леонид не обращает на это внимания. Леониду сорок два года. У него нет родных. Мать его умерла, когда он был совсем ребенком. Мальчика вырастила тетя,

теперь и тети нет в живых. У Сошнина есть жена Валерия, или Лера, и дочь-первоклассница Света. С женой Сошнин в разводе.

Леонид пробует писать. В издательстве ему приходится беседовать с Октябрьной Перфильевной Сыроквасовой, которая считается местным литературным светилом. «Сыроквасова считала себя самым сведущим человеком: если не во всей стране, то в Вейске ей по интеллекту равных не было. Она делала доклады и отчеты о текущей литературе, делилась планами издательства через газету, иногда, в газетах же, и рецензировала книги здешних авторов, к месту и не к месту вставляя цитаты из Вергилия и Данте, из Савонаролы, Спинозы, Рабле, Гегеля и Экзюпери, Канта и Эренбурга, Юрия Олеши, Трегуба и Ермилова, впрочем, и прах Эйнштейна с Луначарским иногда тревожила, вождей мирового пролетариата вниманием тоже не обходила». Некоторые рассказы Сошнина были уже напечатаны в столичных журналах. Сыроквасова разговаривает с ним снисходительно, даже с некоторым презрением, но обещает, что книга будет напечатана. У Сошнина поневоле возникает неприязнь к этой некрасивой и неопрятной женщине. Однако у него нет выбора, он вынужден постоянно общаться с ней.

После разговора с Сыроквасовой Сошнин идет по городу, направляется домой. Случайно на рынке он видит местную достопримечательность — пьяную женщину, которая получила прозвище «Урна» за черный и грязный рот.

Это «уже и не женщина, какое-то обособленное существо, со слепой, полубезумной тягой к пьянству и безобразиям. Была у нее семья, муж, дети, пела она в самодеятельности железнодорожного ДК под Мордасову — все пропила, все потеряла...».

Леонид обходит пьяницу стороной. Вокруг все настолько уныло, серо и омерзительно, что у него возникает апатия. «Все так же текло, плыло, сочилось мозглой пустотой по земле, по небу, и не было конца серому свету, серой земле, серой тоске». Леонид

Сошнин постоянно вспоминает случаи, с которыми ему довелось столкнуться в период работы милиционером. Однажды молодые подонки изнасиловали тетю Граню. Это была пожилая женщина редчайшей доброты. Она не имела своих детей, но вынянчила многих.

Ее очень любили. И когда Леонид узнал о содеянном, он был в ужасе, несмотря на то что уже повидал многое. Четверым насильникам дали по восемь лет строгого режима. Однажды Сошнин встретил тетю Граню, и она сказала ему:

«Неладно мы с тобой, Леонид, сделали.

— Чего неладно?

— Молодые жизни погубили... Такие срока им не выдержать. Выдержат — уж седыми мушпынами сделаются... А у их, у двоих-то, у Генки и у Васьки, — дети... Один-от у Генки уж после суда родился...

— Те-о-отя Граня! Те-о-о-отя Граня! Они надругались над тобой...

Над-ру-га-лись! Над сединами над твоими...

— Ну так че теперь? Убыло меня? Ну, поревела бы... Обидно, конечно».

С тех пор Сошнин очень редко видел тетю Граню. А сам начал задумываться о сложнейших вещах, которые постичь человеку очень и очень непросто. «Он понимал, что среди прочих непостижимых вещей и явлений ему предстоит постигнуть малодоступную, до конца никем еще не понятую и никем не объясненную штуковину, так называемый русский характер, приближенно к литературе и возвышенно говоря, русскую душу...» «Как это трудно! И сколько мужества и силы надо, чтобы “мыслить и страдать”, все время, всю жизнь, без перекура и отпуска, до последнего вздоха. Может быть, объяснит он в конце концов хотя бы самому себе: отчего русские люди извечно жалостливы к арестантам и зачастую равнодушны к себе, к соседу — инвалиду войны и труда? Готовы последний кусок отдать осужденному, костолому и кровопускателю, отобрать у милиции зло-

стного, только что бушевавшего хулигана, коему за-
ломили руки, и ненавидеть сокавартиранта за то, что
он забывает выключить свет в туалете, дойти в битве
за свет до той степени неприязни, что могут не подать
воды больному, не торкнуться в его комнату...

Вольно, куражливо, удобно живется преступнику
среди такого добросердечного народа, и давно ему так
в России живется».

Сошнин вспоминал, как однажды пьяный двадца-
тидвухлетний парень «пошел гулять по улице и за-
колол мимоходом трех человек». Когда его поймали,
это вызвало необычайный общественный резонанс.
Люди на улице стали громко осуждать милицию, ко-
торая повязала парня. При этом люди даже не знали,
что на самом деле совершил этот подонок.

Когда парень узнал, что за содеянное ему грозит
расстрел, то был очень удивлен. Он вел себя так,
словно убийство было невинной шалостью. И когда
Сошнин вспоминал это, на душе у него становилось
мутно.

Леонид вошел в подъезд своего старого двухэтаж-
ного дома. Здесь была пьяная компания из трех чело-
век. Они начали задирать Леонида. Им хотелось по-
куражиться. Сошнин пытался урегулировать
отношения без драки. Но молодцы хотели показать
свою власть над ним. Несмотря на больную ногу, Ле-
онид справился со всеми тремя.

Сошнин всегда тянулся к чтению. Он зачитывался
произведениями Достоевского, Ницше. Он читал да-
же Екклесиаст. Сошнин хотел лучше понять вопро-
сы добра и зла, и то, почему тот или иной человек вы-
бирает для себя именно зло.

Сошнин — человек, склонный к рефлексии. Он
постоянно обдумывает то, что случилось достаточно
давно. И поэтому постоянно обдумывает те случаи,
которые были в его милицейской практике. Однаж-
ды ему пришлось видеть, как застрелили человека.
Он вместе с напарником Федей Лебедой патрулиро-
вали по городу. Случилось так, что пьяный мужик
приехал с Крайнего Севера с большими деньгами. Он

напился и угнал самосвал. Этот пьяница ездил по городу, задавил нескольких человек, в том числе молодую мать с ребенком.

Жертв могло быть намного больше. И поэтому милиционеры приняли решение стрелять в преступника. Но перед тем как Федор убил преступника, самосвал налетел на их мотоцикл. Сошнину едва не оторвало ногу.

Опытный и талантливый хирург сказал, что ногу спасти нелегко. Однако сделал все возможное. Сошнин на всю жизнь остался хромым. Впрочем, могло быть еще хуже, он мог потерять ногу совсем.

За то, что застрелили преступника, им пришлось держать ответ перед следователем Антоном Пестеревым. Особых проблем не было, но сам факт объяснений был неприятен Сошнину. Тем более, что он считал действия по поимке преступника оправданными. Антон Пестерев был примечательной фигурой. Сошнин прекрасно знал, что не так давно умерла его мать — простая деревенская женщина.

На похороны приехали все, кроме самого Антона, который был младшим и любимым сыном. Антон прислал пятьдесят рублей и телеграмму с соболезнованиями, в которой объяснял, что приехать никак не может. Антон только что вернулся с курорта и не хотел портить себе настроение. А также он не хотел общаться с деревенской родней. Деревенская родная прислала ему телеграмму, в которой давала ему самую нелестную характеристику. Его пятьдесят рублей вернули.

После тяжелой травмы ноги Сошнин «решил пополнить образование и затесался на заочное отделение филфака местного пединститута, с уклоном в немецкую литературу».

Здесь он познакомился с Папшей Силаковой. Эта деревенская девушка попала в университет, можно сказать, случайно, по «целевому набору». Крупная, крепкая, сильная Папа была так не похожа на изнеженных филфаковских барышень. Учеба ей давалась тяжело. Над ней смеялись и студенты, и преподава-

тели. Не просто смеялись, а прямо-таки издевались открыто.

Жена Антона Пестерева была преподавателем в университете, она сделала Папу своей домработницей.

Жена Сошнина Лера училась с Пашей в школе. Когда она узнала, как издеваются над Пашей в университете, она была возмущена. Лера считала, что Сошнин должен вмешаться.

«— Это что? Это вот как? — орала Лерка — человек маловыдержанный. — Хулиганов вяжете! В вытрезвитель пьяниц тянете. А это, это что? Когда над нами, деревенскими, перестанут глумиться новоявленные аристократы?!

— Не ори ты и на Бога меня не бери! Давай думать, как девушку спасать. Придумали перевести Папу в ПТУ сельскохозяйственного направления, учиться на механизатора широкого профиля. Папа в рев:! Хочу быть ученой! Ну, пусть хоть переведут в училище дошкольного воспитания, раз я тут осилить не могу...”

Сошнин взял Папу Силакову за руку и отвел к ректору пединститута домой, к Николаю Михайловичу Хохлакову, известному книгочею, у которого и “пасся” в библиотеке Леонид». «Николай Михайлович — по облику типичный профессор. Грузен, сед, сутул, носил просторную вельветовую блузу, не курил табак, не пил вина. Пыльными книгами до потолка забита четырехкомнатная квартира, и все это, как и рассчитывал Леонид, произвело на Папу Силакову большое впечатление. Когда Николай Михайлович объяснил ей, что для современного ученого она слишком прямодушна, да еще добавил, что сельский механизатор ныне зарабатывает больше ученого-гуманитария, Папа махнула рукой:

— Не всем ученым быть. Надо кому-то и работать...»

Через некоторое время Папа окончила ПТУ, стала работать в деревне, вышла замуж, родила детей. Все у нее сложилось хорошо.

Сошнин вспоминал, как познакомился со своей женой. Однажды девушка, которая училась в Вейске на фармацевта, приехала на выходные к родителям, в деревню Полевку. По дороге на нее напали хулиганы. Сошнин спас девушку.

Леонид и Лера понравились друг другу. Родители Леры были простыми деревенскими людьми. С тестем, Маркелом Тихоновичем, у Сошнина сразу сложились очень хорошие отношения. С тещей, Евстолией Сергеевной, отношения были сложнее.

Лера была совсем не приспособлена к хозяйству, несмотря на то, что родом была из деревни. Когда родилась Светка, какое-то время Лера старалась выполнять хозяйственные дела. Но у нее это не очень хорошо получалось. Пока была жива тетя Лина, Лере было легче. После смерти тети Лины все стало намного сложнее. Сама Лера была взбалмошной, истеричной, Леониду было с ней непросто. После того как тетя Лина умерла, Светку часто оставляли у родителей Леры. В деревне ребенок становился веселым, переставал болеть. Девочка после пребывания у дедушки и бабушки становилась крепче.

После развода Лера с ребенком стали жить в общности, в маленькой и тесной комнатке. Сошнин продолжал общаться с ними. И не понимал упрямства, из-за которого Лера не хотела к нему возвращаться.

Однажды Леонид вместе с ребенком приехал в деревню к тестю и теще. Здесь ему сообщили, что неподалеку из тюрьмы освобовился один мужик. И теперь он терроризирует местное население, среди которого преобладают пожилые люди. Мужика звали Венька Фомин. Леонид отправился посмотреть на этого «героя». Между ними произошла драка, в результате которой Венька вилами пропорол плечо Сошнину.

Леонид чуть не умер, его едва успели довести в больницу. За Сошниным, который был без сознания, ухаживала Лера. Фомина судили, дали десять лет строгого режима. А Леониду дали группу инвалидности. Пока на год, но и это было тяжело, ведь

Сошнин лишился привычной работы. У Леонида теперь был свой взгляд на преступников, у него не было к ним жалости.

«Работа в милиции вытравила из него жалость к преступникам, эту вселенскую, никем не понятую до конца и необъяснимую русскую жалость, которая на веки вечные сохраняет в живой плоти русского человека неугасимую жажду сострадания, стремления к добру, и в той же плоти, в “болезной” душе, в каком-то затемненном ее закоулке, таилось легковозбудимое, слепо вспыхивающее, разномысленное зло».

Леонид помнил, как однажды молодой человек, недавно окончивший ПТУ, пытался в пьяном виде залезть в женское общежитие льнокомбината. Но там были другие парни. Незадачливому кавалеру набили морду, отправили домой. «Он же решил за это убить первого встречного. Первым встречным оказалась молодая женщина-красавица, на шестом месяце беременности, с успехом заканчивающая университет в Москве и на каникулы приехавшая в Вейск, к мужу. Пятэушник бросил ее под насыпь железной дороги, долго, упорно разбивал ей голову камнем. Еще когда он бросил женщину под насыпь и прыгнул следом, она поняла, что он ее убьет, просила: “Не убивайте меня! Я еще молода, и у меня скоро будет ребенок...” Это только разъярило убийцу.

Из тюрьмы молодчик послал одну-единственную весть — письмо в областную прокуратуру — с жалобой на плохое питание. На суде в последнем слове бубнил: “Я все равно кого-нибудь убил бы. Что ли я виноват, что попалась такая хорошая женщина?..”

Мама и папа — книголюбы, не деточки, не молодяжки, обоим за тридцать, занимали трех детей, плохо их кормили, плохо за ними следили, и вдруг четвертый появился. Очень они пылко любили друг друга, им и трое-то детей мешали, четвертый же и во все ни к чему. И стали они оставлять ребенка одного, а мальчик родился живучий, кричит дни и ноченьки, потом и кричать перестал, только пищал и кле-

кал. Соседка по бараку не выдержала, решила покормить ребенка кашей, залезла в окно, но кормить уже было некого — ребенка доедали черви. Родители ребенка не где-нибудь, не на темном чердаке, в читальном зале областной библиотеки имени Ф. М. Достоевского скрывались, имени того самого величайшего гуманиста, который провозгласил, да что провозгласил, прокричал неистовым словом на весь мир, что не приемлет никакой революции, если в ней пострадает хоть один ребенок...

Еще. Папа с мамой поругались, подрались, мама убежала от папы, папа ушел из дома и загулял. И гуляй бы он, захлебнись вином, проклятый, да забыли родители дома ребенка, которому не было и трех лет. Когда через неделю взломали дверь, то застали ребенка, приевшего даже грязь из щелей пола, научившегося ловить тараканов — он питался ими. В Доме ребенка мальчика выходили — победили дистрофию, рахит, умственную отсталость, но до сих пор не могут отучить ребенка от хватательных движений — он все еще кого-то ловит...»

У Сошнина были соседи — бабка Тутышиха с внучкой Юлькой. Родители давно оставили девочку на попечение бабушки. И та, как могла, воспитывала ее. Родители привозили Юльке дорогие подарки, словно откупались от нее. Вернее, у Юльки был только отец. Мать пропала, говорили, что она утонула. У отца теперь была другая жена, которая родила ему двух дочерей. Юлька училась в училище дошкольного воспитания. Была она глупой, ленивой, любила только гулять и веселиться. И вот опять девочка похвасталась Сошнину, какой подарок ей привез отец. «Мечта Юлькина исполнилась — на ней был бархатный костюмчик темного, неуловимо-синего или черно-фиолетового цвета, с золотой полоской по карманчику и бортам. Но главное в туалете — штаники: с боков в ряд медные кнопочки, и здесь же — о чудо! о восторг! — колокольцы, по три штуки на гаче, но как они перезваниваются — симфония! Джаз! Рок! Поп! — все-все вместе в них, в этих кругленьких ко-

локольчиках-шаркунцах, вся музыка мира, все искусство, весь смысл жизни и манящие тайны ее! Плюс к тонному-то костюмчику белоснежная водолазочка итальянского происхождения, туфельки на дробном каблучке, выкрашенные золотом, пусть и сусальным, паричок шелковисто-седой, как бы нечаянно растрепанный».

Радостная Юлька побежала в общежитие хвататься обновками перед подругами.

У самой бабки Тутышихи была весьма примечательная биография. В молодости она была «буфетчицей» при железнодорожной станции, рано пристрастилась к вину и мужскому полу — от увлечений такого рода до преступления путь близкий: сделала растрату и угодила перевоспитываться в женскую колонию, аж за Байкал. Там строили железную дорогу. Длинную. Работы было много. В основном земляной. Зойке-буфетчице дали большую лопату и поставили на отсыпку полотна. А она к тяжелой работе непривычна, с детства непривычна. Мать ее, повариха станционного ресторана, дочь никакой работой не неволила, известно издавна: у ямщика лошадь надсажена, у вдовы дочь изважена.

Покидала Зойка лопатой землю день, другой, неделю — не нравится ей эта работа. И тогда мимоходом, совсем нечаянно, она стала «зацепляться» плечом за конвойного начальника и взвизгивать: «У-у, кареглазенький, чуть не свалил на землю...» И как ни туп был начальник конвоя, все же тонкий намек понял, пригласил Зойку к огоньку, дал закурить — не прошло и месяца, как Зойка-буфетчица с общих работ перевелась в столовую посудомойкой, ну, а оттуда рукой подать до заветной должности, до комсоставского буфета, где Зойка блюла себя, стало быть, помногу на глазах у начальства не запивала, с женатыми мужиками не гуляла».

После освобождения она связалась с немолодым уже путеобходчиком Адамом Артемовичем Зудиным. У них родился сын, Игорь. Зойка стала заботливой матерью.

«Игорь Адамович уже определился с работой, женился, когда мать его объявилась в Вейске, в железнодорожном поселке, в доме номер семь, заявив, что мужик у ей был уже преклонных лет, когда она с ним сошлась, сносился до смерти и теперь она станет жить с сыном, потому как больше жить ей негде и не с кем.

И жила. Долго. Давно жила. И привычно совали за нижнюю дверь детишек жители восьмиквартирного дома, побежавши по делам, в кино, срочно куда-либо вытребованные, и привычное слышалось из квартиры Зудиных: «А-ту-ты-ту-ту-ты, а-ту-ты-ту-ты-ту-ты...» Это бабка Зоя колебала и подбрасывала на коленях чье-либо дитя, иногда по несколько штук сразу...» «...Бабкино «ту-ты, ту-ты, ту-ты» уже не смолкало ни днем, ни ночью». Поэтому имя бабки понемногу забылось, ее стали называть бабка Тутышиха.

Игорь Адамович прислал подарки не только Юльке, но и бабке. Старуха любила выпить, и теперь она выпила целую бутылку «бальзама рижского». Во сне бабка умерла.

Похороны были многолюдными, шумными. И в очередной раз Леонид задумался о людях, которые его окружают, о смысле жизни вообще и о сущности всего земного.

Нравственные проблемы повести

В. Астафьева «Печальный детектив»

Со страниц повести на читателя смотрят печальные, измученные люди, жизнь которых на удивление мрачна и беспросветна. Автор сознательно сгущает краски, чтобы показать наиболее темные стороны жизни российской глубинки.

Не случайно многие герои повести являются выходцами из деревни. Писатель неоднократно подчеркивает, что люди теряют связь с тем, что было главным для их предков. Уже не ценятся так трудо-

любие, смирение. Деревенские жители пытаются обрести статус городских, однако это получается далеко не так легко, как им хотелось бы. Пример — жена Леонида Сошнина, Лера.

Простая деревенская девушка, не может справиться с бытовыми хозяйственными делами. Все бытовые проблемы держатся на тете Лине.

Писатель говорит и о том, что люди медленно, но верно деградируют. Неоднократно мы узнаем об убийствах, изнасилованиях, о жестокости по отношению к детям. И кто совершает эти преступления? Самые обыкновенные люди, живущие рядом. В чем причина нравственной деградации? Этот вопрос писатель ставит со всей остротой. И читатель после прочтения повести Астафьева «Печальный детектив» постепенно начинает задумываться о нравственных ценностях, без которых человек превращается в тупое и опасное животное.

Ю. В. Бондарев

(р. 1924)

Юрий Васильевич Бондарев родился в Орске на Урале. Отец будущего писателя был административным работником. Детство Юрий Бондарев провел в Москве. Сразу после окончания средней школы он пошел на фронт. Во время Великой Отечественной войны Бондарев был командиром артиллерийского орудия. В 1951 г. Ю. Бондарев окончил Литературный институт им. М. Горького, стал профессиональным писателем. Творчество Бондарева известно в России и за рубежом.

Перу Бондарева принадлежат следующие произведения: «На большой реке» (1953), «Юность командиров» (1956), «Батальоны просят огня» (1957), «Последние залпы» (1959), «Горячий снег» (1969), «Тишина» (1962), «Двое»

(1964), «Берег» (1975), «Выбор» (1980), «Игра» (1985), «Непротивление» (1996) и др.

Некоторые произведения Ю. Бондарева были экранизированы. Многие переведены на разные языки мира.

Батальоны просят огня

После сорокаминутной бомбежки полковник Гуляев провожает взглядом немецкие самолеты. Его шофер и адъютант Жорка Витьковский элит его своим мальчишеским спокойствием. Часть находилась на приднепровской станции, где сейчас все лопалось, взрывалось и трещало. Вся провизия и боеприпасы, прибывшие в вагонах для поддержания армии, сгорали.

Командир дивизии Иверзев кричал на начальника тыла: «Вы погубили все! Па-адлец! Вы понимаете, что вы наделали? В-вы!.. Пон-нимаєте?.. Почему не разгрузили эшелон? Вы понимаете, что вы наделали? Чем дивизия будет стрелять по немцам? Почему не разгрузили? Поч-чему?..

— Товарищ полковник... Я не успел...

— Ма-алчите! Немцы успели!

Иверзев шагнул к майору, и тот снова вскинул широкий мягкий подбородок, уголки губ его мелко задергались, будто он хотел заплакать; офицеры, стоявшие рядом, отводили глаза».

Полковнику Гуляеву поручено спасти оставшиеся боеприпасы. Он «стоял около вокзала, глядел на пылающие вагоны со вздыбленными крышами, понимал, что все здесь, охваченное огнем, могло спасти только чудо... думал о том, что этот пожар, уничтожающий боеприпасы и снаряжения не только для истощенной в боях дивизии, но и для армии, оголял его полк, батальоны которого подтянулись к Днепру в течение прошлой ночи. И как бы умны ни были сейчас распоряжения Гуляева, как бы ни кричал он, ни взвинчивал людей, — все это теперь не спасало положения, не решало дела».

Появляется капитан Борис Ермаков. Он лежал в госпитале. Гуляев очень рад его возвращению.

«Все, что можно было сделать в создавшихся обстоятельствах, было сделано. Устало догорали загнанные в тупики вагоны; с последним, как бы неохотным треском запоздало рвались снаряды. Пожар утих».

Ермаков рвется на передовую. Гуляев грозит списать его в запасной полк, если он не перестанет геройствовать. Готовится прорыв обороны на правом берегу. Ермаков и Гуляев отправляются к Днепру на автомобиле. Ночью они попадают под бомбежку, но остаются живы.

«Серии ракет всплывали над Днепром на той стороне; черная вода тускло поблескивала возле берега. Свет ракет опадал клочьями мертвого огня, и тогда отчетливо стучали крупнокалиберные пулеметы. Трассирующие пули веером летели через все пространство реки, вонзались в мокрый песок острова, тюкали в сосны, вспыхивая синими огоньками. Это были разрывные пули. Срезанные ветви сыпались на головы солдат, на повозки, на котлы кухонь.

По несколько раз подряд на той стороне скрипуче «играли» шестиствольные минометы. Все небо расцвечивалось огненными хвостами мин. С тяжким звоном, сотрясая землю, рвались они, засыпая мелкие, зыбкие песчаные окопчики.

Немцы били по всему острову — на звук голосов, на случайную вспышку зажигалки, на шум грузовиков. А остров кишел людьми». Это была рота, которой ранее командовал Ермаков, а теперь — Кондратьев. Санинструктор Шурочка ранее была в отношениях с прежним командиром, а теперь — с нынешним. Ротные осуждают ее за это.

Внезапно появляется Ермаков. Он расспрашивает Кондратьева о положении дел. Выясняется, что батареи фактически нет. Ермаков берет дело в свои руки, начинает отдавать распоряжения.

«Хозяин приехал», — удовлетворенно подумал строго наблюдавший все это сержант Кравчук. И по-

нимающе посмотрел в спину Шурочке, которая вслед за Борисом покорно выбиралась из воронки».

Между Борисом и Шурой происходит разговор. Она любит его, но не желает продолжать отношения, так как сомневается в ответных чувствах. Все же они мирятся, хотя Шура считает это неправильным.

Появляется Жорка Витьковский с сообщением, что Бориса срочно в штаб дивизии Иверзев вызывает.

Гуляев ведет допрос пленных немцев. Ход допроса описывается так, что становятся очевидными тот патриотизм и та вера в правое дело, которые сильны в рядах противника. Закончив допрос, Гуляев ведет Бориса к Иверзеву. В избе собрались уставшие командиры пехотных батальонов. Иверзев говорит, что позавчера два передовых батальона полковника Гуляева подошли к Днепру, пытались форсировать его. Все это решающих результативных последствий не имело. Батальоны столкнулись с глубоко и тщательно подготовленной эшелонированной немецкой обороной. «Наша дивизия южнее города Днепрова. Но мы сдерживаем правого и левого соседа, двое суток топчемся на месте... Задача дивизии следующая!.. Два дополненных батальона Восемьдесят пятого стрелкового полка сегодня к рассвету, а именно к пяти часам утра, сосредоточиваются в районе деревни Золотушино... Кроме того, батарея восьмидесятидвухмиллиметровых минометов повзводно придается батальонам.

Борис понимает, что у него нет ресурсов, чтобы выполнить приказ Иверзева, согласно которому он должен поддерживать роту Бульбанюка. Об этом вовремя не доложили. Однако приказ выполнять все равно придется.

В одном из многочисленных боев Бульбанюк был тяжело ранен. Единственным командиром стал Борис. В ходе последующего боя победа была одержана немцами. «В деревне, ломая плетни, круто разворачивались черные танки. Сморщась и потеряв грудь до боли, Борис поднял чей-то автомат и пошел по траншее. Все, что он делал сейчас, делал как будто не он,

а другой человек. Все делали руки, ноги, его тело. И то, что он думал, было отрывочно, но обжигающе отчетливо было одно: батальон погиб».

Борис собирается готовить прорыв. Оставшиеся бойцы не верят в победу, но он не слушает возражений.

« — Будем прорываться здесь. Здесь. Вот здесь. За высотой. Там река. А за ней — танки. Всем ясно? — подымая голос, почти крикнул он. — За ней — танки. Броском через реку. Мгновенным броском. И мы в лесу. Кто устал, снять, к чертовой матери, шинели. Не жалеть шинели! Бросить! Кто не хочет прорываться — выходи!

Он кидал эти острые и тяжелые, как камни, слова на головы людей, не жалея их, не прося пощады у совести. Он был уверен: так надо, так надо — возбудить, озлобить для беспощадного последнего броска, только это обещало жизнь измученным зыбкой, ускользающей надеждой людям».

Прорыв происходил в нечеловеческих условиях, но Борис продолжал кричать: «Вперед!» Когда ему удалось оказаться в лесу, он узнал, что все бежавшие за ним по дороге погибли. Борис один идет по черному лесу. «Он был один-единственный из всего батальона, прорвавшийся сюда сквозь заслон танков на берегу. С ним были только сумка лейтенанта Ерошина, сумка майора Бульбанюка, документы и ордена братьев Березкиных, документы и ордена Жорки. Иногда ему казалось, что его окружают в темноте голоса, наплывают какие-то красные, широкие, бесформенные лица, с вибрирующими перебоями гудят танки. Он вздрагивал, пальцы впились в пистолет, — тогда он останавливался, вдавливаясь лицом в мокрую кору. И, лишь приходя в себя, чувствовал мучительную, непроходящую тоску, остро впившуюся в сердце, как осколок.

Прежде был он убежден, что любое чувство можно подавить в себе, но он не мог этого сделать сейчас и не пытался. Память его, не угасая даже в мгновения забвения, была дана ему как в наказание. Борис шел все

в одном направлении, не ища дороги, — было ему в конце концов все равно. Он спотыкался, будто что-то острое, знобящее и холодное воткнулось ему в грудь.

«Почему все так боятся смерти? — думал он. — Да, смерть — это пустота и одиночество. Вечное одиночество. Я командовал батальоном — и остался один. Так разве это не смерть? Так зачем я еще живу, когда все погибли? Я один?..»

Тем временем высшее командование отменяет приказ о прорыве на нашем участке южнее города Днепрова. Вся дивизия снимается и перебрасывается севернее Днепрова. Связи с Бульбанюком нет, никто не знает, что произошло с батальоном.

Борис узнает об отмене приказа. «Знакомая, острая, ноющая боль подступила, сжала грудь и горло Бориса, как тогда в лесу, когда он готов был на все... Борис стоял враждебный, незнакомо-чужой, губы стиснуты, глаза пристально, непримиримо прищурены, и только рука, словно успокаивая что-то, гладила под шинелью левую сторону груди. Боль у сердца, что появилась тогда в лесу, когда он понял, что судьба наказала его памятью и ответственностью, не утихала, обливала холодной тоской».

В разговоре с Иверзевым Борис не стесняется в выражениях, открыто заявляет, что не считает его человеком и офицером. Он не может простить гибели батальона, которая оказалась бессмысленной. Его арестовывают.

В пригороде Днепрова тем временем идет тяжелый бой. Сам Иверзев выхватывает автомат и бросается в гущу событий, ведя за собой батальон. «...Бежал как сквозь багровую пелену, с обостренным ощущением, что земля катится, ныряет, падает под его ногами, мелькает и мчится вместе со свистом пуль, летевших ему в грудь...»

«Только успех, только успех!.. — огненными толчками плескалось в его сознании. — Неудача — и дивизии не простят ничего!.. Только успех! Только успех!..»

Его тяжело ранили. Днепров был взят ценой многочисленных жертв. Бориса отпускают, и он едет на попутной машине по знакомой дороге наступлений.

Едет к Днепру. «Все эти дни он жил, готовый на все, вплоть до самого тяжелого наказания. Он думал, что Иверзев мог твердо и разрушительно сжать пружину его судьбы, но после того, что он испытал в последнем бою, ничто, казалось, не могло его удивить, заставить дрогнуть сердце». По дороге он попадает в бомбежку и случайно встречает санитарку Шуру. Он признается ей в любви.

Тема войны в повести Ю. Бондарева «Батальоны просят огня»

Повесть «Батальоны просят огня» была опубликована в 1957 г. В основе произведения — боевой эпизод, каких было множество во время войны. Героями повести становятся простые солдаты и офицеры. Писатель показывает, как раскрывается удивительный характер русского человека в самых экстремальных условиях. Война становится жестоким испытанием. Но, несмотря на трагические события, люди остаются мужественными и стойкими даже перед лицом смерти. Произведение выдержало более шестидесяти изданий. Оно было переведено на многие языки мира. Интерес к повести Бондарева «Батальоны просят огня» не угасает, потому что она рассказывает о трагических страницах истории России — о Великой Отечественной войне.

В. Г. Распутин

(р. 1937)

Валентин Григорьевич Распутин — русский писатель, родился в поселке Усть-Уда Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет Иркутского университета, работал журналистом в Сибири. Редактор обратил внимание на очерк Распутина — позже его опубликуют под названием «Я забыл спросить у Лешки» в альманахе «Ангара» (1961). Распутин был как журналист на строительстве Красноярской ГЭС и магистрали Абакан — Тайшет. Об этом он написал в сборниках «Костровые новых городов» и «Край возле самого неба». Первая книга рассказов писателя — «Человек с этого света» (1967).

Распутин — один из представителей так называемой деревенской прозы. Главная тема его произведений — поиски опоры в мире народной крестьянской нравственности.

Самые известные из произведений Распутина — «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976), «Век живи — век люби» (1982), «Пожар» (1985).

Повесть «Пожар» в 1989 г. была удостоена Государственной премии СССР.

Творчество Распутина во многом автобиографично. Основное место действия его произведений — сибирские деревни. В 1995 г. вышли рассказ «В ту же землю», очерки «Вниз по Лене-реке», в 1996 г. — рассказ «Поминный день», в 1997 г. — «Нежданно-негаданно», «Отчие пределы». Писатель живет и работает в Иркутске.

В мае 2000 г. В. Распутин получил премию Александра Солженицына за пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни. Последнее на сегодняшний день широко известное произведение Распутина — повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003).

Прощание с Матерой

На острове и в деревне с одним названием — Матера — наступила последняя весна. Сажают огороды, засевают поля, но не все. Матера та и не та, повяла, как подрубленное дерево, и сошла с привычного хода. Хозяева не чинят дома, постоянно живут в деревне только старики и старухи, остальные приезжают, живут на два дома. Старики обсуждают разные слухи, пришедшие из большого нового поселка за Ангарой. Деревня, простояв триста лет, повидала всякое: строительство казаками Иркутского острога, бой между колчаковцами и партизанами, наводнения, пожары, голод, разбой. Есть там и разоренная церковь, и мельница, дважды на неделе прилетает самолет, и народ отправляется на нем в город и в район. Так и жила деревня, пока не услышали, что по Ангаре строят плотину для электростанции и вода затопит Матеру. Нужно переезжать. Люди не верят, что для них настал конец света. Но вскоре приехала оценочная комиссия вычислять стоимость построек на Матере и назначать за них деньги. На правом берегу строили новый поселок, в который сводили все ближние и дальние колхозы, а старые деревни решили сжечь. Осенью вода должна была подняться. Оставалось последнее лето.

Старухи, Настасья и Сима, собрались на чай у самой старой жительницы Матеры, Дарьи Пинигиной. Хозяйка наливает чай из самовара, приговаривая, что на новом месте все удобства, самовар не поставишь. Сима приехала в Матеру со своей немой дочкой, сваталась к бобылю Максиму, но семьи не получилось. Сима осталась там, а потом появился внук Колька. Настасья сомневается: может, ничего не делают, только пугают? Отведенная для нее и мужа Егора городская квартира уже готова, старики тянут с отъездом, но через две недели он состоится. У Дарьи тоже намечается переезд в совхоз. Сима не имеет ни собственности на Матере, ни родственников, ей

одна дорога — в дом престарелых, но с Колькой ее туда брать не хотят. Дочь давно свихнулась и потерялась.

Дарья говорит, что не хочет уезжать, лучше утонуть вместе с Матерой. Приходит старик Богодул с известием, что грабят мертвых. Старухи идут на кладбище и видят, что с могил спилили кресты и сняли оградки, стащили в кучу и поджигают. Дарья ударила мужика, несущего надгробия, палкой. Оказалось, санитарная бригада уже приступила к уничтожению кладбища. На крик старух прибежали деревенские, санитаров окружили, толпа требовала убить их тут же, но бригада ссылалась на приказ и начальство. Повели их в деревню, столкнулись с председателем сельсовета Воронцовым и товарищем Жуком из отдела по зоне затопления. Лишившиеся могил своих родных люди не желают слышать про решения и постановления. Муж Настасьи, Егор, грозит взять берданку, если кто-то опять явится на кладбище: «Я родился в Матере. И отец мой родился в Матере. И дед. Я тутака хозяин. Дай мне дожить без позору». Воронцов и Жук с трудом вышли из толпы, через час они с бригадой уплыли. Старухи до ночи были на кладбище — втыкали обратно кресты, устанавливали тумбочки.

Поляк Богодул раньше был менялой и приезжал в Матеру скупать яйца. А потом решил там жить.

По-русски он разговаривал мало, чаще матерился. Старухи его любили, старики считали зловредным. Дарья делится с ним опасением, что родственники спросят ее на том свете за все, что творится на Матере. Вспоминает слова отца, что главное в человеке — совесть. После разорения кладбища она чувствует страх. Дарья идет на макушку острова и осматривается. На что не хватает глаз, она видит памятью и пытается понять: может, все происходит так, как надо? Вечером приехал к ней сын Павел. Первый ее сын погиб на войне, а еще одного убило на лесоповале. Была еще дочь, та умерла после вторых родов. Могил двух последних после потопа не станет.

В живых только Павел, дочь в Иркутске, и еще сын. Дарья просит сына последовать примеру некоторых односельчан, перевезти гробы на новое кладбище: «Грех покойников трогать, но еще грешней оставлять». Она думает о том, можно ли держать в новом месте корову, о лесенках на второй этаж, с которых уже двое с непривычки упали, о том, что молодые легче расстанутся с Матерой. Клавка Стригунова даже говорила, что давно пора остров утопить, и «не могла дожидаться часа, чтобы подпалить отцову-дедову избу и получить за нее оставшиеся деньги». Ждет пока и Петруха, изба которого приглянулась академии наук, и он не знает, что делать.

Ночью из-под берега на мельничной протоке хозяин острова, зверек чуть больше кошки, прислушивается к тому, что происходит. Он смирился уже с тем, что будет, но пока остров стоит, и Хозяин здесь — он. Он знает, что Богодул умрет на Матере, а Петруха распорядится избой сам. Избы в деревне уже загодя пахнут дымом.

Подошел срок Настасье с Егором ехать на новое место, старуха разговаривает с вещами, которые забирает или оставляет в избе. В сентябре она собирается приехать копать картошку. Перед отъездом топит печь, чтобы не оставить дом холодным. Пришедшей Дарье она говорит, чтобы та взяла к себе кошку Ньюню, сбежавшую перед отъездом. Настасья не может бросить ключ в Ангару, как советует муж, Дарья забирает его на сохранение. В лодке Настасья ничком падает на узлы и воет. В эту ночь Петруха сжег избу. Старухи сбивались вокруг Дарьи, чувствуя друг с другом себя смелей. Мать Петрухи, Катерина, ночевала у нее, когда Богодул крикнул, что дом горит. Люди стоят вокруг и смотрят на огонь. Им неловко, что они не тушат пожар, но скоро сгорят все избы. Хозяин острова тоже наблюдает за пожаром и видит, в какой очередности сгорят дома.

Начальство не знает, куда определить работать прежних колхозных начальников. Павла назначили одним из бригадиров по ремонту техники. Он просит-

ся на уборку хлеба в Матеру, но боится, что его заставят после сжигать все оставшееся. Его дом — на Матере а не в новом поселке на несуразном бесплодном месте, где он чувствует себя квартирантом. Его жена Соня, наоборот, чувствует себя в новом доме так, как будто всегда там жила. Павел понимает, что он тоже привыкнет, но матери будет тяжело. Он боится того дня, когда ее надо будет увозить с Матеры.

В сенокос все переселенные приехали в родные деревни, отметили горький праздник. К Дарье приехал младший внук Андрей. В разговоре выясняется, что он хочет работать на ГЭС, которая затопляет Матеру. Пока он помогает отцу с покосом. Начальство распорядилось скосить колхозный урожай до двадцатого числа, люди могут и не успеть выкопать свою картошку.

Дарья вспоминает своего мужа, Мирона, который пропал в тайге, просит Бога забрать ее к себе. Вскоре приезжают две бригады для уборки. Сима приходит с внуком к Дарье, ей страшно дома. На картошку прислали школьников. К Дарье приехали копать Павел с Соней и ее подругой Милой. Настасья не приехала, старухи взялись за ее огород. Павел не нашел времени раскопать могилки и перевезти гробы. Дарья идет на кладбище, которое опять стоит без крестов, но она уже не возмущается. После обращения к покойным родителям ей приходит в голову обрядить и убрать избу перед тем, как ее сожгут. У могилы Сеньки, сына, погибшего на лесоповале, Дарья думает: зачем человек живет, что должен чувствовать человек, ради которого жили многие поколения? Издавна было на Матере поверье, что царский листвень крепит остров к речному дну и, пока он стоит, будет стоять и Матера. Дерево пробуют срубить, сжечь, спилить бензопилой, но листвень стоит, как ни в чем не бывало. Дарья белит избу, последнюю ночь проводит в ней одна, украшает избу пихтой, молится. Утром она взяла свой похоронный узел, самовар и ушла из деревни. Помнила потом, что все шла и шла, а сбоку бежал какой-то маленький зверек и пытался заглянуть ей в глаза. Старухи искали Дарью, кричали,

но она не слышала. Павел нашел ее у лиственя и сказал, что приехала Настасья. Дед Егор умер. Настасья рассказывает, что всех с Ангары теперь зовут утопленниками, а Егор, как приехал, не выходил из дома. Старухи собираются в жилище Богодула, сидят без лампы. Настасья не знает, как жить дальше, спрашивает про кошку. Дарья советует подруге взять с собой Симу с внуком или Богодула. Настасья рада взять с собой Симу, но не знает, позволят ли.

Павел думает, что надо было настоять и увезти с собой мать, он решает привезти завтра всех, чтобы не разлучать в переезде. К нему приходят Воронцов и Петруха, спрашивают, где Дарья и Катерина. Узнав, что они в Матере, Воронцов кричит, что у него с утра государственная комиссия, к утру не должно быть ни барака, ни людей. Они втроем плывут на Матеру, но туман мешает найти остров. В этом же тумане просыпаются старухи, Колька и Богодул, в окно тянет сыростью. Богодул открывает дверь, и все слышат недалекий тоскливый вой — прощальный голос Хозяина. Тут же его точно смывает, и далеко слышится слабый шум мотора.

Тема народа, его истории, его земли

Для Распутина труд человека на земле, человека, живущего в согласии со своей совестью, — основа мировой гармонии. Автор касается в своей повести многих нравственных вопросов, рассматривает проблемы связи поколений, истории и памяти народа, но судьба Матеры — ведущая тема этого произведения. Прощание с миром праведников, с матерью-прародительницей вырастает в миф о гибели крестьянского мира. Крестьян никто не спрашивает, хотят ли они переселиться в другую деревню. Вещи, необходимые на Матере, в городе не понадобятся. Надо бросать все нажитое и уезжать.

Жители по-разному отреагировали на такое решение. Матера стоит на Ангаре триста лет. Старики,

прожившие в родном селе всю свою жизнь, не могут представить, как это — расстаться с Матерой, им дорог каждый уголок, здесь похоронены их предки. Деревня вымирает. На Ангаре строят плотину для электростанции, и деревня вместе с кладбищем будет затоплена.

Это для многих равносильно концу света. Главная героиня повести, старуха Дарья, не может покинуть свою избу, украшает ее перед тем, как уйти. Все коммунальные удобства в городе не стоят того, чтобы убить память о родной земле. Дарья осуждает других, прежде всего своего сына Павла и невестку, говорит молодежи, что они еще пожалеют, что забыли свою историю и покинули землю. Сыну Дарьи тоже жаль расставаться с домом, но он считает, что наука важнее природы и они должны переселиться. Только старики понимают, что им суждено утратить, молодежь же радуется переезду. Связь поколений нарушается. Сама природа против грубого, бесцеремонного вторжения — могучий царский листвень не смогли взять ни топор, ни пила, ни огонь. Но природа не вечна. Разрушая ее, человек творит зло, которое оборачивается против него самого. Остров Матера — это символ земли обетованной, последнее пристанище тех, кто живет в согласии с Богом и природой.

Старухи во главе с Дарьей отказываются переселяться в новый поселок и остаются до смертного часа охранять свою святыню — крестьянское кладбище с крестами и царственный листвень, языческое Древо жизни, потому что перед затоплением санитарная бригада должна сровнять кладбище с землей. Старухи становятся свидетелями того, как поджигают деревню, но не верят, что это был поджог. В голове у них не укладывается, что хозяин может сам сжечь свой дом. Избы для них — живые, старухи обряжают их, как покойников перед смертью.

Павел понимает, что плотина — это необходимость, но не может понять, как можно такое сотворить с поселком. Он навещает Дарью со смутной на-

деждой узнать истинный смысл бытия, но этот мир уже погибает. В финале повести на острове остается только мифический Хозяин, отчаянный крик которого завершает повествование.

Отношение к природе, к родным местам — это отношение к Родине, к своей истории. Строится новый поселок, но в нем нет силы, которой питала крестьян родная земля. Вырастает поколение безответственных, безнравственных людей, не понимающих, что они творят.

А. В. Вампилов

(1937—1972)

Александр Валентинович Вампилов родился 19 августа 1937 г. в сибирском селе Кутулик Иркутской области. Отец будущего писателя был учителем. Он был репрессирован, рано погиб. Четверо детей осиротели. После окончания средней школы Александр поступил на филологический факультет Иркутского университета. Первое произведение — рассказ «Стечение обстоятельств» — было опубликовано в 1958 г. в университетской газете под псевдонимом А. Санин.

После университета Александр Вампилов стал работать в иркутской газете «Советская молодежь» стенографистом, корреспондентом. Здесь стали публиковаться его рассказы.

В 1963—1965 гг. Вампилов учился в Москве на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького. Перу писателя принадлежат известные драматургические произведения: «Прощание в июне» (1964), «Старший сын» (1965), «Утиная охота» (1968), «Прошлым летом в Чулимске» (1971), «Двадцать минут с ангелом» (1962), «История с метранпажем» (1971).

Вампилов погиб 17 августа 1972 г., утонув в Байкале.

Утиная охота

Маленький провинциальный городок, которых так много в России. Раннее утро. Виктор Александрович Зилов проснулся от телефонного звонка. Он взял трубку, однако ему никто не ответил. Зилов медленно встал, открыл окно. На улице дождь. Зилов выпил пиво, стал лениво заниматься зарядкой. Снова раздался звонок. И снова ему никто не ответил — в трубке молчание.

Зилов решил позвонить своему знакомому официанту по имени Дима. Накануне они собирались на охоту.

Зилов очень удивился, ведь Дима спросил у него, поедет ли он на охоту. Зилов помнил, что накануне в кафе произошел скандал, инициатором которого был он сам. Однако подробности скандала как-то не запомнились Зилу. Виктор Александрович помнил также, что кто-то вчера ударил его по лицу. Однако кто это сделал, он не мог ответить. Этот вопрос очень интересует Зилова.

Поговорив с Димой, Зилов положил трубку. Не успел он заняться чем-то еще, как раздался стук в дверь. Не ожидая ничего плохого, Зилов отворил дверь. Вошел мальчик. В руках его был траурный венок с надписью: «Незабвенному безвременно сгоревшему на работе Зилу Виктору Александровичу от безутешных друзей». Зилов понимает, что это жесткая и «черная» шутка. Он рассержен. Одновременно Зилов задумался о том, что было бы, если бы он умер на самом деле. Он начинает вспоминать недавние события своей жизни.

Итак, первое воспоминание. Зилов любит проводить время в кафе под названием «Незабудка». Однажды здесь он и его приятель Саяпин встретились со своим начальником Кушаком, чтобы отпраздновать важное событие — получение новой квартиры. Кушак — солидный мужчина, лет около 50. Вне учреждения неуверен в себе, суетлив. Вдруг появилась

Вера — любовница Виктора. Зилов не ожидал ее прихода. Он попросил, чтобы та не афишировала их отношения. Все собравшиеся сели за стол.

Зилов сказал Кушаку, что вечером состоится празднование новоселья. Виктор Александрович пригласил Кушака. Тот согласился, хотя и не сразу. Зилов пригласил и Веру, потому что ему ничего не оставалось, как это сделать. А Вере только это и было надо.

Жена Кушака уехала на юг. Зилов представил Веру своему начальнику как одноклассницу. Вера ведет себя свободно, даже несколько вызывающе, поэтому у Кушака возникают в ее отношении вполне определенные намерения.

Вечером, как и планировалось, ожидается празднество. Галина, жена Виктора Александровича Зилова ждет гостей. Пока идут приготовления, Галина думает о том, как было бы хорошо, если бы отношения между ней и супругом стали такими, как и раньше, когда была горячая любовь. Гости приносят разнообразные подарки, среди которых есть те, что требуются для охоты: нож, патронташ и несколько деревянных птиц, которые используются на утиной охоте для подсадки.

Больше всего на свете Зилов любит утиную охоту. Он вообще любит развлечения, любит женское внимание, не пропускает красивых женщин. Однако охота для него намного важнее. На самом деле за всю свою жизнь Зилов не смог убить ни одной утки. Галина говорит, что для Виктора важен сам процесс сборов, а также разговоры об охоте. Для самого Зилова насмешки не имеют никакого значения.

Второе воспоминание. Зилов и Саяпин работают вместе. Им нужно в срочном порядке подготовить документацию, которая касается модернизация производства, поточного метода и т. п. Зилов выдвигает предложение, чтобы проект по модернизации представить как уже существующий. Саяпин и Зилов долго думают, делать или не делать им это. Они даже бросают жребий — монету. Разумеется, существует

вероятность разоблачения. И Саяпин это прекрасно понимает. Однако они подготовили фальшивую документацию. Зилов также вспоминает, как прочел письмо от своего старого отца. Старик живет в другом городе, сына не видел четыре года.

Отец пишет Виктору, что болен, просит приехать, повидаться. Однако Зилов не обращает внимания на просьбу отца. Ему все равно, что тот пишет. К тому же Виктор думает, что во время отпуска снова отправится на охоту, а значит, для посещения отца времени нет. Вдруг в комнате появилась незнакомка. Ее зовут Ирина. Она искала редакцию газеты, но перепутала и попала в контору, где трудятся Зилов и Саяпин.

Зилов говорит Ирине, что он и есть сотрудник газеты. Девушка поверила ему. Однако случайно появившийся начальник разоблачил ложь Зилова. Потом у Зилова с Ириной завязались романтические отношения.

Третье воспоминание. Виктор вернулся домой утром. Его жена не спала. Зилов объяснил свое утреннее возвращение неожиданной командировкой. Однако Галина заявила, что накануне вечером соседка видела его в городе, значит, никакой командировки не было. Зилов пытается оправдаться, говорит, что Галина стала слишком мнительной и подозрительной. Но она говорит, что ей надоело постоянное вранье. Галина сказала, что сделала аборт. Виктор пытается выглядеть возмущенным, ведь его жена не посоветовалась с ним. Он пытается задобрить жену, напоминает ей момент первой близости. Это было шесть лет назад, казалось бы, не так и давно. Супруга Зилова сначала пытается не обращать внимания на его уловки. Однако понемногу она оттаивает, начинает вспоминать прошлое. Все могло бы закончиться хорошо для Зилова. Но он не смог вспомнить слова, очень важные для жены. В результате своими воспоминаниями Виктор Александрович только испортил и без того плохие отношения. Галина села на стул и разрыдалась.

Очередное воспоминание. Конец рабочего дня. В комнату, где работают Зилов и Саяпин, вошел разъяренный начальник Кушак. Он требует, чтобы они объяснили все, что касается брошюры, посвященной реконструкции на заводе. Саяпин ожидает квартиру, он должен ее вот-вот получить. Поэтому Зилов берет ответственность на себя, выгораживает приятеля.

Ситуация сложная. Внезапно появилась супруга Саяпина. Она увела Кушака на футбол, чем спасла незадачливых друзей. Как раз в это время Зилов получил телеграмму о том, что его отец умер. Виктор собирается лететь на похороны. Галина намерена отправиться вместе с ним. Однако он отказывается. Перед отправлением Зилов зашел в свое любимое кафе «Незабудка» выпить. Здесь была назначена встреча с Ириной.

Галина случайно увидела эту встречу. Она принесла для поездки своему мужу портфель и плащ. Виктор был вынужден сказать Ирине, что женат. Зилов отложил отлет на следующий день, заказал ужин.

Очередное воспоминание. Супруга Зилова собралась в другой город, к родственникам. Она ушла, и Виктор позвонил Ирине, позвал ее к себе. Вдруг вернулась жена. Она сказала, что уедет навсегда. Зилов ошарашен, он старается остановить жену. Однако она заперла его на ключ. Зилов использует все свое обаяние, чтобы заставить жену изменить свое решение. Он говорит, что по-прежнему дорожит ею. Зилов даже дает обещание взять Галину на охоту. Однако эти объяснения услышала не его законная супруга, а Ирина. Девушка подумала, что все слова относились к ней.

И, наконец, последнее воспоминание. Зилов ждет приятелей, которые должны прийти праздновать предстоящую охоту и начинающийся отпуск. Зилов выпил в кафе. Когда пришли друзья, он уже был порядком нетрезв. Виктор не мог удержаться, устроил скандал. Он не может остановиться. Зилов оскорбляет всех, даже Ирину. В результате все ушли. Зилов

остался один. Но и тут он не прекратил своих выходов. Он назвал официанта Диму лакеем, за что тот ударил его по лицу.

Зилов упал под стол и забылся. Через некоторое время двое приятелей отвели пьяного Зилова домой.

Когда Виктор все это вспомнил, у него появилась мысль покончить жизнь самоубийством. Это уже была не игра. У Зилова очень тяжело на душе. Он написал записку, зарядил ружье. Потом снял обувь, и стал пальцем ноги нащупывать курок.

Вдруг зазвонил телефон. Следом совершенно неожиданно повились приятели Зилова Саяпин и Кузаков. Они увидели, что Зилов вот-вот нажмет на курок. Кузаков набросился на Зилова и выхватил ружье.

Зилов пытается прогнать приятелей. Он кричит, что больше не верит никому. Однако приятели не собираются уходить. Правда, Зилову все же удалось их выгнать. После ухода друзей он, словно помешанный, ходит по комнате с ружьем. Виктор рыдает и смеется одновременно. Потом он взял себя в руки, набрал номер Димы, официанта. «Выезжаешь?.. Прекрасно... <...> Да, сейчас выхожу», — говорит Зилов. Он готов отправиться на охоту.

 *Внутренний мир главного героя пьесы
А. Вампилова «Утиная охота» (по статье
В. Лакшина «Душа живая»)*

«Утиная охота» — самая горькая и безотрадная пьеса Вампилова. В глазах главного героя произведения — Зилова — небрежность, скука, ранняя душевная усталость.

Зилова не устраивает быт, которым живут в его окружении, он подавляет цинизмом и лицемерием. Другой бы прожил, не задумываясь о смысле жизни, но Зилов так не может. Его натуру нельзя назвать мелкой, в герое угадывается запас сил, но этот запас он погубил. Зилов выше своего окружения, но, не

найдя, ради чего жить, герой становится равнодушным, теряет себя.

Единственная отрада для героя пьесы — охота. Он не убил ни единой утки, но это не имеет значения. Охота для Зилова ценна сама по себе, это подмена деятельной жизни. Автора волнует вопрос: как человеку не истрепаться, не сломаться, вступая в многосложную жизнь?

В. В. Набоков

(1899—1977)

Владимир Владимирович Набоков — русский и американский писатель, прозаик, поэт, драматург, литературовед, переводчик.

Набоков родился в семье потомственного дворянина В. Д. Набокова. Детство писателя прошло в Петербурге, он окончил Тенишевское училище, после Октябрьского переворота семья бежала в Крым, в 1919 г. эмигрировала. Набоков окончил в 1922 г. Кембридж и поселился в Берлине. Там он жил до 1937 г. Затем жил два года во Франции, а в 1940 г. с женой и маленьким сыном Дмитрием уехал в США, где прожил двадцать лет, преподавая в колледже и в Корнеллском университете, где читал курсы русской и мировой литературы. Там Набоков профессионально занялся энтомологией. В 1945 г. Набоков получил американское гражданство. В 1959 г. возвратился в Европу и до конца своих дней жил в Швейцарии.

В 1920—1930-х гг. Набоков писал под псевдонимом Синрин, своей фамилией стал подписываться только в эмиграции. Там он пишет о тоталитарном режиме Гитлера и Сталина — роман «Приглашение на казнь» (1938), рассказы «Королек» (1933), «Истребление тиранов» (1936), «Озеро, облако, башня» (1937), пьеса «Изобретение Вальса» (1938). Набоков стал классиком литературы, творя на языке, не являющемся для него родным. Набоков десять

лет потратил на английский перевод «Евгения Онегина», максимально точно переложив произведение А. С. Пушкина прозой и сопроводив обширным комментарием. Набоков перевел на английский язык М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, «Слово о полку Игореве». Главные «американские» произведения — «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Под знаком незаконнорожденных» (1944), «Бледное пламя» (1962), «Пнин» (1957), «Убедительное свидетельство» (1951), «Другие берега» (1954), «Память, говори» (1966). «Лолита» (1955) — единственный роман, переведенный на русский язык автором. Последнее крупное произведение Набокова — роман «Ада» (1969).

Другие берега

Автор рассуждает о времени, жизни, желая увидеть себя в вечности. Говорит о том, что исследователь сначала не видит того, что время, безграничное на первый взгляд, на самом деле — круглая крепость. Автор вспоминает себя на крестинах, когда он впервые осознал, что это — его родители, помнит свои игры в пещеру, детскую кровать. Свои воспоминания он расставляет во времени. Детство в петербургском имении Выре. Первое десятилетие века, кажущееся ему необыкновенным. Смерть отца.

Ребенком автор узнал, что обладает «цветным слухом», как и его мать, может рассказать о цвете любой буквы, причем одни и те же буквы латинского и русского алфавита различны по цвету. До десяти лет у Володи были очень большие способности к математике. Мать рассказывала ему о своем детстве, как она любила головоломки, карты и ходить по грибы. Набоков покинул Петербург в восемнадцать. Тогда он еще не проявлял никакого интереса к своей родословной. Теперь он стремится вспомнить всех, кого видел в детстве, своих многочисленных родственников по отцу и матери. Уже за границей двоюродный дядя рассказал ему, что род их идет от обру-

севшего татарского князька Набока. Бабка, мать отца, была урожденная баронесса Корф, состояла в родстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пуцциными, Данзасами. Набоковский герб — шашечница с двумя медведями. Брат матери, Василий Иванович Рукавишников, сделал Володю своим наследником, но революция тут же отняла наследство. Брат отца, Константин Дмитриевич Набоков, упоминается в связи со счастливым избежанием смерти — к примеру, он не сел на «Титаник». Умер же он от сквозняка, лежа в больнице после легкой операции. Для американской версии этой книги автор делает долгое отступление для иностранцев, говоря о том, что для него тоска по родине — это тоска по детству, а не по утраченным десятинам. Держать в себе прошлое — его наследственная черта, она унаследована от Рукавишниковых и Набоковых. Также семейной была склонность ко всему английскому, поэтому по-английски Володя научился читать раньше, чем по-русски. Длинная череда бонн и гувернанток, учителей проходит через его детство.

Владимир Набоков пишет, что не раз замечал закономерность: как только упоминаешь в произведении о каком-то случае из жизни, он тускнеет в памяти. В произведениях — его дома, гувернантка из Лозанны. Двойник Набокова в прошлом следит за ее приездом на станцию и трогает снег, «полвека жизни рассыпая промеж пальцев». Свою детскую обстановку в комнате и цветные карандаши Набоков тоже отдает своим литературным персонажам. Человек, по словам писателя, всегда чувствует себя в своем прошлом как дома.

Набоков вспоминает свою непойманную первую бабочку, которую он поймал спустя сорок лет в другой стране. Старую гувернантку из Лозанны он навещал в 1921 г., она дружила в Швейцарии с бывшей гувернанткой его матери, с которой в доме Набоковых не разговаривала вовсе. Набоков с другом купили ей слуховой аппарат. Два года спустя старуха умерла.

Автор вспоминает свои путешествия в Париж, Ривьеру, Биарриц на великолепном Норд-Экспрессе. Вспоминает девочку Колетт, с которой совершил неудавшийся побег из Биаррица. Как в волшебном фонаре, перед ним предстает череда гувернеров и воспитателей: сын плотника, украинец, латыш, поляк-католик, лютеранин еврейского происхождения. Последнему как раз и пришла в голову идея познакомить детей с волшебным фонарем, имевшимся у его товарища, и он стал устраивать ужасные представления, бубня стихи под картинки. В конце концов Володя упросил мать заплатить этому товарищу, и он исчез вместе с фонарем.

Когда Набоков воображает это чередование учителей, его поражает устойчивость и гармоническая полнота жизни. Он отмечает мастерство богини памяти Мнемозины, которая «соединяет разрозненные части основной мелодии, собирая и стягивая ландышевые стебельки нот, повисших там и сям по всей черновой партитуре былого». Набоков наблюдает за всеми со стороны в качестве призрака из будущего.

В одиннадцать лет Володя поступил в Тенишевское училище, где его обвиняли в нежелании приобщиться к среде и щегольстве английскими и французскими словами, в нежелании вытираться общим мокрым полотенцем и есть захватанный чужими руками хлеб. Но более всего не нравилось в Володе то, что его привозит шофер в ливрее и он не принадлежит ни к каким группам, союзам или объединениям, наоборот, испытывает к ним отвращение. Нападки реакционной печати на кадетов стали постоянными, и мать собирала карикатуры на отца. Из-за одной оскорбительной статьи Владимир Дмитриевич Набоков вызвал на дуэль редактора газеты «Новое Время». Володя узнает об этом случайно, в день дуэли, на которой удастся достигнуть примирения. Это связывается в его памяти с тем, как умрет отец, — ночью в 1922 г. он заслонит Милюкова от пули и будет смертельно ранен в спину.

Книги Майна Рида связаны для Набокова с его двоюродным братом Юрием Раушем, с которым они играли сцены из книги. Владимиру Юрий рассказал о своей влюбленности в замужнюю даму. Вместе их отправляли в Берлин выправлять зубы, вместе они забавлялись играми, а вскоре Юрий погиб в атаке в крымской степи.

Пришла первая любовь, имени которой Набоков не раскрывает, упоминая, что цвета его такие же, как цвета имени Тамара. Он встретил ее летом в Выре, но в Петербурге, с наступлением зимы, роман начал увядать в городской обстановке (где они ходили по музеям и кинематографам). После Тамара сказала ему, что их любовь не справилась с этой трудной порой. Но для Набокова это время означает и сборник стихов для Тамары, напечатанный в 1916 г. Книга была, по мнению Набокова, плохая, и директор училища В. Гиппиус и его кузина Зинаида Гиппиус считали, что Володя никогда писателем не станет. Эта история дала иммунитет будущему писателю к единовременной литературной славе и равнодушие к рецензиям. Следующим летом в Выре Владимир и Тамара клялись друг другу в вечной любви, а потом несколько месяцев они не виделись, Тамара поступила на службу. Летом 1917 г. они встретились в дачном поезде, эта встреча была последней.

Набоков делает отступление, говоря, что в американском издании книги пришлось объяснять удивленным читателям, что эра концлагерей началась сразу после того, как Ленин захватил власть. Отец его до последней возможности оставался в Петербурге, семью отправил в Крым. Там Володя получил письмо от Тамары, с тех пор потеря родины была равнозначна потере любимой, пока он не выразил свое томление в «Машеньке». В течение лета они переписывались, эти письма придали особый оттенок тоске по родине. Иногда Набоков мечтал съездить с подложным паспортом в Выру и Рождественно, но слишком долго он об этом мечтал, истратился. Что было потом с Тамарой, он не знает. Летом 1919 г. Набоко-

вы поселились в Лондоне, через год родители с тремя младшими детьми переехали в Берлин, а Володя и Сережа поступили в Кембридж. В момент знакомства со своим наставником Володя неуклюже столкнул его чайный прибор, стоящий на полу. Спустя много лет Набоков навестил этого человека и спросил, помнит ли его наставник. Услышав отрицательный ответ, Владимир опять наступил на поднос рядом с креслом и тем заставил вспомнить себя.

В Кембридже Владимиру пришлось жить, соблюдая нелепые правила: за прогулки по траве — штраф, в спальне нельзя топить. Настоящая история пребывания в университете, как признается Набоков, — это история его потуг удержать Россию. Он много спорил о политике, о терроре Ленина, который слепо не признавали англичане. Потом Набоков ударился в литературу: страх забыть то, что приобрел в России, подгонял. В Англии он продолжил играть в футбол в любимом амплуа голкипера. Кембридж стал рамкой для воспоминаний о России, Владимир отретсаврировал родину в душе и закрепил навсегда.

Набоков говорит о спирали как об одухотворении круга и в связи с этим о гегелевской триаде. Спираль состоит из тезиса, антитезиса и синтеза. Это для Набокова три периода его жизни — двадцатилетний русский период, пора эмиграции и жизнь на новой родине. Все, что можно сказать об эмиграции, писатель уже сказал в своих книгах. Он давал уроки английского и французского, тенниса, перевел «Алису в стране чудес», придумал крестословицу и составлял шахматные задачи. Русских литераторов вокруг было чрезвычайно много, но Набоков говорит только о странной лирической прогулке с Цветаевой в 1923 г., встрече с Буниным, с которым так и не удалось поговорить об искусстве, мимоходом упоминает Ремизова, Куприна, Алданова, Айхенвальда, Ходасевича и кается, что не замечал достоинств поэзии Поплавского, видя ее недостатки.

В 1940 г. удалось получить выездную визу в Америку, и Набоков, уже с женой и маленьким сыном,

уезжает. Он возвращается к тому дню, когда родился сын, вспоминает его младенчество, все его коляски, сменившиеся потом машинками, одежду, прогулки, скверы, где они сидели. Фотография сына у моря — Набоков уверен, что на ней есть кусочек майолики, продолжающий узор того кусочка, что нашел он сам в 1903 г., и найденного его матерью в 1885 г., и его бабушкой, еще раньше. Если бы можно было собрать все кусочки, то сложилась бы чашка, разбитая неизвестно когда, «но теперь починенная при помощи этих бронзовых скрепок». В мае 1940 г. он снова у моря, с женой и шестилетним сыном, это последняя прогулка в сквере перед отъездом в Америку. Этот сквер остался в памяти бесцветным, лишь одни трубы парохода из-за домов и сохнувшего белья запомнились как картинка-загадка, «где все нарочно спутано, однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда».

Ностальгическая тема в романе

Набоковская Россия не похожа на Россию Бунина, Куприна, Шмелева, Зайцева. В ней нет русских типов, это образ утраченного детства. Это «знак, зов, вопрос, брошенный в небо и получающий вдруг самоцветный, восхитительный ответ» — эта метафора из романа «Машенька» прошла через все творчество писателя до автобиографии «Другие берега». Эмиграция для Набокова — следствие революции. «Другие берега» — это берега уже недостижимой, утраченной России и одновременно берега вынужденной эмиграции. Россия — это образ утраченного рая.

Как считает Андрей Арьев, первая фраза романа — «Колыбель качается над бездной» — обозначает создание райского места, творчество писателя как возвращение к петербургскому детству, священной для Набокова колыбели. Мир, который узнает ребенок, по мнению Арьева, у Набокова разросся до метафоры всего творчества.

Другой исследователь, Илья Калинин, предполагает, что цель книги мемуаров для писателя — найти за внешней биографической канвой тайный код, раскрывающий смысл собственной судьбы. Русская история для Набокова существует не в хронологии, а в его воспоминаниях. А вспоминать для него — это видеть, а не рассказывать историю. «Другие берега» совмещают предмет и его отражение: это одновременно и берега зрелости и эмиграции, и берега детства и родины, вновь обретаемые через творчество.

Почти все произведения Набокова содержат биографические воспоминания, целые периоды жизни автора описаны в «Машеньке», «Подвиге», «Даре». Но «Другие берега» — это не воспоминания для потомков, а загадка, сообщение из детства, которое Набоков пытается разгадать.

А. И. Солженицын

(р. 1918)

Александр Исаевич Солженицын родился 11 декабря 1918 г. в Кисловодске. Перед Великой Отечественной войной он окончил Ростовский университет, где усиленно изучал физику и математику. Заочно Солженицын учился на филфаке МИФЛИ. Три года Солженицын воевал в Красной Армии в артиллерийских войсках, достиг звания капитана.

9 февраля 1945 г. Александр Исаевич был арестован фронтовой контрразведкой за критические замечания о Сталине, высказанные им в письме другу. Без проведения суда писателя приговорили к восьми годам тюремного заключения. Он пробыл в лагерях до 1953 г. В 1952 г. Александр Исаевич заболел раком, а в 1954 г. он чудом вылечился в ташкентской больнице.

В хрущевские времена писатель был реабилитирован и в 1956 г. смог вернуться в центр России. Солженицын начал новую жизнь, поселившись в Рязани. Он преподавал в школе физику и математику. В этот же период он начал работать над своими книгами. В 1962 г. был написан знаменитый рассказ «Один день Ивана Денисовича». Это было первое произведение писателя, напечатанное в Советском Союзе. После 1966 г. произведения Солженицына надолго перестали публиковать. Главной причиной этого послужило написание «Письма IV съезда советских писателей», в котором писатель требует отказа от цензуры, реабилитации писателей, расстрелянных во время репрессий, а также возврата его личного архива, конфискованного властями в 1965 г. В 1968 г. вышли роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус», а в 1970 г. Солженицыну присуждают Нобелевскую премию, после чего гнет над ним еще больше возрастает. В феврале 1974 г. за публикацию «Августа 14-го» и первого тома «Архипелага ГУЛАГ» советское руководство высылает писателя в Германию, но Александр Исаевич поселяется в Швейцарии.

В 1976 г. Солженицын вместе с семьей переезжает в США. Живя на Западе, он завершил «Бодался теленок с дубом: очерки литературной жизни» и восстановил три пьесы, сочиненные в лагерях. Основными выступлениями на Западе были «Расколотый мир», «Чем грозит Америке плохое понимание России», а также «Иметь мужество видеть».

В 1989 г. в журнале «Новый мир» были напечатаны главы из «Архипелага ГУЛАГ», в 1990 г. Солженицыну возвратили советское гражданство. В том же году огромным тиражом был выпущен его манифест «Как нам обустроить Россию». В мае 1994 г. с новыми произведениями писатель вернулся в Россию. Одной из его новых работ был «Русский вопрос к концу XX века». К 1998 г. относятся работы «Россия в обвале», «Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания». С сентября того же года Солженицын начинает издавать журнал «Новый мир». В 2001 г. вышла одна часть его исследований «Двести лет вместе».

Александр Исаевич очень хотел повлиять на российскую политику и для этого в 1994 г. встречался с Борисом Николаевичем Ельциным, а в 2000 г. — с Владимиром Владимировичем Путиным.

Один день Ивана Денисовича

В пять часов утра, как всегда, нужно было вставать, но барак почему-то не открывали. Иван Денисович Шухов никогда не просыпал подъем. До отхода на работы было полтора свободных часа. Шухов обычно тратил их на помощь другим и на мелкие работы. Например, он мог подмести, подать бригадирю валенки, чтобы тот не замерз с утра, или прибрать в столовой. За это могли даже накормить. В лагере живет много людей, которые уже мало похожи на людей (больше на животных). Про таких заключенных бригадир Куземин говорил: «Но люди и здесь живут. В лагере вот кто поддыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать». В описанный день Шухов поднялся не сразу. В то утро ему нездоровилось и хотелось еще немного поспать. Барак был огромный и холодный: на окнах был толстый слой льда, а потолок был покрыт инеем.

Утро проходит, как обычно: дневальные выносят мусор и выдают работникам валенки. Бригадир уже пришел в штабной барак за нарядами на работу. Шухов слышал это, лежа на кушетке и закутавшись в одеяло и телогрейку.

Бригаду нарядчиков хотят послать со строительства мастерских на «соцгородок». Строительство должно было проходить на заснеженном поле в жуткий мороз, а огонь в такую погоду разжечь невозможно. Сначала в снегу выкапывали ямки, ставили в них столбы и натягивали колючую проволоку, чтобы заключенные не могли сбежать во время работы. Шухов лежал и думал, сходить ли ему в санчасть. Ему не нравилось такое состояние: вроде не здоров, но и не болен. К лежащему Ивану Денисовичу подошел бригадир и начал его отчитывать: «Щ-854. — Трое суток кондея с выводом!» Шухов жалобно спросил: «За что?» Услышав ругань, все остальные начали потихоньку подниматься. Никому не хотелось оказаться в карцере за непослушание. Шухову было

очень обидно из-за того, что он впервые проспал. Но спорить с Татаринцом было нельзя, и Иван Денисович быстро оделся и вышел вслед за бригадиром. Оказалось, что Шухова повели вовсе не в карцер, а помыть пол в штабном бараке. На улице было 27,5 градусов. Вернувшись с улицы, Шухов разулся, чтобы не намочить обувь, и налил воды на пол так, что она потекла под валенки надзирателей. Те стали ругать заключенного и приказали, чтобы он лишь слегка протер пол. Он быстро справился с работой. Шухов бросил мокрую тряпку за печку, а водой щедро полил дорожку, по которой ходило начальство, и пошел в столовую. Очереди за едой не оказалось. Все ели, не торопясь, выплевывая на стол кости. Когда костяная горка становилась большой, ее выкидывали на пол. Сразу бросать мусор на пол было неприлично. Однбригадник Фетюков охранял завтрак Шухова. Иван Денисович снял шапку. Все остальные ели в шапках, но он не мог. Он медленно ел, смакуя каждый кусочек. Шухов не заходил в барак, поэтому своего хлеба он не получил. После завтрака Иван Денисович отправился в санчасть, но по пути вспомнил, что надо купить у длинного латыша два стакана самосада, поэтому Шухов поспешил скорее решить дело в санчасти. Фельдшер померил температуру Ивану Денисовичу, оказалось 37,2. Если бы у Шухова была температура 38, то его могли бы освободить, но градусник показывал меньше, и его отправили работать.

Иван Денисович успел забежать в барак, и помощник бригадира дал ему хлеб и сахар. Бригаду сразу же начали собирать на работы.

Сто четвертая бригада, к которой принадлежал Шухов, пошла на прежнее место работы, видимо, бригадир отдал за это сало. На холод пошли работать те, кто победнее и поглупее. Бригада ждала шмона, и Шухов встал в строй около курившего сигарету Цезаря, а тот, не докурив, отдал ее Ивану Денисовичу. Всех заключенных обыскивают, пытаюсь найти ножи и другие запрещенные предметы. Люди сильно

замерзли на улице. Тщательно считают выходящих из барака. Надзиратели стараются не ошибиться, иначе свою голову можно сложить.

Шухов натянул шапку пониже и поднял воротник, оставив на лице открытыми только глаза. Начальник объявил маршрут, и колонна двинулась в путь. Иван Денисович был жутко голоден, и, чтобы хоть как-то отвлечься, он начал думать, как будет писать письмо родным. Наступил новый 1951 год и Шухову разрешили написать домой, только о чем надо было написать, он не знал.

Шухов ушел из дома 23 июня 1941 г. Сейчас мало что связывало его с семьей. Жена писала все время одно и то же: что колхозы разваливаются, все парни и девушки перешли работать на фабрики и заводы. Мужчин с войны вернулось меньше половины, и в колхозе работают одни женщины, больше никому это не нужно. Многие мужики работают красителями ковров. Жена очень хочет, чтобы Иван Денисович тоже красильщиком стал, надеется, что они вылезут из нищеты. Все красильщики уже в новых домах живут. Шухову оставалось сидеть еще год, но мысль, что он будет красить ковры, ему не нравилась.

Из рассказов вольных шоферов Шухов узнает, что людям не дают нормально работать и существовать, поэтому они стараются выживать, как умеют. Иван Денисович тоже мог бы приспособиться к таким условиям, но ему не хотелось браться за ковры.

Иван Денисович огляделся и увидел бригадира. Он был крепким и сильным мужчиной, а в тюрьме отбывал уже второй срок. Шухов считал, что на зоне все зависит от бригадира: если тот хороший, то всегда поможет, но если нет, то это верная гибель. Пока бригадир получает задание, вся бригада уходит в зону, чтобы запастись теплом на весь рабочий день. Шухову становится все хуже. Он достал хлеб, оставшийся с завтрака, и начал есть, чтобы хоть как-то дотянуть до обеда. Правильно есть Шухов научился только в лагере, когда есть нечего. Каждый кусочек

он долго пережевывал и мял во рту, получая от этого удовольствие. Рядом с Иваном Денисовичем сидел кавторанг Буйновский. В лагере он со всеми разговаривал командным тоном (привык так себя вести на флоте). Сенька Клевшин был глухим, он сидел в немецких лагерях, но даже Бухенвальд не сломил его духа. Два эстонца, словно родные братья, всегда неразлучны. Они все делают пополам, хотя познакомились только в лагере. Латыш Кильдигс мечтает о том, чтобы поднялся буран. Тогда не только на работу, даже из барака никого бы не выпустили, а если выйдешь на улицу, легко можно заблудиться. В такую погоду никто не работает, но из-за этого работа переносится на выходные.

Вернулся бригадир и раздал всем задания. Без работы остались только Иван Денисович и латыш. Бригадир приказал им забить окна, чтобы люди не замерзали. Кильдигс вспомнил, что около сборных домков лежит огромный рулон толя. Настоящее имя Кильдигса — Ян, но Шухов предпочитает называть его Ваней. Перед тем как идти за толем, Шухов достал из кармана мастерок. После работы все заключенные должны были сдавать инструменты, но Иван Денисович изловчился и выкрал один.

За работу эки получали еду. Если кто-то из бригады не работал, всех оставляли без обеда. Но в такой мороз лучше поработать, иначе можно окоченеть.

Забили окна и растопили печь, поэтому народ потянулся к теплу. Но помбригадира разогнал всех делать растворные ящики. Латыш радовался, что скоро заканчивается его срок и он будет жить на воле. Но Ивану Денисовичу кажется, что его не выпустят. Считалось, что Шухова посадили за измену Родине. Он, по словам следователя, сдался в плен врагу, а вернулся из плена, потому что выполнял задание немецкой разведки. Но какое задание, придумать никто так и не смог. На допросах в контрразведке Шухова очень сильно избивали, и он подумал, что если будет сопротивляться, то его просто убьют, поэтому он согласился со словами следователя. На самом

деле все обстояло по-другому. В феврале 1942 г. на Северо-западе их отряд окружили со всех сторон. Есть было нечего, поэтому даже лошадиные копыта шли в пищу, и оружия тоже не осталось. Всех, кто попадался на пути, немцы брали в плен. Иван Денисович находился в плену два дня, а потом он и еще четверо солдат бежали. Только двое из них остались в живых, но рассказ про два дня в плену показался властям неправдоподобным, и их посадили.

Глядя на огонь, Шухов начал вспоминать семь лет, проведенных в Сибири. Там, если работа не была закончена днем, нужно было трудиться ночью. Не успеешь вернуться в лагерь, нужно уже снова идти на работу. А в этом лагере, как утверждал Иван Денисович, условия лучше. Один эск сказал, что не лучше, потому что людей убивают, а его поправили, что не людей, а стукачей. Прозвучал гудок, вызывающий рабочих на обед. Часть еды отходила дежурным, а эскам оставалось лишь брать то, что дают, и помалкивать.

Бригадиру дают двойную порцию овсяной каши, но он отдает ее помощнику Павлу. При раздаче мисок повар сбился со счета, и Шухову удалось взять лишние. Шухов надеялся, что хотя бы одна из ворованных порций достанется ему. Двумя лишними порциями должен был распорядиться Павел. Он съел свои две миски каши и отдал Шухову две оставшиеся, с тем чтобы одну Иван Денисович съел сам, а вторую отнес Цезарю. Иван Денисович боялся, что лишнюю порцию отдадут Фетюкову, который хороший вор, но схитрить не смог. Рядом с Шуховым сидел Буйновский. Он не знал, что осталась еще еда, поэтому сидел спокойно. Но Павел отдал и ему одну миску. Шухову понравился поступок Павла. Кавторанг еще не научился жизни в лагере, и его нужно было поддерживать. Иван Денисович отнес Цезарю его порцию. Он надеялся, что добрый Цезарь даст ему папиросу, но, так и не дождавшись, пошел работать.

Бригада повеселела. Они выполнили всю работу и поэтому следующие пять дней должны будут получать хорошие пайки.

Бригада столпилась у печки, слушая рассказ бригадира о том, как его выгнали из военного училища. Позже на пересылке он узнал, что училищное начальство расстреляли, и тогда впервые поверил, что Бог все-таки существует.

Шухов занял у эстонцев табак и начал курить.

Бригадир теперь рассказывал, как ехал на поезде, прикрываемый четырьмя девушками. Одну из них он потом встретил на пересылке и помог ей устроиться в портняжную, иначе бы она погибла.

Он пришел тайком домой, отца к тому времени уже угнали. Тюрин увез своего брата в город Фрунзе и отдал блатным на воспитание. Теперь он пожалел, что сам с ними не остался.

После рассказа все разошлись по работам. Кладку решили делать вчетвером, чтобы не был раствор: Иван Денисович, Кильдигс, бригадир и Клевшин. Шухов был увлечен своим делом. Он заметил, что до него клали неумело, кое-как. Иван Денисович решил исправить все огрехи. От такой работы всем стало жарко. Пришел досмотрщик — Дэр и начал кричать на Тюрина. Он говорил, что за толь бригадиру дадут третий срок. В ответ на такое бригадир сказал, что если Дэр что-нибудь скажет, то он его убьет. Дэр испугался и сказал, что его неправильно поняли. Надсмотрщик только не знал, что же он скажет про толь прорабу. Тюрин посоветовал сказать, что, когда на работу пришла сто четвертая бригада, толя уже не было.

Бригадир хотел, чтобы рабочие починили подъемник, чтобы не поднимать вручную раствор, но оказалось, что подъемник неисправен.

Каменщики клали всего пятый ряд, когда заканчивался рабочий день, а раствор еще оставался. Рабочие не хотели, чтобы раствор пропадал, поэтому клали быстро, не задумываясь о качестве. Иван Денисович ходит и поправляет неровности на стене. Все рабочие пошли строиться и сдавать инструменты, а Шухов и Клевшин доделывали свою работу. Все уже построились, а Шухов и Глухой быстро бежали к строю, чтобы их не побили за опоздание. Но все

обошлось, бригадир объяснил причину их опоздания. Всех пересчитали, но оказалось, что одного человека не доставало. Выяснилось, что отсутствует человек из тридцать второй бригады. Через полчаса он все-таки подошел. Оказалось, что он забрался на лес и заснул, его еле отыскивали. Все двинулись в путь.

Шухов хочет занять место в посылочной для Цезаря. Цезарь говорит, что, возможно, и нет никакой посылки, но Иван Денисович все равно настаивает на своем. Как только заключенные проходят через ворота, все разбредаются кто куда. Шухов уже бежит в посылочную.

В очереди Шухов узнает, что выходного в воскресенье не будет. Так делали каждый месяц: из официальных пяти выходных два обязательно делали рабочими.

Но и выходной день могли испортить какой-нибудь срочной работой. Цезарь пришел за посылкой, а ужин свой отдал Шухову. Этого Иван Денисович и хотел.

Вернувшись в барак, Шухов обнаружил, что его пайка, спрятанная под матрасом, цела. Это его очень обрадовало. Он побежал в столовую и успел сесть со своими. Иван Денисович добыл поднос и миску с более густой баландой получил. Он взял хлеб за себя и за Цезаря. В этот день Шухову повезло дважды: и в обед и на ужин ему досталось по две порции. Хлеб Шухов оставил на завтрак и решил сходить к латышу за самосадом. Денег в лагере не платили, только по заявлению можно было снять раз в месяц. Иван Денисович зарабатывал на шитье тапочек и бушлатов.

Вечером Буйновского забрали в карцер за непроизвольное поведение с начальством. После десяти суток пребывания в этом ужасном месте в мороз и с кормежкой в третий, шестой и девятый дни точно можно было заработать туберкулез, а если пробыть там пятнадцать, тогда смерть.

Шухов научил Цезаря, как сохранить посылку при ночном обыске.

Наконец Иван Денисович лег спать. Он был доволен, что ночует не в карцере, а в бараке. Там, по его мнению, еще можно было спать.

Только все решили заснуть, как началась вторая проверка. Цезарь наградил Шухова за помощь печеньем, сахаром и кусочком колбасы. Шухов засыпал очень довольный. День для него был удачным: его не посадили в карцер, их бригаду не отправили работать на соцгородок, он много съел за день, хорошо поработал и не попался с ножовкой на проверке.

«Прошел день ничем не омраченный, почти счастливый.

...Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов — три дня лишних набавлялось».

Своеобразие раскрытия лагерной темы в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»

Главным героем рассказа Солженицына является Иван Денисович Шухов. На первый взгляд кажется, что Солженицын повествует нам об одном конкретном человеке, но на самом деле, этот образ является собирательным. Таких людей, как Шухов, миллионы. Все они живут в заточении, в лагерях, хотя не совершали никаких преступлений.

Иван Денисович — трудолюбивый и справедливый человек. Именно эти качества отличают его от других людей в лагере. Он никогда не будет унижаться из-за сигареты, вылизывать миски или, тем более, становиться доносчиком ради собственного благополучия. Шухов не симулирует болезнь, а, почувствовав себя плохо, пытается побороть в себе недомогание.

Работа для Ивана Денисовича — главное спасение. Он и на воле любил поработать, а в лагерных условиях это было единственной радостью. Во время работы заключенные веселятся, смеются, рассказывают друг другу истории из жизни.

Описанный день является таким же типизованным, как и образ Шухова. Таких дней в жизни эка очень много, и последующий день до боли напоминает предыдущий. Но ни однообразие, ни суровые условия жизни не смогли сломить русский дух и поработить человека. Эти люди выстояли сами и не дали сломить Россию.

В. Т. Шаламов

(1907—1982)

Варлам Тихонович Шаламов — русский писатель. Он родился в семье вологодского священника. В 1924 г. уехал в Сетунь, где работал дубильщиком на кожзаводе. В 1926 г. поступил на факультет советского права МГУ, активно участвовал в политической и литературной жизни столицы.

За распространение знаменитого ленинского «Письма к съезду» в 1929 г. Шаламова арестовали и приговорили к трем годам соловецких лагерей. После освобождения Шаламов вернулся в Москву, занимался литературой и журналистикой. В журнале «Октябрь» появляется его первый рассказ — «Три смерти доктора Аугустино». В начале 1937 г. Шаламов снова был арестован и приговорен к пяти годам колымских лагерей, а в 1943 г. — еще к десяти за то, что назвал Бунина русским классиком (это было расценено как антисоветская агитация). В 1951 г. Шаламова освободили, он работал фельдшером около Оймякона. С 1953 г. жил в Калининской области, в 1956 г., после реабилитации, — в Москве. Писал для журналов заметки об истории культуры, издавал стихотворные сборники — «Огниво» (1961), «Дорога и судьба» (1967), «Московские облака» (1972). «Колымские рассказы» Шаламова распространялись в самиздате. В 1978 г. в Лондоне они вышли на русском языке. В СССР рассказы стали публиковать только через десять лет. С 1979 г. писатель жил в доме престар-

релых, откуда в 1982 г. его отправили в интернат для психохроников. По дороге Шаламов простудился и вскоре скончался.

На представку

В бараке коногонов играют в карты. Надзиратели туда никогда не заглядывают, они наблюдают за осужденными по пятьдесят восьмой статье, поэтому у коногонов играть безопасно. Каждую ночь блатные собираются там и при свете самодельной лампочки-«колымки» на грязной подушке устраивают поединки. Карты самодельные, из вырезанных из тома Гюго листов. В этот раз играли шулер Севочка, знаток карточных игр, и Наумов, бригадир коногонов, железнодорожный вор с Кубани.

Рассказчик и бывший инженер-текстильщик Гаркунов выполняют ночную работу, пилят дрова для барака коногонов. После работы им дают поесть, и они наблюдают за игрой. Наумов проиграл брюки и пиджак с рубашкой, затем подушку и одеяло, украинский рушник с петухами, портсигар с вытисненным профилем Гоголя. По правилам, бой не может быть окончен, пока есть что проигрывать. Когда ничего не осталось, Наумов заискивающе предлагает играть на представку — в долг. Это необязательно, но Севочка дает ему шанс отыграться и дает час предвки. Наумов отыграл одеяло, подушку, брюки и опять проиграл все это. Севочка уложил выигранное в фанерный чемодан. Наумов осматривает рассказчика и Гаркунова, требует снять телогрейки. Под телогрейкой у Гаркунова красный шерстяной свитер — последняя передача от жены. Наумов требует снять его. Севочка одобрительно осматривает ценную вещь: выстирать — и можно носить. Гаркунов отвечает, что снимет свитер только с кожей. Его сбивают с ног, он кусается, Сашка, дневальный Наумова, ударяет его ножом. С убитого стягивают свитер, кровь на красном незаметна. Севочка кладет

свитер в чемодан. Игра закончена, рассказчик констатирует, что ему нужно искать нового партнера для пилки дров.

Сентенция

Один за другим приходят новые люди в лагерь, все они похожи на мертвецов. Последнее чувство для рассказчика — не равнодушие, а злость. Соседи появляются и исчезают навсегда, герой не спрашивает их ни о чем. Храня в сердце злобу, он ждет смерти, но вместо нее жизнь заменяется полусознательным существованием. Рассказчик работает кипятильщиком — это легкая работа, но и она тяжела: не успевает нарубить дров, не может вовремя вскипятить воду, расстояние в двести метров от палатки до работы кажется ему бесконечным, а двуручная пила — невероятно тяжелой. Никто из вольнопоселенцев и не обращал внимания, кипела ли вода, — главное, что она горячая. Питается герой тем, что попадется. Несмотря на скудное питание, отмороженные гнойные конечности, он не умирает, живя как в тумане. Но однажды рассказчик осознает, что слышит стоны и хрипы товарищей, и с этого момента потребность забываться уменьшается. Начали болеть мышцы, он стал чувствовать свое тело. На смену злобе пришло равнодушие-бесстрашие, ему стало все равно, будут бить или нет, будут кормить или нет. Но били только на приисках, и это успокаивало и давало силы. Равнодушие сменяется страхом — человек боится потерять спасительную работу кипятильщика, боится уехать на прииск. Потом приходит зависть к мертвым и живым товарищам. Рассказчик сожалеет, что не вернулось чувство любви, но после того, как он не дает топографу пристрелить защищавшего гнездо снегиря, он понимает, что вернулось еще что-то важное. Оскудевшие язык и чувства героя бедны: два десятка слов, половина из них — ругательства. Других слов рассказчик не искал и был поражен, когда внезапно

в его голове родилось «непригодное для тайги» слово «сентенция». Слово ошеломляет человека, и он кричит его на всю тайгу, еще не понимая его значения, но радуясь обретению. И даже провокационный вопрос, не иностранец ли он, не заставляет его забыть слово. В нем слышится что-то твердое, римское. Только через неделю рассказчик понимает, что оно означает, и сознает, что возрождается. Новые слова возвращаются с трудом, но их все больше. Потом настал день, когда рабочие бросили работу и еду и побежали в поселок: приехал начальник из Магадана. На пне у входа в палатку играет патефон, а рядом стоят убийцы, конокрады, блатные, фраера, десятичники и работяги. Начальник смотрит так, как будто он сам написал эту музыку: «Шеллачная пластинка кружилась и шипела, кружился сам пень, заведенный на все свои триста кругов, как тугая пружина, закрученная на целых триста лет...»

Жизненная достоверность «Колымских рассказов» В. Шаламова

«Колымские рассказы» Шаламов создавал с 1954 по 1973 г. Писатель разделил их на шесть книг: «Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира», «Воскрешение лиственницы» и «Перчатка, или КР-2». Страшный многолетний лагерный опыт писателя, состоявший из сверхчеловеческих испытаний — смертей, голода и холода, унижений, лег в основу шаламовской прозы. В ней — правда о годах террора. В каждом рассказе описывается тюремный и лагерный быт заключенных ГУЛАГа, трагические судьбы людей, зависящих от воли случая, начальников и блатных. Сквозная тема рассказов — человек в нечеловеческих условиях.

Правда о лагерях беспощадна, Шаламов показывает читателю страшные подробности, выступая их свидетелем. В лагере человек терял все, что связыва-

ло его с прежней, долагерной жизнью, которую Шаламов называет «первой», начиналась вторая жизнь, и весь житейский опыт нужно было приобретать снова. Судьбу заключенного определяет случай. Интеллигенты, политзаключенные, так называемые враги народа, были отданы на растерзание уголовникам. Унижения, издевательства, избиения, насилие — естественная вещь в лагере.

Унижения были страшнее голода и болезней, они опускали человека до уровня животного, он переставал мыслить и чувствовать, ограничиваясь полусознательным существованием (единственным чувством героя рассказа «Сентенция» становится злоба). Знаменитый сталинский лозунг «Труд есть дело чести, дело славы, доблести и геройства», висевший над воротами каждого лагеря, на самом деле о труде подневольном, рабском. Так обесценивается человеческая жизнь, меняются понятия о добре и зле.

Когда нравственные и физические силы иссякают, человек становится доходягой с атрофированной волей. Голод превращается в болезнь, в пытку замученного и униженного человека, чья главная цель — выжить. Другая грань человеческого унижения — подчиниться вора. Автор ценит тех, кто способен сопротивляться обстоятельствам даже ценой собственной жизни. Это художественный документ эпохи, произведение огромного психологического воздействия. «Колымские рассказы» стали обвинением советскому тоталитарному режиму, породившему лагерь.

Лагерь олицетворяет абсолютное зло, люди же мечтают вырваться из него не на свободу, а в тюрьму: «Тюрьма — это свобода. Это единственное место, которое я знаю, где люди, не боясь, говорили все, что думали. Где они отдыхали душой» («Надгробное слово»).

Несмотря на подробности, происходящее кажется нереальным, настолько оно жестоко. Но это действительно было, это наша история.

В. С. Высоцкий

(1938—1980)

Владимир Семенович Высоцкий — поэт, бард, актер. Родился в семье военнослужащего. После школы поступил в МИСИ, потому что мать была против его артистической карьеры. Но окончательное решение было принято Высоцким в новогоднюю ночь с 1955 на 1956 г. В школу-студию МХАТ Высоцкий поступил с первого раза. В 1956—1960 гг. Высоцкий — студент школы-студии МХАТ им. В. И. Немировича-Данченко, два года после ее окончания работал в театре им. А. С. Пушкина. Как бард Владимир Семенович впервые вышел на сцену в 1959 г. Произошло это в студенческом клубе МГУ. Интерес к авторской песне у него пробудился после знакомства с творчеством Булата Окуджавы, которого Владимир Семенович считал своим учителем. Первые песни Высоцкий начал писать в начале 1960-х гг., они были в стиле «дворовой романтики» и не воспринимались всерьез. К тому же у поэта не ладились отношения с властями. Высоцкого знали по записям песен, но официально его выпустили на эстраду только в 1971 г. Первой знаменитой песней стала «Подводная лодка». В 1964 г. Высоцкий стал актером театра на Таганке, где играл в спектаклях «Добрый человек из Сезуана», «Герой нашего времени», «Антимиры», «Десять дней, которые потрясли мир», «Вишневый сад», «Павшие и живые», «Галилей», «Пугачев», «Гамлет». Снимался в фильмах «Вертикаль» (1967), «Короткие встречи» (1968), телефильмах «Место встречи изменить нельзя» (1979) и др. В 1968 г. выходит первая гибкая пластинка В. Высоцкого с песнями из кинофильма «Вертикаль», а в 1973—1976 гг. — еще четыре авторских диска, записанных во Франции. Владимир Высоцкий написал более 600 песен и стихов, сыграл более 20 ролей на сцене театра, 30 ролей в кинокартинах и телефильмах, 8 — в радиоспектаклях. Умер Высоцкий во время

московской Олимпиады, власти умалчивали о событии, и только вмешательство его жены — французской актрисы Марины Влади — помогло похоронить его по-человечески. Побоялись, что иначе Влади устроит международный скандал. В 1981 г. вышел сборник стихов Высоцкого «Нерв». Посмертно, в 1987 г., Высоцкий был удостоен Государственной премии СССР.

Серебряные струны

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены,
Только не порвите серебряные струны!

Гитара, перед которой расступаются стены, — единственное сокровище поэта, за которое он может пожертвовать жизнью.

К поэту влезли в душу, рвут ее на части, потом отбирают гитару, олицетворяющую для него свободу. Он готов к тому, чтобы его втоптали в грязь, бросили в воду, но оставили самое святое — серебряные струны. И все же поэту приходится жертвовать тем, без чего он не может жить.

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю...
А теперь порвали серебряные струны.

Братские могилы

Люди приходят к братской могиле солдат, на которой не ставят крестов, и приносят цветы, зажигают Вечный огонь в память о защитниках Родины. Около этих могил не рыдают вдовы, потому что они не знают, где и как погибли их мужья, кто лежит в безымянной могиле. Братские могилы стоят в мес-

те жестоких боев, где «раньше вставала земля на дыбы». Война слила все судьбы в одну, стала общим несчастьем. Все, глядя на Вечный огонь, думают об одном:

А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

К братским могилам «ходят люди покрепче», но им тоже тяжело вспоминать войну и пропавших без вести товарищей, не имеющих своей могилы, оставшихся неизвестными героями.

На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?

Про джинна

Услышав о целебных достоинствах вина, герой песни решил его попробовать, но из бутылки вылезает то ли зеленый змий, то ли крокодил. Герой недоволен такими шутками: что-то «зеленое, пахучее, противное» прыгает по комнате, заунывно поет и оказывается «грубым мужиком». От неожиданности герой вспоминает Старика Хоттабыча и требует ответа.

Так что, хитрость, — говорю, — брось свою иудину,
Прямо, значит, отвечай — кто тебя послал?
Кто загнал тебя туда, в винную посудину,
От кого скрывался ты и чего скрывал?..

Оказалось, мужик — не вор и не шпион, а дух, и готов избить любого для героя, потому что тот выпустил его на свободу. Герой понимает, что это джинн, и просит у него вина, дворец до небес. Но джинн говорит, что этому не обучен:

Кроме мордобитиев — никаких чудес!

Герой кричит, что джинн врет, и получает от него. Вызывает милицию, против которой джинн ничего не может сделать, его увозят в черном воронке. Больше герой джинна не встречал.

...Что с ним стало? Может быть, он в тюрьме мается?
Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке посидеть.
Ну а может, он теперь боксом занимается.
Если будет выступать — я пойду смотреть.

Охота на волков

Рассказ ведется от имени волка. Он рассказывает, как его обложили и гонят на охотников. Он мечется, поняв с детства, что на свободу, огражденную флажками, вырваться нельзя, традиций волк нарушить не может.

Идет охота на волков, идет охота
На серых хищников, матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Волк задает вожаку вопрос: почему, если «наши ноги и челюсти быстры», все несутся на охотника, к смерти, и не пробуют нарушить запрет. И получает ответ: волк не должен иначе. Он видит, как тот, кто должен его убить, улыбается и поднимает ружье. И волк решает бежать в запретную зону.

Я из повиновения вышел
За флажки — жажда жизни сильнее!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Егеря остались ни с чем, но охота на волков продолжается.

Я не люблю

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
В которое болею или пью.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину,
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
И коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья —
Нет жалости во мне, и неспроста.
Я не люблю насилья и бессилья.
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены —
На них мильон меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю!

Мы вращаем землю

От границы мы Землю вертели назад —
Было дело сначала.
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на Востоке.

Мы не меряем Землю шагами,
Понапрасну цветы беребя,
Мы толкаем ее сапогами —
От себя! От себя.

И от ветра с Востока пригнулись стога,
Жмется к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.

Не пугайтесь, когда не на месте закат.
Судный день — это сказки для старших.
Просто Землю вращают, куда захотят,
Наши сменные роты на марше.

Мы ползем, бугорки обнимаем,
Кочки тискаем зло, не любя,
И коленями Землю толкаем —
От себя! От себя!

Не отыщет средь нас и Особый отдел
Руки кверху поднявших.
Всем живым — ощутимая польза от тел:
Как прикрытые используем павших.

Этот глупый свинец всех ли сразу найдет,
Где настигнет — в упор или с тыла?
Кто-то там впереди навалился на дот —
И Земля на мгновение застыла.

Я ступни свои сзади оставил,
Мимоходом по мертвым скорбя,
Шар земной я вращаю локтями —
На себя! На себя!

Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вдохе,
Но на Запад, на Запад ползет батальон,
Чтобы Солнце взошло на Востоке.

Животом — по грязи, дышим смрадом болот,
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на Запад!

Руки, ноги — на месте ли? Нет ли?
Как на свадьбе росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли —
На себя! На себя!

Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью,
по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю — погоняю, —
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман
глотаю,
Чую с гибельным восторгом — пропадаю!
Пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть
помедленнее!
Вы тугую не слушайте плетей!
Но что-то кони мне попались
привередливые,
И дожить не успел, мне допеть
не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть немного еще постою на краю?

Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу
утром.

Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!
Хоть немного, но продлите путь
к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть
помедленнее!

Не указчики вам кнут и плеть.

Но что-то кони мне попались
привередливые,

И дожить я не смог, мне допеть не успеть.

Я коней напою,

Я куплет допою, —

Хоть немного еще постою на краю?

Мы успели — в гости к Богу не бывает
опозданий.

Что ж там ангелы поют такими злыми
голосами?

Или это колокольчик весь зашелся от рыданий?

Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро
сани?

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

Умоляю вас вскачь не лететь!

Но что-то кони мне попались

привередливые,

Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,

Я куплет допою, —

Хоть мгновение еще постою на краю...

Баллада о любви

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь

И растворилась в воздухе до срока,
А срока было — сорок сороков.

И чудачи — еще такие есть —
Вдыхают полной грудью эту смесь
И ни наград не ждут, ни наказанья.
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же неровного дыхания.

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде чем узнать, что «я люблю» —
То же, что «дышу» или «живу».

И вдоволь будет странствий и скитаний.
Страна Любви — великая страна,
И с рыцарей своих для испытаний
Все строже станет спрашивать она,
Потребуется разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна.

Но вспять безумцев не поворотить!
Они уже согласны заплатить
Любой ценой — и жизнью бы рискнули, —
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому что если не любил —
Значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
Не докричишься, сколько ни зови.
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешен на крови.
А мы поставим свечи в изголовье
Погибших от невиданной любви.

Их голосам — всегда сливаться в такт,
И душам их дано бродить в цветах,

И вечностью дышать в одно дыхание,
И встретиться — со вдохом на устах —
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мироздания.

Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!
Я дышу — и, значит, я люблю!
Я люблю — и, значит, я живу!

Песенка ни про что, или Что случилось в Африке

В желтой жаркой Африке, в центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика случилось несчастье.
Слон сказал, не разобрав: «Видно, быть потопу...»
В общем, так: один Жираф влюбился в Антилопу.

Тут поднялся галдеж и лай,
И только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

«Что же, что рога у ней? — кричал Жираф любовно, —
Нынче в нашей фауне равны все порогино!
Если вся моя родня будет ей не рада, —
Не пеняйте на меня, — я уйду из стада!»

Тут поднялся галдеж и лай,
И только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

Папе антилопьему зачем такого сына?
Все равно: что в лоб ему, что по лбу — все едино.
И жирафов зять брюзжит: «Видали остолопа?!» —
И ушли к Бизонам жить с Жирафом Антилопа.

Тут поднялся галдеж и лай,
И только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

В желтой жаркой Африке не видать идиллий.
Льют Жираф с Жирафихой слезы крокодилий.
Только горю не помочь — нет теперь закона.
У Жирафов вышла дочь замуж за Визона!

Пусть Жираф был неправ,
Но виновен не Жираф,
А тот, кто крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

Утренняя гимнастика

Вдох глубокий, руки шире.
Не спешите — три, четыре!
Бодрость духа, грация и пластика!
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая —
Если жив пока еще, гимна—
стика!

Если вы в своей квартире,
Ляжьте на пол — три, четыре!
Выполняйте правильно движения!
Прочь влияние извне —
Привыкайте к новизне!
Вдох глубокий, до изне—
можения!

Очень вырос в целом мире
Гриппа вирус — три, четыре! —
Ширится, растет заболевание.
Если хилый — сразу гроб!
Сохранить здоровье чтоб,
Применяйте, люди, об—
тирание!

Если вы уже устали,
Сели-встали, сели-встали, —
Не страшны вам Арктика с Антарктикой!
Главный академик Йоффе
Доказал: коньяк и кофе
Вам заменит спорта профи—
лактика!

Разговаривать не надо —
Приседайте до упада,
Да не будьте мрачными и хмурыми!
Если очень вам неймется —
Обтирайтесь, чем придется,
Водными займитесь проце—
дурами!

Не страшны дурные вести —
Мы в ответ бежим на месте, —
В выигрыше даже начинающий.
Красота — среди бегущих
Первых нет и отстающих!
Бег на месте общеприими—
ряющий.

Лукоморье

Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след.
Дуб годится на паркет — так ведь нет:
Выходили из избы здоровенные жлобы,
Порубили все дубы на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска,
У меня в груди!
Это только присказка —
Сказка впереди!

Распрекрасно жить в домах на куриных на ногах,
Но явился всем на страх вертопрах,
Добрый молодец он был, бабку-ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил — дом спалил!

Тридцать три богатыря порешили, что зазря
Берегли они царя и моря:
Каждый взял себе надел, кур завел и в нем сидел,
Охраняя свой удел не у дел.

Ободрав зеленый дуб, дядька ихний сделал сруб,
С окружающими туп стал и груб.
И ругался день-деньской бывший дядька их морской,
Хоть имел участок свой под Москвой.

Здесь и вправду ходит кот, как направо — так поет,
Как налево — так загнет анекдот,
Но, ученый сукин сын, цепь золотую снес в торгсин,
И на выручку один — в магазин.

Как-то раз за божий дар получил он гонорар:
В Лукоморье перегар — на гектар.
Но хватил его удар. Чтоб избежать божьих кар,
Кот диктует про татар мемуар.

И русалка — вот дела! — честь недолго берегла
И однажды, как смогла, родила.
Тридцать три же мужика не желают знать сынка:
Пусть считается пока — сын полка.

Как-то раз один колдун — врун, болтун и хохотун —
Предложил ей как знаток дамских струн:
Мол, русалка, все пойму и с дитем тебя возьму.
И пошла она к нему, как в тюрьму.

Бородатый Черномор — в Лукоморье первый вор,
Он давно Людмилу спер — ох, хитер!
Ловко пользуется, тать, тем, что может он летать:
Зазеваешься — он хватя! — и тикать!

А коверный самолет сдан в музей в запрошлый год —
Любознательный народ так и прет!
Без опаски старый хрыч баб ворует, хнычь не хнычь.
Ох, скорей ему накличь паралич.

Нету мочи, нету сил — леший как-то недопил,
Лешачиху свою бил и вопил:
«Дай рубля, прибыю, а то — я добытчик али кто?!
А не дашь, тогда пропью долото!

Я ли ягод не носил? — снова леший голосил, —
А коры по сколько кил приносил!
Надрывался — издаля, все твоей забавы для,
Ты ж жалеешь мне рубля, ах ты, тля!»

И невиданных зверей, дичи всякой — нету ей.
Понаехало за ней егерей!..

В общем, значит, не секрет: Лукоморья больше нет,
Все, про что писал поэт, это — бред.

Ты уймись, уймись, тоска,
Душу мне не раны!
Раз уж это присказка —
Значит, дело дрянь.

Авторская песня В. Высоцкого

Современная авторская песня — целый этап в развитии русской поэзии XX в. В ней много течений, направлений, литературных традиций. Ранний этап ее относится к концу 1950-х, когда ее центром стал МГУ, где учились Ада Якушева, Юлий Ким, Юрий Визбор. Тогда же становится известным Булат Окуджава.

Осенью 1961 г. создаются и первые песни Владимира Высоцкого. Каждая из них — маленький спектакль. Высоцкий отталкивается от традиций русского городского романса. Песни Высоцкого принято делить на циклы: военный, горный, спортивный. Фронтовики, слушавшие его песни о войне, были уверены, что он лично пережил ее. Моряки, альпинисты, шоферы дальних рейсов — все считали его своим. Песни Высоцкого на уголовную тематику были написаны в полном соответствии с каноном блатных песен. Некоторые из них стали тюремным фольклором.

Каждый видел для себя в песнях Высоцкого что-то, связанное с собой, искал в них правду жизни и находил. Трагически-исповедальные, лирические, комические и сатирические песни, баллады, песни-размышления, песни-диалоги, песни-притчи — таким широким жанровым спектром отличается авторская песня Высоцкого. В драматических жанрах его трагический герой — сильная личность, бунтарь-одиночка, требующий справедливости, осознающий свою обреченность, но не сдающийся обстоятельствам. Ха-

рактер героя автор показывает, создавая экстремальные ситуации для него.

Парня в горы тани — рискни!
Не бросай одного его:
Пусть он в связке в одной с тобой —
Там поймешь, кто такой.

Философская притча «Охота на волков», построенная на аллегории, — о человеке, воспитанном в системе запретов и впитавшем их с материнским молоком. «Притча о Правде и Лжи» — размышления об истинной сущности лжи, выдаваемой за правду. Даже в шуточных на первый взгляд песнях есть глубокий подтекст. Немало песен Высоцкого написано в сатирическом, комическом жанре. Автор делает гротескные зарисовки с натуры. Он смеется над своими персонажами и одновременно сочувствует им. В своих стихах и песнях Высоцкий создал целую галерею сатирических типов эпохи застоя.

«Авторская песня требует очень большой работы. Эта песня все время живет с тобой, не дает тебе покоя ни днем, ни ночью», — говорил Высоцкий.

Б. Ш. Окуджава

(1924—1997)

Булат Шалвович Окуджава родился в Москве в семье партийных работников. Родители его были репрессированы, отца расстреляли в 1937 г. В 1942 г., в возрасте 17 лет, Окуджава добровольцем ушел на фронт, где был ранен и демобилизован. В 1950 г. Окуджава закончил филологический факультет Тбилисского университета, работал учителем. После того как его родители были реабилитиро-

ваны, Окуджава вернулся в Москву. Работал редактором в издательстве «Молодая гвардия».

Первые его песни появились в 1956 г., к началу 1960-х гг. он стал известен. Изданы сборники стихов Окуджавы «Лирика» (1956), «Острова» (1959), «Веселый барабанщик», «По дороге к Тинатин» (1964), «Март великодушный» (1967), «Арбат, мой Арбат» (1976), прозаические книги «Фронт приходит к нам» (1967), «Прелестные приключения» (1971), «Девушка моей мечты» (1988); исторические повести и романы «Бедный Авросимов» (1969), «Похождения Шилова» (1971), «Путешествие дилетантов» (1976, 1978), «Свидание с Бонапартом» (1983).

До свидания, мальчики

Стихотворение начинается обращением к войне.

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли, повзрослели
они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!

Автор обращается к образу юных бойцов, взывает к ним:

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.

Автор просит их не проявлять трусость и низость, не скрываться, не избегать боя:

Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите...

У него одна просьба: «Постарайтесь вернуться назад».

И снова звучит обращение к «подлой» войне, из-за которой «вместо свадеб — разлуки и дым, / наши девочки платица белые / раздали сестренкам своим». Девушкам пришлось облачиться в сапоги, и Окуджава обращается к девочкам, которые тоже стремятся постоять за Родину:

Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
попытайтесь вернуться назад.

«Былое нельзя воротить...»

Стихотворение начинается такими строками:

Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем,
у каждой эпохи свои подрастают леса...

И все же поэт жалеет о том, что ушло безвозвратно:

А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеем
поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа:

Теперь нам не надо по улицам мыкаться ощупью.
Машины нас ждут, и ракеты уносят нас вдаль...
А все-таки жаль, что в Москве больше нету извозчиков,
хотя б одного, и не будет отныне... А жаль.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы все обрели: и надежную пристань, и свет...
А все-таки жаль — иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Москва, ты не веришь слезам — это время проверило.
Железное мужество, сила и стойкость во всем...

Но если бы ты в наши слезы однажды поверила,
ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом.

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу.
И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергееч прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет.

Арбатский дворик

...А годы проходят, как песни.
Иначе на мир я гляжу.
Во дворике этом мне тесно,
и я из него ухожу.

Ни почестей и ни богатства
для дальних дорог не прошу,
но маленький дворик арбатский
с собой уношу, уношу.

В мешке вещевом и заплечном
лежит в уголке
небольшой,
не слывший, как я, безупречным
тот двор с человеческой душой.

Сильнее я с ним и добрее.
Что нужно еще?
Ничего.
Я руки озябшие грею
о теплые камни его.

Грузинская песня

М. Квливидзе

Виноградную косточку в теплую землю зарю,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову,
на любовь свое сердце настрою...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое
угощение,
говорите мне прямо в лицо,
кем пред вами слыву,
царь небесный пошлет мне прощение
за прегрешенья...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

В темно-красном своем
будет петь для меня моя Дали,
в черно-белом своем
преклоню перед нею главу,
и заслушаюсь я,
и умру от любви и печали...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

И когда заклубится закат,
по углам залетая,
пусть опять и опять предо мною плывут
наяву
синий буйвол,
и белый орел,
и форель золотая...
А иначе зачем
на земле этой вечной живу?

Песенка об Арбате

Это стихотворение — песнь близкой автору Москве и Арбату. Начинается оно со сравнения Арбата с рекой:

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты — мое призвание.
ты — и радость моя, и моя беда.

В следующей строфе автор говорит о том, что Арбат — его религия, т. е. нечто интимное, родное человеку, то, во что человек верит:

Пешеходы твои — люди невеликие,
каблуками стучат — по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

В последней строфе стихотворения автор признается в своей верной и постоянной любви к Арбату, а вместе с ним — и к Москве:

От любви твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты — мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя.

Полночный троллейбус

Стихотворение начинается такими строками:

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.

Продолжает автор воззванием к троллейбусу:

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам кружение...

Ночная гонка необходима, «чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи / крушенье, / крушенье». Троллейбус выступает в качестве спасителя, способного увезти от бед и проблем.

В следующей строфе троллейбус сравнивается с кораблем:

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь

твои пассажиры — матросы твои — приходят
на помощь.

Звучит мотив близости к таким же полночным путешественникам, как и лирический герой стихотворения:

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.

И заканчивается стихотворение светлой лирической нотой:

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает,
стихает.

Развитие романтических традиций в поэзии Б. Окуджавы

Поэтический мир Окуджавы создается по вдохновению, по чувствам и восприятию поэта. Поэт не стремится описать реальный мир со всем правдоподобием, что отсылает нас к романтическим традициям. В стихах Окуджавы слышны эмоции поэта, к воспеваемому или описываемому.

Романтическое направление в литературе характеризуется порывом, неприятием прозы, бездуховности и неподвижности реальной жизни. И романтические традиции, зародившиеся на рубеже XVIII—XIX вв., продолжают в творчестве Булата Окуджавы, поэта XX в. В стихах Окуджавы, практически во всей его лирике, есть это движение, развитие. Они динамичны. Помимо этого, все построение стихотворений поэта — прямое обращение автора

к читателю, эмоциональный заряд — побуждало следовать за мыслью автора, и не просто следовать, а развивать ее.

В авторских песнях Окуджавы сквозь романтически преображенные картины будничной жизни, мягкую доверительную интонацию и тонкий лиризм проступает твердость этических ориентиров, безупречная верность высокому духовному выбору.

И. А. Бродский

(1940—1996)

Иосиф Александрович Бродский — русский поэт, прозаик, эссеист, переводчик, автор пьес. Бродский писал также и на английском языке.

Бродский родился в Ленинграде в интеллигентной семье. Отец поэта Александр Иванович Бродский окончил географический факультет Ленинградского университета и Школу красных журналистов. Работал фотокорреспондентом в годы Великой Отечественной войны. Мать Иосифа Александровича, Мария Моисеевна Вольперт, всю жизнь проработала бухгалтером.

Иосиф Александрович устранился от участия в общественной жизни. Бродский писал об этом: «Я не солист, но я чужд ансамблю. / Вынув мундштук из своей дуды, жгу свой мундир и ломаю саблю».

Иосиф Александрович сменил целый ряд профессий. Склонность к самообразованию позволила Бродскому самостоятельно изучать английский и польский языки. Бродский не мог мириться с государственно внедряемым лицемерием, злом; не то чтобы боролся с ними, но устранился от участия. В 15 лет, после окончания восьмого класса, Бродский поступил на работу на завод. Сменил много профессий: работал и в морге, и в геологических партиях.

С 1957 г. Бродский начал писать стихи, выступал с их чтением публично. Современникам запомнились его новаторские по содержанию и интонации «пропевания» стихи («Еврейское кладбище около Ленинграда...»). К началу 1960-х гг. относятся первые переводческие работы Бродского.

Первая публикация Бродского состоялась за рубежом в 1965 г. В родной стране Иосиф Александрович официально не издавался вплоть до Перестройки. Произведения Бродского распространялись лишь посредством Самиздата. До 1972 г. в СССР были опубликованы 11 его стихотворений в третьем выпуске московского самиздатовского гектографированного журнала «Синтаксис» и ленинградских газетах, а также переводческие работы.

12 февраля 1964 г. Бродский был арестован в Ленинграде по обвинению в тунеядстве. 13 марта 1964 г. состоялся суд над поэтом. На защиту Бродского встали А. Ахматова, С. Маршак и другие отечественные и зарубежные деятели культуры. Бродского приговорили к пятилетней ссылке в Архангельскую область.

В 1972 г. Бродский эмигрировал в США.

В 1987 г. Бродский был удостоен Нобелевской премии. Кроме того, Иосиф Александрович являлся кавалером ордена Почетного легиона (1987), обладателем Оксфордской премии *Honori Causa*.

После нескольких операций на сердце Иосиф Александрович Бродский скоропостижно скончался в Нью-Йорке в возрасте 55 лет.

Из Марциала

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.
Дева тешит до известного предела —
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!
Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?

Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.
Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
лишь согласное гуденье насекомых.
Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он — деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.
Рядом с ним легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях империи прославил.
Столько раз могли убиты! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.
Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгами хватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.
Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:
брать сестерций с покрывающего тела
все равно, что дранку требовать у кровли.
Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я, не бывало.
Вот найдешь себе какого-нибудь мужа,
он и будет протекать на покрывало.
Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.
Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, — или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?
Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье
долг свой давний вычитанию заплатит.
Заberi из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.
Поезжай на вороной своей кобыле

в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.
Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.
Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На разохшейся скамейке — Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

Осенний крик ястреба

Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута. Он уже
не видит лакомый променад
курицы по двору обветшалой
фермы, суслика на меже.
На воздушном потоке распластанный, одинок,
все, что он видит, — гряду покатых
холмов и серебро реки,
вьющейся точно живой клинок,
сталь в зазубринах перекатов,
схожие с бисером городки
Новой Англии. Упавшие до нуля
термометры — словно лары в нише;
стынут, обуздывая пожар
листьев, шпили церквей. Но для
ястреба это не церкви. Выше
лучших помыслов прихожан,
он парит в голубом океане, сомкнувши клюв,
с прижатою к животу плюсною
— когти в кулак, точно пальцы рук —
чуя каждым пером поддув
снизу, сверкая в ответ главною
ягодою, держа на Юг,
к Рио-Гранде, в дельту, в распаренную толпу
буков, прячущих в мощной пене
травы, чьи лезвия остры,

гнездо, разбитую скорлупу
в алую крапинку, запах, тени
брата или сестры.
Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом,
бьющееся с частотою дрожи,
точно ножницами, сечет,
собственным движимое теплом,
осеннюю синеву, ее же
увеличивая за счет
еле видного глазку коричневого пятна,
точки, скользящей поверх вершины
ели; за счет пустоты в лице
ребенка, замершего у окна,
пары, вышедшей из машины,
женщины на крыльце.
Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк,
он видит как бы тринадцать первых
штатов, он видит: из
труб поднимается дым. Но как раз число
труб подсказывает одинокой
птице, как поднялась она.
Эк куда меня занесло!
Он чувствует смешанную с тревогой
гордость. Перевернувшись на
крыло, он падает вниз. Но упругий слой
воздуха его возвращает в небо,
в бесцветную ледяную гладь.
В желтом зрачке возникает злой
блеск. То есть помесь гнева
с ужасом. Он опять
низвергается. Но как стенка — мяч,
как паденье грешника — снова в веру,
его выталкивает назад.
Его, который еще горяч!
В черт-те что. Все выше. В ионосферу.
В астрономически объективный ад
птиц, где отсутствует кислород,
где вместо проса — крупа далеких
звезд. Что для двуногих высь,
то для пернатых наоборот.

Не мозжечком, но в мешочках легких
он догадывается: не спастись.
И тогда он кричит. Из согнутого, как крюк,
клюва, похожий на визг эриний,
вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический, ибо не
предназначенный ни для чьих ушей:
людских, срывающейся с березы
белки, твякающей лисы,
маленьких полевых мышей;
так отливаться не могут слезы
никому. Только псы
задирают морды. Пронзительный, резкий крик
страшней, кошмарнее ре-диеза
алмаза, режущего стекло,
пересекает небо. И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза.
Ибо там, наверху, тепло
обжигает пространство, как здесь, внизу,
обжигает черной оградой руку
без перчатки. Мы, восклицая «вон,
там!», видим вверху слезу
ястреба, плюс паутину, звуку
присущую, мелких волн,
разбегающихся по небосводу, где
нет эха, где пахнет апофеозом
звука, особенно в октябре.
И в кружеве этом, сродни звезде,
сверкая, скованная морозом,
инеем, в серебре,
опушившем перья, птица плывет в зенит,
в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда
перл, сверкающую деталь.
Мы слышим: что-то вверху звенит,
как разбивающаяся посуда,
как фамильный хрусталь,
чьи осколки, однако, не ранят, но
тают в ладони. И на мгновение
вновь различаешь кружки, глазки,
веер, радужное пятно,
многоточия, скобки, звенья,

колоски, волоски —
бывший привольный узор пера,
карту, ставшую горстью юрких
хлопьев, летящих на склон холма.
И, ловя их пальцами, детвора
выбегает на улицу в пестрых куртках
и кричит по-английски «Зима, зима!

«Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам...»

Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным
холмам,
вдоль березовых рош, отбежавших во тьме,
к треугольным домам,
вдоль оврагов пустых, по замерзшей траве,
по песчаному дну,
освещенный луной, и ее замечая одну.
Гулкий топот копыт по застывшим холмам —
это не с чем сравнить,
это ты там, внизу, вдоль оврагов ты вьешь свою нить,
там куда-то во тьму от дороги твоей отбегает ручей,
где на склоне шуршит твоя быстрая тень
по спине кирпичей.

Ну и скачет же он по замерзшей траве,
растворяясь впотьмах,
возникая вдали, освещенный луной,
на бескрайних холмах,
мимо черных кустов, вдоль оврагов пустых,
воздух бьет по лицу,
говоря сам с собой, растворяется в черном лесу.
Вдоль оврагов пустых, мимо черных кустов, —
не отыщется след,
даже если ты смел и вокруг твоих ног завивается свет,
все равно ты его никогда ни за что не сумеешь догнать.
Кто там скачет в холмах... я хочу это знать,
я хочу это знать.

Кто там скачет, кто мчится под хладною мглой, говорю,
одиноким лицом обернувшись к лесному царю, —
обращаюсь к природе от лица треугольных домов:

<...>

Язык и, думается, литература — вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации. Негодование, ирония или безразличие, выражаемые литературой зачастую по отношению к государству, есть, по существу, реакция постоянного, лучше сказать — бесконечного, по отношению к временному, к ограниченному. По крайней мере, до тех пор пока государство позволяет себе вмешиваться в дела литературы, литература имеет право вмешиваться в дела государства. Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающегося навязать себя настоящему (а зачастую и будущему), и человек, чья профессия язык, — последний, кто может позволить себе позабыть об этом. Подлинной опасностью для писателя является не столько возможность (часто реальность) преследования со стороны государства, сколько возможность оказаться загипнотизированным его, государства, монструозными или претерпевающими изменения к лучшему — но всегда временными — очертаниями.

Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике, — всегда «вчера»; язык, литература — всегда «сегодня» и часто — особенно в случае ортодоксальности той или иной политической системы — даже и «завтра». Одна из заслуг литературы в том и состоит, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных, избежать тавтологии, то есть участи, известной иначе под почетным именем «жертвы истории». Искусство вообще и литература в частности тем и замечательны, тем и отличаются от жизни, что всегда бегут повторения. В обыденной жизни вы можете рассказать тот же самый анекдот трижды и трижды, вызвав смех, оказаться душою общества. В искусстве подобная форма

поведения именуется «клише». Искусство есть оружие безоткатное, и развитие его определяется не индивидуальностью художника, но динамикой и логикой самого материала, предыдущей судьбой средств, требующих найти (или подсказывающих) всякий раз качественно новое эстетическое решение. Обладая собственной генеалогией, динамикой, логикой и будущим, искусство не синонимично, но, в лучшем случае, параллельно истории, и способом его существования является создание всякий раз новой эстетической реальности. Вот почему оно часто оказывается «впереди прогресса», впереди истории, основным инструментом которой является — а не уточнить ли нам лишний раз Маркса? — именно клише.

На сегодняшний день чрезвычайно распространено утверждение, будто писатель, поэт в особенности, должен пользоваться в своих произведениях языком улицы, языком толпы. При всей своей кажущейся демократичности и осязаемых практических выгодах для писателя, утверждение это вздорно и представляет собой попытку подчинить искусство, в данном случае литературу, истории. Только если мы решили, что «сапиенсу» пора остановиться в своем развитии, следует литературе говорить на языке народа. В противном случае народу следует говорить на языке литературы. Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека его реальность этическую. Ибо эстетика — мать этики; понятия «хорошо» и «плохо» — понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории «добра» и «зла». В этике не «все позволено» именно потому, что в эстетике не «все позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено. Несмышленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, к нему тянущийся, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный.

Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание — всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживающего, лицом еще более част-

ным, и частности эта, обретающая порой форму литературного (или какого-либо иного) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то формой защиты от порабощения. Ибо человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям, свойственным любой форме политической демагогии. Дело не столько в том, что добродетель не является гарантией создания шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее — хотя, возможно, и не счастливее.

Именно в этом, скорее прикладном, чем платоническом, смысле следует понимать замечание Достоевского, что «красота спасет мир», или высказывание Мэтью Арнолда, что нас спасет поэзия. Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно. Эстетическое чутье в человеке развивается весьма стремительно, ибо, даже не полностью отдавая себе отчет в том, чем он является и что ему на самом деле необходимо, человек, как правило, инстинктивно знает, что ему не нравится и что его не устраивает. В антропологическом смысле, повторяю, человек является существом эстетическим прежде, чем этическим. Искусство поэтому, в частности литература, не побочный продукт видового развития, а ровно наоборот. Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, и в частности поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель.

<...>

...Положение, при котором искусство вообще и литература в частности являются в обществе достоянием (прерогативой) меньшинства, представляется мне нездоровым и угрожающим. Я не призываю к замене государства библиотекой — хотя мысль эта неоднократно меня посещала, — но я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательско-

го опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому. Хотя бы уже по одному тому, что насущным хлебом литературы является именно человеческое разнообразие и безобразие, она, литература, оказывается надежным противоядием от каких бы то ни было — известных и будущих — попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования. Как система нравственного, по крайней мере, страхования, она куда более эффективна, нежели та или иная система верования или философская доктрина.

Потому что не может быть законов, защищающих нас от самих себя, ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация — она платит за это своей историей. Живя в той стране, в которой я живу, я первый был бы готов поверить, что существует некая пропорция между материальным благополучием человека и его литературным невежеством; удерживает от этого меня, однако, история страны, в которой я родился и вырос. Ибо сведенная к причинно-следственному минимуму, к грубой формуле, русская трагедия — это именно трагедия общества, литература в котором оказалась прерогативой меньшинства: знаменитой русской интеллигенции.

Зарубежная литература

Бернард Шоу (1856—1950)

Джордж Бернард Шоу — английский писатель. Являлся одним из учредителей социал-реформистского «Фабианского общества» (1884). В 1883 г. написал «Социалист-любитель». Шоу писал статьи о музыке и театре, создавал драмы-дискуссии, главными темами которых стали противостояние враждебных идеологий, социально-этические проблемы: «Дома вдовца» (1892), «Профессия г-жи Уоррен» (1894), «Тележка с яблоками» (1929). Мировая слава приходит к Шоу после того, на сцене королевского театра Корт за три сезона (1904—1907) прошли некоторые из наиболее значительных его пьес, в том числе «Человек и сверхчеловек» (1905), «Майор Барбара» (1905), «Цезарь и Клеопатра» (1907). Основой художественного метода Шоу стал парадокс как средство опровержения догматизма и предвзятости («Пигмалион», 1913; «Андрокл и лев», 1913), традиционности представлений (исторические пьесы «Цезарь и Клеопатра», 1901; «Назад к Мафусаилу», 1918—20, «Святая Иоанна», 1923).

Пигмалион

Действие первое

Действие происходит летним вечером на Ковент-гарден. Льет дождь. Прохожие пытаются укрыться под портиком церкви. Там собралось уже несколько

человек, в числе которых пожилая дама вместе с дочерью. Все ожидают окончания дождя. Лишь один человек равнодушен к капризам природы. Он стоит спиной ко всем, делает пометки в своей записной книжке. Пожилая дама и ее дочь разговаривают между собой. Из разговора становится понятно, что они ждут Фредди — сына дамы. Он ушел искать такси, для того чтобы женщины могли доехать до дома, не намкнув. Фредди нет уже довольно долго. Наконец он появляется и сообщает, что ему не удалось найти такси. После препирательств с матерью и сестрой Фредди снова отправляется на поиски такси. По дороге он налетает на цветочницу и вышибает у нее из рук корзину с цветами. Цветочница начинает жаловаться на то, что все ее фиалки оказались затоптанными в грязь.

Портрет цветочницы: «Ее никак нельзя назвать привлекательной. Ей лет восемнадцать — двадцать, не больше. На ней черная соломенная шляпа, сильно пострадавшая на своем веку от лондонской пыли и копоты и едва ли знакомая со щеткой. Волосы ее какого-то мышиного цвета, не встречающегося в природе: тут явно необходимы вода и мыло. Порыжелое черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен; из-под него видна коричневая юбка и холщовый фартук. Башмаки, видно, тоже знали лучшие дни. Без сомнения, она по-своему чистоплотна, однако рядом с дамами кажется замарашкой. Черты лица у нее недурны, но состояние кожи оставляет желать лучшего; кроме того, заметно, что она нуждается в услугах дантиста». Пожилая дама, к неудовольствию своей дочери (дочь зовут Клара), платит девушке за цветы, которые испортил Фредди.

Среди тех, кто укрывался от дождя под портиком, пожилой джентльмен. Цветочница обращается к нему с просьбой купить букетик «у бедной девушки». Тот дает ей денег и шутя говорит, чтобы больше не приставала, так как человек с записной книжкой записывает каждое ее слово. Девушка боится, что ее могут арестовать за приставание к прохожим. Она

начинает рыдать, говорит, что она «честная девушка», что ничего плохого не сделала. Люди из толпы пытаются успокоить ее, объяснить, что джентльмен пошутил.

Человек с записной книжкой не выдерживает, обращается к девушке с требованием успокоиться, говорит, что он не шпик. Показывает девушке свои записи. Та ничего в них не понимает. Человек с записной книжкой читает записанное — он с точностью до последнего звука воспроизводит речь цветочницы. В толпе раздаются возмущенные голоса — «где это видано, записывать за человеком каждое слово».

Человек с записной книжкой удивляет и даже несколько пугает собравшихся людей тем, что неожиданно начинает рассказывать о том, где некоторые из них родились, жили. Дождь заканчивается. Люди расходятся. Остаются только человек с записной книжкой, пожилой джентльмен и цветочница. Джентльмен расспрашивает молодого человека о том, как ему удастся узнать, где родились и жили люди. Тот отвечает, что все это благодаря науке о произношении — фонетике. «Я могу с точностью до шести миль определить место рождения любого англичанина», — говорит мужчина.

Цветочница постоянно вмешивается в разговор — она все жалуется на то, что обижают «бедную девушку». Человек с записной книжкой говорит, что у нее «ужасное произношение», из-за чего она никогда не поднимется «со дна общества». Он говорит, что за три месяца мог бы сделать так, «что эта девушка с успехом сойдет за герцогиню на любом посольском приеме», и она даже сможет поступить на приличную работу. Он также сообщает, что именно этим и зарабатывает на жизнь — обучает правильной речи «новоявленных миллионеров», а на заработанные деньги занимается научной работой в области фонетики. Пожилой джентльмен и человек с записной книжкой знакомятся.

Первый оказывается полковником Пикерингом, автором «Разговорного санскрита», второй — Генри

Хиггинсом, автором «Универсального алфавита Хиггинса». Кроме того, выяснилось, что оба давно мечтали познакомиться друг с другом. Они отправляются ужинать вместе.

Действие второе

Действие происходит в лаборатории Хиггинса на Уимпол-стрит. Помимо прочего, здесь находятся фонограф, ларингоскоп, картотеки, «муляж половины человеческой головы в натуральную величину, показывающий в разрезе голосовые органы». Хиггинс и Пикеринг в лаборатории. Портрет Хиггинса: «Это крепкий, полнокровный, завидного здоровья мужчина лет сорока или около того... В сущности, несмотря на свой возраст и комплекцию, он очень похож на неутомленного ребенка, шумно и стремительно реагирующего на все, что привлекает его внимание, и, как ребенок, нуждается в постоянном присмотре, чтобы нечаянно не натворить беды. Добродушная ворчливость, свойственная ему, когда он в хорошем настроении, сменяется бурными вспышками гнева, как только что-нибудь не по нем; но он настолько искренен и так далек от злобных побуждений, что вызывает симпатию даже тогда, когда явно не прав».

Миссис Пирс, экономка Хиггинса, докладывает, что явилась некая молодая особа, которая желает видеть хозяина.

Входит цветочница. Она принарядилась, но выглядит «патетично в своей напыщенности и невинном самодовольстве». Пикеринг растроган тем, как она пытается произвести впечатление. Хиггинсу безразлично, кто явился — женщина или мужчина, — его интересует лишь наука. Он разочарован — ее диалект он записал вчера, говорит: «Проваливайте, вы мне не нужны». Она говорит, что пришла по делу. Ее дело состоит в том, что она желает пройти обучение, чтобы потом иметь возможность изменить свою жизнь — поступить продавщицей в цветочный мага-

зин. Туда ее не берут из-за ее неправильной речи. Цветочница говорит, что в состоянии оплатить обучение. Она предлагает две пятых своего дневного дохода — смешную сумму для Хиггинса. Пикеринг предлагает пари — напоминает Хиггинсу его слова о том, что тот сумеет сделать так, что цветочницу не отличат от герцогини, и говорит, что если ему это удастся, то он готов оплатить всю стоимость эксперимента, кроме того, будет оплачивать уроки. Хиггинс соглашается. Он велит миссис Пирс отмыть цветочницу (она представляется как Элиза Дулиттл), купить ей новую одежду. Хиггинс довольно бесцеремонен с Элизой, не стесняется в выражениях, называет ее «замухрышкой», говорит, что ее нужно поселить в мусорном баке.

Элиза и Хиггинс долго препираются. Она рассказывает о том, что у нее шестая по счету мачеха, а сама она «честная девушка». Миссис Пирс спрашивает, что будет с девушкой после окончания учебы. Хиггинс отвечает, что он выставит ее снова на улицу, но она не пропадет — найдет себе достойного мужа либо устроится на хорошую работу. Хиггинс говорит Элизе: «Шесть месяцев вы будете жить в этом доме и учиться говорить красиво и правильно, как молодые леди в цветочном магазине». Миссис Пирс уходит вместе с Элизой, чтобы привести последнюю в порядок.

Оставшись наедине с Хиггинсом, полковник Пикеринг осторожно расспрашивает его об отношении к женщинам. Хиггинс уверяет, что никогда не предпримет попыток злоупотребить положением девушки, которую будет обучать. Входит миссис Пирс. Говорит, что Элиза еще купается. Миссис Пирс говорит Хиггинсу, что тот произносит слишком много бранных слов, и просит не делать этого при девушке. Экономка сообщает, что пришел какой-то мусорщик, который представился как Альфред Дулиттл. Хиггинс понимает, что это отец Элизы и что он пришел с целью получить деньги за свою дочь. Дулиттл рассказывает о том, что не видел свою дочь три месяца, о том, как

случайно узнал, что она отправилась сюда, к Хиггинсу.

Хиггинс говорит, что Элиза ему совсем не нужна и что отец может забирать ее отсюда. Дулиттл начинает спорить с профессором, требовать пять фунтов за дочь.

Пикеринг возмущен отсутствием морали у мусорщика. Хиггинсу же Дулиттл кажется интересным уже потому, что не прикидывается достойным человеком, а напрямую выдвигает свои требования, причем делает это настолько убедительно, что профессор уверен в том, что при желании он смог бы, пройдя необходимую подготовку, «выбирать между министерским креслом и кафедрой проповедника». Хиггинс дает требуемую сумму. Дулиттл собирается уходить. Но на пороге он сталкивается «с изящной молодой» девушкой «ослепительной чистоты».

Отец не признал в преображенной девушке свою дочь. Пикеринг потрясен переменой в Элизе. Хиггинса же метаморфоза не впечатляла — он по-прежнему груб с цветочницей.

Действие третье

«Приемный день у миссис Хиггинс. Гостей еще нет». Ее гостиная красива и элегантна. «Дверь резко распахивается: входит Хиггинс». Миссис Хиггинс упрекает сына за то, что он пришел в ее приемный день — между матерью и сыном была договоренность не встречаться в эти дни, поскольку последний отпугивал гостей своим поведением и неумением вести себя в обществе.

Мать просит сына уйти поскорее. Но тот говорит, что пришел по делу: он просит сегодня принять одну девушку (речь идет об Элизе), чтобы посмотреть, сумеет ли она подобающим образом вести себя в обществе гостей миссис Хиггинс. Сын не скрывает от матери, что эту девушку он подобрал на улице. Миссис Хиггинс соглашается.

Собираются гости. Среди них миссис и мисс Эйнсфорд Хилл — те самые мать и дочь, которые прятались от дождя под портиком церкви. С ними и сын миссис Эйнсфорд Хилл Фредди. Хиггинс ведет себя не так, как принято в обществе, — его грубоватые выражения озадачивают гостей. Мисс Эйнсфорд Хилл пытается заигрывать с Хиггинсом, но безуспешно. Входит Элиза. Она, безукоризненно одетая, производит такое сильное впечатление своей красотой и элегантностью, что все невольно встают, когда она входит.

Хиггинс ей запретил говорить с гостями о чем-либо, кроме погоды и здоровья. Вначале все идет гладко, но затем Элиза расходится и начинает рассказывать о здоровье своего отца-пьяницы. Ее речь пестрит просторечными и грубыми выражениями. Хиггинс, пытаясь поправить положение, говорит, что это новый стиль светской беседы. Этот стиль нравится некоторым гостям, в частности мисс Эйнсфорд Хилл. Миссис Эйнсфорд Хилл этот стиль не нравится. Фредди же очарован Элизой, которой Хиггинс делает намеки, что пора уходить.

После того как гости расходятся, миссис Хиггинс выносит свой вердикт относительно Элизы: «Она шедевр твоего искусства и искусства своей портнихи. Но если ты действительно не замечаешь, что она выдает себя каждой своей фразой, значит, ты просто с ума сошел». Хиггинс такая оценка уязвляет. Миссис Хиггинс узнает о том, что Элиза помогает ее сыну: она напоминает ему о запланированных делах, знает, где безалаберный Хиггинс оставляет свои вещи, т. е. девушка очень полезна.

Пикеринг и Хиггинс в один голос говорят, что Элиза замечательная, что она наполнила их жизнь смыслом, что она хорошо играет на рояле, что у нее исключительный музыкальный слух и т. д. Мисс Хиггинс озабочена судьбой девушки: теперь у Элизы привычки светской дамы, но нет доходов светской дамы. Пикеринг и Хиггинс утверждают, что позаботятся о будущем Элизы.

Действие четвертое

В лабораторию на Уимпол-стрит возвращаются Хиггинс, Пикеринг, Элиза. «Элиза — в роскошном вечернем туалете, в мантии, в брильянтах, с цветами и веером в руках и при всех прочих аксессуарах... Видно, что она очень утомлена; темные волосы и глаза резко оттеняют бледность лица, выражение почти трагическое». Они были на пикнике, на званом обеде, а потом в опере. Элиза приносит Хиггинсу домашние туфли, которые он не может найти. Мужчины обсуждают события дня, довольны тем, как Элиза себя держала. Однако теперь они на нее не обращают внимания. Хиггинс и Пикеринг собираются идти спать. Элиза срывается — она швыряет в лицо Хиггинсу туфли: «Я вам выиграла ваше пари, да? Ну и прекрасно! А до меня вам никакого дела нет». Она слышала слова Хиггинса о том, что наконец-то эксперимент закончен. Хиггинс пытается ее успокоить, говорит, что она выйдет удачно замуж. Элиза говорит, что не станет торговать собой. Она продолжает выяснять отношения, Хиггинс выходит из себя. Элиза, довольная этим, уходит спать.

Действие пятое

Гостиная миссис Хиггинс.

Появляется Хиггинс. Рассказывает матери, что Элизы нет. Она ничего не взяла с собой. Хиггинс собирается искать ее при помощи полиции. Появляется мистер Дулиттл. Он одет по последней моде. Он обвиняет Хиггинса в том, что он виновен в его преображении, — «связал и отдал в лапы буржуазной морали» его, свободного прежде человека. Выяснилось, что Хиггинс написал письмо «одному шкодливому старикашке в Америке, который пять миллионов отвалил на устройство по всему свету Общества моральных реформ». Хиггинс рассказал в письме о «самом оригинальном моралисте во всей

Англии» Альфреде Дулиттле. Мусорщик получил «пай в сыроваренном тресте "Друг желудка" на три тысячи годового дохода». Бывший мусорщик крайне недоволен такой переменой в своей судьбе — если он раньше думал о том, как вытянуть у кого-либо деньги, то теперь ему приходится думать о том, как бы деньги не вытянули у него. Отец Элизы ничего не знает о том, где сейчас его дочь. Миссис Хиггинс говорит, что Элиза у нее, — девушка пришла к ней рано утром. «Она часть ночи металась по улицам, не помня себя от обиды; часть провела у реки — хотела утопиться, но не решилась...» Хиггинс не понимает, чем мог обидеть девушку. Миссис Хиггинс объясняет: «Вы не поблагодарили ее, не похвалили, не приласкали, ничего не сказали о том, как блестяще она провела свою роль». Появляется Элиза. Хиггинс зовет ее домой. Элиза говорит, что эксперимент закончен, что Хиггинс ведет себя не как джентльмен и от него она ничему не могла бы научиться, а все, чего она добилась, — заслуга Пикеринга. Хиггинс научил ее лишь правильно говорить. Элиза говорит, что изменилась настолько, что к прежней жизни возврата уже нет. Хиггинс, пытаясь оправдать свое поведение, замечает, что ведет себя одинаково и с герцогиней, и с цветочницей.

Хиггинс продолжает уговаривать девушку вернуться домой. Элиза говорит, что не собирается жить в зависимости от кого-либо. Она говорит, что пойдет в ассистентки к профессору Непину, преподавателю фонетики. Хиггинс возмущен, обещает «свернуть шею» ей, если она это сделает. Хиггинс признает, что сделал из Элизы настоящую женщину, и предлагает новый альянс: «Вы, я и Пикеринг... мы теперь будем не просто двое мужчин и одна глупая девушка, а три дружных старых холостяка». То есть Хиггинс признает Элизу равной себе. Все вместе отправляются домой.

Э. Хемингуэй

(1856—1950)

Эрнест Миллер Хемингуэй — американский писатель. Лауреат Нобелевской премии (1954). В своих романах «Фиеста» (1926), «Прощай, оружие!» (1929) отразил мироощущение «потерянного поколения». Изображенная в романе «По ком звонит колокол» (1940) гражданская война в Испании 1936—1939 гг. предстает как трагедия национальная и общечеловеческая. Повесть «Старик и море» (1952) посвящена авторской идее «трагического стоицизма»: человек, даже проигрывая, обязан сохранить мужество и достоинство. Прозу Хемингуэя отличают внешняя простота, сдержанный лиризм.

Старик и море

«Старик рыбачил один на своей лодке в Гольфстриме. Вот уже восемьдесят четыре дня он ходил в море и не поймал ни одной рыбы. Первые сорок дней с ним был мальчик. Но день за днем не приносил улова, и родители сказали мальчику, что старик теперь явно *salao*, то есть “самый что ни на есть невезучий”, и велели ходить в море на другой лодке, которая действительно привезла три хорошие рыбы в первую же неделю. Мальчику тяжело было смотреть, как старик каждый день возвращается ни с чем, и он выходил на берег, чтобы помочь ему отнести домой снасти или багор, гарпун и обернутый вокруг мачты парус. Парус был весь в заплатках из мешковины и, свернутый, напоминал знамя наголову разбитого полка. Старик был худ и изнеможен, затылок его прорезали глубокие морщины, а щеки были

покрыты коричневыми пятнами неопасного кожного рака, который вызывают солнечные лучи, отраженные гладью тропического моря... Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдается».

Мальчик, как может, поддерживает старика, помогает донести снасти до дома, приносит ему пиво. Человек, с которым мальчик теперь ходит в море, ему не нравится. Старик Сантьяго научил в свое время мальчика рыбачить, и тот ловит для него сардин, которых старик использует в качестве приманки. Мальчик дружит со стариком, навещает его каждый день. Старик живет крайне бедно, тем не менее говорит, что не нуждается ни в чем. У него уже давно не было сети — он продал ее, не было и еды. Старик сочувствовали все: и рыбаки, и хозяин ресторана, который дает ему еду в долг. Старик надеется, что поймает большую рыбу, и тогда он отдаст большую часть рыбы хозяину ресторана. Мальчик и старик разговаривают о бейсболе — оба любят эту игру. У старика есть любимый игрок — «великий Ди Маджио». Старик надеется, что именно этот игрок принесет победу своей команде. Старик чувствует некое родство с великим игроком, поскольку отец Ди Маджио был рыбаком. Старик знает, что Ди Маджио страдал от пяточной шпоры. Он не сомневается, что симптомы этой болезни крайне тяжелы. Старик считает, что великий Ди Маджио потому и велик, что борется за победу всегда, несмотря на тяжелую болезнь.

Мальчик же считает старика самым великим на свете рыбаком. Он уверен, что старик может одолеть любую рыбу. Накануне выхода в море старик засыпает, и ему снится Африка. «Ему снились только далекие страны и львята, выходящие на берег. Словно котята, они резвились в сумеречной мгле, и он любил их так же, как и мальчика. Но мальчик ему никогда не снился». Утром мальчик проводил старика до лодки и пожелал ему удачи. Старик вышел в море. Он надеется, что сегодня, на восемьдесят пятый день, ему улыбнется удача. Оставшись один в море, старик

разговаривает сам с собой. «Прежде, оставшись один, он пел; он пел иногда и ночью, стоя на вахте, когда ходил на больших парусниках или охотился за черепахами. Наверное, он стал разговаривать вслух, когда от него ушел мальчик и он остался совсем один».

Спустя какое-то время старик почувствовал, что на его наживку попалась крупная рыба. Старик разговаривает с рыбой уважительно, уговаривает ее поглубже заглотнуть крючок. Он понимает, что рыба крупная, но все равно надеется, что справится с ней. Плохо то, что рядом нет мальчика. Старик думает о том, что человек в старости не должен оставаться один, но это, к сожалению, неизбежно. Старик привык надеяться только сам на себя. Он оценивает свои силы и силы рыбы, считает, что они примерно равны. Но рыба не обладает человеческим умом и сообразительностью, несмотря на благородство и великодушие. Старик вспомнил случай из своей жизни: он поймал самку марлина, она же, попавшись на крючок, стала отчаянно бороться, но очень быстро выбилась из сил. Самец не покинул ее — он плыл вместе с ней. Плыл он так близко, что старик боялся, как бы он не перерезал лесу своим острым хвостом. Когда старик зацепил самку багром и стукнул ее дубинкой, а потом при помощи мальчика затаскивал в лодку, самец оставался рядом. «Потом, когда старик стал сматывать лесу и готовить гарпун, самец высоко подпрыгнул в воздух возле лодки, чтобы поглядеть, что стало с его подругой, а затем ушел глубоко в воду... Старик не мог забыть, какой он был красивый. И он не покинул свою подружку до конца».

Старик ощущает чувство вины перед попавшейся ему на крючок рыбой. Но старик не хочет размениваться на мелкую рыбу, хочет отдать все силы на крупную, поэтому он решает пожертвовать остальными удочками. Рыба уходит все дальше от берега, увлекая за собой лодку. Днем старик ориентируется по солнцу, ночью — по звездам. Старик ждет, когда рыба наконец устанет. Но она и не думает всплывать на поверхность. Прошли уже сутки с того момента, как он поймал ее, но до сих пор так и не видел, какая

она. Он говорит рыбе: «Я тебя очень люблю и уважаю. Но убью тебя прежде, чем настанет вечер». Старик ночью не спит — он удерживает спиной лесу с тяжелой рыбой. Рванувшись, рыба так дергает лесу, что старик валится на дно лодки, ранит руку. У него идет кровь. Он опускает раненую руку в соленую воду моря — за лодкой тянется кровавый след. Однако старик думает о том, что и рыбе приходится нелегко. У него затекает рука, и он не чувствует ее. Старик начинает разговаривать с рукой, как с отдельным существом, просит не подводить его в самый ответственный момент. Чтобы не потерять силы, старик заставляет себя съесть сырого тунца, которого мальчик наловил для наживки. «Старик поглядел вдаль и понял, как он теперь одинок. Но он видел разноцветные солнечные лучи, преломляющиеся в темной глубине, натянутую, уходящую вниз бечевку и странное колыхание морской глади. Облака купились, предвещая пассат, и, глядя вперед, он заметил над водою стаю диких уток, резко очерченных в небе; вот стая расплылась, потом опять обрисовалась еще четче, и старик понял, что человек в море никогда не бывает одинок».

Леса стала натягиваться, и старик понял, что рыба поднимается на поверхность. «Наконец поверхность океана вздулась, рыба вышла из воды. Она все выходила, и казалось, ей не будет конца, а вода потоками скатывалась с ее боков. Вся она горела на солнце, голова и спина у нее были темно-фиолетовые, а полосы на боках казались при ярком свете очень широкими и нежно-сиреневыми. Вместо носа у нее был меч, длинный, как бейсбольная клюшка, и острый на конце, как рапира. Она поднялась из воды во весь рост, а потом снова опустилась, бесшумно, как пловец, и едва ушел в глубину ее огромный хвост, похожий на лезвие серпа, как леса начала стремительно разматываться».

Старик понимает, что это марлин, или рыба-меч. Она на два фута длиннее его лодки. Он сознает, что единственный выход — убедить рыбу в своем превос-

ходстве, чтобы она не бросилась уплывать и натягивать лесу, которая может от этого лопнуть. Не верующий в Бога старик дает обет отправиться на богомолье к Кобренской Богоматери, в случае, если поймает этого марлина. Он читает молитвы вслух, но устал настолько, что даже забывает слова «Отче наш». Старик не сдается, хотя у него кончается питьевая вода, а солнце палит беспощадно.

Чтобы восстановить силы, старик решает немного поспать, но он боится, что рыба неожиданно дернет лесу, а он будет не готов к этому. Ему хочется уснуть и увидеть во сне львов. Львы — это его лучшее воспоминание юности. Старик думает о Ди Маджио, который терпел страшную боль от пяточной шпоры. Эти размышления помогают легче переносить выпавшие на его долю испытания.

«Когда солнце зашло, старик, чтобы подбодриться, стал вспоминать, как однажды в таверне Касабланки он состязался в силе с могучим негром из Сьенфуэгос, самым сильным человеком в порту. Они просидели целые сутки друг против друга, уперев локти в черту, прочерченную мелом на столе, не сгибая рук и крепко сцепив ладони. Каждый из них пытался пригнуть руку другого к столу.

Кругом держали пари, люди входили и выходили из комнаты, тускло освещенной керосиновыми лампами, а он не сводил глаз с руки и локтя негра и с его лица. После того как прошли первые восемь часов, судьи стали меняться каждые четыре часа, чтобы поспать. Из-под ногтей обоих противников сочилась кровь, а они все глядели друг другу в глаза, и на руку, и на локоть... И на рассвете, когда люди стали требовать, чтобы судья объявил ничью, а тот только пожал плечами, старик внезапно напряг свои силы и стал пригибать руку негра все ниже и ниже, покуда она не легла на стол... Он понял, что если очень захочет, то победит любого противника, и решил, что такие поединки вредны для его правой руки, которая нужна ему для рыбной ловли. Несколько раз он пробовал посязаться левой рукой. Но его левая рука всегда под-

водила его, не желала ему подчиняться, и он ей не доверял». Чтобы чем-то питаться, старик ловит макрель и ест ее в сыром виде.

Ночью все небо усеяно звездами. Старик рад этому — «далекие друзья» с ним.

Он решает поспать, так как прошло более суток с тех пор, как он вышел в море. Во сне старик счастлив: ему снится огромная стая морских свиней, подпрыгивающих в воздух и ныряющих обратно в море, снятся львы.

Просыпается старик от резкого рывка. Рыба то ныряет в глубину, то выпрыгивает из воды. Старик едва справляется с ней, у него вся правая рука изрезана лесой, но он терпит. Рыба наконец успокаивается. Старик вслух советует самому себе забыть о страхе. Наступают третьи сутки с тех пор, как старик вышел в море.

Рыба начинает плавать кругами — верный признак того, что приближается финальная схватка. Старик очень устал, пот катится с него градом. «Вот уже целый час, как у старика перед глазами прыгали черные пятна, соленый пот заливал и жег глаза, жег рану над глазом и другую рану — на лбу... два раза он почувствовал слабость, и это встревожило его не на шутку».

Постепенно старик подтягивал рыбу ближе к лодке, держа гарпун наготове, чтобы убить ее ударом в сердце. Рыбу он оценивает как самое прекрасное и благородное существо, которое он видел. Старик чувствует, что ему уже почти все равно, кто кого убьет. Он пытается заставить себя привести в порядок свои мысли и постараться «переносить страдания как человек... или как рыба». В конце концов старику удастся убить рыбу. Он задумывается о том, сколько она будет весить, сколько дадут за нее денег. Но в то же время ему кажется, что он убил брата. Старик привязывает рыбу к лодке, гребет к берегу, которого не видно.

Пока старик плывет до берега, на него неоднократно нападают акулы. Он сражается с ними — гарпуном, ножом, румпелем, дубиной, веслами, убивает

их, но каждая из них успевает отхватить от рыбы по большому куску. В результате от нее остается один хребет. Сражаясь с акулами, старик представляет, как бы гордился им Ди Маджио, если бы видел его. Старик начинает опасаться, что на берегу за него волнуются — ведь его окружают хорошие люди.

Старик размышляет о счастье: «Хотел бы я купить себе немножко счастья, если его где-нибудь продают... А на что его купишь?.. Разве его купишь на потерянный гарпун, сломанный нож и покалеченные руки? Почем знать! Ты ведь хотел купить счастье за восемьдесят четыре дня, которые провел в море. И, между прочим, тебе его чуть было не продали... не нужно думать о всякой ерунде. Счастье приходит к человеку во всяком виде, разве его узнаешь? Я бы, положим, взял немножко счастья в каком угодно виде и заплатил за него все, что спросят».

Старик остался без весел, он «знал, что теперь уже он побежден окончательно и непоправимо, и, вернувшись на корму, обнаружил, что обломок румпеля входит в рулевое отверстие и что им, на худой конец, тоже можно править». Ему удастся добраться до гавани. Лодка — единственное, что осталось у старика после схватки с акулами. Он и не думает унывать, а соображает, как можно восполнить потери. Старик добрался до берега ночью, поэтому его никто не видел.

Утром вокруг его лодки собрались рыбаки, мальчик, хозяин ресторана. Все потрясены: «бывшая рыба» огромна. Мальчик плачет от жалости к старику. Хозяин ресторана просит его отнести старику еду и кофе. Мальчик говорит рыбакам, чтобы не тревожили старика, дали ему отдохнуть. Когда старик просыпается, мальчик поздравляет его с победой. Старик дарит мальчику меч рыбы. Тот обещает снова ходить со стариком в море, несмотря на мнение родителей. Они планируют, как приобрести новые снасти, починить лодку. Мальчик обещает заняться этим, приносит старику ранозаживляющую мазь для рук, просит его подлечиться.

«Наверху, в своей хижине, старик опять спал. Он снова спал лицом вниз, и его сторожил мальчик. Старика снились львы».

Б. Брехт

(1898—1956)

Бертольт Брехт — немецкий писатель, режиссер. Родился в семье управляющего фабрики, домовладельца. По окончании гимназии поступил на медицинский факультет Мюнхенского университета. В 1918 г. был призван в армию, служил санитаром в военном госпитале.

В 1933—1947 гг. Брехт находился в эмиграции. В 1949 г. основал театр «Берлинер ансамбль». Брехт — Автор целого ряда философско-сатирических пьес на современные, исторические и мифологические сюжеты: «Трехгрошовая опера» (поставлена в 1928, музыка К. Вейля, издана в 1931), «Мамаша Кураж и ее дети» (создана в 1939, издана в 1941), «Жизнь Галилея» (создана в 1938—1939, издана в 1955), «Добрый человек из Сезуана» (создана в 1938—1940, издана в 1943), «Кавказский меловой круг» (поставлена в 1954, музыка П. Дессау, издана в 1949).

Брехт создал пьесу «Мамаша Кураж и ее дети» в Швеции осенью 1939 г. Начинаясь Вторая мировая война в Европе. Автор писал: «Когда я писал, мне представлялось, что со сцен нескольких больших городов прозвучит предупреждение драматурга, предупреждение о том, что, кто хочет завтракать с чертом, должен запастись длинной ложкой. Может быть, я проявил при этом наивность, но я не считаю, что быть наивным — стыдно. Спектакли, о которых я мечтал, не состоялись. Писатели не могут писать с такой быстротой, с какой правительства развязывают войны: ведь чтобы сочинять, надо думать. Театры слишком скоро попали во власть крупных разбойников. “Мамаша Кураж и ее дети” — опоздала».

Мамаша Кураж и ее дети

Хроника из времен тридцатилетней войны

Действующие лица:

Мамаша Кураж.

Катрин, ее немая дочь.

Эйлиф, ее старший сын.

Швейцеркас, ее младший сын.

Вербовщик.

Фельдфебель.

Повар.

Командующий.

Полковой священник.

Интендант.

Иветта Потье.

Человек с повязкой.

Другой фельдфебель.

Старый полковник.

Писарь.

Молодой солдат.

Пожилой солдат.

Крестьянин.

Крестьянка.

Молодой человек.

Старуха.

Другой крестьянин.

Другая крестьянка.

Молодой крестьянин.

Прапорщик.

Солдаты.

Голос.

Действие происходит в Даларне весной 1624 г., во время набора войска для похода на Польшу главнокомандующим Оксеншерна. Маркитантка Анна Фирлинг, известная под именем мамаша Кураж, теряет одного сына.

На большой дороге неподалеку от города стоят и мерзнут фельдфебель с вербовщиком. Вербовщик жалуется фельдфебелю на невозможность сколотить отряд. «Прямо хоть в петлю полезай. До двенадцато-

го я должен поставить командующему четыре эскадрона, а людишки здесь такие зловредные, что я даже спать по ночам перестал. Заарканил было одного, не посмотрел, что у него куриная грудь и расширение вен, сделал вид, будто все в порядке, напоил его как следует, он уже и подпись поставил, стал я платить за водку, а он просится на двор. Чую, дело неладно — и за ним. Точно, ушел, как вошь из-под ногтя. У них нет ни честного слова, ни верности, ни чувства долга. Я здесь потерял веру в человечество, фельдфебель».

Фельдфебель отвечает, что, по его мнению, «слишком давно не было здесь войны... Спрашивается: откуда же и взяться морали? Мирное время это сплошная безалаберщина, навести порядок может только война. В мирное время человечество растет в ботву. Людьми и скотом разбрасываются, как дерьмом. Каждый жрет, что захочет, скажем, белый хлеб с сыром, а сверху еще кусок сала... Известно ведь: не будет порядка — не развоюешься... Как все хорошее, войну начинать очень трудно. Зато уж когда разыграется — не остановишь; люди начинают бояться мира, как игроки в кости — конца игры. Ведь когда игра кончена, нужно подсчитывать проигрыш...»

Вербовщик, видя фургон с двумя женщинами и двумя парнями, просит фельдфебеля задержать старуху.

Появляются два молодых парня, вкатывающие фургон, на котором мамаша Кураж и ее немая дочь Катрин.

Фельдфебель требует у женщины бумаги.

Мамаша Кураж. Бумаги?

Младший сын. Да это же мамаша Кураж!

Фельдфебель. В первый раз слышу. Почему ее зовут Кураж?

Мамаша Кураж. Кураж меня зовут потому, фельдфебель, что я боялась разориться и сквозь пущечный огонь вывезла из Риги пятьдесят ковриг хлеба.

Фельдфебель. Шутки долой. Где бумаги?

Мамаша Кураж вынимает из жестянки кучу бумаг: «Вот все мои бумаги, фельдфебель. Вот, пожалуйста, целый требник — огурцы завертывать, он у меня из Альтентинга, а вот карта Моравии, бог весть, случится ли мне там побывать, — если нет, то карта нужна мне, как собаке пятая нога; а вот здесь, видите, печатью удостоверяется, что моя сивка — не больна ящуром, она у нас, к сожалению, околела, а стоила пятнадцать гульденов, не мне, слава богу. Ну, что, довольно с вас бумаг?

Фельдфебель требует у мамаша Кураж лицензию и интересуется ее настоящим именем.

Мамаша Кураж. Анна Фирлинг.

Фельдфебель. Значит, вы все Фирлинги?

Мамаша Кураж. Почему все? Фирлинг — это моя фамилия. Но не их.

Фельдфебель. Да ведь они же все твои дети?

Мамаша Кураж. Да, мои, но разве поэтому у них у всех должна быть одна и та же фамилия? (Указывает на старшего сына.) Вот этого, например, зовут Эйлиф Нойоцкий.

Второй сын является отпрыском спившегося строителя крепостей, но носит фамилию мадьяра Фейош. Дочь Катрин носит фамилию Гаупт, она наполовину немка.

Мамаша Кураж сообщает, что «со своим фургоном весь мир объехала».

Она пытается продать «господам офицерам» «хорошие пистолеты или, например, пряжки».

Фельдфебель говорит, что ему нужно другое. «Я вижу, ребята у тебя рослые, грудь колесом, ножищи как бревна. Хотел бы я знать, почему они уклоняются от военной службы». Мамаша Кураж отвечает, что ремесло солдата не для ее сыновей.

Вербовщик. А почему не для них? Ведь оно же приносит доход, приносит славу. Сбивать сапоги дело бабье.

Мамаша Кураж уверяет, что он «мокрая курица». Она пытается избавиться от домогательств вербовщика, сообщив, что лейтенант — жених ее дочери, и угрожая пожаловаться полковнику.

Видя, что вербовщики не собираются отставать, мамаша Кураж обращается к другому сыну: «Беги и кричи, что твоего брата хотят украсть». Она вынимает нож и готовится к схватке.

Фельдфебель упрекает мамашу Кураж в том, что, «кормясь войной» она не желает отдавать войне сына.

В результате долгих уговоров сыновья Кураж заявляют матери, что хотят в солдаты.

Мамаша Кураж предлагает погадать на будущее, смешав в шлеме чистые и помеченные крестами листки пергамента. «Хотят удрать от матери, черти, рвутся на войну, как телята к соли. Вот сейчас погадаем, и они увидят, что, когда тебе говорят: "Пойдем, сынок, ты станешь офицером", — нечего уши развешивать. Очень боюсь, фельдфебель, что они у меня не уцелеют на войне».

Сын мамыши Кураж Эйлиф вынимает помеченный крестом клочок пергамента. Мамаша Кураж заявляет, что если он останется с ней, то ему ничего не грозит. Ее младший сын тоже вытаскивает помеченный крестом листок, как и фельдфебель.

Катрин, к великому изумлению мамыши Кураж, тоже вынимает крест.

«Будьте все осторожны, — говорит Кураж, — вам это нужно. А теперь — по местам, и поехали».

Фельдфебель обманом все-таки уводит Эйлифа. Немая Катрин безуспешно пытается остановить его. Но мамаша, отвлекаемая покупкой пряжки фельдфебелем, упускает сына.

Мамаша Кураж говорит Катрин, что ей теперь «придется вместе с братом тащить фургон».

Фельдфебель (глядя им вслед):

Войною думает прожить.
За это надобно платить.

В 1625—1626 гг. мамаша Кураж колесит по Польше в обозе шведской армии. Близ крепости Вальгоф она встречает своего сына.

У палатки командующего мамаша Кураж продает повару каплуна, они долго торгуются. В это время в палатку входят командующий, полковой священник и Эйлиф.

Сын мамаша Кураж в зените славы. Командующий предлагает ему сесть по правую руку от себя. «Ты совершил подвиг, ты настоящий благочестивый воин. То, что ты сделал, ты сделал во имя Бога, в войне за веру, это я особенно ценю, ты получишь золотой браслет, как только я возьму город. Мы пришли спасти их души, а они что, бессовестное, грязное мужичье! Они угоняют от нас скот! Зато попов своих они кормят до отвала. Но ты им дал урок хорошего поведения.

Повар ворчит, что его командир «приводит гостей, когда и так есть нечего».

Мамаша Кураж узнает сына, которого не видела два года.

На радостях она продает каплуна за один гульден и сама ощипывает птицу.

Мамаша Кураж (садится, ощипывает каплуна). Хотела бы я знать, какое он сделает лицо, когда меня увидит. Это мой смелый и умный сын. У меня есть еще и дурачок, но дурачок честный. Дочь — пустое место. Но она, по крайней мере, молчит, это уже кое-что.

Командующий просит Элифа: «Сын мой, доложи нам подробнее, как ты перехитрил крестьян и захватил двадцать волов. Надеюсь, они скоро будут здесь».

...Эйлиф рассказывает: «Значит, дело было так.

Я узнал, что крестьяне тайком, по ночам, сгоняют в одно место волов, которых они от нас прятали по всему лесу. Оттуда волов должны были погнать в город. Я не стал мешать крестьянам.

Пускай, думаю, сгоняют своих волов, им легче искать их в лесу, чем мне. А людей своих я довел до то-

го, что они только о мясе и думали. Два дня я урезал и без того скудный паек...»

Командующий. Ты поступил умно.

Эйлиф. Возможно. Все остальное уже мелочи. Разве только вот, что у крестьян были дубинки и их было втрое больше, чем нас. Они зверски на нас напали. Четверо мужиков загнали меня в кустарник, вышибли у меня меч из рук и кричат: «Сдавайся!» Что делать, думаю, они же сделают из меня фарш.

Командующий. Как же ты поступил?

Эйлиф. Я стал смеяться.

Командующий. Что-что?

Эйлиф. Стал смеяться. Завязался разговор. Я давай торговаться. Двадцать гульденов за вола, говорю, это мне не по карману. Предлагаю пятнадцать. Как будто я собираюсь платить. Они в замешательстве, чешут затылки. Тут я наклоняюсь, хватаю свой меч и рублю мужиков на мелкие части. В нужде побудешь — заповедь забудешь, правда?

Командующий одобряет поступок Эйлифа, усматривая в нем сходство с королем.

Мамаша Кураж, услышав этот разговор, со злостью говорит: «Это, наверно, очень плохой командующий».

Повар. Прожорливый — верно, но почему плохой?

Мамаша Кураж. Потому что ему нужны храбрые солдаты, вот почему. Если у него хватает ума на хороший план разгрома врага, то зачем ему непременно храбрые солдаты? Обошелся бы и обыкновенными.

Вообще, когда в ход идут высокие добродетели — значит, дело дрянь.

Эйлиф, услышав голос матери на кухне, подходит к ней и, обняв, спрашивает о том, где остальные члены семьи.

Мамаша Кураж (в объятьях сына). Все живы-здоровы. Швейцеркас теперь казначей Второго Финляндского. Хоть в бой-то у меня его не пошлют. Совсем удержать его в стороне никак не удалось.

Эйлиф. А как твои ноги?

Мамаша Кураж. По утрам через силу надеваю ботинки.

Командующий (подходит к ним). Ты, стало быть, его мать. Надеюсь, у тебя найдутся для меня еще сыновья такие, как этот.

Эйлиф. Ну разве мне не везет! Ты сидишь здесь в кухне и слышишь, как привечают твоего сына!

Мамаша Кураж. Да, я слышала. (Дает ему пощечину.)

Эйлиф (хватается за щеку). Это за то, что я захватил волов?

Мамаша Кураж. Нет, это за то, что ты не сдался, когда на тебя напали четверо и хотели сделать из тебя фарш! Разве я не учила тебя думать о себе?

Еще через три года мамаша Кураж вместе с остатками Финляндского полка попадает в плен. Женщине удается спасти дочь и фургон, но ее честный сын погибает.

Швейцеркас, получивший должность военного казначея, похищает полковую кассу. Труп сына приносят мамаше Кураж, надеясь, что она выдаст себя, но женщина заявляет, что незнакома с ним.

Мамаша Кураж собирается подавать жалобу.

Перед офицерской палаткой. Мамаша Кураж ждет. Из палатки выглядывает писарь.

Писарь. Я вас знаю. Вы укрывали у себя лютеранского казначея. Лучше не жалуйтесь.

Мамаша Кураж. Нет, я буду жаловаться. Я ни в чем не виновата, а если я это оставлю, еще подумают, что у меня совесть нечиста. Все, что у меня было в фургоне, они искромсали своими саблями и еще ни за что ни про что оштрафовали меня на пять талеров.

Писарь. Послушайтесь доброго совета, держите язык за зубами. У нас не так много маркитантов, и мы разрешаем вам торговать, особенно если совесть у вас нечиста и вы время от времени платите штраф.

Подумав, мамаша Кураж решает отступить.

Прошло два года. Война захватывает все новые пространства. Не зная отдыха, мамаша Кураж со своим фургончиком проходит Польшу, Моравию, Баварию, Италию и снова Баварию. 1631 год. Победа Тилли при Магдебурге стоит мамаше Кураж четырех офицерских сорочек.

Фургон мамашы Кураж стоит в разрушенной деревне. Издалека слабо доносится военная музыка. У стойки — два солдата, их обслуживают мамаша Кураж и Катрин. У одного солдата накинута на плечи дамская меховая шубка.

Мамаша Кураж. Что, платить нечем? Нет денег — нет водки. Победные марши играть они горазды, а нет чтоб солдатам жалованье выдать.

Солдат. Водки хочу. Я слишком поздно начал грабить.

Командующий нас надул и отдал город на разграбление всего на один час. Я, говорит, не зверь; наверно, получил от города взятку.

Полковой священник (входит, прихрамывая). Во дворе лежат еще несколько человек. Крестьянская семья. Помогите мне кто-нибудь. Мне нужна холстина для повязок.

Второй солдат уходит с ним.

Катрин приходит в большое волнение и пытается выпросить у матери холстину для бинтов.

Мамаша Кураж. У меня нет ничего. Бинты я распродала в полку. Офицерские сорочки я рвать ради них не буду.

Полковой священник (кричит из глубины сцены). Говорю вам, мне нужна холстина.

Мамаша Кураж (садится на лесенку, чтобы Катрин не вошла в фургон). Не дам. Платить они не станут, у них нет ничего.

Полковой священник (склонившись над женщиной, которую он внес на руках). Почему вы не ушли, когда начался орудийный обстрел?

Крестьянка (слабым голосом). Хозяйство.

Мамаша Кураж. Разве эти люди что-нибудь бросят! А я так выкладывай. Нет, не дам.

Первый солдат. Это лютеране. С какой стати они лютеране?

Мамаша Кураж. Плевать им на веру. У них хозяйство пропало.

Второй солдат. Никакие они не лютеране. Они-то сами католики.

Первый солдат. Когда идет обстрел, как их рас-сортируешь.

Крестьянин (его приводит священник). Пропала моя рука.

Полковой священник. Где холст?

Все смотрят на мамашу Кураж, та не шевелится.

Мамаша Кураж. Не могу ничего дать. Всякие налоги, пошрины, проценты, взятки!

Катрин, издавая нечленораздельные гортанные звуки, поднимает с земли доску и замахивается на мать.

Рехнулась ты, что ли? Положи сейчас же доску, дрянь ты этакая, а то отлуплю! Не дам, не могу, я должна о себе самой подумать.

Полковой священник снимает ее с лесенки и сажает на землю; затем он достает сорочки и разрывает их на узкие полоски.

Мамаша Кураж причитает: «Мои сорочки! Полгульдена штука! Меня разорили!»

Из хижины доносится жалобный детский голос.

Крестьянин. Там еще дитя.

Катрин бежит в хижину и спасает грудного ребенка.

Мамаша Кураж заставляет дочь вернуть ребенка матери.

Полковой священник (накладывая повязку). Кровь просачивается.

Катрин укачивает младенца, бормоча что-то похожее на колыбельную песню.

Близ города Ингольштадта в Баварии Кураж присутствует на похоронах главнокомандующего императорских войск Тили. Идут разговоры о героях войны и о длительности войны. Полковой священник сетует на то, что его способности пропадают втуне, немая Катрин получает красные туфельки.

1632 год.

Мамаша Кураж говорит о том, что жалеет главнокомандующего, погибшего из-за несчастного случая. Всею виной был туман на лугу.

Главнокомандующий из-за тумана ошибся в направлении: оказалось, что он поскакал не назад, а вперед, в самое пекло боя, где и попал под пулю.

Военнослужащим выплатили жалованье, и теперь вместо того, чтобы идти на похороны главнокомандующего, они пьянствуют.

Услышав от полкового священника, что война не собирается прекращаться, мамаша Кураж радуется: «Значит, я закуплю товару. Полагаюсь на вас».

Катрин, в отличие от матери, ждет конца войны, поскольку мать обещала ей мужа после нее.

Полковой священник обращается к мамаше Кураж: «Я много раз восхищался вашим умением вести дела и выходить из любого положения. Понимаю, почему вас называли Кураж».

Мамаша Кураж отвечает: «Кураж, смелость — вот что нужно бедным людям. Иначе их дело пропащее. Для того чтобы в их положении вставать по утрам, уже нужна смелость. Или чтобы перепахать поле, да еще во время войны! Одно то, что они производят на свет детей, уже говорит об их смелости, потому что

впереди у них ничего нет. Они должны быть палачами друг другу и отправлять друг друга на тот свет, тогда как им хочется смотреть друг другу в глаза, для этого, конечно, нужна смелость, нужен кураж. И то, что они терпят императора и папу, это тоже доказывает их жуткую смелость, потому что за этих господ они платятся жизнью.

Полковой священник делится с мамашей Кураж: «...здесь пренебрегают моими дарованиями и способностями, заставляя меня выполнять физическую работу.

Таланты, данные мне Богом, вообще не проявляются. Это грех. Вы не слышали моих проповедей. Одной речью я могу привести целый полк в такое настроение, что на неприятельское войско он смотрит как на стадо баранов.

Солдатам собственная их жизнь кажется старой провонявшей половой тряпкой, которую они готовы вышвырнуть при мысли о конечной победе. Бог наградил меня даром слова. Моя проповедь может ослепить вас и оглушить.»

Мамаша Кураж. Я совсем не хочу этого. Что мне делать слепой и глухой?

Полковой священник. Кураж, я часто думал, не скрывается ли за вашими трезвыми речами горячее сердце. Вы ведь тоже человек, и вам нужно тепло.

Мамаша Кураж. Чтобы в палатке было тепло, нужно заготовить достаточно дров.

Полковой священник. Вы переводите разговор на другое.

Серьезно, Кураж, я часто спрашиваю себя, что было бы, если бы наши отношения стали немного ближе. Ведь ураган войны так странно сплел наши судьбы.

Однако мамаша Кураж по-прежнему сводит разговор к шуткам, не желая раскрывать перед священником душу.

Входит Катрин, она едва дышит, у нее рана на лбу, над глазом. Она тащит кучу разных вещей, свертки, кожаные изделия, барабан и т. п.

На девушку напали солдаты.

Мамаша Кураж, перевязывая рану дочери, говорит: «Следа не останется, а по мне, хоть бы и остался. Беда тем, кто им нравится. Те как пойдут по рукам, так и пиши пропало. Кто им не по вкусу, тем они хоть жить дают».

Мамаша Кураж вспоминает, как однажды Катрин пропадала где-то всю ночь, но мать так и не узнала, что произошло.

Мамаша Кураж на вершине делового успеха.

Проселочная дорога. Мамаша Кураж, Катрин и полковой священник тянут фургон, увешанный новым товаром.

На шее у мамыши Кураж — связка серебряных талеров.

Мамаша Кураж. Вы не убедите меня, что война — это дерьмо. Верно, она уничтожает слабых, но они и в мирное время погибают. Зато своих людей она кормит лучше.

В том же году в битве при Лютцене погибает шведский король Густав-Адольф. Мир грозит мамаше Кураж разорением.

Смелый сын мамыши Кураж совершает на один подвиг больше, чем требовалось, и бесславно заканчивает свою жизнь.

Сын мамыши Кураж Эйлиф под конвоем в наручниках приходит повидаться с матерью.

Эйлиф. Где мать?

Полковой священник. Ушла в город.

Эйлиф. Я слышал, что она здесь. Мне разрешили повидаться с ней.

Повар (солдатам). Куда вы его ведете?

Солдат. Лучше бы ему туда не идти.

Полковой священник. Что он сделал?

Солдат. Ворвался в дом к крестьянину. Хозяйка приказала долго жить.

Полковой священник. Как же ты мог сделать такое?

Эйлиф. Я и до этого ничего другого не делал.

Повар. Но сейчас мир.

Эйлиф. Замолчи. Можно мне посидеть, пока она придет?

Солдат. У нас нет времени.

Полковой священник. Во время войны его за это перевозносили, он сидел по правую руку от командующего.

Тогда это считалось смелостью!

Нельзя ли поговорить с профосом, ведь приговор от него зависит.

Солдат. Бесполезно. Отнять у крестьянина скотину — какая же тут смелость?

Повар. Это была глупость!

Эйлиф. Если бы я был глупый, я давно бы умер с голоду, слышишь ты, умник дерьмовый.

Повар. А за то, что ты умный, у тебя слетит голова.

Полковой священник. Надо хоть Катрин позвать.

Эйлиф. Пускай себе сидит в фургоне! Дай лучше хлебнуть водки.

Солдат. Некогда, пошли!

Полковой священник. Что нам сказать твоей матери?

Эйлиф. Скажи ей, что ничего другого и не было, скажи ей, что так я и жил. Или лучше ничего не говори.

Солдаты подталкивают его.

Полковой священник. Я пойду с тобой, я не оставляю тебя одного на этом тяжелом пути.

Эйлиф. Попа мне не нужно.

Полковой священник. Этого ты еще не знаешь. (Идет за ним.)

Повар (кричит им вслед). Мне придется ей рассказать, она захочет увидеть его!

Полковой священник. Лучше ничего не говорите. Разве только, что он был здесь и опять придет, может быть, завтра. Тем временем я вернусь и смогу ее подготовить. (Поспешно уходит.)

Повар глядит им вслед и качает головой, потом он начинает беспокойно шагать взад-вперед. Наконец он подходит к фургону.

Повар. Эгей! Не угодно ли выйти? Я понимаю, что вы спрятались от мира.

Я бы тоже не прочь спрятаться. Я повар главнокомандующего, вы меня помните?

Не найдется ли у вас чего-нибудь перекусить в ожидании вашей матушки? Я съел бы, пожалуй, кусок сала или даже хлеба, только чтобы время скоротать.

(Заглядывает в фургон.) Укрылась с головой.

Из глубины сцены доносится канонада.

Мамаша Кураж (вбегает запыхавшись, товар при ней). Повар, мир опять уже кончился! Уже три дня снова война. Я узнала это раньше, чем успела спустить товар. Слава богу! В городе — перестрелка с лютеранами. Нужно сматываться с фургоном! Катрин, собирай вещи! Почему вы смутились? Что случилось?

Повар. Ничего.

Мамаша Кураж. Нет, что-то неладно. Я вижу по лицу.

Повар. Это, наверно, оттого, что опять война. Теперь мне, наверно, до завтрашнего вечера не поест горячего.

Мамаша Кураж. Врете, повар.

Повар. Здесь был Эйлиф. Но он очень торопился.

Мамаша Кураж. Эйлиф был здесь? Ну, мы его увидим на марше.

Теперь я пойду с нашими. Как он выглядит?

Повар. Как всегда.

Мамаша Кураж. Он никогда не изменится. Уж его-то войне не удалось у меня отнять. Он не дурак. Вы не поможете мне собрать вещи? (Принимается укладывать товар.) Что он рассказывает? У него по-прежнему хорошие отношения с командующим? Он ничего не говорил о своих подвигах?

Повар (мрачно). Один из своих подвигов он, как я понял, повторил.

Мамаша Кураж. Потом расскажете, пора двигаться.

Появляется Катрин.

Катрин, мира уже снова как не бывало. Мы уходим отсюда. (Повару.) А вы куда пойдёте?

Повар. Я завербуюсь в армию.

Мамаша Кураж. Я предлагаю вам... где священник?

Повар. Он пошел в город с Эйлифом.

Мамаша Кураж. Тогда проводите нас немного, Ламб. Мне нужна помощь.

Повар. История с Иветтой...

Мамаша Кураж. Она не повредила вам в моих глазах. Наоборот. Как говорится, где огонь, там и чад. Так что же, пойдёте с нами?

Повар. Я не отказываюсь.

Мамаша Кураж. Двенадцатый уже выступил. Становитесь у дышла. Вот вам кусок хлеба. Мы тихонько пристроимся к лютеранам. Может быть, я еще сегодня вечером увижу Эйлифа.

Он у меня любимчик. Был короткий мир, и вот уже опять пошло.

Уже шестнадцать лет длится великая война за веру. Германия лишилась доброй половины жителей. Уцелевшие после боищ умирают от эпидемий. В землях, когда-то процветавших, теперь царит голод. По сожженным городам рыщут волки.

Осенью 1634 г. мы встречаем Кураж в Германии, в Сосновых горах, в стороне от военной дороги, по которой движутся шведские войска. Зима в этом году ранняя и суровая. Дела идут плохо, приходится нищенствовать. Повар получает письмо из Утрехта, и ему дают отставку.

У полуразрушенного дома приходского священника. Хмурое утро в начале зимы. Резкий ветер. Мамаша Кураж и повар в старых овчинах примостились у фургона.

Повар. Еще темно, все спят.

Мамаша Кураж. Как-никак дом священника. Скоро звонить в колокол, придется ему покинуть перину. Ничего, его ждет горячий суп.

Повар. Какой там священник, мы же видели, что вся деревня дотла сгорела.

Мамаша Кураж. Нет, жители здесь есть, не зря собака лаяла.

Повар. Если у попа и есть что-нибудь, он все равно не даст.

Мамаша Кураж. Может быть, если споем...

Повар. Осточертело мне это пение. (Вдруг.) Я получил письмо из Утрехта, моя мать, пишут, умерла от холеры, трактир теперь мой. Вот письмо, если не веришь. Я дам тебе его прочесть, хотя тебя и не касается мазня тетки насчет моего образа жизни.

Мамаша Кураж (читает письмо). Ламб, мне тоже надоело скитаться.

Я как та собака мясника, что разносит мясо покупателям, а сама его не ест. Мне нечем торговать, а людям нечем платить ни за что. В Саксонии один оборванец хотел всучить мне за два лйца сажень пергаментных книг, а в Вюртемберге за мешочек соли мне давали плуг. Зачем пахать? Вырастает только чертополох.

Говорят, в Померании в деревнях съели уже всех младенцев, а монахини грабят людей на больших дорогах.

Повар. Все вымирает.

Мамаша Кураж. Иногда мне уже кажется, что я со своим фургоном разъезжаю по преисподней и торгую смолой или продаю на небесах закуски блуждающим душам. Если бы мне с детьми, что у меня остались, найти местечко, где не стреляют, я бы еще пожила спокойно несколько лет.

Повар. Мы могли бы открыть трактир. Подумай об этом, Анна. Я сегодня твердо решил, я подамся в Утрехт, с тобой или без тебя, и сегодня же.

Мамаша Кураж. Мне нужно поговорить с Катрин. Очень уж все скоропалительно, мне трудно решать не согревшись и на пустой желудок.

Катрин!

Катрин вылезает из фургона.

Катрин, я должна тебе кое-что сообщить. Мы с поваром собираемся в Утрехт. Он там получил в наследство трактир. Ты жила бы на одном месте и завела знакомства. Оседлый человек уже вызывает уважение, внешность — это еще не все. Я тоже за такое решение. С поваром мы уживаемся. Должна сказать, что он знает толк в делах. Кормежкой мы были бы обеспечены, плохо ли? У тебя была бы своя койка, тебя бы это устроило, правда? Нельзя всегда жить на улице! Так ведь и опуститься можно. Ты уже вся обовшивела. Нам нужно решиться, мы пошли бы со шведами на север, они, наверно, там. (Показывает налево.) Я думаю, мы решимся, Катрин.

Повар. Анна, мне нужно сказать тебе два слова наедине.

Мамаша Кураж. Полезай в фургон, Катрин.

Катрин лезет в фургон.

Повар. Я прервал тебя, я вижу, ты меня не поняла. Я думал, об этом не стоит и говорить, и так, мол, ясно. Но если нет, то я скажу: не может быть и речи о том, чтобы брать ее с собой. Я думаю, ты меня понимаешь.

Катрин за их спиной высовывает голову из фургона и слушает.

Мамаша Кураж. Ты считаешь, что я должна оставить Катрин?

Повар. А как ты думаешь? В трактире нет места. Это тебе не трактир на три зала. Если мы поднаутжимся, то мы вдвоем еще прокормимся, но не втроем, втроем никак не выйдет. Фургон пусть останется Катрин.

Мамаша Кураж. Я думала, в Утрехте она найдет себе мужа.

Повар. Не смей меня! Где такая найдет мужа? Немая и шрам вдобавок! И в летах уже.

Мамаша Кураж. Говори тише!

Повар. Громче или тише, а что правда, то правда. И это тоже причина, по которой я не могу ее держать в трактире. Гостям неприятно, когда перед их глазами торчит урод. И нельзя на них за это обижаться.

Мамаша Кураж. Замолчи. Говорю тебе, не надо так громко.

Повар. В доме священника зажегся свет. Давай споем.

Мамаша Кураж. Повар, как же она одна пойдет с фургоном? Она боится войны. Она ее не переносит. Какие у нее, наверно, страшные сны! Я слышу, как она стонет по ночам. Особенно после боев. Не знаю, что она видит во сне. Она страдает от сострадания. Недавно я нашла у нее ежа, которого мы переехали.

Оказывается, она его спрятала.

Повар. Трактир слишком мал. (Кричит.) Эй, уважаемый хозяин, слуги и домочадцы! Мы споем вам песню о Соломоне, Юлии Цезаре и других великих мужах, которым их блестящий ум не пошел на пользу. И тогда вы поймете, что мы тоже люди порядочные и поэтому нам нелегко живется, особенно зимой.

Все добродетели опасны в этом мире, как доказывает наша прекрасная песня, лучше их не иметь и вести приятную жизнь и иметь на завтрак, скажем, горячий суп. У меня, например, нет горячего супа, а я

бы от него не отказался, я солдат, но какой мне толк от того, что я был смел в бою?

Никакого, я голодаю. Лучше бы я наложил в штаны и остался дома. А почему?

(Вполголоса.) Хоть бы нос высунули. (Громко.) Эй, уважаемый хозяин, слуги и домоладцы! Может быть, вы возразите, что не храбрость кормит человека, а честность?

Может быть, вы хотите сказать, что честный человек сыт или хотя бы не вполне трезв? Посмотрим, как обстоит дело с честностью.

Теперь мне скажут, что нужно быть кротким и самоотверженным, что нужно делиться с ближним, ну, а что, если нечем делиться?

Быть благодетелем, может быть, тоже не так легко, с этим приходится считаться, ведь самому тоже что-то нужно. Да, самоотверженность — это редкая добродетель, редкая потому, что она не окупается.

Так же обстоит дело и с нами! Мы порядочные люди, держимся друг за друга, не крадем, не убиваем, не поджигаем! И можно сказать, что мы опускаемся все ниже и ниже, и наша судьба подтверждает нашу песню, и суп у нас редко бывает, а если бы мы были другими, грабили и убивали, может быть, мы были бы сыты! Добродетели не вознаграждаются, вознаграждаются только пороки, таков мир, и лучше бы он не был таким!

Голос (сверху). Эй вы! Поднимайтесь сюда! Похлебкой покормим.

Мамаша Кураж. Ламб, мне сейчас еда в горло не пойдет. Я не говорю, что ты сказал вздор, но неужели это твое последнее слово?

Повар. Последнее. Подумай.

Мамаша Кураж. Мне не нужно думать. Я ее здесь не оставлю.

Повар. Поступишь глупо, но я ничего не могу поделать. Я не зверь, но трактир маленький. А теперь давай поднимемся, а то и здесь ничего не получим, и выйдет, что мы даром пели на холоде.

Мамаша Кураж. Я позову Катрин.

Повар. Лучше захвати ей что-нибудь оттуда. Если мы нагрянем втроем, они же испугаются.

Оба уходят.

Из фургона с узелком в руке вылезает Катрин. Она оглядывается, смотрит, ушли ли они. Затем она вешает на колесо фургона старые штаны повара и юбку матери. Повесив их рядом, на видном месте, она хочет уйти со своим узелком.

В это время возвращается мамаша Кураж.

Мамаша Кураж (с тарелкой супа). Катрин! Стой! Катрин! Куда это ты собралась с узелком? Ты что, в своем уме? (Развязывает узелок.) Она собрала свои вещи! Ты что, подслушивала? Я ему сказала, что плевать мне на Утрехт, на его паршивый трактир, что мы там потеряли? Ты и я — мы не годимся для трактира.

На войне для нас еще найдутся дела. (Увидела штаны и юбку.) Глупая ты. А если бы я это увидела, а тебя бы уже не было? (Держит Катрин, которая вырывается из ее рук.) Не думай, что я дала ему отставку из-за тебя. Из-за фургона, вот из-за чего. Я не разлучусь с фургоном, к которому я привыкла, из-за фургона я и ушла от него, не из-за тебя. Мы пойдем в другую сторону, а повару мы выложим его вещи, пусть он их найдет, чужак человек. (Взбирается на фургон и бросает еще несколько предметов в то место, куда брошены штаны.)

Ну вот, он вышел из нашего дела, а больше я никого в него не приму. Потянем дальше вдвоем. Ничего, и этой зиме тоже настанет конец. Впрягайся, а то еще пойдет снег.

Обе впрягаются в фургон, поворачивают его и увозят. Возвращается повар и озадаченно смотрит на свои вещи.

Весь 1635 г. мамаша Кураж и ее дочь Катрин проводят на дорогах Центральной Германии, следуя за

все более и более оборванным войском. Дорога. Ма-
маша Кураж и Катрин тянут фургон.

Они проходят мимо крестьянского дома, в кото-
ром кто-то поет.

Голос

Мы розы посадили
На самом на виду.
И розы расцветают
И нас вознаграждают
За то, что землю рыли.
Как хорошо сидеть в саду,
Где розы расцветают!
Но вот зима настала.
Метет по всей земле.
А нам и горя мало
За толстыми стенами,
Да с жаркими дровами
Как хорошо сидеть в тепле,
Когда зима настала.

Мамаша Кураж и Катрин останавливаются и слу-
шают. Потом они продолжают свой путь.

Январь 1636 г. Императорские войска угрожают
протестантскому городу Галле. Камень заговорил.
Мамаша Кураж теряет дочь и одна продолжает свой
путь. До конца войны еще далеко.

Ободранный фургон стоит возле крестьянского до-
ма с огромной соломенной крышей.

Ночь.

Из рожи выходят прапорщик и три солдата в тя-
желых латах.

Прапорщик. Только чтобы не было шума. Если
кто крикнет, ткните его копьём.

Первый солдат. Но ведь придется к ним посту-
чать, чтобы взять проводника.

Прапорщик. Что ж, стук — это естественный шум. Подумают, что корова трется о стенку хлева.

Солдаты стучатся в дом. Дверь отворяет крестьянка. Они зажимают ей рот.

Два солдата входят в дом.

Мужской голос внутри дома. Что такое!

Солдаты выводят из дома крестьянина и его сына.

Прапорщик (кивнув в сторону фургона, в котором показалась Катрин). Вот еще одна.

Солдат вытаскивает Катрин.

Это все, кто здесь живет?

Крестьяне. Это наш сын. А это немая... Ее мать пошла в город покупать товар... Для своей лавки... Потому что многие сейчас оттуда бегут и все отдают за бесценок... Это люди кочевые, маркитанты.

Прапорщик. Предупреждаю вас, сидите тихо, кто пикнет — получит копьём по башке. Один из вас покажет нам тропу в город. (Указывает на молодого крестьянина.) Эй ты, пойдика сюда!

Молодой крестьянин. Я не знаю тропы.

Второй солдат (ухмыляясь). Он не знает тропы.

Молодой крестьянин. Я не стану служить католикам.

Прапорщик (второму солдату). Ткни его копьём в бок!

Молодой крестьянин (его поставили на колени, ему угрожают копьём).

Убейте меня, не стану.

Первый солдат. Сейчас мы с ним договоримся. (Подходит к хлеву.) Две коровы и вол. Так вот, если ты не образумишься, я зарублю скотину.

Молодой крестьянин. Только не скотину.

Крестьянка (плача). Господин капитан, не трогайте нашу скотину, мы же умрем с голоду.

Прапорщик. Пропала ваша скотина, если он будет упрямыться.

Первый солдат. Я начну с вола.
Молодой крестьянин (старому). Согласиться?

Крестьянка кивает.

Так и быть.

Крестьянка. Спасибо, господин капитан, что вы пощадили нас, во веки веков, аминь.

Крестьянин удерживает ее от дальнейших изъявлений благодарности.

Первый солдат. Я же сразу понял, что вол им дороже всего на свете!

Молодой крестьянин уходит с прапорщиком и солдатами.

Крестьянин. Хотел бы я знать, что они задумали. Ничего хорошего.

Крестьянка. Может, это просто разведчики... Что это ты?

Крестьянин (взбираясь по лестнице, которую он приставил к крыше).

Посмотреть, одни ли они тут. (С крыши.) В роще что-то шевелится. И дальше до самой каменоломни. И на просеке — солдаты в кольчугах.

И пушка вон. Да там побольше полка будет. Господи, смилуйся над городом и над всеми, кто в нем остался.

Крестьянка. А свет горит в городе?

Крестьянин. Темным-темно. Спят себе. (Спускается.) Если они войдут в город, они всех пережгут.

Крестьянка. Сторожевой пост их заметит.

Крестьянин. Часовых в башне на косогоре они, наверно, прикончили, а то бы те затрубили в рог.

Крестьянка. Если бы нас было побольше.

Крестьянин. А нас только двое, да вот увечная еще...

Крестьянка. Ничего, думаешь, не сможем сделать...

Крестьянин. Ничего.

Крестьянка. Нам ночью туда не спуститься.

Крестьянин. Внизу у косогора их полно. Мы не можем даже дать знак.

Крестьянка. Что ты, они и нас прикончат.

Крестьянин. Да, ничего нам не сделать.

Крестьянка (Катрин). Молись, бедная тварь, молись! Никак нам их не спасти от резни. Говорить не можешь, так хоть молись. Никто тебя не слышит, а он услышит. Я тебе помогу.

Все становятся на колени, Катрин — позади крестьян.

Крестьянка. Отче наш, иже еси на небесех, услышь молитву нашу, не дай погибнуть городу, не губи тех, кто сейчас там спит и ничего не ведает.

Разбуди их, пусть встанут они, пусть влезут на стену, пусть увидят солдат, что идут на них среди ночи с копьями и пушками, спускаются с косогора, крадучись по лугам. (Обернувшись к Катрин.) Защити нашу мать, сделай так, чтобы караульный не спал, пробудился, а то будет поздно. И зятю нашему помоги, он там с четырьмя детьми, не дай им погибнуть, они невинные, они ничего не понимают. (Катрин, которая стонет.) Одному нет еще двух, а старшенькой семь.

Катрин встает, она потрясена.

Отче наш, услышь нас, только ты и можешь помочь, нам недолго погибнуть, мы люди слабые, у нас нет ни шик, ни копий, и нет у нас смелости, мы во власти твоей, и весь наш скот, и все хозяйство наше; вот так же и город, он тоже во власти твоей, и враги подошли к нему силой несметной.

Катрин незаметно проскользнула к фургону, что-то достала из него, спрятала под передник и взобралась по лестнице на крышу.

Не оставь деток, наипаче малых, в беде, и стариков беспомощных, и всякую тварь живую.

Крестьянин. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

Аминь.

Катрин, сидя на крыше, начинает бить в барабан, который был спрятан у нее под передником.

Крестьянка. Иисусе, что она делает? Крестьянин. Она с ума сошла.

Крестьянка. Стащи ее вниз, быстро!

Крестьянин бежит к лестнице, но Катрин поднимает ее на крышу.

Она нас погубит.

Крестьянин. Сейчас же перестань барабанить, уродина чертова!

Крестьянка. Католики придут сюда!

Крестьянин (ищет камни). Я забросаю тебя камнями!

Крестьянка. Неужели у тебя нет сердца? Неужели не сжалишься? Если они придут, мы пропали! Они нас перережут.

Катрин, не отрываясь, смотрит вдаль, в сторону города, и продолжает барабанить.

(Старику.) Я тебе сразу сказала, не пускай этих бродяг во двор. Им-то что, если у нас последнюю скотину уведут.

Вбегают прапорщик с солдатами и молодым крестьянином.

Прапорщик. Изрублю на куски!

Крестьянка. Господин офицер, мы не виноваты, мы ничего не можем сделать.

Мы не заметили, как она туда залезла.

Она чужая.

Прапорщик. Где лестница? Крестьянин. На крыше.

Прапорщик (задрал голову). Приказываю тебе, сейчас же брось сюда барабан!

Катрин продолжает барабанить.

Вы все заодно. Теперь вам не жить.

Крестьянин. В лесу валили сосны. Если принести бревно и столкнуть ее оттуда...

Первый солдат (прапорщику). Разрешите мне обратиться с предложением?

(Что-то шепчет на ухо прапорщику. Тот кивает в знак согласия.) Эй, ты, предлагаем тебе договориться по-хорошему. Слезай, и пойдешь с нами в город, будешь идти впереди нас. Покажешь нам свою мать, и мы ее не тронем.

Катрин продолжает барабанить.

Прапорщик (грубо отталкивает солдата). Она тебе не верит, еще бы, с твоей мордой... (Кричит Катрин:) А моему слову поверишь? Я офицер, я знаю, что такое честное слово.

Катрин барабанит сильнее.

Для нее нет ничего святого.

Молодой крестьянин. Господин офицер, она делает это не только ради матери!

Первый солдат. Нельзя больше терять время. В городе услышат.

Прапорщик. Надо создать какой-нибудь шум, погромче, чем ее барабан. Чем бы создать шум?

Первый солдат. Ведь нам же нельзя производить шума.

Прапорщик. Невинный шум, балда. Не военный.

Крестьянин. Я могу топором колоть дрова.

Прапорщик. Давай.

Крестьянин приносит топор и начинает рубить бревно.

Чаще давай! Чаще! Дело идет о твоей жизни!

Катрин прислушивалась и в это время барабанила тимпе. Беспокойно оглядываясь, она колотит теперь в барабан с прежней силой.

(Крестьянину.) Не годится, слабо. (Первому солдату.) Ты тоже руби.

Крестьянин. У меня только один топор. (Перестает рубить.)

Прапорщик. Надо поджечь дом. Надо ее выкурить.

Крестьянин. Не поможет, господин капитан. Если в городе увидят огонь, им все будет ясно.

Катрин опять прислушивалась, продолжая барабанить. Теперь она смеется.

Прапорщик. Смотри, она смеется над нами... Я не выдержу. Я пристрелю ее, и пусть все идет к чертям. Принесите ружье!

Два солдата убегают. Катрин продолжает барабанить.

Крестьянка. Я придумала, господин начальник!

Вон их фургон. Если мы его разнесем, она перестанет. У них нет ничего, кроме фургона.

Прапорщик (молодому крестьянину). Разнеси его в щепки. (Катрин.) Мы разнесем твою повозку, если ты не перестанешь.

Молодой крестьянин делает несколько слабых ударов по фургону.

Крестьянка. Перестань, скотина!

Глядя с отчаянием на фургон, Катрин издает жалобные звуки, но продолжает барабанить.

Прапорщик. Где эти гады с ружьем?

Первый солдат. В городе, наверно, еще не услышали, а то бы их орудие уже ударило.

Прапорщик (Катрин). Они тебя не слышат. А сейчас мы тебя пристрелим.

Последний раз говорю. Брось барабан!

Молодой крестьянин (внезапно бросает доску). Бей в барабан, бей! Не то все погибнут! Бей, бей...

Солдат валит его на землю и ударяет копьем. Катрин плачет, но продолжает барабанить.

Крестьянка. Не бейте его в спину! Боже мой, вы убьете его!

Вбегают солдаты с тяжелым ружьем.

Второй солдат. Прапорщик, полковник рвет и мечет. Нас будет судить полевой суд.

Прапорщик. Ставь! Ставь!

Солдаты ставят ружье на сошку.

(Кричит Катрин.) Последний раз: перестань барабанить!

Плача, Катрин барабанит изо всех сил.

Огонь!

Солдаты стреляют. Катрин делает еще несколько ударов и медленно падает.

Вот шума и нет!

Но вслед за последними ударами Катрин раздается грохот городских пушек.

Издалека доносятся беспорядочный звон набата и канонада.

Первый солдат. Она своего добилаась.

Рассвет. Слышен барабанный бой и свист, под который шагают удаляющиеся колонны.

Мамаша Кураж сидит на корточках возле дочери перед фургоном. Крестьяне стоят рядом.

Крестьяне. Вам нужно двигаться, сударыня. Сейчас пройдет последний полк. Одной вам идти нельзя.

Мамаша Кураж. Может, она уснет. (Поет.)

Шелестит солома.
Баю, баю, бай.
Соседские дети
Хнычут пускай.
Соседские — в лохмотьях,
В шелку — моя.
Ей платье ангелочка
Перешила я.
У соседских корка,
У нас — пирожок.
Если не по вкусу,
Скажи, дружок.
Баю, баю, баю,
Спи, детеныш мой.
Один остался в Польше,
Где-то другой?

Не надо было вам говорить ей о детях вашего зятя.

Крестьянин. Если бы вы не пошли в город, чтобы нагреть руки, может, ничего бы и не было.

Мамаша Кураж. Теперь она спит.

Крестьянка. Она не спит, поймите, она неживая.

Крестьянин. И вам уже пора бы уйти. По дорогам рыщут волки и, хуже того, мародеры.

Мамаша Кураж (встает). Да. (Достает из фургона кусок парусины, чтобы прикрыть труп.)

Крестьянка. У вас больше никого нет? К кому бы вы могли пойти?

Мамаша Кураж. Есть. Эйлиф.

Крестьянин (в то время как мамаша Кураж прикрывает труп). Надо вам его разыскать. Об этой уж мы позаботимся, мы похороним ее как следует. Можете не беспокоиться.

Мамаша Кураж. Вот вам деньги на расходы. (Отсчитывает деньги и дает их крестьянину.)

Крестьянин и его сын пожинают ей руку и уносят Катрин. Крестьянка тоже пожимает ей руку с поклоном.

Крестьянка (уходя). Торопитесь!

Мамаша Кураж (впрягается в фургон). Надеюсь, и одна справлюсь с фургоном. Ничего, вытяну, вещей в нем немного. Надо опять за торговлю браться.

Со свистом и барабанным боем проходит еще один полк.

(Трогает с места.) Эй, возьмите меня с собой!

Из глубины сцены доносится пение.

Война удачей переменной
Сто лет продержится вполне,
Хоть человек обыкновенный
Не видит радости в войне:
Он жрет дерьмо, одет он худо,
Он палачам своим смешон.
Но он надеется на чудо,
Пока поход не завершен.
Эй, христиане, тает лед!
Спят мертвецы в могильной мгле.
Вставайте, всем пора в поход,
Кто жив и дышит на земле!

Занавес

Содержание

Русская литература

И. А. Бунин.....	5	В. Я. Брюсов.....	60
«Христос воскрес!		Творчество.....	61
Опять с зарею...».....	6	Юному поэту.....	61
Ночь.....	7	К портрету М. Ю.	
Одиночество.....	8	Лермонтова.....	62
Собака.....	9	Каменщик.....	62
Песня.....	10	Кинжал.....	62
Последний шмель.....	11	Грядущие гунны.....	63
Под вечер.....	11	К Медному Всаднику...	63
Пугало.....	12	В моей стране.....	64
Цирцея.....	12	Родной язык.....	64
Господин		Сын земли.....	65
из Сан-Франциско.....	14	Поэту.....	65
Чистый понедельник...	18	Круги на воде.....	66
А. И. Куприя.....	21	К. Д. Бальмонт.....	69
Гранатовый браслет.....	22	«Я — изысканность русской	
Поединок.....	30	медлительной речи...»...	70
М. Горький.....	37	На разных языках.....	71
На дне.....	39	Воздушный храм.....	71
З. Н. Гиппиус.....	50	Прерывистый шелест...	73
Предел.....	51	Безглагольность.....	73
Земля.....	52	Тише, тише.....	75
О вере.....	53	Снежинка.....	76
14 декабря 1918 г.....	54	А. Белый.....	77
Все она.....	55	Родине.....	78
Молодому веку.....	55	В полях.....	79
Мудрость.....	56	Отчаянье.....	80
Надпись на книге.....	59	Из окна вагона.....	81

Друзьям	81	«Заплаканная осень, как	
Ночь	82	вдова...» (Из книги «Anno	
Мой друг	83	domini»)	109
Ты — тень теней	84	«Не с теми я, кто бросил	
Город	85	землю...» (Из книги «Anno	
А. А. Блок	87	domini»)	110
«Вхожу я в темные		«Мне ни к чему одические	
храмы...»	88	рати...» (Из книги «Тайны	
Скифы	88	ремесла»)	110
Двенадцать	89	Муза	
Н. С. Гумилев	95	(Из «Седьмой книги») ..	111
Жираф	96	Мужество	
Озеро Чад	97	(Из «Седьмой книги») ..	111
Старый конквистадор ...	97	«Приморский сонет»	
Цикл «Капитаны»	98	(Из «Седьмой книги») ..	111
Волшебная скрипка		«Родная земля»	
(Из книги «Жемчуга») ..	99	(Из «Седьмой книги») ..	112
В библиотеке	100	Реквием	112
Рабочий	100	О. Э. Мандельштам	124
Заблудившийся		«Морожено!» Солнце.	
трамвай	101	Воздушный бисквит...» .	125
Маркиз де Карабас	101	Старый Крым	125
«У меня не живут		«Мы живем, под собою не	
цветы...»	103	чуя страны...»	126
Дон-Жуан	103	«Золотистого меда	
«Я не прожил,		струя из бутылки	
я протомился...»	104	текла...»	127
Я и Вы	105	«Жил Александр	
А. А. Ахматова	107	Герцевич...»	127
«Сжала руки под темной		«Квартира тиха, как	
вуалью...» (Из сборника		бумага...»	128
«Вечер»)	107	«За гремучую доблесть	
Песня последней		градущих веков...»	129
встречи (Из сборника		И. Северянин	131
«Вечер»)	108	Кензель (Из сборника	
«Перед весной бывают		«Громокипящий кубок») 132	
дни такие...» (Из сборника		Увертюра (Из сборника	
«Белая стая»)	108	«Ананасы	
«Мне голос был. Он звал		в шампанском»)	132
утешно...» (Из сборника		Ахматова (Из сборника	
«Белая стая»)	109	«Медальоны»)	132

В. В. Маяковский	134
Нате!	134
Дешевая распродажа ..	135
Флейта-позвоночник...	135
Сергею Есенину	137
Юбилейное	139
Облако в штанах	141
Разговор с фининспектором о поэзии	147
Письмо Татьяне Яковлевой	148
Б. Л. Пастернак	149
«Февраль. Достать чернил и плакаты!...» ..	153
Марбург	154
Гамлет	155
«Во всем мне хочется дойти...»	155
Зимняя ночь	156
Доктор Живаго	158
Н. А. Клюев	172
«Вы обещали нам сады...»	172
Рождество избы	173
«Я — посвященный от народа...»	173
«Обозвал тишину глухоманью...»	174
«Есть горькая супесь, глухой чернозем...» ..	174
«От иконы Бориса и Глеба...»	175
«Когда осыпаются липы...»	176
С. А. Есенин	178
«О красном вечере задумалась дорога...» ..	179
«Запели тесные дрогги...»	179
Пушкину	180

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	180
«Не бродить, не мять в кустах багряных...» ..	181
«Мы теперь уходим понемногу...»	182
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» (Из цикла «Персидские мотивы»)	182
«Поет зима — аукает...»	183
«Нивы сжаты, рощи голы...»	184
«Я последний поэт деревни...»	184
«Устал я жить в родном краю...»	185
Песнь о собаке	186
«Да! Теперь решено. Без возврата...»	186
Русь	187
Анна Снегина	189
М. И. Цветаева	196
«Идешь, на меня похожий...»	196
«Мне нравится, что вы больны не мной...»	197
Стихи к Блоку	198
«У меня в Москве — купола горят...» (Из цикла «Стихи о Москве»)	198
«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»	199
«Вскрыла жилы: неостановимо...»	199
И. Э. Бабель	202
Конармия	203
А. А. Фадеев	217
Разгром	217
И. С. Шмелев	227
Солнце мертвых	227

А. Т. Аверченко.....	246
Дюжина ножей	
в спину революции	247
Тэффи	260
Ностальгия	260
А. Н. Толстой.....	263
Петр Первый	264
Ю. Н. Тынянов	285
Смерть	
Вазир-Мухтара	286
М. А. Булгаков	290
Белая гвардия	290
Мастер и Маргарита ...	299
А. П. Платонов	329
Котлован	330
Сокровенный человек ..	336
М. А. Шолохов.....	339
Тихий Дон	340
Е. Л. Шварц.....	375
Дракон	376
В. В. Быков.....	386
Обелиск	388
К. Д. Воробьев	397
Убиты под Москвой....	398
В. П. Некрасов.....	419
В окопах Сталинграда..	420
Б. Л. Васильев.....	426
А зори здесь тихие.....	427
Б. А. Ахмадулина.....	435
Свеча	436
«Влечет меня	
старинный слог...».....	436
Сумерки	437
«Стихотворения	
чудный театр...»	439
«Как никогда,	
беспечна и добра...».....	439
Таруса	440
«Не добела раскалена...»	441
Р. И. Рождественский ..	441
Радиус действия	442

Тихо летят	
паутинные нити.....	442
«Я шагал по земле;	
было зябко в душе	
и окрест...»	443
«Может быть, все-таки	
мне повезло...»	443
«Этот витязь бедный...»	444
А. А. Вознесенский	445
Пожар	
в Архитектурном	
институте.....	445
Беженка.....	446
Чувство	447
Последние семь слов	
Христа. Глава 1	448
Жуткий крайзис	
супер стар. Глава 3	448
Е. А. Егущенко	449
«Людей неинтересных	
в мире нет...»	450
«Идут белые снега...» ..	450
«Я на сырой земле	
лежу...»	452
«Со мною вот что	
происходит...»	453
Долгие крики	454
«Как-то стыдно изящной	
словесности...»	455
Н. М. Рубцов	458
Звезда полей	458
Русский огонек	459
В горнице	460
Во время грозы	461
«Я буду скакать	
по холмам	
задремавшей отчизны...»	461
Осенняя песня	462
А. Т. Твардовский	465
«Пускай до последнего часа	
расплаты...»	465

«...И цветут — и это страшно...»	466
«Ветром, что ли, подунуло...»	466
Две строчки	467
«Спасибо, моя родная...»	468
Моим критикам	468
«Я полон веры несомненной...»	469
О сущем	469
«Вся суть в одном- единственном завете...»	470
«Я знаю, никакой моей вины...»	470
«Я сам дознаюсь, доищусь...»	470
По праву памяти	471
Д. С. Самойлов	476
Из детства	477
«Сплошные прощанья! С друзьями...»	477
«Стихи читаю Соколова...»	478
«Поэзия должна быть странной...»	478
Сороковые	478
Названия зим	480
Ю. В. Друнина	481
«Я только раз видала рукопашный...»	482
«Целовались...»	482
Ты — рядом	482
«Мы любовь свою...» ...	483
«Не встречайтесь...» ...	483
«Заслуженный отдых»	484
«Живых в душе...» ...	484
Зинка	485
К. М. Симонов	487
Родина	488
«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»	489

«Если Бог нас своим могуществом...»	492
Ю. В. Трифонов	494
Обмен	495
В. П. Астафьев	501
Печальный детектив...	501
Ю. В. Бондарев	512
Батальоны просят огня	513
В. Г. Распутин	519
Прощание с Матерой...	520
А. В. Вампилов	526
Утиная охота	527
В. В. Набоков	532
Другие берега	533
А. И. Солженицын	539
Один день Ивана Денисовича	541
В. Т. Шаламов	549
На представку	550
Сентенция	551
В. С. Высоцкий	554
Серебряные струны...	555
Братские могилы	555
Про джигна	556
Охота на волков	557
Я не люблю	558
Мы возвращаем землю...	559
Кони привередливые...	560
Баллада о любви	561
Песенка ни про что, или Что случилось в Африке	563
Утренняя гимнастика..	564
Лукоморье	565
В. Ш. Окуджава	568
До свидания, мальчики	569
«Былое нельзя воротить...»	570
Арбатский дворик	571
Грузинская песня	571
Песенка об Арбате	572

Полночный троллейбус. 573	«Ты поскачешь во мраке по
И. А. Бродский 575	бескрайним холодным
Из Марциала 576	холмам...» 581
Осенний крик ястреба.. 578	

Зарубежная литература

Б. Шоу 587	Б. Брехт..... 603
Пигмалион..... 587	Мамаша Кураж
Э. Хемингуэй 596	и ее дети 604
Старик и море 596	

*По вопросам реализации обращаться
ООО «ЛадКом» т. 416-80-95
E-mail: ladya-book@bk.ru*

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

11 КЛАСС

**Коллектив авторов под руководством
Т. Л. Федоровой: Н.С. Старкова, С.М. Кулагина,
В.А. Акишина и др.**

Формат 84 × 108 1/32.

Бумага типографская. Печать офсетная. 640 с.

Усл. печ. л. 20. Тираж 5000 экз. Заказ № 3625.

Издательство «ЛадКом» Москва 2008 г.

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.**